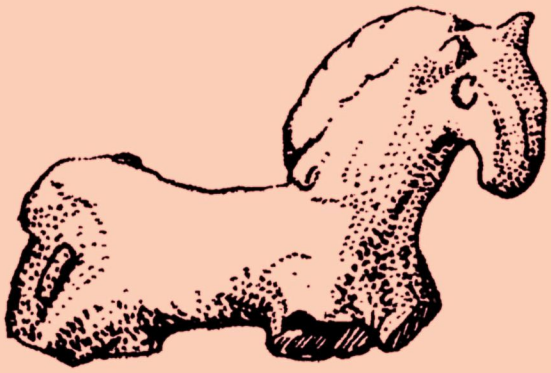
А. В. СЕДОВ

КОБАДИАН

НА ПОРОГЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

А. В. СЕДОВ

КОБАДИАН
НА ПОРОГЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

С27

Ответственный редактор
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

Рецензенты
Ю. А. РАПОПОРТ, Д. С. РАЕВСКИЙ

В книге на основе материалов раскопок, проводившихся Южно-Таджикистанской археологической экспедицией в одном из древних оазисов Северной Бактрии — Тохаристана Кобадиане кушано-сасанидского времени, предпринята попытка выделить археологические комплексы, характеризующиеся устойчивыми особенностями определенных типов вещественного материала.

С $\frac{0507000000-158}{013(02)-87}$ 211-87

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время в исследованиях по археологии Средней Азии большое внимание уделяется проблемам выделения, характеристики и периодизации археологических комплексов (см., например, [Всесоюзное совещание, с. 3—5, 16—19, 23—33, 35—37, 85—87, 120—122; Буряков, 1982, с. 65—100]). Получаемые на различных по классу памятниках, эти комплексы объединяются реальными пространственно-временными границами и рассматриваются как устойчивое сочетание характерных типов артефактов [Массон В. М., 1976, с. 14—15].

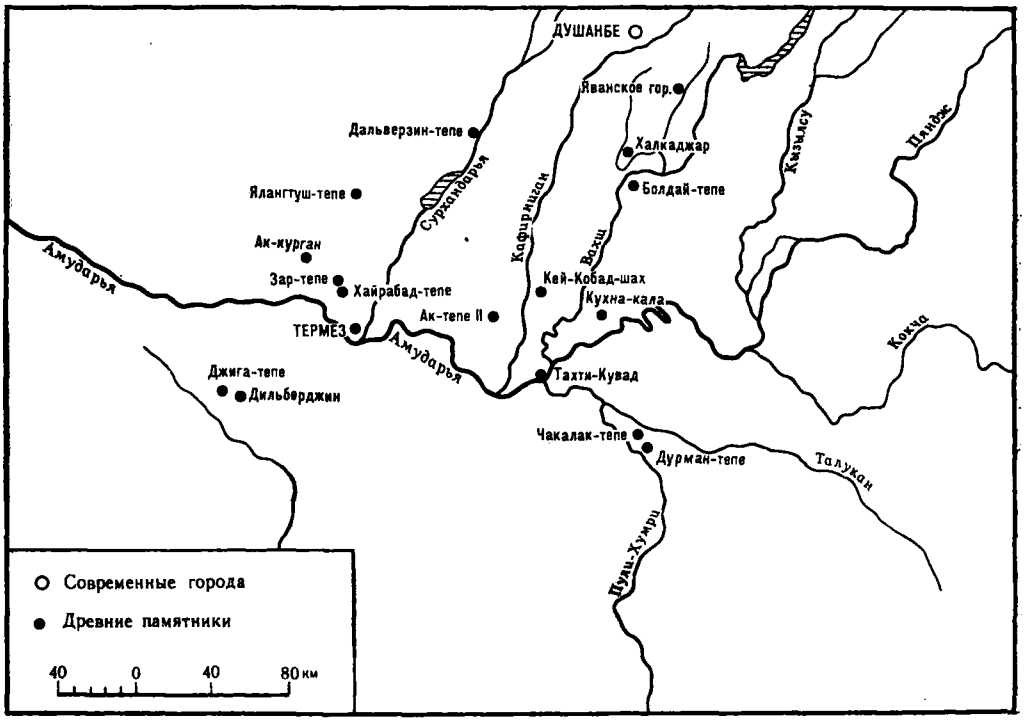
Одними из таких комплексов являются археологические комплексы Бактрии — Тохаристана кушано-сасанидского времени. Они известны по раскопкам на многих памятниках как к югу от р. Амударьи, так и к северу от нее. Это верхние слои городищ Дильберджин и Дальверзин-тепе, Джига-тепе и Зар-тепе, Емши-тепе и Халкаджар, Яванского городища, поселения Ак-курган, Чакалак-тепе, Дурман-тепе и др. (см. карту 1). Археологическими изысканиями последних лет подобные комплексы выявлены и в Кобадианском оазисе на юго-западе Таджикистана (по современному административно-территориальному делению — это Шаартузский и Кобадианский районы Курган-Тюбинской области Таджикской ССР).

Здесь, на юго-западе Таджикистана, среднегорные массивы Таджикской депрессии рассекаются в меридиональном направлении широкими долинами крупных рек с высокогорным снеговым и ледниковым питанием — Вахша, Кафирнигана, Кызыл-су и др. Отделенные друг от друга сравнительно короткими и невысокими (средняя высота — от 300 до 1700 м) горными хребтами и грядами, долины образуют изолированные оазисы, на территории которых издавна культивировалось ирригационное земледелие. Одним из подобных оазисов являлся древний Кобадиан [1].

В географическом отношении ему соответствуют Нижнекафирниганская долина с примыкающей к ней с запада Бишкентской долиной. По классификации, предложенной для долин Южного Таджикистана, они относятся соответственно к долинам первого и третьего типов (первый тип — долины крупных рек высокогорного питания, третий тип — сухие долины без водотоков) [Керзум П. А., 1953; Керзум П. П., 1973, с. 105].

Протяженность Нижнекафирниганской долины с севера на юг — около 75 км. Узкая (1,5—2 км) в северной части, долина постепенно расширяется к югу, достигая в месте впадения р. Кафирниган в р. Амударью ширины 25 км. Высота дна долины над уровнем моря колеблется от 300 до 400 м. Юго-восточную ее часть занимает очень старое поднятие — пески Курджала-кум. Невысокими отрогами хребта Актау, хребтиками Ичкоран и Ходжаи-Газийон долина отделена от расположенной восточнее долины р. Вахш. Низкий и короткий хребет Аруктау отделяет ее от Бишкентской долины.

Долина нижнего Кафирнигана является синклинальной впадиной, образованной четвертичными отложениями, которые представлены аллювием р. Кафирниган и пролювиально-делювиальными наносами со склонов водоразделов. В долине насчитывается пять аккумулятивных террас. Наиболее древние, четвертая и пятая, террасы размыты и перекрыты отложениями; хорошо прослеживаются они лишь в северной части долины.



Карта 1. Основные археологические памятники Бактрии — Тохаристана

Вторая и третья террасы выражены отчетливо по обоим берегам реки. Поверхность этих террас сглаженная, граница между ними размытая, лишь на отдельных участках в правобережье сохранились обрывы высотой до трех метров. Ширина террас колеблется от нескольких сот метров на севере правобережной части долины до 3—4 км в левобережье. Вторая терраса обрывается к пойме (первая терраса) отвесным уступом высотой 0,8—1,5 м [Керзум П. П., 1968, с. 151—152].

Бишкентская долина с запада ограничена хребтом Туюнтау, отделяющим ее от долины Сурхандарьи. Она также представляет собой синклинальную впадину, образованную делювиальными слоистыми отложениями и лёссовидными суглинками верхнечетвертичного возраста. Долина вытянута в меридиональном направлении более чем на 50 км, ширина ее колеблется от 1,5 км в северной части до 8 км в южной. Поверхность долины представляет собой равнину с очень слабо выраженным мезорельефом, лишенную террас. Северным и южным концами Бишкентская долина открывается в долину нижнего Кафирнигана. На севере невысокое (40—50 м) тектоническое поднятие отделяет Бишкентскую долину от Нижнекафирниганской и препятствует проникновению в нее вод р. Кафирниган. На юге же поверхность долины переходит в поверхность третьей кафирниганской террасы. В Бишкентской долине на большом протяжении нет какого-либо водостока, лишь в южном конце хребта Аруктау выходит мощный родник карстового типа Чильучорчашма, питающийся водами р. Кафирниган [Керзум П. П., 1972, с. 114—115].

По природной обстановке Бишкентская долина делится на три части: узкую северную, шириной 1,5 км, протяженностью 14 км, центральную и южную. Граница между центральной и южной частями условно проходит по параллели родника Чильучорчашма. Поверхность долины имеет общий уклон с севера на юг и от краевых частей к центру. В середине центральной части имелось плоское замкнутое заболоченное понижение, в сторону которого, видимо, происходил естественный сток вод источника [там же, с. 115].

Климатические условия Кобадианского оазиса характеризуются следующими показателями. Среднегодовое количество осадков составляет здесь 130—170 мм: 80% выпадает в зимне-весенний период, а 20% — в осенний (годовая испаряемость примерно в 10 раз больше). Средняя температура года +16,5° — 18,5° при средней температуре января +3°, июля +30° — 32°. Продолжительность безморозного периода — 240 дней [Керзум П. П., 1968, с. 151].

Основной фон почвенного покрова долины нижнего Кафирнигана — светлосероземные и сероземно-луговые почвы. Кроме них на юге долины имеются незначительные площади солончаков, сероземно-луговых тугайных и лугово-болотных почв [там же, с. 153]. Почвенный покров Бишкентской долины — пухлые солончаки (в центре долины — «отакыренные» солончаки) с редкой растительностью типа верблюжьей колючки и тамариска [Керзум П. П., 1972, с. 115—119].

Первые упоминания о древностях долины нижнего Кафирнигана содержатся в трудах русских путешественников и исследователей последней четверти XIX — начала XX в.: Н. А. Маева, Н. И. Покотилло, В. И. Липского, А. А. Семенова и др.[2]. Значительно вырос интерес к этому району после находки знаменитого Амударьинского клада, происхождение которого так или иначе связывается с территорией Кобадианского оазиса [Dalton, 1964] [3]. Первые археологические вскрытия на памятниках оазиса были осуществлены, видимо, экспедицией Музея восточных культур под руководством Б. П. Денике в 1928 г. (на Каменном городище — Тахти-Сангине) [4].

Планомерное научное изучение археологических памятников древнего Кобадиана началось после создания в 1946 г. Таджикской археологической экспедиции (до 1952 г.— Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция). Задача археологического обследования долины р. Кафирниган, в том числе ее низовий, была поставлена перед организованным в ее составе Кафирниганским отрядом (начальник — М. М. Дьяконов) [Дьяконов, 1950, с. 147]. Однако в первые годы основными объектами работ отряда были памятники среднего течения р. Кафирниган, расположенные в Гиссарской долине. Посещения Кобадианского оазиса носили лишь предварительный, ознакомительный характер [5].

В 1947 г. Кобадиан был частично обследован Вахшским отрядом СТАЭ под руководством А. М. Беленицкого. Отряд зафиксировал группу тепе к северу от райцентра Шаартуз на правом берегу р. Кафирниган, впервые обследовал мавзолей XI—XII вв. в сел. Саят и отметил ряд памятников, в основном «доарабского времени», в Бишкентской долине, в районе источника Чильучорчашма [Беленицкий, 1950а, с. 146; 1950б, с. 207—209]. В 1948 г. по побережью Амударьи в пределах Кобадианского оазиса проехал Л. И. Альбаум.

С 1950 г. Кафирниганский отряд СТАЭ начинает систематическое изучение памятников Кобадиана в широких масштабах. Наряду с разведочным изучением района и детальной фиксацией всех открытых памятников проводятся стационарные раскопки на двух крупнейших городищах оазиса — Калаи-мир и Кей-Кобад-шах, предпринимается попытка изучения курганных могильников [6]. Основываясь на результатах двухлетних работ на памятниках Кобадиана, М. М. Дьяконов разработал первую в отечественной археологии стратиграфическую «колонку» древних памятников Северной Бактрии, выделив пять последовательных этапов (Кобадиан I—V). В сводной стратиграфической таблице им были учтены и материалы раскопок могильника Туп-хона (Гиссарская долина) [Дьяконов, 1953, с. 279—292, табл. XII].

В последующие годы раскопки на городище Кей-Кобад-шах были продолжены [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 290—310]. Кроме того, исследовалось поселение Мунчак-тепе (в северной части правобережья долины), материалы раскопок которого позволили, по мнению авторов, расширить схему М. М. Дьяконова, выделив этап, условно названный

Кобадиан VI (=Мунчак-тепе II) и, видимо, Кобадиан VII (=Мунчак-тепе I) [там же, с. 310—322].

Параллельно со стационарными раскопками продолжались разведывательные работы. В 1953 г. было начато планомерное обследование Бишкентской долины. Открытые в ней крупные курганные могильники (Тулхарский, Аруктауский, Коккумский, Караджарский и др.) на протяжении ряда лет (1955—1959) изучались Кобадианским отрядом под руководством А. М. Мандельштама. Исчерпывающие издания материалов раскопок, содержащие глубокие научные исследования, являются и по сей день одними из лучших публикаций по археологии Средней Азии [Мандельштам, 1963, с. 88—93; 1966а; 1968; 1973, с. 6—63]. При решении вопроса о дате Тулхарского могильника А. М. Мандельштам столкнулся с необходимостью «частичного пересмотра и дополнения» схемы М. М. Дьяконова [Мандельштам, 1966а, с. 146], однако конкретный пересмотр этой схемы осуществила Т. И. Зеймаль [Зеймаль Т. И., 1969, с. 7; 1975, с. 267—269; см. также: Литвинский, Седов, 1983, с. 28—29].

Одновременно с раскопками курганных могильников проводилось стратиграфическое изучение поселений центральной части Бишкентской долины (Хан-Газа, Ак-тепе) и южной части Кобадианского оазиса (Каменное городище — Тахти-Сангин) [Мандельштам, 1961, с. 63—72; 1966а, с. 146—153]. На основе результатов археологических исследований А. М. Мандельштам попытался в общих чертах воссоздать картину культурного освоения земель Кобадианского оазиса [Мандельштам, 1964, с. 23—28].

С 1960 г. в систематическом изучении памятников Кобадианского оазиса наступает перерыв. Вплоть до 1972 г. поездки в Кобадиан носят нерегулярный характер и организовываются, как правило, для изучения памятников, подвергающихся разрушению[7]. Так, в 1961 г., в связи с находкой во время строительства оросительной системы клада медных кушанских монет, шурфовке было подвергнуто поселение Чимгалыш-тепе, расположенное в левобережной части оазиса [Литвинский, Зеймаль, 1964, с. 89—92]; в 1968—1970 гг. изучались Айваджские пещеры, обнаруженные в склонах приамударьинских адыров при строительстве железной дороги Термез — Яван [Атаханов, Хмельницкий, 1973, с. 187—204]. В 1966 г., в связи с работами по составлению археологической карты, детальную разведку провел Х. Ю. Мухитдинов. В 1967 г. Е. В. Зеймалем проводятся новое разведывательное обследование Кобадиана и небольшие по масштабу раскопочные работы на поселениях южной части Бишкентской долины (см. [Литвинский, 1973, с. 19]). Кроме того, на территории Кобадианского оазиса изучались позднесредневековые памятники (Калаи-Бишкент), проводились археолого-архитектурные вскрытия (мавзолей Ходжа-Машхад), обследовались памятники архитектуры (мавзолей Ходжа-Дурбад, мечеть в сел. Берляш и др.) [Хмельницкий, 1965, с. 52—77; Немцева, 1969; Литвинский, 1973, с. 24, 25].

В 1972 г. Южно-Таджикистанский отряд ТАЭ под руководством Б. А. Литвинского, возобновив систематические археологические работы на территории древнего Кобадиана, исследовал памятники в районе возвышенности Уштур-мулло (оазис Шах), которые в предшествующие годы ускользали от внимания исследователей. Были детально изучены городище и некрополь кушанского времени Тепаи-шах, раскапывались и обследовались памятники большого хронологического диапазона — от бронзового века до средневековья[8].

Качественно новый этап в изучении древностей Кобадианского оазиса, как и всего Южного Таджикистана, начался в 1973 г., с организацией Южно-Таджикистанской археологической экспедиции Института востоковедения АН СССР, Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР и Государственного Эрмитажа (начальник экспедиции — академик АН ТаджССР Б. А. Литвинский) [Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977, с. 65]. Отныне в ее составе постоянно работают несколько отрядов, про-

водящие широкомасштабные раскопки памятников на территории Нижнекафирниганской и Бишкентской долин (начальники отрядов в разные годы — А. Абдуллаев, Т. И. Зеймаль, И. Н. Медведская, И. Р. Пичикян, В. С. Соловьев, А. В. Седов).

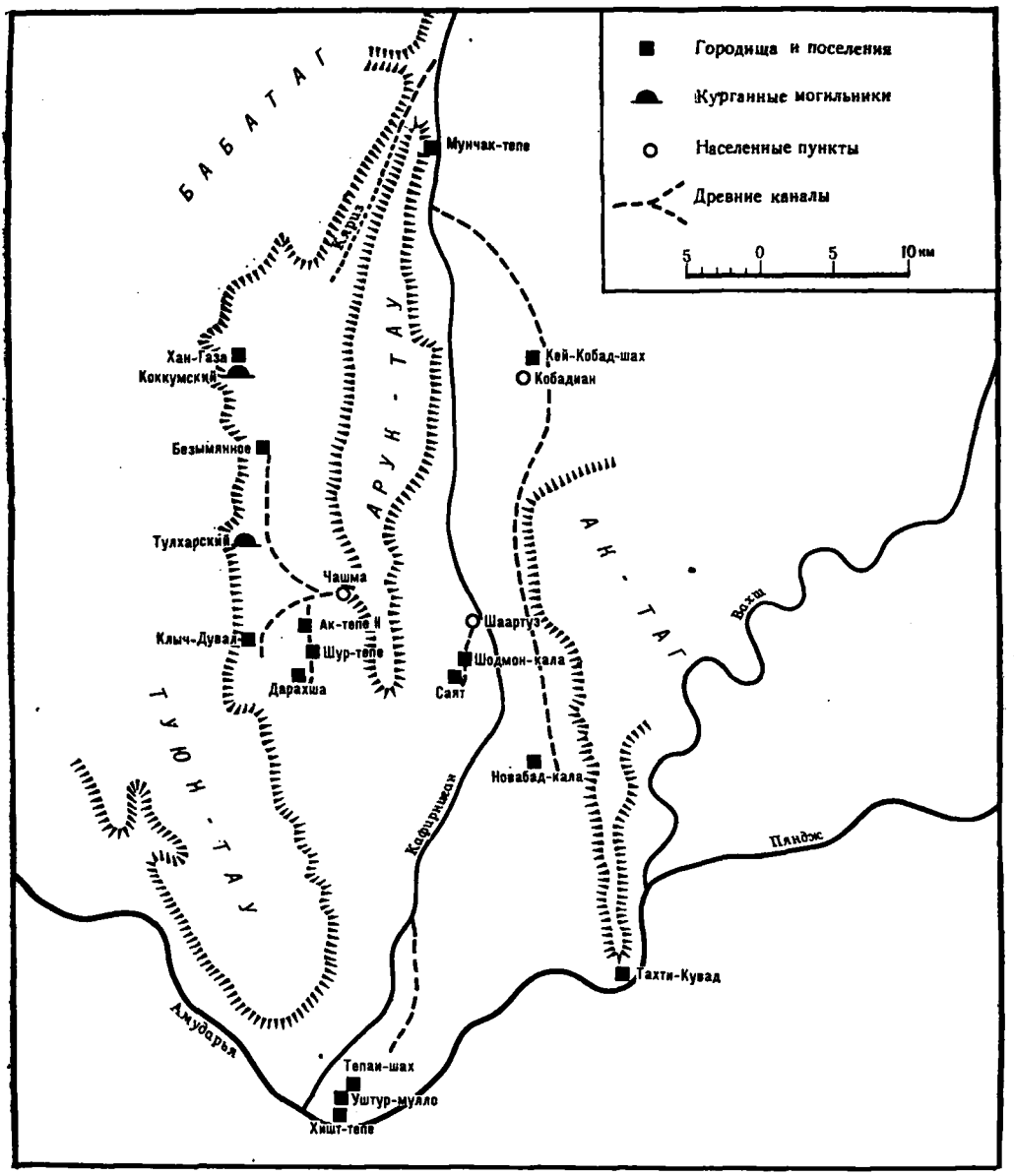
В связи с ирригационным освоением Бишкентской долины возобновляются раскопки курганных могильников. Исследуются вновь найденные могильники бронзового века (БМ-I, БМ-II, БМ-III) [там же, с. 76—92], на протяжении ряда сезонов полностью раскапываются два могильника кушанского времени (БМ-V, БМ-VI) [Медведская, 1976, с. 568—569; 1977, с. 568; 1979, с. 110—132; 1980, с. 110—119; 1983, с. 120—130; Седов, 1979а, с. 584—585; 1983, с. 110—119; Седов, Керзум А. П., 1984, с. 116—122], фиксируется и исследуется ряд новых могильников и отдельных курганных групп (БМ-IV, БМ-VII, БМ-VIII и др.) [Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977, с. 92—100; Седов, 1979а, с. 584—585; 1978, с. 564; Седов, Керзум А. П., 1984, с. 122—125]. Параллельно осуществляются раскопки как на вновь найденных, так и на уже известных поселениях долины (Ак-тепе, Безымянное, Ак-тепе II, Дарахшатепе, Бош-кала, Клыч-Дувал) [Седов, 1977, с. 574—575; 1979б, с. 68—70; Седов, Керзум А. П., 1984, с. 126—130]. Отдельная группа возобновляет изучение памятников каменного века [Ранов, Амосова, 1975, с. 543—544; Амосова, 1977, с. 3—13; 1981, с. 5—9; Амосова, Додонов, 1984, с. 59—73], столь успешно начатое в начале 50-х годов А. П. Окладниковым [Окладников, 1958, с. 48—59].

На территории Нижнекафирниганской долины проводятся рекогносцировочные поездки для фиксации всех сохранившихся памятников, предварительно исследуется ряд поселений и городищ (Шодмон-кала, Доккы-Юнус, тепе у сел. Новабад). В 1979 г. закладывается новый раскоп на городище Калаи-мир, позволивший впервые вскрыть на этом памятнике слои раннесредневекового времени [Денисов, 1980, с. 473]. С 1976 г. возобновляются работы на Каменном городище (=Тахти-Сангин), приведшие в последующие сезоны к одному из самых значительных событий в археологии Таджикистана последних лет — открытию «храма Окса» [9]. В 1979, 1981—1982 гг. полностью раскапывается небольшая буддийская вихара на берегу Амударьи — Уштур-мулло [10].

Новые исследования позволили изменить существующие датировки отдельных памятников [11], значительно обогатили наши представления о культуре древних обитателей оазиса, позволили более четко восстановить историю его освоения (для части оазиса см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 81—83]).

Впервые слои с археологическим комплексом кушано-сасанидского времени в Кобадиане были выделены М. М. Дьяконовым на городище Кей-Кобад-шах («этап Кобадиан V», или «позднекушанский») [Дьяконов, 1953, с. 289—292]. Датирован этот комплекс был промежутком времени «между серединой III и серединой IV в. н. э.», во многом на основе нумизматических материалов (находки кушанских монет и их возможная датировка) [там же, с. 289—290]. Не последнюю роль в ограничении датировки серединой IV в. сыграло и известное положение о кризисе в Средней Азии в IV—V вв. рабовладельческой формации: «Конец жизни города (городища Кей-Кобад-шах.— *А. С.*) связан, по-видимому, с общим кризисом рабовладельческой системы... Повсеместное исчезновение городов рабовладельческого типа, примерно к IV—V вв., хорошо известно каждому археологу Средней Азии» [там же, с. 292]. При дальнейших работах в Кобадиане слои, синхронные «этапу Кобадиан V», были выделены и на других памятниках (см. [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 31—322]).

Однако накопление огромного фактического материала из других районов Бактрии—Тохаристана показало как явную недостаточность имевшихся в распоряжении М. М. Дьяконова данных для характеристики материальной культуры выделенного комплекса, так и малообоснованность



Карта 2. Схема расположения памятников Кобадиана с археологическими комплексами кушано-сасанидского времени

его датировок. В 1972 г. при участии автора археологические слои кушано-сасанидского времени были исследованы на поселении Хишт-тепе (см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 71—74]). С 1976 г. возглавляемый нами специальный отряд ЮТАЭ проводит систематические исследования археологических объектов с комплексами кушано-сасанидского времени. Последние в Кобадиане выявлены на многочисленных памятниках, расположенных в различных частях оазиса (см. карту 2).

Это поселения и городища, культовые постройки и соответствующие части комплексов погребальных сооружений, отдельные погребения и остатки ирригационных сооружений. Их описание дано в первой главе работы. Все эти комплексы совпадают между собой по многим характерным особенностям вещественного материала, в первую очередь керамического. Его характеристика, с привлечением широкого круга аналогий, дана во второй главе книги.

Весь этот обширный материал, впервые вводимый в научный оборот, рассматривается в контексте аналогичных комплексов из других районов Бактрии—Тохаристана. В третьей главе приводится краткая характеристика наиболее существенных из них.

Тщательный анализ данных позволил по-новому подойти к вопросу абсолютной хронологии комплексов. Их относительное хронологическое распределение (между комплексами великокушанского и раннесредневекового времени без хронологических перерывов), надежно документированное данными стратиграфии памятников, свидетельствует об ограничении верхнего предела их датировки концом V в. Привлечение иных датирующих материалов (аналогии некоторым типам вещей, иконографические параллели, анализ керамического материала, данные о находках в слоях комплексов монет сасанидских шаханшахов) позволяет установить общие хронологические рамки комплексов в пределах IV—V вв. н. э. и исключить из их датировки III в. Наличие в комплексах большого количества медных монет сасанидских кушаншахов заставляет связывать их формирование с данными письменных и эпиграфических источников по истории сасанидского Ирана о завоевании земель бывшего Кушанского царства на восточных границах государства Сасанидов. Наиболее убедительным и лучше всего соответствующим всей совокупности археологических данных является вариант кушано-сасанидской хронологии, предложенный В. Г. Лукониным (с учетом поправок Б. И. Маршака, Б. И. Вайнберг, Е. В. Зеймаля). Исходя из этого датировка кобадианских комплексов ограничена серединой IV—V в.

Кобадианские материалы кушано-сасанидского времени впервые рассмотрены отдельно, как самостоятельный археологический комплекс, отличный и от предшествующего великокушанского, и от последующего, раннесредневекового. Это обусловлено важностью в историческом отношении IV—V вв. как периода перехода к раннему средневековью, к новой социально-экономической формации в истории народов Средней Азии. Мы попытались дать всестороннюю характеристику материальной культуры Кобадиана IV—V вв., связать этот материал с материалами смежных регионов и, обеспечив возможность хронологической привязки к абсолютной временно́й шкале, создать тем самым базу для исторических реконструкций, основу для изучения хозяйственно-экономического базиса обществ этого периода.

В книге дана краткая история Кобадиана в кушанское время и сделана попытка реконструкции хозяйственной системы оазиса. Сложившийся в кушанский период как крупный центр оседлой (городской и сельской) и скотоводческой жизни, Кобадиан таковым остался и во второй половине IV—V в. По археологическим материалам фиксируется даже некоторый подъем хозяйства в этот период, что может объясняться политическими причинами (включение Кобадиана в хозяйственную систему Сасанидской империи). Все это противоречит выдвинутой С. П. Толстовым концепции общего «кризиса рабовладельческой формации» в Средней Азии, приходящегося на IV—V вв. На материалах исследования сделан вывод об однородности, унифицированности материальной культуры всех областей Бактрии—Тохаристана в кушано-сасанидский период, об окончательном обособлении в IV—V вв. территории этой историко-культурной области от сопредельных областей Центральной Азии — Парфии, Согда, Хорезма.

Полный реестр монетных находок на памятниках Кобадиана с археологическими комплексами кушано-сасанидского времени, составленный Е. В. Зеймалем, дан в Приложении II. Сотрудниками ВНИИР М. С. Шемаханской и И. Г. Равич была проделана большая работа по технологическому исследованию бронзовых изделий из комплексов. Результаты этих исследований приведены в Приложении III.

Настоящая книга является четвертым изданием материалов раскопок Южно-Таджикистанской археологической экспедиции Института востоко-

ведения АН СССР, Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР и Государственного Эрмитажа (начальник экспедиции — акад. АН ТаджССР Б. А. Литвинский) (см. [Литвинский, Седов, 1983; 1984; Литвинский, Соловьев, 1985]). Автор считает своим долгом выразить признательность всем коллегам и сотрудникам экспедиции, принимавшим участие в полевых экспедиционных работах. Автор благодарит Б. А. Литвинского, Е. В. и Т. И. Зеймаль, Д. С. Раевского, Е. В. Антонову и весь коллектив Сектора древности и средневековья Отдела исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока Института востоковедения АН СССР, где была выполнена эта работа, за ценные советы и замечания. Иллюстративный материал выполнен Т. П. Удымой, которой мы также приносим благодарность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОБАДИАНА С КОМПЛЕКСАМИ КУШАНО-САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА

Археологические комплексы кушано-сасанидского времени зафиксированы на поселениях Бишкентской долины (Ак-тепе II, Дарахша-тепе, Клыч-Дувал, Хан-Газа, Безымянное, Шур-тепе), на городищах и поселениях вдоль левого и правого берегов р. Кафирниган (Кей-Кобад-шах, Новабад-кала, Мунчак-тепе, Шодмон-кала, поселение у сел. Саят), в правобережье р. Амударьи (Тахти-Кувад, Хишт-тепе, Уштур-мулло).

Ак-тепе II

Поселение[1] расположено в южной части Бишкентской долины приблизительно в шести километрах к югу от источника Чильучорчашма. Его ядром является прямоугольный в плане холм, высотой около семи метров, с размерами по основанию 100×130 м, ориентированный длинной стороной в направлении север — юг (рис. 1). Верхняя площадка, несколько приподнятая в южной части, имеет размеры 70×90 м. Вдоль восточного склона проходит высохшее русло сильно размытого древнего магистрального канала, шириной около 20 м, выводившегося из Чашмы. Небольшой арык к северу от центральной части поселения отводил воду из канала в оборонительный ров вокруг холма. В современном рельефе местности хорошо видно, что от восточной части рва был сделан еще один отвод, выводивший воду из рва обратно в канал. Таким образом, вокруг центральной части поселения была создана своеобразная замкнутая гидросистема, выполнявшая кроме оборонительных, видимо, еще и дренажные функции.

Судя по находкам на соседних всхолмлениях большого количества керамики, обломков зернотерок и жерновов от ручных мельниц, керамических шлаков, поселение не ограничивалось пределами центрального холма. Отмечены три точки наибольшего скопления керамического шлака и ошлакованной керамики: в 300 м к западу, 400 м к северо-западу и 300—350 м к северу. В одной из них раскопками открыты остатки гончарных печей (см. ниже).

В подъеме на поселении найдены обломки биконического бронзового сосуда (см. табл. IV, 9) и несколько медных монет (см. Приложение II, реестр 1, 2, 5, 6, 95, 96, 116, 118, 123, 124, 126); еще две монеты найдены при снятии дернового слоя в раскопах I и IV (см. Приложение II, реестр 45, 117).

На верхней площадке холма были заложены четыре различных по величине раскопа: в юго-восточном (Р-I, площадь — около 330 кв. м), юго-западном (Р-IV, площадь — 24 кв. м), северо-западном (Р-III, площадь — 9 кв. м) углах и в середине приподнятой южной части (Р-II, площадь — 12 кв. м). Выявлены три последовательных строительных периода, имеющих во всех раскопах одинаковые уровни полов[2].

Первый период. Наиболее ранние постройки обнаружены в Р-I и Р-III (уровень полов — нижняя часть V яруса).

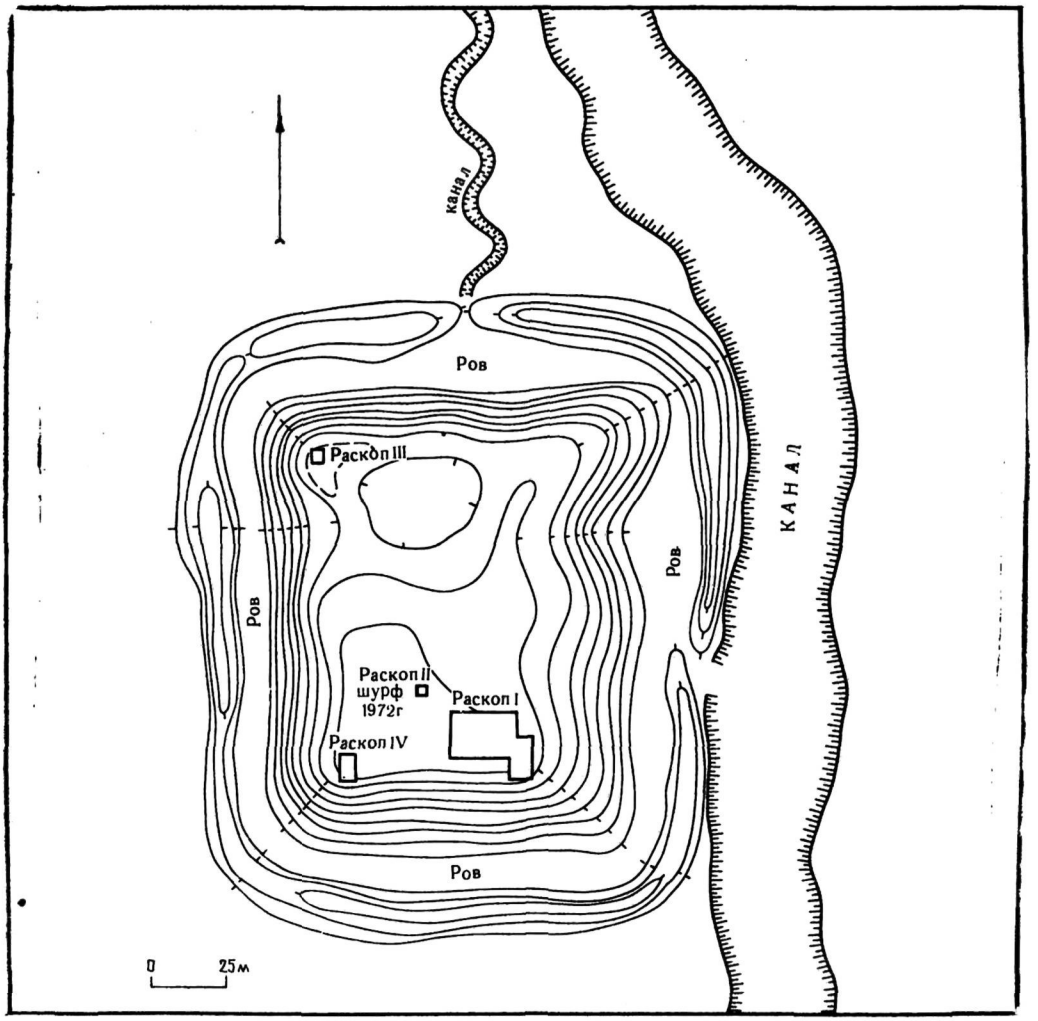


Рис. 1. Поселение Ак-тепе II. План-схема (сечение горизонталей 1 м).

В юго-восточном углу Р-I раскопана часть изолированного комплекса, видимо культового назначения (святилище) (рис. 2). Стены здания возведены на невысокой (0,3 м) платформе из плохо утрамбованной пахсы, сооруженной на выровненной поверхности естественного холма. На протяжении первого периода первоначальная планировочная схема комплекса (два смежных помещения в обводе Г-образного коридора и помещений) не претерпела существенных изменений.

Вдоль западной стены святилища проходила узкая улочка (ширина — около 1,0 м), отделявшая расположенный восточнее крупный жилой комплекс (частично раскрыт по уровню второго периода; к первому периоду относится расчищенная наружная поверхность внешней стены комплекса — западная стенка улочки). Первоначальный ее уровень соответствовал кирпичной вымостке, утопленной в пахсовую платформу под зданиями. Выше на 0,3 м — второй уровень, с которого вел ступенчатый спуск в помещение 10А. В рыхлом лёссовом заполнении над этим уровнем — большое количество фрагментов керамики, угольков, костей животных, органические остатки, фрагменты пряслица.

Помещение 10А. Занимает юго-западную часть комплекса. Верхние части северной, западной и южной стен сильно повреждены хозяйственной ямой третьего периода. Помещение в плане прямоугольной

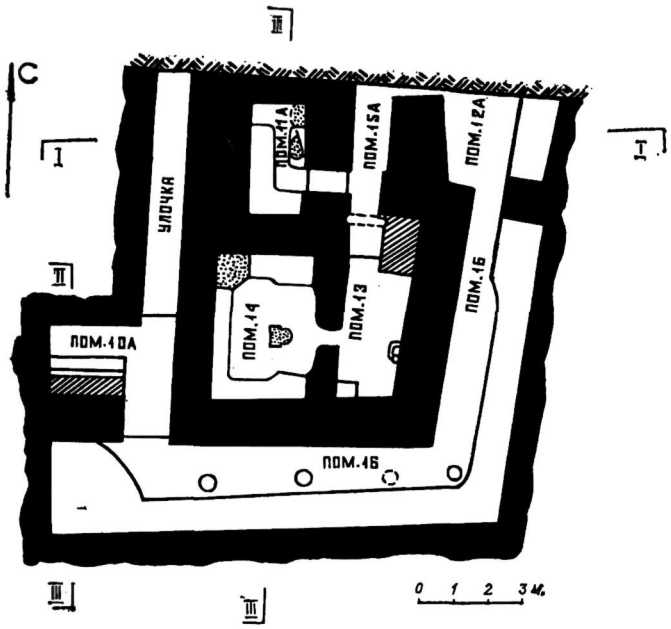


Рис. 2. Поселение Ак-тепе II. Раскоп I, план святилища (первый период).

формы, размерами 2,0—2,1×3,6—3,7 м. В северо-восточном и юго-восточном углах — проходы, шириной 1,0 и 1,3 м, ведущие соответственно в улочку и в Г-образный обводной коридор (помещение 16). Северная, западная и южная стены сложены из кирпича (форматом 36×36×11—12; 37×37×11—12 см), сохранились на высоту 0,2—0,6 м. Восточная стена, общая с одним из центральных помещений святилища, сложена комбинированной кладкой: нижняя часть, высотой 1,0 м,— ленточная пахса, выше — кладка вперевязку из кирпича, форматом 37×37×11—12 см (сохранилась на высоту 2,4 м). На высоте 1,6—1,65 м от первоначального пола помещения в ней расчищены девять вырубленных гнезд для крепления деревянных балок. Их размеры — 15×16; 16×20; 23×24; 18×20; 20×23 см, глубина — 21—23 см. Первоначальный пол помещения, так же как и первоначальный уровень в улочке, сооружен по кирпичной вымостке (формат кирпича — 37×37×10—11 см), утопленной в пахсовую платформу. Поверх него, на лёссовой подсыпке, толщиной 0,2 м, был сооружен второй пол; выше, также на подсыпке в 0,15 м толщины,— третий пол. По верхнему полу к южной стене помещения была приложена ремонтная кирпичная стенка (формат кирпича — 35×35×9—10 см), шириной 0,8 м, и к ней приставлена невысокая суфа или вымостка в один кирпич (размеры — 0,4×2,1, высота — 0,15 м). После поднятия уровня пола в проходе, ведущем в помещение 16, был устроен кирпичный порог. Стены помещения покрыты несколькими слоями саманной штукатурки, толщиной 3—5 см. Находки: на первоначальном полу — медная монета (см. Приложение II, реестр 96а), на промежуточном полу — бронзовая крышечка (?) (см. табл. IV, 5).

При сооружении помещения 10 второго строительного периода (см. ниже) северная, западная и южная стены помещения 10А были срезаны, проходы на улочку и в помещение 16, так же как и нижняя часть самого помещения, забутованы лёссом. Новые стены были поставлены поверх забутовки срезанных стен, впритык к продолжавшей функционировать восточной стене помещения; при этом гнезда для балок были тщательно замазаны новыми слоями штукатурки.

Помещение 11А. Занимает северо-западную часть комплекса, в плане — прямоугольных очертаний, размерами 1.6—1,7×3,3 м. Стены

кирпичные, утолщаются в нижней части. Западная и восточная стены, видимо, имели ремонтные приставки. Проходом в восточной стене (смещенно к юго-восточному углу) помещение связано с тамбуром перед входом в центральные помещения святилища (помещение 15А). Ширина прохода — 0,8 м, в нем была устроена ступенька, высотой 0,2 м. К северу от прохода, у восточной стены, сооружена небольшая суфа (размеры — 0,45×1,25, высота — 0,25 м), на которой устроен очаг открытого типа (размеры зольного пятна — 0,35×0,65 м). Стена над очагом укреплена вертикально поставленными жжеными плитками, размерами 28×29×3; 27×27×3,5; 7×14×3 см (обломана). В северо-восточном углу помещения, на полу,— зольное пятно, мощностью до 4 см (выброс из очага). Вдоль южной и части западной стен — Г-образная в плане суфа (ширина — 0,7 м, высота — 0,25 м), обрывающаяся на одном уровне с северным краем противоположной суфы. Стены помещения покрыты саманной штукатуркой, толщиной 2—3 см, поверх которой нанесены 2—3 слоя ганчевой обмазки (общая толщина — около 6 см). Помещение, видимо, служило кладовой-кухней: сохранились стоявшие на суфе небольшие ойнохоевидные сосуды, двуручный кувшин, на полу — раздавленный котел и каменное пряслице.

Перед постройкой помещения 11 второго строительного периода (см. ниже) помещение 11А на высоту 1,2 м засыпали рыхлым лёссом с большим количеством фрагментов керамики. Верхняя часть забутовки была укреплена камнями и обломками жженых кирпичей, среди которых найдены обломки капители и базы колонны (см. рис. 25, *3, 5*); в завале над полом помещения — фрагмент бронзового браслета (см. табл. VII, 9).

Помещение 12А. Занимает северо-восточный угол раскопанной части комплекса, в плане — трапециевидных очертаний, размерами 2,2×2,9—3,15 м (раскопано частично — северная часть помещения «съедена» громадными ямами недавнего происхождения). Проходом в южной стене, шириной 0,9 м, соединено с Г-образным обводным коридором (помещение 16). Второй проход, устроенный в западной стене (ширина прохода не выяснена), вел в тамбур перед входом в центральные помещения святилища (помещение 15А). Вдоль восточной стены — кирпичная суфа, шириной 0,95 м, высотой 0,45 м, обмазанная саманной штукатуркой. При сооружении помещения 12 второго строительного периода (см. ниже) нижняя часть помещения 12А была забутована плотным лёссом.

Помещение 13. Является одним из центральных помещений комплекса. В плане — прямоугольной формы, размерами 1,8—2,5×5,2 м Узким проходом в западной стене (шириной 0,5 м) соединено с помещением 14; вторым проходом, шириной 0,9 м, расположенным в северо-западном углу,— с помещением 15А. В юго-западном углу — подквадратный в плане кирпичный постамент, размерами 0,7×0,8, высотой 0,5 м. У восточной стены, почти напротив прохода в помещение 14, на полу стоял крупный двуручный широкогорлый сосуд, окруженный узкой (0,2 м) пахсовой оградкой, размерами 0,55×0,6, высотой 0,1 м (сдвинут разрушил южную стенку оградки). На полу около сосуда — угольки и зола. Пол помещения плотный, хорошо утрамбованный. На протяжении всего периода функционирования помещения он оставался на одном уровне, тогда как в проходе в помещение 15А (как и в самом этом помещении) происходило повышение его уровня (накопление выброса из помещений 13 и 14). Видимо, вследствие постоянного накопления этого выброса пришлось увеличить длину прохода, для чего заложили северо-восточный угол, сократив размеры помещения до 1,8—1,9×3,8 м. В увеличенном проходе устроили ступеньку, а севернее, у первоначальной щеки прохода, соорудили деревянную дверь (выявлены остатки горизонтального нижнего бруса и пазы для вертикальных стоек коробки, около одной из которых — углубление для подпятника). Стены помещения незначительно утолщаются книзу, покрыты несколькими слоями саман-

Рис. 3. Поселение Ак-тепе II. Раскоп III, хумы в помещении.

ной штукатурки, поверх нее — ганчевая обмазка. На полу помещения найдена ножка бронзового сосуда (см. табл. IV, 8).

Помещение 14. Второе из центральных помещений святилища. Оно прямоугольное в плане, размерами 2,9—3,0×4,15 м. Проходом в середине восточной стены соединено с помещением 13 (щеки прохода несколько тоньше, чем тело стены). Вдоль северной, западной и южной стен помещения сооружена П-образная в плане пахсовая суфа, шириной 0,6—0,75 м (у восточной стены уширяется до 1,0 м), высотой 0,45 м. В центре помещения, на полу,— двухчастный постамент-алтарь или подиум для жертвенника. Его прямоугольная часть имеет размеры 0,6×0,8 м, круглая — диаметр 0,6 м. Высота постамента — 0,1 м. Еще один постамент, пятиугольный в плане, высотой 0,15 м, расположен на суфе в северо-западном углу помещения (размеры — 1,0×1,0 м). Поверхности постаментов сильно обожжены, на них имеются зольные пятна. Стены помещения покрыты несколькими слоями саманной штукатурки, поверх которой — неоднократно подновлявшаяся ганчевая обмазка, покрывавшая и поверхность суфы (общая толщина — свыше 10 см). Пол плотный, хорошо утрамбованный, так же как и в помещении 13, все время оставался на одном уровне. В заполнении помещения и на полу какие-либо находки отсутствовали, лишь на суфе у западной стены помещения обнаружены культовый сосуд с налепами-букраниями (см. рис. 26) и горшок с двумя ручками и широким отогнутым венчиком (см. табл. XVI, 21).

Помещение 15А. Узкий (шириной 1,0 м), прямоугольный в плане тамбур, из которого проходы вели в помещения 11А, 12А и 13. На протяжении всего периода функционирования святилища уровень пола в помещении постоянно повышался за счет накопления выброса из близлежащих помещений (в основном, видимо, из помещений 13 и 14). Так, между первоначальным полом тамбура и полом, соотносимым со вторым строительным периодом (см. ниже), зафиксировано около 15 утрамбо-

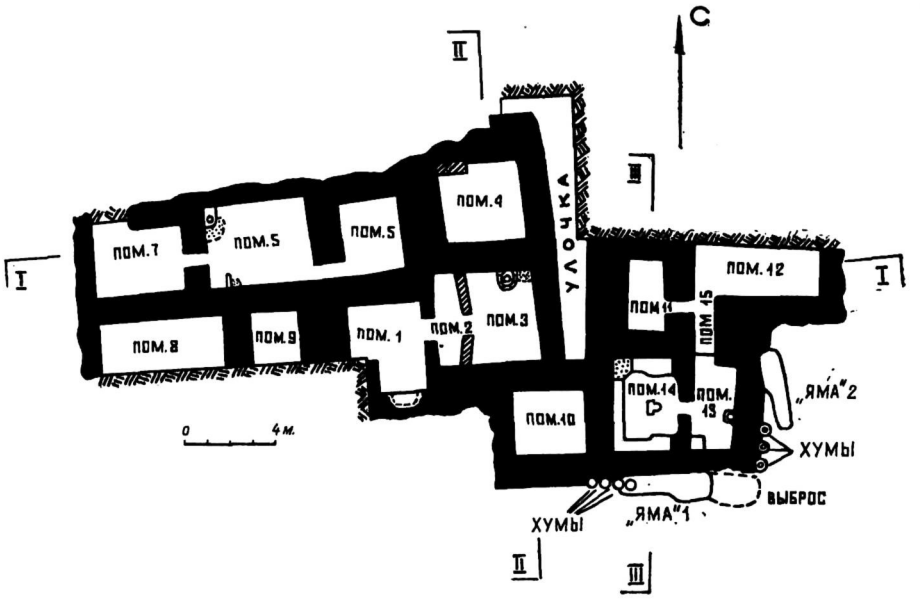


Рис. 4. Поселение Ак-тепе II. Раскоп I, план помещений второго периода.

ванных поверхностей с намазанными полами. Заполнение между ними — плотно утрамбованные слои золы с мелкими кусочками древесного угля, абсолютно лишенные хозяйственных остатков. Одновременно с повышением уровня пола в помещении производились частые ремонты поверхностей стен и углов проходов (намазывались новые слои саманной штукатурки), устраивались ступенчатые спуски в помещения 11А и 13.

Помещение 16. Г-образный в плане обводной коридор, окружавший центральные помещения комплекса. Размеры южного колена — 2,25—2,8×12,95 м, восточного — 2,15×8,9 м. Соединен проходами с помещениями 10А и 12А. Вдоль южной и восточной стен коридора сооружена кирпичная суфа, шириной 1,0 м, высотой 0,45 м. В своей северной части (у прохода в помещение 12А) суфа уширяется до 1,2 м, в западной части — смыкается под тупым углом с косой суфой (ширина ее — 1,85—2,85 м), пристроенной к западной торцовой стенке коридора. В южном колене коридора, вдоль суфы — ряд из четырех врытых в пол хумов (крайний восточный сохранился целиком, от остальных сохранились фрагменты нижних частей и отпечаток днища). Стены коридора покрыты саманной штукатуркой, толщиной 5 см, сверху — ганчевая обмазка (сохранилась частично).

В Р-III раскопана часть хозяйственного помещения со стоящими на полу хумами (рис. 3).

Второй период. Остатки построек второго строительного периода вскрыты в трех раскопах (уровень полов — граница между II и III ярусами).

В Р-I это часть крупного жилого комплекса к западу от святилища, состоявшего из внутреннего дворика и девяти помещений, соединенных между собой проходами (рис. 4). Заполнение помещений обычно состояло из рыхлого темного лёсса с большим количеством фрагментов керамики, костей животных, угольков; над полами — тонкий слой гумуса с перегнившими органическими остатками. В тех случаях, когда над помещениями второго периода встречены остатки полов и стен третьего периода (см. ниже), фиксируется забутовка помещений плотным лёссом с обильным количеством обломков сырцового кирпича, пахсы, камней (рис. 5).

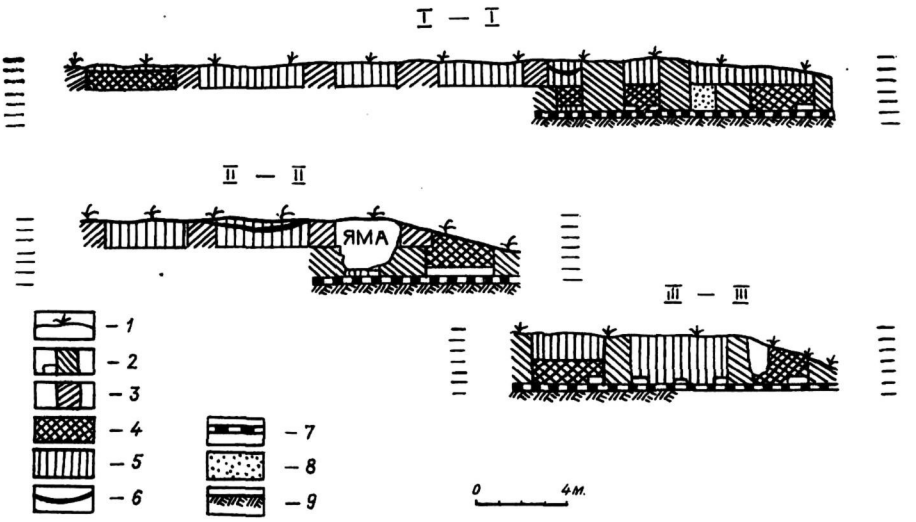


Рис. 5. Поселение Ак-тепе II. Раскоп I, разрезы:

1 — дерн; *2* — стены и суфы помещений первого периода; *3* — стены помещений второго периода; *4* — забутовка; *5* — рыхлый темный лёсс; *6* — зольники; *7* — искусственная платформа; *8* — зольное заполнение помещения 15А; *9* — материк.

Помещение 1. Занимает центральную часть комплекса. Определяется как помещение условно: скорее всего это внутренний хозяйственный дворик, о чем свидетельствует очень плохая сохранность поверхностей стен (по сравнению с другими помещениями), лишенных штукатурки и частично размытых (отсутствие перекрытия?). Дворик в плане Г-образной формы, длиной 4,2 м, шириной в северной части 3,5 м, в южной — 2,2 м. Восточная стена плохой сохранности: видимо, в ней существовал проход, шириной около 1,0 м, в помещение 2. В южной стене — ниша, глубиной 0,6 м, выведенная с пола; ее размеры — 0,8×1,0 м. В центре двора — скопление раздавленных хумов.

Помещение 2. Первоначально составляло одно целое с помещением 3, впоследствии было отделено от него тонкими, косо приставленными кирпичными перегородками (рис. 6). В плане — подпрямоугольной формы, размерами 1,0—1,2×4,2 м. В западной, плохо сохранившейся стене, видимо, имелся проход в хозяйственный дворик. В восточной стене — проход, шириной 1,0 м, в помещение 3. По стенам местами сохранилась саманная штукатурка в три слоя (общая толщина — до 4 см).

Помещение 3. Расположено в восточной части комплекса. Первоначально составляло одно целое с помещением 2, и его размеры были, видимо, 4,2×4,5 м. Стены покрыты толстой саманной штукатуркой, поверх которой нанесена ганчевая обмазка, использованная и для покрытия пола. У южной стены помещения немного смещен в его юго-восточный угол относительно центральной оси овальный в плане тонур (топка керамическая, по внешнему фасу — обкладка сырцовым кирпичом). Впоследствии тонур был разрушен, поверх него намазан еще один алебастровый пол, а новый, точно такой же тонур был сооружен уже у северной стены помещения (диаметр топки — 30 см, в северо-восточном углу помещения — углубление для выброса золы из тонура). Тогда же, видимо, были приставлены и перегородки к северной и южной стенам и обновлена обмазка стен ганчем. Размеры оставшейся части помещения (собственно помещения 3) — 3,1×4,2 м.

Помещение 4. Занимает северо-восточный угол комплекса. Помещение подквадратное в плане, размерами 3,7×3,8 м. Стены оштукатурены в несколько слоев саманом (общая толщина — 5—6 см). В конце существования комплекса помещение, видимо, было заброшено, о чем

Рис. 6. Поселение Ак-тепе II. Раскоп I, помещения 2 и 3 второго периода (рабочий момент).

свидетельствует заложенный проход в северо-западном углу (ширина — 1,3 м). Помещение было забутовано кусками пахсы, обломками сырцовых кирпичей и лёссом. В забутовке и на полу помещения найдены два каменных пряслица.

Помещение 5. Небольшое, прямоугольное в плане помещение, к западу от помещения 4, размерами 2,8×3,4 м. Восточная стена была, видимо, подремонтирована облицовкой в два кирпича (она гораздо шире — 1,8 м,— чем другие стены помещений комплекса). В юго-восточном углу — проход, шириной 0,8 м, в помещение 6. Толщина саманной штукатурки — 2—3 см. В заполнении помещения, в 10 см выше пола, найдены верхняя часть стеклянного сосуда и серебряное кольцо (см. табл. VII, 4, 10).

Помещение 6. Самое крупное по площади из раскопанных помещений комплекса. Оно трапециевидной в плане формы, размерами 3,8—4,1×4,8 м. В северо-западном углу сооружен тонур — нижняя часть хума, вмазанная в небольшую пахсовую суфу (высота 0,4 м, размеры — 0,6×0,9 м). Рядом с ним, на полу,— большое зольное пятно (выброс из тонура). У южной стены смещена к юго-западному углу тонкая (0,3 м) перегородка (длина — 0,6 м, высота — 0,4 м), ограничивающая пристенный очаг открытого типа. Поверхность стены над очагом закопчена. Проходом в юго-восточном углу помещение связано с помещением 5, а проходом в западной стене, шириной 0,9 м,— с помещением 7 (проход смещен к юго-западному углу относительно центральной оси помещения). На полу помещения найдены обломок каменной зернотерки и разрушившаяся медная монета (см. Приложение II, реестр 125).

Помещение 7. Занимает северо-западный угол раскопанной части комплекса. Небольшое, прямоугольное в плане помещение, выделяющееся качеством отделки, размерами 3,0×4,0 м. Пол обмазан алебастром. Стены покрыты несколькими слоями штукатурки: первоначально была намазана саманная штукатурка, поверх нее — три слоя алебастровой обмазки (общая толщина штукатурок — 7—10 см). Углы помещения и щек проходов с помощью штукатурки закруглены. Северная стена

сверху подрезана полом верхнего периода (см. ниже). Помещение проходом в западной стене связано с помещением 6; еще один широкий (1,6 м) проход в северо-западном углу ведет в нераскопанное помещение. В завале над полом найдено керамическое пряслице.

Помещение 8. Расположено к югу от помещения 7. Оно прямоугольной формы в плане, длиной 5,8 м (раскопано частично). Уровень пола на 10—12 см выше, чем в других помещениях комплекса. Он намазан поверх кирпичной вымостки, сложенной вперевязку с северной стеной помещения.

Помещение 9. Расположено к востоку от помещения 8. Оно в плане прямоугольной формы, шириной 2,2 м (раскопано частично). Восточная стена, общая с хозяйственным двориком (помещение 1), судя по толщине (свыше 2,0 м), имеет ремонтную приставку.

Помещение 10. Расположено в юго-восточном углу комплекса, впритык к комплексу святилища (восточная стена помещения общая с центральным помещением святилища). В плане — подквадратной формы, размерами 3,2×3,4 м. Проход не найден (возможно, был в западной стене). Западная и южная стены, так же как и пол помещения, сильно повреждены крупной хозяйственной ямой третьего периода (см. ниже).

Улочка, отделяющая жилой комплекс от комплекса святилища, в результате перестройки помещения 10А (см. выше) была превращена в тупик. Он идет в северном направлении, несколько расширяясь (до 1,5 м), вдоль помещений 3 и 4, затем под прямым углом поворачивает к западу. На утрамбованной поверхности, соответствующей полам помещений второго строительного периода, найдены фрагменты бронзового зеркала, обломок каменного точила и керамическое пряслице (см. табл. VII, 14; IX, 4).

Комплекс святилища во втором строительном периоде подвергся значительной перестройке. Помещение 16 (Г-образный обводной коридор) перестало функционировать и было заложено: южное колено — регулярной кирпичной кладкой, восточное — внизу лёссом, сверху кирпичной кладкой (формат кирпича — 37×37×10; 40×40×12 см). Три стены помещения 10А были срезаны и использованы в качестве фундаментов для стен помещения 10, которое отныне оказалось включенным в систему помещений жилого комплекса (см. выше). В помещении 11А при помощи забутовки нижней части на высоту 1,2 м (см. выше) был значительно поднят уровень пола, а верхние части старых стен несколько подтесаны, что привело к незначительному увеличению площади нового помещения 11 (размеры — 1,9×3,4 м), и заново покрыты саманной и ганчевой штукатуркой. Проход в восточной стене был несколько сужен (до 0,7 м). Помещение 12А и бóльшая часть помещения 15А были объединены в одно, прямоугольное в плане, крупное помещение 12 (раскопано частично, длина—5,9 м). Так называемый тамбур перед входом в центральные помещения святилища был значительно уменьшен и смещен к югу (помещение 15), видимо, за счет сокращения площади помещения 13 (заклад северо-восточного угла — см. выше). В нем, так же как и в помещении 12, продолжалось постоянное накопление выброса из святилища и соответственно повышение уровня пола. В этих зольных прослойках найдены два каменных и одно керамическое пряслица, обломок каменной скобы для подвешивания меча (см. табл. I, 5).

Перестройки не коснулись центральных помещений святилища (13 и 14), которые продолжали функционировать на протяжении всего второго периода на первоначальном уровне пола (нижняя часть V яруса). В них производились, видимо, только мелкие, «косметические» ремонты (обновление обмазок пола, суф, стен). Вероятно, в конце второго периода святилище забрасывается: проход в помещение 13 и тамбур (помещение 15) заполняются лёссом и закладываются сверху кирпичами (прослежено пять рядов кладки).

Ко второму периоду (судя по одинаковому уровню полов в помеще-

ниях — начало III яруса) относятся и части зданий, раскрытые в раскопах II и IV.

В Р-II это угол какой-то постройки хозяйственного назначения, ограниченный с севера и востока стенами. Вдоль восточной стены на полу помещения были установлены в ряд три хума (два из них упали, верхняя часть третьего отломана). Размеры вскрытой части помещения — 3,15×3,78 м.

В Р-IV раскопаны прямоугольное в плане помещение, размерами 1,7×3,35 м, с кирпичной суфой вдоль восточной стены и проходом, шириной 0,9 м, в северо-восточном углу (помещение 1) и часть еще одного помещения, к западу от первого (помещение 2). Оба помещения оказались буквально «забиты» большим количеством керамики (в основном целые формы). Кроме того, на полу помещения 1 найдены обломки зернотерки и жернова, пастовая вставка, костяные булавки, пряслице; на полу помещения 2 — керамическое грузило и два пряслица (см. табл. VII, 1, 2, 15; XI, 6).

Третий период. Практически полностью уничтожен дефляцией. Он прослежен только в Р-I в виде зольников, оснований стен и утрамбованных горизонтальных поверхностей (видимо, остатки полов помещений), обнаруженных сразу под рыхлым верхним слоем (начало II яруса). Зольники иногда прорезают верхние части стен помещений второго периода. В северо-западном углу раскопа, поверх западной стены помещения 7, раскрыта часть пахсовой стены. С востока к ней примыкает, делая выкружку, утрамбованная горизонтальная поверхность, срезавшая верхнюю часть северной стены помещения 7, на которой in situ найдена нижняя часть хума. Горизонтальная поверхность с остатками кирпичной кладки зафиксирована и над частью помещения 3. В заполнении улочки третьему периоду, видимо, соответствует мощный зольник.

В южной части раскопа расчищена хозяйственная яма, глубиной около 2,1 м, зафиксированная с уровня дневной поверхности. Она разрушила помещение 10 второго периода и повредила стены помещения 10А более нижнего, первого периода. Яма заполнена рыхлым темным лёссом с обломками сырцовых кирпичей, камнями, угольками, золой, костями животных и большим количеством фрагментов керамики (в основном от тарной и кухонной посуды). Сверху в заполнении ямы — мощный дугообразный зольник.

Видимо, в начале третьего периода в юго-восточном углу раскопа были устроены необычные погребальные сооружения (см. рис. 21, 22). Эти две ямы, «лопатообразной» в плане формы, вырытые в забутовке помещения 16, частично повредили внешние поверхности стен помещений 13 и 14. Их вертикальные стенки начинались сразу под рыхлым верхним слоем. В ямах было совершено захоронение предварительно очищенных от мягких тканей черепов и костей с обильным сопроводительным инвентарем (см. ниже).

Уже после совершения захоронений, скорее всего в конце третьего периода, почти в том же месте, вдоль южной и восточной стен центральных помещений святилища, были врыты хумы и крупные водоносные сосуды. При этом оказались повреждены не только стены уже заброшенного святилища, но и «погребальная яма» № 1: часть погребального инвентаря и костей была выброшена (найдена к востоку от ямы, значительно выше ее дна, в рыхлом верхнем слое) [3]. Около крупных водоносных сосудов, врытых в забутовку восточного колена помещения 16, найдены несколько железных предметов: топорик-теша, нож, ключ (см. табл. V, 3; VII, 13) [4].

Определение комплекса помещений, раскрытого в юго-восточном углу Р-I, как небольшого святилища обусловлено следующими обстоятельствами: наличием в одном из центральных помещений (помещении 14) алтарей или постаментов для жертвенников (в центре помещения и на суфе); находкой в помещении 14 на суфе фрагментов необычного сосуда

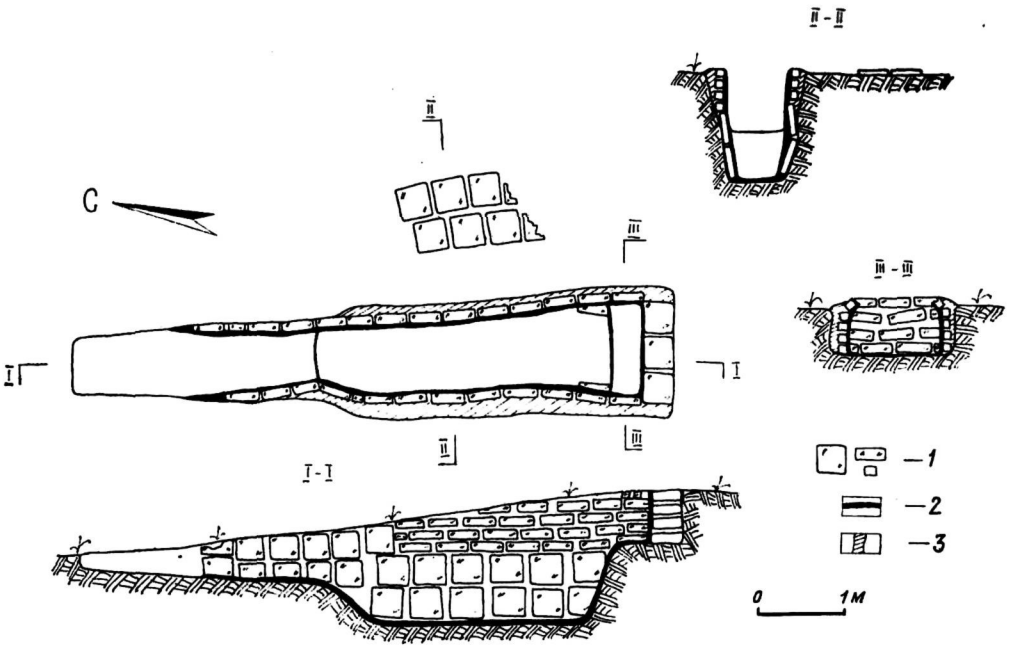


Рис. 7. Поселение Ак-тепе II. Гончарная печь № 1:
1 — сырцовые кирпичи; *2* — внутренняя обмазка; *3* — внешняя обмазка.

с налепами явно не бытового назначения; полным отсутствием в заполнении и на полах помещений комплекса керамики или каких-либо иных бытовых остатков (исключение — помещение 11А, являвшееся, по-видимому, кладовой-кухней); характером выброса из центральных помещений комплекса, накапливавшегося на протяжении двух периодов в помещениях 12А, 12, 15А и 15; совпадением планировочной схемы комплекса с планировкой аналогичных святилищ, раскопанных на Мунчак-тепе и Зар-тепе (см. ниже).

Гончарные печи. Расположены примерно в 300—350 м к северу от поселения, на левом берегу древнего магистрального канала, выводившегося из Чашмы, на небольшом всхолмлении, где была поднята медная монета Канишки III (см. Приложение II, реестр 4).

Печь № 1 (рис. 7). Сохранилась только топочная часть. Первоначально была вырыта подпрямоугольная в плане яма, размерами 1,4×3,8 м, глубиной 0,4 м, ориентированная длинной осью в направлении север — юг (с незначительным отклонением). Затем с отступом от южной стенки на 0,7 м, а от западной и восточной — на 0,1—0,2 м яму углубили до 1,2 м. С севера яма, сужаясь до 0,9 м, резким подъемом переходила в длинное топочное устье (2,8 м). Его дно постепенно повышалось к северу. Внутренняя яма по длинным сторонам была облицована двумя рядами поставленных на ребро плашмя сырцовых кирпичей, форматом 37×37×12—13 см. В северной части облицовка составляла три ряда (выходила на поверхность). Южная половина топочного устья также облицована двумя рядами кирпичей, причем из-за поднятия уровня дна устья в северной части использовались и половинки кирпичей. Более широкая верхняя яма по длинным сторонам выложена четвертинками квадратных сырцовых кирпичей, форматом 37×12×13 см, уложенных вперевязку. Эта обкладка сохранилась на высоту трех-четырех рядов, причем нижний опирается частично на лёссовый уступ, частично на ребро кирпичей нижней облицовки. Образовавшаяся пазуха между стенкой ямы и обкладкой четвертинками кирпичей заполнена серым прокалившимся ганчем. Южная торцовая стенка верхней ямы выложена на высоту четырех

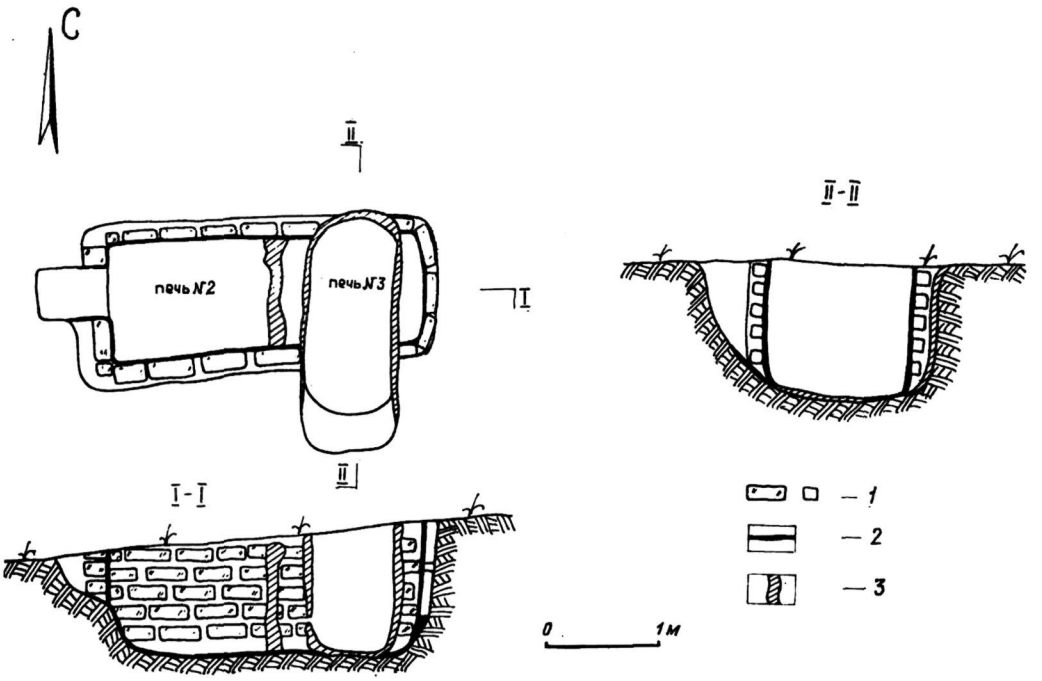


Рис. 8. Поселение Ак-тепе II. Гончарные печи № 2, 3:

1 — сырцовые кирпичи; *2* — внутренняя обмазка печи № 2; *3* — обмазка печи № 3.

рядов целыми кирпичами, форматом 37×37×12—13 см, причем перед ней образовалась, таким образом, небольшая покатая ступенька, шириной 0,35 см.

Кирпичная обкладка топочной камеры, как и ее дно, обмазана толстым (до 5—6 см) слоем обожженной глины (обмазка дна топочного устья доходила до конца кирпичной обкладки боковых стенок). В южной части камеры, на кирпичах обкладки западной и восточной стенок, in situ сохранились обломки кирпичей свода топочной камеры. Судя по фрагментам, это был свод наклонными отрезками, изнутри обмазанный ныне обгоревшей штукатуркой. В 0,6 м к востоку от печи расчищен небольшой участок кирпичной вымостки на древней поверхности (восемь попарно уложенных кирпичей того же формата, что и кирпичи обкладки).

Заполнение топочной камеры: снизу (толщина — около 20 см) — слой чистой золы; выше, практически до современной поверхности — огромное количество фрагментов керамики вперемешку с кусками шлака, обломками кирпичей, золой. На некоторых обломках кирпичей сохранились части продухов — отверстий в своде топочной камеры для доступа горячего воздуха в камеру обжига. Судя по остаткам, они были овальные, размерами 5×7 см.

Из характера заполнения можно заключить, что, после того как печь пришла в негодность и перестала функционировать, ее топочная часть использовалась в качестве свалки для бракованной и разбитой посуды.

Печь № 2 (рис. 8). Расположена в 20 м к юго-юго-западу от печи № 1, на западном склоне того же всхолмления. Также сохранилась только топочная часть. Это яма подпрямоугольной в плане формы, размерами 1,2—1,4×3,1 м, ориентированная длинной осью в направлении запад — восток. Северная и южная стенки обложены соответственно четвертинками и половинками квадратных сырцовых кирпичей (37×10×12 и 28×18×11—12 см). Восточная стенка облицована шестью попарно уложенными плашмя на ребро кирпичами (формат — 37×37×11—12 см), западная стенка — 1/2 и 1/8 частями квадратных кирпичей. Облицовка

стенок не доходит до дна: внизу оставлена небольшая лёссовая приступка (0,1×0,2 м), на которую и опираются нижние кирпичи обкладки. Обкладка и пол обмазаны прокалившейся штукатуркой. К западной стене, немного смещенно к северо-западному углу, подходит короткое топочное устье с круто поднимающимся дном. Его размеры — 0,5×0,6 м, глубина у входа в топку — 0,45 м.

В заполнении печи на дне — слой чистой золы (до 30 см), выше — темный лёсс с золой и углями и несколькими фрагментами керамики (в основном фрагменты стенок крупных сосудов).

Печь № 3 (см. рис. 8). Нарушила восточную часть печи № 2. Сохранилась также только топочная часть. Это яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами, размерами 0,9×1,75 м, глубиной 1,15 м, ориентированная длинной осью в направлении север — юг. Яма несколько сужается книзу. Ко времени сооружения печи № 3 внутреннее пространство топки печи № 2 имело, видимо, очень рыхлое заполнение, поэтому древние строители попытались укрепить стенки новой ямы. Для этого они заложили кусками кирпичей пространство между восточными стенками топок, а с запада соорудили тонкую перегородку из обломков уже обожженных кирпичей. Затем к этой перегородке сделали лёссовую подсыпку, а внутреннее пространство новой топки и ее пол обмазали глиной. Устье занимает весь южный торец топки, круто поднимаясь вверх (размеры — 0,35×0,9 м). Заполнение — рыхлый темный лёсс с мелкими углями и золой.

Шур-тепе

Поселение расположено в 2,5 км к юго-юго-востоку от Ак-тепе II. Практически полностью разрушено при строительстве: верхняя площадка снивелирована и утрамбована, боковые склоны холма забетонированы. Судя по остаткам, поселение имело в плане прямоугольные очертания, было вытянуто в направлении север — юг. Сохранившаяся высота — 1,5—2 м, размеры по основанию — 75×80 м. Немногочисленная коллекция подъемной керамики представлена несколькими фрагментами: закраины хумов с ребром под венчиком; фрагменты ручек красноглиняных кувшинов с вмятиной у нижнего основания; единичные фрагменты стенок ойнохоевидных сосудов с прекрасным коричневым ангобом и сплошным лощением. Все они находят прямые аналогии в керамике поселения Ак-тепе II. Видимо, на этом поселении в 1967 г. был заложен шурф, в верхнем слое которого найдена медная монета Васудевы (см. Приложение II, реестр 179).

Дарахша-тепе

Является самым южным в группе поселений Бишкентской долины. Расположено в 5 км к югу от поселения Ак-тепе II, среди хлопковых полей (рис. 9). Поселение представляет собой холм подпрямоугольной в плане формы с сильно скругленными углами, двухчастный, возвышающийся над поверхностью полей на 4 м. Общие размеры — 145×82—90 м (по верхней площадке — 115×45—50 м). Холм ориентирован строго по странам света, длинной стороной по оси запад — восток. Нижняя площадка, занимающая западную часть холма, плоская, несколько повышается к краям. Задернованность ее, особенно по краям, обильная. Восточная часть холма плавно повышается примерно на 3,5 м, образуя плоскую, слабо задернованную верхнюю площадку, размерами 30×45 м [Седов, 1977, с. 575].

Небольшой шурф (5,7×2,0 м), заложенный в юго-восточном углу верхней площадки холма, позволил выявить стратиграфию поселения (рис. 10). Выделено два слоя. К верхнему (I—III ярусы) относятся небольшие зольники, очаговые пятна и ямы, часто впущенные прямо с современной поверхности, сильно повредившие культурные напластования нижнего слоя. Это «позднее» обживание холма поселения относится к

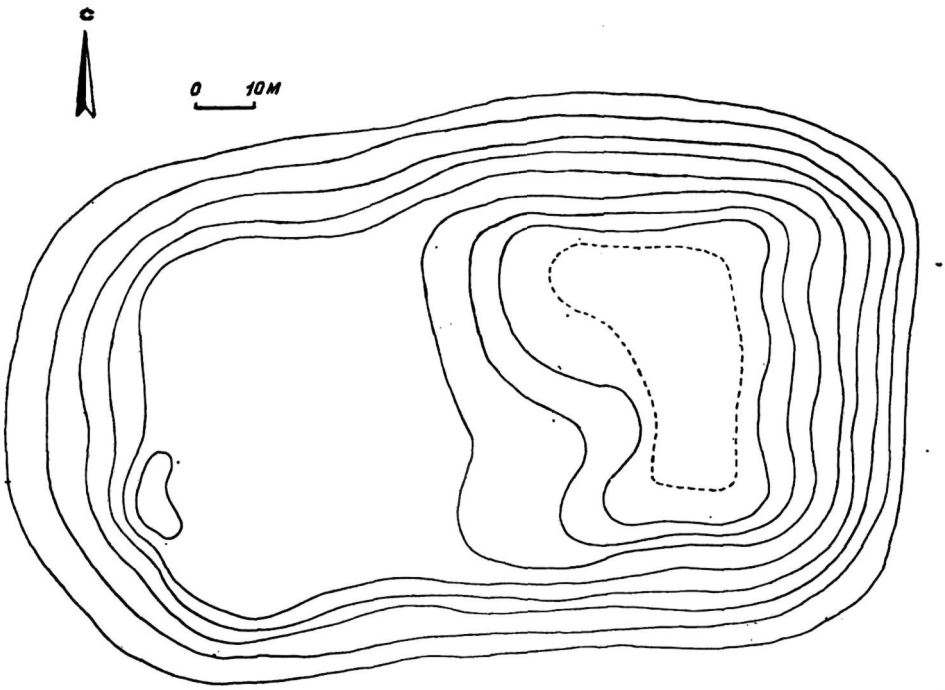


Рис. 9. Поселение Дарахша-тепе. План-схема (сечение горизонталей 1 м).

XVII—XVIII вв. (так же как и в подъеме, найдена керамика с грязно-зеленой и грязно-синей поливой, «реберчатым» орнаментом).

Нижний слой, т. е. фактически само поселение, относится к более раннему времени. Шурф вскрыл часть какого-то монументального здания, имевшего длительную «строительную историю».

На выровненной и утрамбованной поверхности естественного холма (начало IX яруса) была сооружена невысокая (15—20 см) платформа из плотного лёсса. По ней намазали первоначальный пол (№ 1) помещения, с уровня которого возвели в направлении север — юг монументальную пахсовую стену, покрытую штукатуркой (выходит на современную поверхность холма). По прошествии некоторого промежутка времени, достаточного для накопления культурного слоя, мощностью около 0,2 м, к ней была приставлена по уровню нового пола (№ 2) суфа, шириной 1,3—1,4 м, высотой 0,3 м (формат кирпича — 36×36×9—10 см). Во время следующего ремонта к основной пахсовой стене пристроили кирпичную стену, видимо ремонтного характера. Она была возведена на суфе и имела толщину 0,9 м (в основании — 1,1 м; формат кирпича — 36×36×11 см). С этой ремонтной стеной связан пол № 3 (стена просуществовала, видимо, до конца жизни здания, однако в верхних ярусах (I—IV) ее проследить не удалось: не исключено, что во время какой-либо из последующих перестроек она была срезана и превращена в суфу).

Следующая по времени перестройка была более кардинальной. Поверх накопившегося на полу № 3 аморфного строительного завала (толщина — 0,5—0,7 м), вплотную к ремонтной стене, соорудили пахсовую платформу-фундамент, толщиной 0,15—0,2 м (граница VI и VII ярусов). На ней (пол № 4) была возведена кирпичная стена, видимо, нового помещения, идущая в направлении запад — восток (формат кирпича такой же, как и в предыдущих постройках). В юго-восточном углу шурфа в этой стене выявлен проход.

После того как культурный слой нарос еще примерно на 0,5 м (в нем прослежен уровень еще одного пола — № 5), вдоль всей стены, по полу № 6, вплотную к западной стене помещения, приставили кирпичную су-

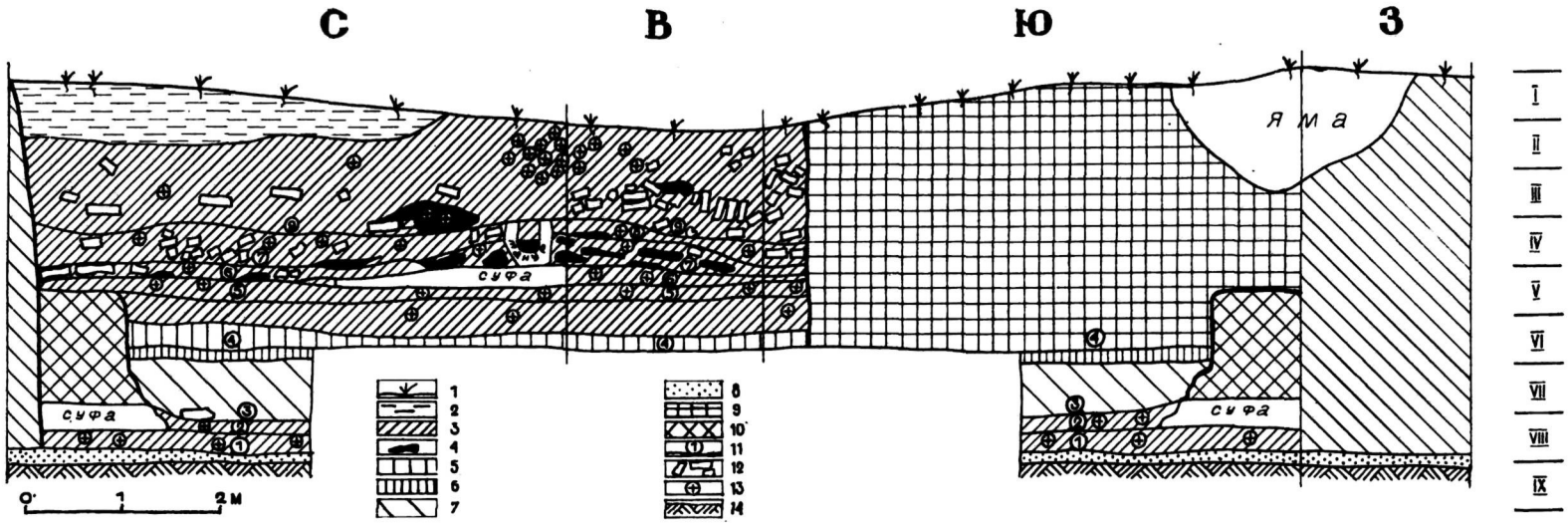


Рис. 10. Поселение Дарахша-тепе. Развертка стенок шурфа:

1 — дерн; *2* — рыхлый надувной лёсс; *3* — рыхлый темный лёсс с гумусом; *4* — зольники; *5* — кирпичный завал; *6* — пахсовая платформа-фундамент; *7* — завал из полностью разложившихся строительных остатков; *8* — лёссовая подсыпка; *9* — стены помещения; *10* — ремонтная стенка; *11* — уровень пола; *12* — сырцовые кирпичи; *13* — фрагменты керамики; *14* — материк.

25

фу, шириной 0,8 м, высотой 0,3 м. Одновременно была сооружена и суфа вдоль противоположной (оставшейся за пределами шурфа) стены помещения, выявленная в северном обрезе шурфа. На полу № 5 в северо-восточном углу шурфа найден фрагмент железного кинжала с прямым перекрестьем без металлического навершия с остатками деревянных ножен (см. табл. I, 2) и керамическое пряслице.

Последующая интенсивная жизнь в помещении засвидетельствована несколькими уровнями полов (№ 7—9), заполнение между которыми составляет рыхлый темный лёсс, обильно насыщенный фрагментами керамики, зольными линзами, гумусными прослойками. С одним из полов (№ 7) связан тонур, сооруженный поверх северной суфы. Он пахсовый, в сечении U-образный, сохранившаяся высота стенок — 0,45 м, внешний диаметр — 0,52 м, внутренний — 0,24 м. В нижней части заполнения тонура — слой чистой золы. В слое между полами № 8 и 9 расчищены четыре упавших на бок хума. В них найдены зерна пшеницы, овса, маша, рядом — три пряслица.

Керамика, найденная в шурфе на поселении (см. табл. XXXI, 1—26), несмотря на различную глубину залегания (уровни разных полов), представляет собой однородный комплекс. Он находит прямые аналогии в керамике поселения Ак-тепе II и, несмотря на отсутствие иных датирующих находок, должен считаться синхронным последней.

Клыч-Дувал

Поселение расположено примерно в 9 км к юго-западу от источника Чильучорчашма, в 1,5 км к востоку от подножия хребта Туюнтау (рис. 11). Оно двухчастное, прямоугольной в плане формы, ориентировано сторонами по странам света, причем длинной стороной вытянуто в направлении запад — восток. Верхняя площадка, размерами 30×50 м, имеет высоту около четырех метров. Поверхность площадки плоская, по восточному, западному и южному склонам холма — довольно большие западины. Задернованность слабая, по склонам — обильная. Нижняя площадка имеет размеры 50×70 м (высота от подножия — менее 1 м). Ее поверхность нарушена поздними перекопами и очень сильно задернована. Юго-западный угол небольшим «языком» вытянут к югу. На нем два бугра, высотой около 1,5 м: один подквадратный — 20×20 м, другой неправильных очертаний — 20×22 м. Основное количество подъемной керамики происходит с этих бугров. Здесь же, у подножия крайнего южного бугра,— обломок базы колонны из белого известняка. Он круглый, диаметром 40 см, высотой 16—17 см, края местами обколоты. В середине одной из плоскостей — гнездо диаметром 9 см, глубиной 4 см. Рядом — большой подквадратный камень, размерами 40×40×18 см, который мог использоваться в качестве базы колонны.

В 1967 г. отрядом под руководством Е. В. Зеймаля в юго-западной части верхней площадки холма был заложен большой (10×10 м) разведывательный раскоп, вскрывший участок кроющего слоя поселения[5]. На поверхности поселения и в верхних слоях раскопа было найдено большое количество медных монет (см. Приложение II, реестр 127—165). В раскопе полностью вскрыто одно и частично — еще четыре помещения (рис. 12).

Помещение 1. Вскрыто частично (не найдена западная стена помещения). В плане — трапециевидной формы (расширяется по направлению к ненайденной западной стене), размеры раскопанной части — 4,2×2,7—3,5 м. Проходом в северо-восточном углу (шириной 0,85 м) связано с помещением 2. В завале над полом — медная сасанидо-кушанская монета (см. Приложение II, реестр 137).

Помещение 2. Расположено к северу от помещения 1. Вскрыто частично (не найдена северная стена помещения). В плане — прямоугольной формы, размеры раскопанной части — 3,0×3,1 м. Проходами в

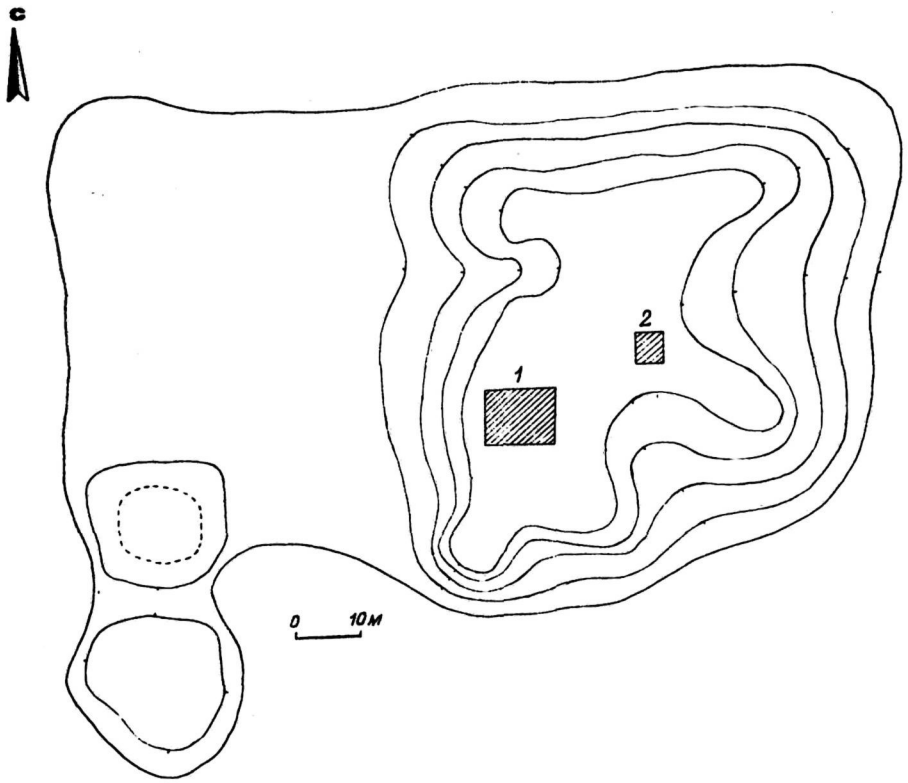


Рис. 11. Поселение Клыч-Дувал. План-схема:
1, 2 — раскопы 1967 г. (сечение горизонталей 1 м).

западной (шириной 0,75 м) и южной (шириной 0,9 м) стенах связано соответственно с помещениями 5 и 1. В юго-восточном углу, у щеки прохода в помещение 1 — глубокая ниша (0,7×0,9 м).

Помещение 3. Расположено к западу от помещений 1 и 2, вскрыто полностью. Помещение двухчастное, в плане — прямоугольной формы, общие размеры — 7,3×3,75—4,5 м. Выступом-перегородкой (0,95×0,4 м) примерно у середины восточной стены разделено на два отсека (северный и южный). Их размеры — соответственно 2,9×3,75 и 4,0×4,5 м. Несколько южнее линии выступа-перегородки, на полу помещения, были установлены две каменные базы колонны «аттической» профилировки (интерколумний — 1,76 м). Вдоль южной и восточной стен южного отсека помещения пристроена невысокая (0,3 м) суфа, шириной 1,1—1,2 м. На полу и суфе — развал керамики и мелких камней. В середине восточной стены северного отсека помещения — большая ниша (1,5×1,3 м; ее дно на 0,3 м выше уровня пола). В полу северо-западного угла помещения — небольшая овальная яма, на краю которой лежал раздавленный крупный двуручный амфоровидный сосуд. Проход в северной стене (шириной 0,85 м), несколько смещенный в северо-западный угол, вел в другое, нераскопанное помещение. В завале над полом — медная сасанидо-кушанская монета (см. Приложение II, реестр 150).

Помещение 4. Расположено к югу от помещения 1, вскрыто частично (не найдена западная стена). В плане — трапециевидных очертаний, размеры раскопанной части — 2,1×2,55—3,05 м.

Помещение 5. Расположено к западу от помещения 2, соединено с ним проходом. Вскрыто частично (лишь небольшой участок у прохода и вдоль восточной стены), ширина — 2,3 м.

Керамика Клыч-Дувала (см. табл. XXXII, 1—8) абсолютно идентична керамическому комплексу Ак-тепе II, что дает возможность сделать

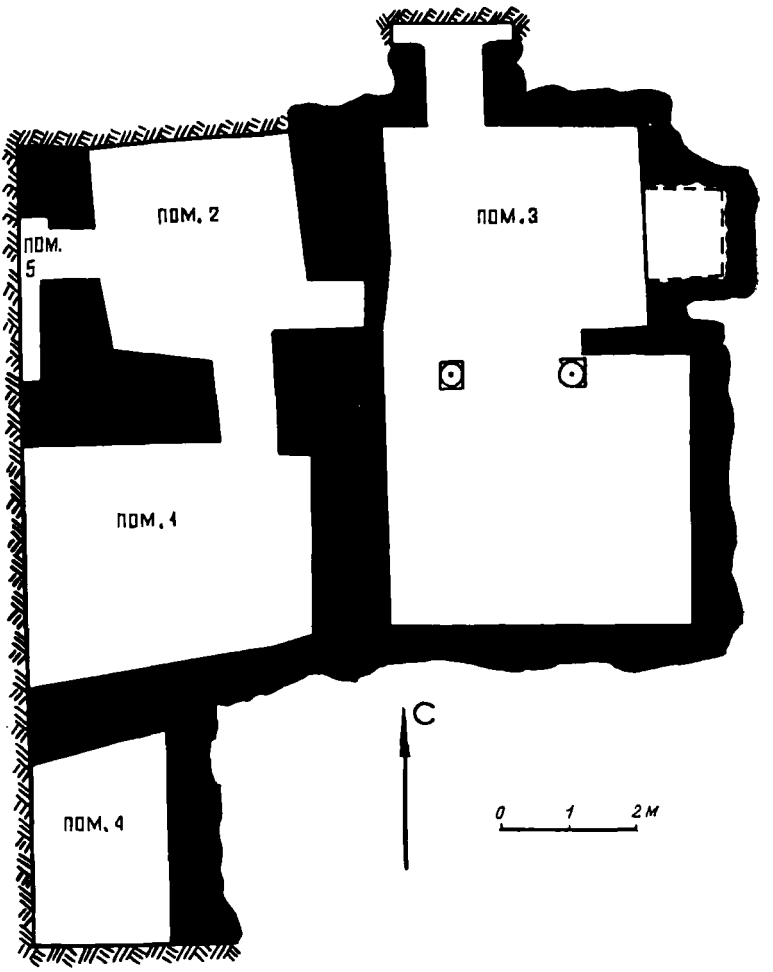


Рис. 12. Поселение Клыч-Дувал. План раскопанных помещений

вывод об одновременности поселений. Это заключение подтверждает и нумизматический материал.

Хан-Газа

Является крайним северным поселением в группе поселений Бишкентской долины; состоит из двух четко обособленных частей: северной и южной. Обе части представляют собой холмы, в плане близкие к прямоугольнику. Общие размеры поселения: длина — около 230 м, наибольшая ширина — около 115 м, высота северного холма — 2,5 м, южного — более 4,0 м. Поверхность верхних площадок обеих частей плоская, без явственно выраженного рельефа. Вокруг поселения, на расстоянии 100—150 м (к востоку — до 300 м), — площадь обильного распространения керамики. Наряду с материалами, относящимися ко времени «великих кушан» (фрагменты мисок — с S-образным профилем стенок, «рюмкообразных» и «вытянуто-колоколовидных» бокалов, обломок ножки с дисковидным основанием от красноглиняной курильницы и пр.), собраны и типично кушано-сасанидские фрагменты (см. табл. XXXII, 22—31). Это верхние части крупных амфоровидных кувшинов с рядами мелкого штампованного орнамента по плечикам, покрытые жидким темно-красным ангобом, характерные венчики хумов с ребром на шейке, фрагменты красноангобированных кружек с С-образной реберчатой ручкой и др. На южном холме была поднята медная монета Васудевы (см. Приложение II, реестр 170).

Разведывательные раскопы были заложены на обоих холмах (вскрытая площадь на северном — 36 кв. м, на южном — свыше 70 км. м), однако наиболее четкая стратиграфия получена в южной части поселения [Мандельштам, 1961, с. 63—72; 1966 а, с. 149—152]. Всего выявлено пять последовательных строительных периодов. Учитывая новые определения найденных в слоях монет, сделанные Е. В. Зеймалем (см. ниже), к кушано-сасанидскому времени могут быть отнесены четыре верхних периода (рис. 13).

Первоначальные постройки (первый период) были возведены на стилобате, толщиной около 2,0 м, сооруженном из чередующихся рядов пахсы и квадратного сырцового кирпича (форматом 43—45×43—45×12 см). В нем под стенами помещений имелись каменные кладки, служившие фундаментом. В пределы раскопа попали части двух изолированных построек. Южную половину занимало квадратное в плане помещение, размерами 3,8×3,8 м, имевшее в юго-восточном углу проход в другое, нераскопанное помещение. В северной половине располагались огороженный стеной двор с входом в южной стене и части двух, прямоугольных в плане помещений, примыкавших к нему с востока. Почти в центре двора имелась круглая в плане яма, глубиной около 9,0 м, диаметром 0,85 м. По предположению А. М. Мандельштама, это был недокопанный до уровня грунтовых вод колодец. Еще на протяжении первого периода он стал использоваться в качестве мусорной ямы, а затем был перекрыт тонкими каменными плитами, на которых соорудили очаг из кирпичей. Из ямы было извлечено большое количество обломков кирпича, каменных плит, фрагментов керамики. Полы обеих построек располагались на уровне 1,3 м.

Второй период (уровень полов: 1,2 м — южная постройка, 1,1 м — северная постройка). В квадратном помещении была сооружена низкая (высотой 10 см) Г-образная в плане суфа; снаружи к северной стене пристроены два кирпичных очага. Около одного из них найдена медная монета плохой сохранности. «Изображения на ней сходны с изображениями на монете, найденной в самой поздней постройке, но характеризуются меньшей грубостью» [Мандельштам, 1961, с. 71][6]. На суфе в помещении было найдено несколько железных ножей, железные трехперые наконечники стрел и медная монета, определенная Е. В. Зеймалем как подражание чекану Канишки III (см. Приложение II, реестр 172; ср. [Мандельштам, 1966б, с. 121—123]).

Стены помещений северной постройки были срезаны (оставлено только крайнее восточное помещение), а на расчищенном участке возведено новое здание, попавшее в пределы раскопа лишь углом помещения. Таким образом, ко второму периоду относятся три изолированные постройки, разделенные двором.

Третий период (уровень полов — 0,9 м). Зафиксирован не во всех постройках. В здании, занимавшем северо-западный угол раскопа, на этом уровне шел плотный кирпичный завал. В северо-восточной постройке пол прослежен только в пристроенном по этому уровню западном помещении. В квадратном помещении южной постройки поверх суфы был намазан новый пол, на котором около северо-восточного угла имелся небольшой очаг из обломков сырцового кирпича. В северо-западном углу помещения был вкопан хум, закрытый тонкой каменной плиткой. В ней найдены каменные пряслица, обломок костяного гребня, бронзовое кольцо и монета, определяемая Е. В. Зеймалем как чекан кушано-сасанидского владетеля Пероза I (см. Приложение II, реестр 173). Пространство между зданиями представляло собой утоптанную поверхность двора, на которой имелись многочисленные зольные пятна. У наружной стены северо-восточной постройки — очаг и вкопанный хум (сохранилась только нижняя часть).

Четвертый период (уровень полов — 0,6 м). Две постройки, расположенные в северной половине раскопа, были объединены в один

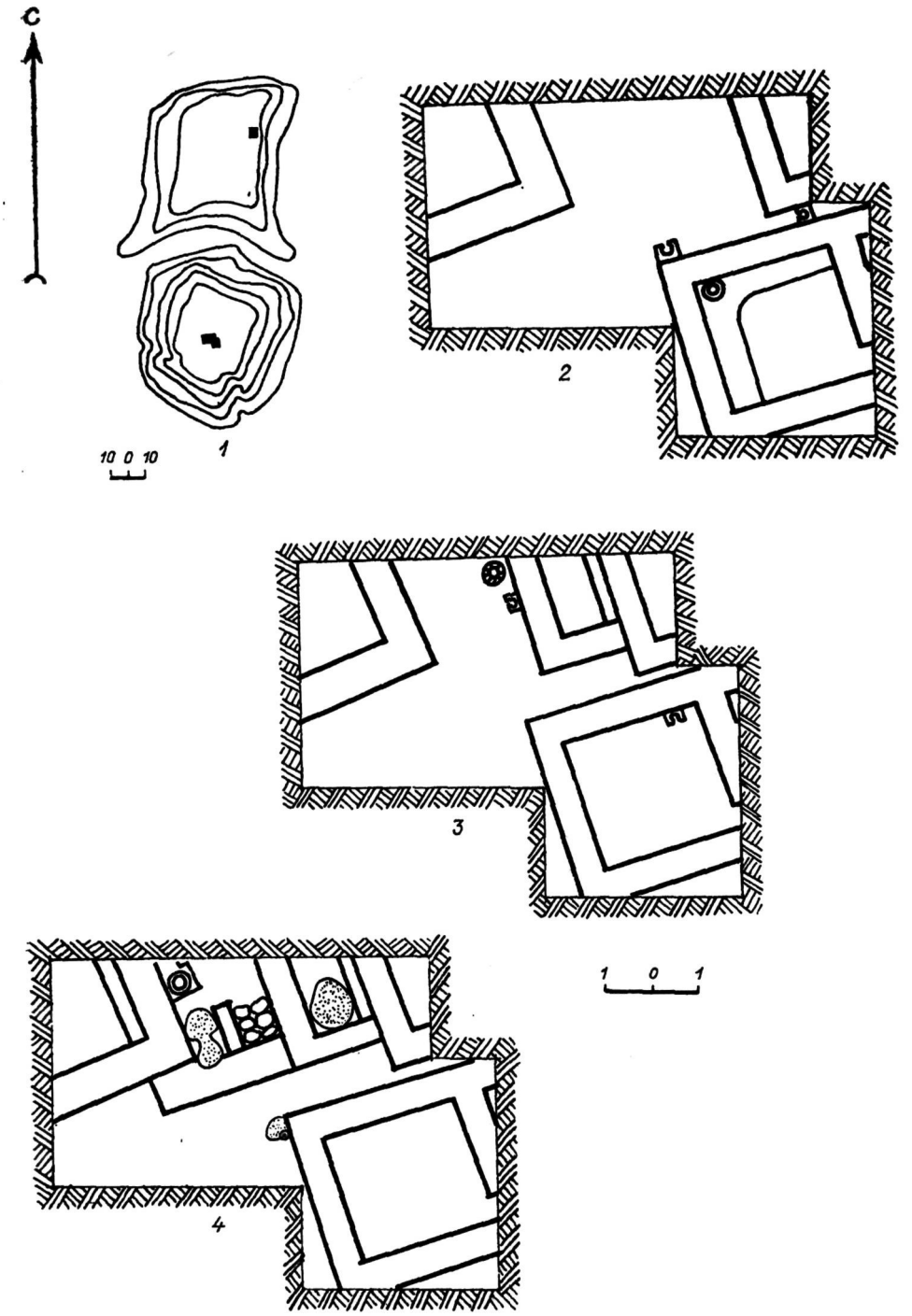


Рис. 13. Поселение Хан-Газа.

1 — план-схема; *2—4* — планы раскопанных помещений второго-четвертого периодов (по А. М. Мандельштаму).

комплекс стеной, ограничившей с юга участок двора, расположенный между ними. В этом пространстве соорудили небольшое кирпичное возвышение с вкопанным в него хумом, пристенный очаг, отгороженный тонкой кирпичной перегородкой, и каменную выкладку. Заканчивается период запустением построек.

Пятый период (уровень полов — 0,3 м). На последнем этапе все предыдущие постройки были небрежно снивелированы и на образовавшейся площадке возведено какое-то новое здание. От него сохранились лишь остатки кирпичных стен, образовывавших угол помещения. Расчищено несколько участков глиняного пола этой постройки, на котором найдены бронзовый перстень с овальным щитком и медная монета — подражание Васудеве, IV серия (см. Приложение II, реестр 171).

В раскопе, заложенном на северной части поселения, выявлено четыре последовательных периода. Монетные находки здесь отсутствуют, однако сопоставление керамического материала позволяет сделать вывод об одновременности обживания обеих частей поселения [7].

При установлении хронологических рамок существования поселения А. М. Мандельштамом были использованы исключительно монетные находки. Исходя из определения монет [8], последний этап жизни на южной части поселения датирован III—IV вв. н. э., причем «полное запустение здесь, очевидно, происходит в конце IV или, может быть, в начале V в. н. э.» Третий период датирован временем Васудевы II, второй — временем «правления одного из его предшественников». Первый период отнесен ко времени «великих кушан» и как наиболее длительный датирован «в пределах первых двух веков нашей эры» [Мандельштам, 1966а, с. 151—152].

Представляется, что в соответствии с новым определением монет дата поселения должна быть несколько омоложена. Находка в слое третьего периода кушано-сасанидской монеты (см. выше) заставляет относить этот и вышележащие слои поселения к кушано-сасанидскому времени. Скорее всего этим же временем должны быть датированы и постройки второго периода (см. выше об отсутствии полов третьего периода в северо-западном и северо-восточном зданиях). В литературе уже неоднократно отмечалось, что находка единичной кушанской монеты в слое памятника не может давать абсолютную или строгую относительную дату, так как кушанские монеты не изымались из обращения при последующих правителях [Зеймаль Т. И., 1969, с. 4—5; Литвинский, Седов, 1983, с. 162; Пилипко, 1985, с. 22; Древнейшие государства, с. 271] [9]. Аналогичная ситуация имела место и позднее: вместе с кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами обращались и более ранние, собственно кушанские монеты и подражания им (см. ниже о составе монетных находок в комплексах кушано-сасанидского времени).

Предлагаемое временное определение второго — пятого периодов поселения Хан-Газа (кушано-сасанидское время) подтверждается как будто бы и керамическими материалами [10]; ср. выше характеристику подъемной керамики. Для них характерны красноангобированные тонкостенные кружки с шаровидным туловом и низкой широкой горловиной, снабженные маленькой ручкой, крепившейся на плечиках, тагора с двумя ручками, небольшие двуручные кувшины и крупные амфоровидные двуручные сосуды с яйцевидным туловом, небольшие поильники с боковым носиком. Относительно редко встречающаяся форма керамики — бокалы рюмкообразного типа найдены в основном в нижнем слое поселения (большое количество — в заполнении ямы-колодца первого периода) [Мандельштам, 1961, с. 72] [11]. Последнее обстоятельство, видимо, свидетельствует о правильности датировки первого периода жизни на поселении временем «великих кушан».

Безымянное

Поселение расположено в средней части Бишкентской долины, примерно в 4,5 км к югу от поселения Хан-Газа, в 0,5 км к востоку от подножия хребта Туюнтау. Поселение двухчастное (рис. 14): южный холм, высотой 9,5 м, подквадратных в плане очертаний (размеры верхней площадки — 45×45 м), сторонами ориентирован по странам света; к нему с севера примыкает подковообразное всхолмление, высотой 5—6 м, размерами 80×80 м.

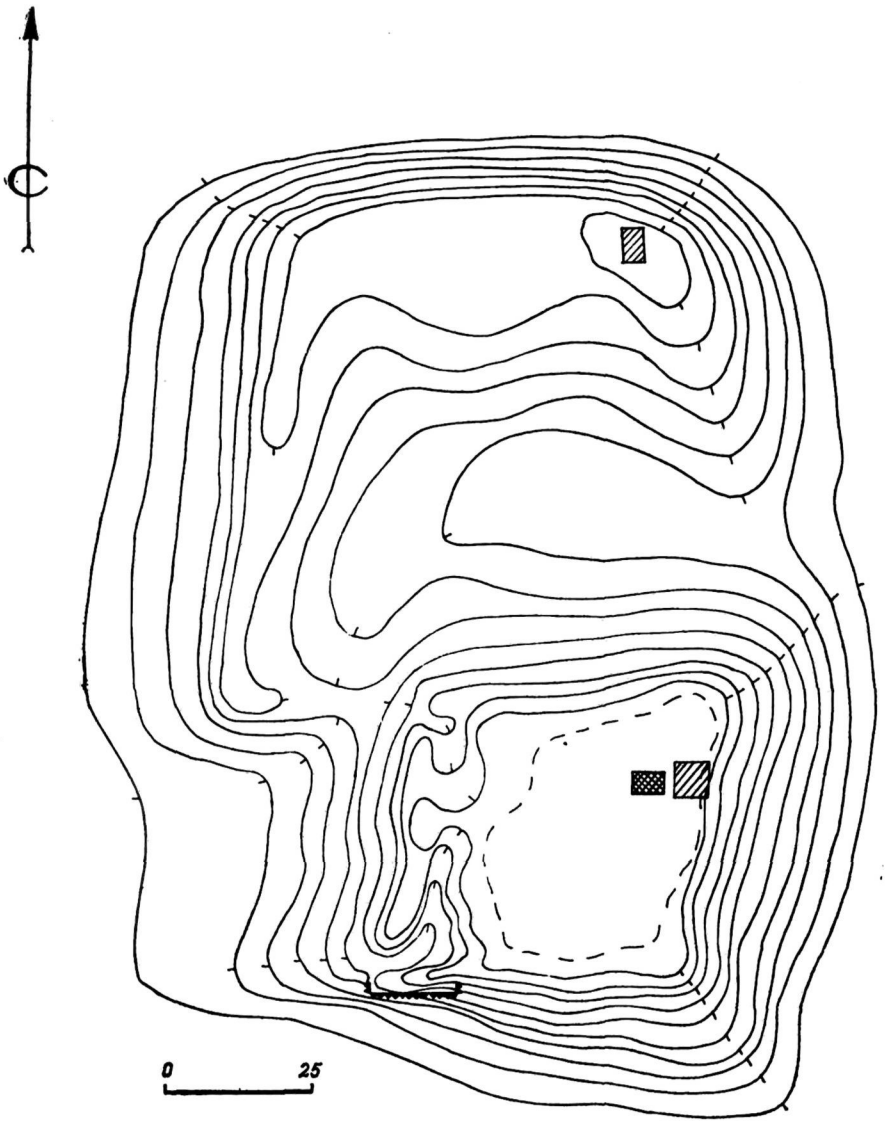


Рис. 14. Поселение Безымянное. План-схема (сечение горизонталей 1 м).

На поверхности южного холма найдены две медные тохаристанские анэпиграфные монеты с круглым отверстием, под полом верхней средневековой постройки — две медные монеты, предположительно определяемые как кушано-сасанидские (?) (см. Приложение II, реестр 175—178).

Слой, относящийся к кушано-сасанидскому времени, выявлен в нижней части стратиграфического шурфа (2,7×5,0 м), заложенного у северо-восточного края верхней площадки южного холма (рис. 15). Его мощность — около 2,5 м. В пределах шурфа оказалась часть постройки, ограниченная идущей в направлении север — юг стеной. Стена сооружена на выровненной, утрамбованной и обмазанной глиной поверхности лёссового холма (пол № 1 — середина XI яруса) и сложена из квадратных сырцовых кирпичей, размерами 36×36×9—10 см. Швы кладки необычно толстые, до 15—20 см (как горизонтальные, так и вертикальные). Вскрытая поверхность стены оштукатурена (толщина штукатурки — 5—7 см).

На уровне нижней части VIII яруса зафиксирован пол № 2, отделенный от первоначального рыхлым завалом из лёсса, обломков кирпичей,

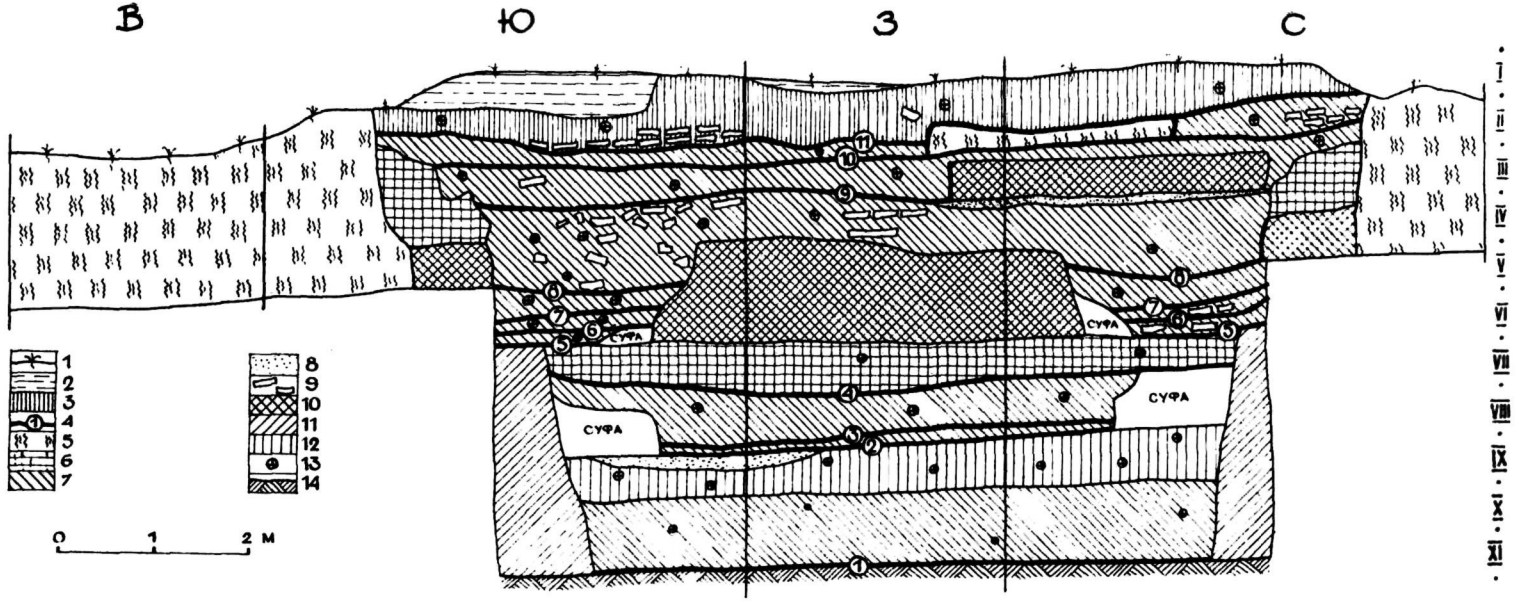


Рис. 15. Поселение Безымянное. Развертка стенок шурфа:

1 — дерн; *2* — рыхлый надувной лёсс; *3* — аморфный завал из полностью разложившихся строительных остатков; *4* — уровень и номер пола; *5* — пахса; *6* — плотный пахсовый завал; *7* — рыхлый темный лёсс с гумусом; *8* — лёссовая подсыпка; *9* — сырцовые кирпичи; *10* — стены помещений раннесредневекового периода; *11* — стена помещения кушано-сасанидского периода; *12* — рыхлый завал с обломками сырцовых кирпичей; *13* — фрагменты керамики; *14* — материк.

кусков пахсы и штукатурки, фрагментов керамики. С уровня этого пола к стене была приставлена суфа, высотой 0,65 м, шириной 0,9—1,2 м. Она сооружена при помощи кирпичного бортика (пять рядов кладки) и забивки строительным мусором (обломки кирпичей, куски пахсы, лёсс с фрагментами керамики, камнями) пространства между бортиком и поверхностью стены, а затем покрыта глиняной обмазкой, толщиной 5—7 см. С суфой связан еще один горизонтальный уровень (пол № 3). Последний пол периода (пол № 4) перекрывал суфу. Заполнение между полами № 2—4 состояло из рыхлого темного лёсса, насыщенного фрагментами керамики, костями животных, зольниками, гумусными прослойками.

Выше, в стратиграфическом шурфе (III—VI ярусы), без сколько-нибудь заметного перерыва залегал слой, мощностью около 2,0 м, относящийся к раннему средневековью. Он распадался на три строительных периода, соотносимых с различными уровнями полов и связанных с ними суф и стен (полы № 5—9, формат кирпича стен — 52×26×10 см). Для строительства первоначального раннесредневекового здания предшествующую постройку заполнили пахсой и лёссом (поверх пола № 4), включив в забутовку и части срезанных стен нижнего здания.

Остатки построек, обнаруженных на северном подковообразном всхолмлении, также относятся к раннему средневековью [12].

Верхние два яруса (I и II ярусы) в стратиграфическом шурфе занимает слой, относящийся к X—XII вв. (полы № 10—11 и связанные с ними остатки стен). К этому же времени относятся и остатки многочисленных построек на пространстве в несколько сот метров к северу, востоку и югу от подножия холма [13].

Находки характерных форм керамики (см. табл. XXXII, 9—21) позволяют синхронизировать нижний слой шурфа с керамическим комплексом поселения Ак-тепе II и относить его к кушано-сасанидскому времени [14].

Мунчак-тепе

Является самым северным поселением правобережья Кобадианского оазиса. Расположено в 33 км к северу от райцентра Шаартуз, в 5 км к югу от кишлака Тартки, в километре от берега р. Кафирниган. Обследовалось Кафирниганским отрядом СТАЭ—ТАЭ в 1951—1954 гг. [Дьяконов, 1953, с. 266; Хроника, 1953, с. 311; Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 310—322].

Представляет собой квадратный в плане холм, ориентированный по странам света, размерами 100×100 м с пятью башнями (судя по рельефу) по каждой стороне (всего 16 башен). Высота холма над окружающими хлопковыми полями — 6—7 м. Примерно в центре верхней площадки поселения, несколько смещенно в его северо-восточную четверть,— округлое возвышение (видимо, остатки какого-то монументального здания). В настоящее время холм сильно поврежден траншеями и построенными на его верхней площадке хирманами. Сохранившаяся высота — 2,5—3 м.

Подъемный материал представлен фрагментами керамики, среди которых выделяется венчик хума с оттиском печати на внутренней стороне венчика. Оттиск овальной формы (наибольшая длина — 1,2 см) с изображением двугорбого верблюда, идущего влево. Между горбами — тамгообразный знак в виде трилистника. У подножия холма была найдена «коринфская» капитель колонны из мергелистого известняка [Дьяконов, 1953, с. 266, рис. 11].

В 1952—1953 гг. на верхней площадке поселения были заложены разведывательный раскоп и шурф, выявившие стратиграфию культурных напластований.

Шурф, заложенный к югу от центрального всхолмления, размерами 4×6 м, в своей нижней части вскрыл слой, лежащий непосредственно на материке, с керамикой, близкой по форме керамике этапа Кобадиан I (цилиндроконические сосуды). Выше залегал слой, лишенный находок, а над ним, на глубине 2,5 м, были обнаружены остатки трех помещений. Стены помещений сложены из квадратного сырцового кирпича и покрыты белой алебастровой штукатуркой. Судя по керамике, этот слой относится к кушанскому периоду (аналогии в керамике Кобадиан II—III). Слой кушанского времени был перекрыт культурными слоями со смешанным материалом раннесредневекового и кушанского времени [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 314—315].

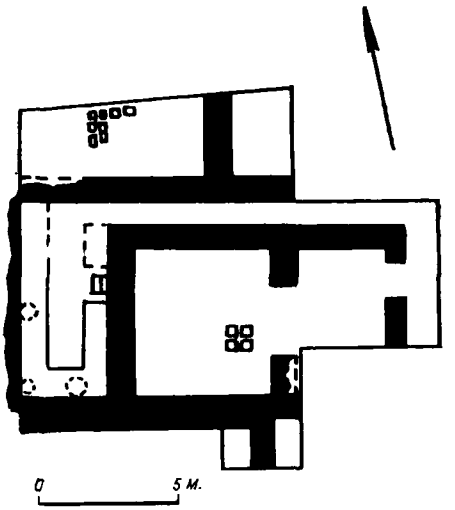


Рис. 16. Поселение Мунчак-тепе. План раскопанных помещений периода Мунчак-тепе III (по А. М. Мандельштаму и С. Б. Певзнеру).

Большой раскоп на центральном всхолмлении (общей площадью около 150 кв. м) выявил несколько иную стратиграфию. Верхние два слоя, обозначенные как Мунчак-тепе I и Мунчак-тепе II, дали материал, позволивший датировать их соответственно VIII—IX и VI—VII вв. (аналогии керамике, монеты [там же, с 311—322]). Ниже были вскрыты комплекс помещений (слой Мунчак-тепе III), ориентировочно отнесенный к IV в. н. э., а под ним — останки двух более ранних сооружений, датированные первыми веками новой эры [там же, с 322]. Последний слой, видимо, должен быть синхронизирован с остатками помещений с белой штукатуркой, вскрытых в шурфе.

Судя по описанию и воспроизведению форм керамики [там же, с. 319—321, рис. 33, 1—3], комплекс помещений Мунчак-тепе III должен быть отнесен к кушано-сасанидскому времени (рис. 16). Центральное место в нем занимает прямоугольное в плане помещение (помещение 1), размерами 5,1×4,8 м. Пол и стены покрыты несколькими слоями белой ганчевой штукатурки, большое количество ее обломков найдено на полу, преимущественно около стен. В юго-восточной четверти помещения расчищены остатки квадратной выкладки (80×80 см) из сырцовых кирпичей (сохранился только нижний ряд, но, судя по развалу, их, видимо, было несколько). Верхняя поверхность выкладки сильно прокалена (так же как и обломки кирпичей от ее верхней части), боковые поверхности обмазаны белым ганчем. Скорее всего это остатки алтаря или подиума жертвенника. Проходом в середине восточной стены (шириной 2,2 м) помещение соединено с другим (помещение 2), также прямоугольных очертаний, размерами 4,8×3,18 м. Стены и пол покрыты несколькими слоями белой штукатурки. Никаких находок на полах этих помещений нет. Узкий проход в восточной стене помещения, несколько смещенный к северо-восточному углу, вел на улицу или во двор.

Севернее помещений 1 и 2 проходит узкий (0,75 м) и длинный коридор-проход, ведущий в помещение 3, расположенное к западу от помещения 1. Оно прямоугольных в плане очертаний, размерами 6,7×3,08 м (проход расположен в северо-восточном углу). Вдоль трех стен помещения (восточной, западной и южной) идет широкая (до 1,0 м), П-образная в плане суфа. В части, примыкающей к восточной стене помещения, имеется разрыв. Здесь расположено небольшое возвышение-очаг, покрытое глиняными, сильно прокаленными плитками. Стена

над ним — в толстом слое копоти, на полу — зольное пятно. На стенах помещения и суфе — несколько слоев саманной штукатурки, причем один из внутренних слоев на суфе — ганчевый. На суфе сохранились остатки по меньшей мере шести хумов с вмазанными в ее поверхность днищами. На полу помещения найдены керамика и два пряслица.

В северной части раскопа, за коридором-проходом и помещением 3, были расчищены углы еще двух смежных помещений. К югу от помещений 1 и 2 в пределы раскопа также попали углы каких-то построек, сооруженных, возможно, несколько ранее основного комплекса.

Заполнение помещений комплекса Мунчак-тепе III следующее. Поверх напольного слоя, содержавшего большое количество обломков штукатурки, прослежено несколько слоев плотных натеков. Выше залегал тонкий слой завала, а поверх него — толстый слой забутовки, служивший фундаментом для помещений вышележащего комплекса Мунчак-тепе II. В забутовке была найдена каменная база колонны «аттической» профилировки [Мандельштам, Певзнер, 1958, рис. 31]. Скрупулезный анализ истории запустения и разрушения помещений комплекса Мунчак-тепе III позволил авторам раскопок сделать важное заключение о том, «что время строительства комплекса Мунчак II не может быть отделено большим промежутком времени от периода, когда комплекс Мунчак III пришел в запустение» [там же, с. 322].

Ближайшие аналогии немногочисленной коллекции керамики, найденной на полу помещения 3 (см. табл. XXXIII, 1—3), имеются в керамике поселения Ак-тепе II, что позволяет синхронизировать комплексы,— это нижняя часть и боковинка небольшого сосуда (видимо, кружки) с широким горлом, покрытого красно-коричневым ангобом; несколько обломков крупного двуручного сосуда (амфоровидного), покрытого в верхней части красно-коричневым шелушащимся ангобом и украшенного по плечикам пояском волнистого орнамента; фрагмент котла с шаровидной формой тулова, вертикальным венчиком и налепной подковообразной ручкой [там же, с. 319—321].

Сооружение, открытое в слое Мунчак-тепе III, было определено как «небольшое святилище маленького, сельского типа поселения» [там же, с. 321]. Многие детали этого сооружения разительно совпадают с деталями святилища, раскопанного на поселении Ак-тепе II: наличие алтаря или подиума для жертвенника в центральном помещении, двухчастная планировка ядра комплекса, наличие обводного Г-образного коридора, остатки хумов, отсутствие бытовых находок в центральных помещениях и т. д.

Шодмон-кала

Поселение расположено на правом берегу р. Кафирниган, в трех километрах к югу от райцентра Шаартуз (рис. 17). Представляет собой холм, трапециевидной в плане формы, возвышающийся над окружающими хлопковыми полями на семь метров, ориентированный сторонами по странам света. Размеры верхней площадки: северная, южная и западная стороны — по 40 м, восточная — 32 м. Ее поверхность плоская, в южной части небольшое всхолмление, в северной — неглубокая яма позднего происхождения. Судя по рельефу, возможно наличие оборонительных башен по углам и в середине южной, западной и северной сторон. Склоны холма и поверхность верхней площадки слабо задернованы.

Судя по результатам шурфовки, поселение возникло в кушано-сасанидское время [15] (рис. 18).

Первый период. Постройки были возведены на стилобате довольно сложной конструкции. На выровненной и утрамбованной поверхности (конец XIV яруса) из хорошо отмученной пахсы сооружены перегородки, толщиной 0,5—0,6 м и высотой 1,4 м. Образовавшиеся «ячейки», шириной 1,5 м (длина их не выяснена, но явно больше 1,5 м), были запол-

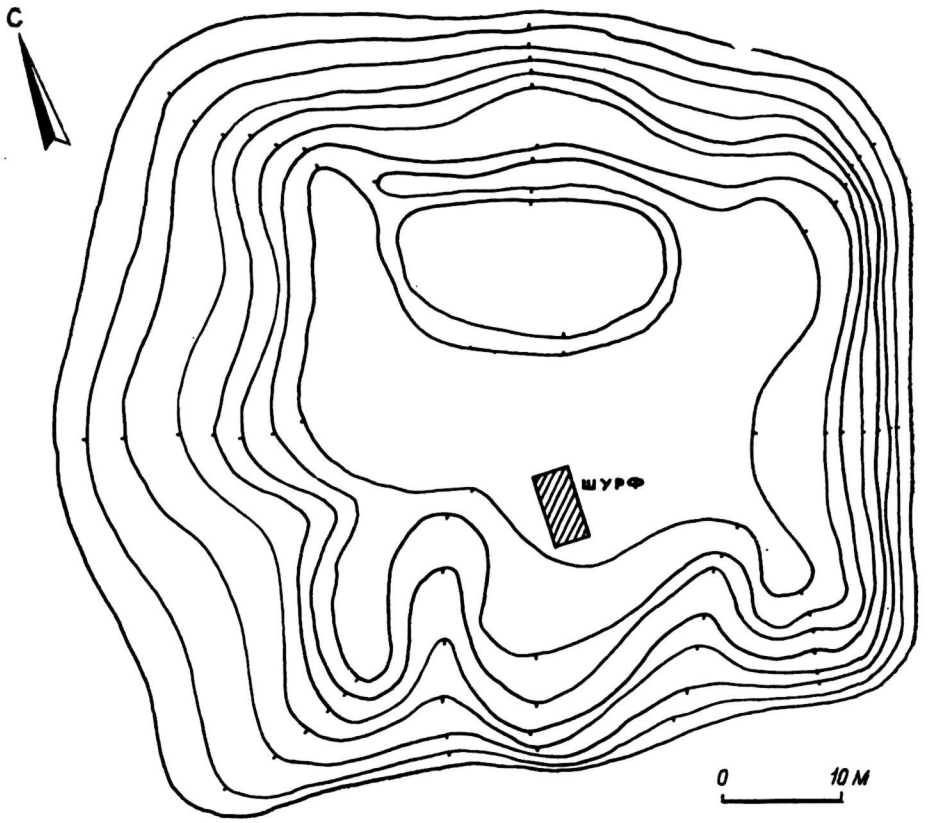


Рис. 17. Поселение Шодмон-кала. План-схема (сечение горизонталей 1 м).

нены лёссом, кусками пахсы, обломками сырцовых кирпичей. В верхней части образовавшейся платформы-стилобата, высотой 1,5 м, прослежен зольник с большим количеством фрагментов толстостенной (обломки хумов) и хозяйственной керамики. Это, видимо, разровненный строительный мусор. Поверх него несколькими промазками был сделан глиняный пол, на котором были поставлены стены помещений первого периода.

В пределы шурфа попала часть прямоугольного в плане хозяйственного помещения, вытянутого в направлении запад — восток, шириной 1,5 м, ограниченного с севера и юга стенами из сырцового квадратного кирпича (35×35×10—11 см, но имеется и 40×40×10—11 см). Сохранившаяся высота стен — 2,1—2,4 м. В северной стене была вырублена небольшая ниша, шириной 0,6 м, глубиной 0,7 м. Судя по нескольким уровням полов, помещение имело длительную и сложную историю обживания. На первоначальном полу (граница XI—XII ярусов) у южной стены был расчищен небольшой очажок открытого типа и сырцовый кирпич, форматом 36×36×11 см, лежавший перед нишей. В 10—15 см выше имелся второй пол, отделенный от нижнего слоем плотного лёсса. На нем, в западной части помещения, стоял хум, высотой 0,85, на четверть заполненный сгоревшими зернами риса. Поверх второго пола имелся слой (30—40 см) рыхлого темного лёсса, насыщенный фрагментами керамики и костями животных. Этот слой был перекрыт третьим, последним полом помещения. На нем в восточной части шурфа расчищены три стоявших хума, частично заглубленных в пол (один — по плечики). Все вскрытое пространство помещения было заполнено большим количеством упавших сосудов — хумчей и амфоровидных двуручных кувшинов, содержавших сгоревшие зерна риса, маша, пшеницы, гороха (?). В нише также оказа-

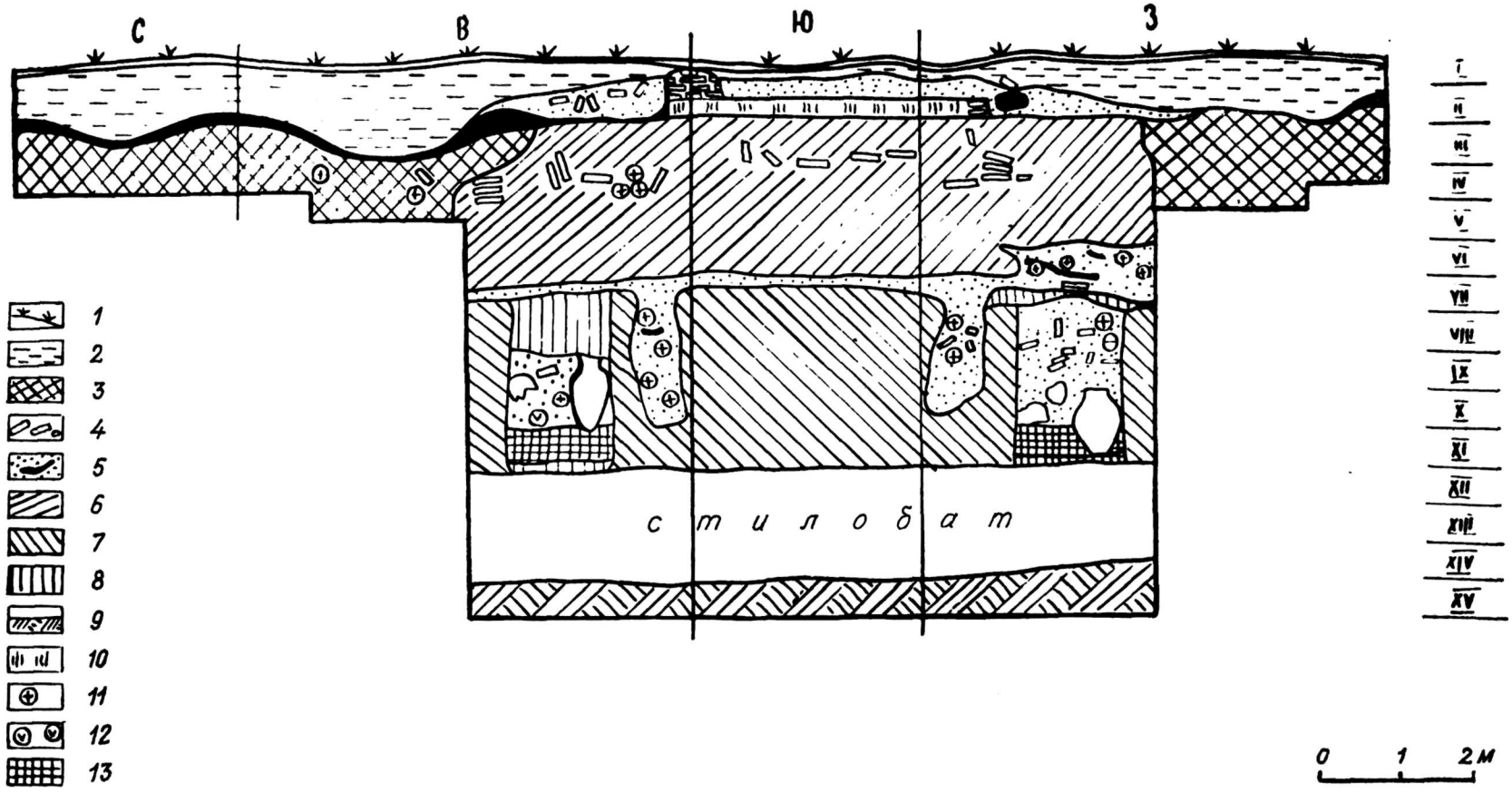


Рис. 18. Поселение Шодмон-кала. Развертка стенок шурфа:

1 — дерн; *2* — рыхлый надувной лёсс; *3* — заполнение ямы; *4* — сырцовые кирпичи; *5* — рыхлый темный лёсс с угольками, зольниками, кусками пахсы и обломками сырцовых кирпичей; *6* — плотный пахсовый завал; *7* — стены помещений кушано-сасанидского периода; *8* — плотный лёсс; *9* — материк; *10* — пахса; *11* — фрагменты керамики; *12* — кости животных; *13* — рыхлый темный лёсс с гумусом.

лись два сосуда (хумчи), заполненные сгоревшими зернами пшеницы. Один из них был вмазан в небольшое прямоугольное возвышение (30×50 см, высотой 25 см), сооруженное в углу ниши, и закрыт квадратной жженой плиткой (30×30×5 см); второй — врыт в пол до середины тулова.

Помещение первого периода погибло в результате сильного пожара. Последний пол был перекрыт мощным (1,0—1,6 м) слоем, состоявшим из золы, сильно прогоревших кусков сырцового кирпича, обломков глиняной обмазки плоского перекрытия со следами выгоревших стеблей тростника или тонких жердей (диаметром 2—3 см), кусков древесного угля, сгоревших зерен пшеницы, риса, ягод винограда, обгоревших костей животных. В слое найдено большое количество тарной керамики, в основном целые формы, также имевшей явственные следы воздействия огня. На полу лежал обломок каменного жернова (верхнего), диаметром 40 см.

Второй период. Не дал конструктивных остатков. Слой пожара оказался перекрыт слоем плотного темного лёсса (0,2—0,7 м), лишенным находок (в западной части шурфа этот слой перекрывает стены помещения), и зольником (VI—VII ярусы), перекрывавшим стены помещений первого периода и частично разрушившим их (яма в южной стене, шириной 0,6—0,7 м, глубиной 1,5—1,8 м). В западной части зольник достигал толщины 0,75 м. Керамика, относящаяся к этому периоду, фактически идентична керамике, найденной в заполнении помещения первого периода.

Кей-Кобад-шах

На городище Кей-Кобад-шах [16], древнем центре Кобадианского оазиса, к кушано-сасанидскому времени относится комплекс, выделенный М. М. Дьяконовым в этап Кобадиан V — последний период в жизни города. В раскопе IA он представлен слоем, лишенным архитектурных остатков, достигавшим кое-где мощности 30—40 см. От нижележащего, более раннего, слоя он отделен небольшой (30—40 см толщины) стерильной прослойкой [Дьяконов, 1953, с. 276, 289]. Аналогичный слой, состоявший из лёсса с небольшим количеством керамики, был выявлен при раскопках участка оборонительной стены с башнями № 16, 17, 18 [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 293). В раскопе IБ к периоду Кобадиан V отнесены остатки постройки, от которой сохранилась лишь часть помещения, длиной 3,6 м. Стены сложены из квадратного сырцового кирпича (формат — 33×33×12 см), имеют толщину 1,0—1,05 м, в высоту сохранились примерно на 1,5 м. На полу помещения были расчищены три небольших стоявших хума, один из которых был закрыт куском каменного ручного жернова, другой — обожженной облицовочной плиткой. Здесь же, на полу около хумов, были найдены две медные монеты — Вимы Кадфиза и позднекушанская [Дьяконов, 1953, с. 279, 290, рис. 26]. К югу от помещения, вне его пределов, на 50 см выше уровня пола последнего, была найдена золотая монета, принадлежавшая чекану Васудевы [там же, с. 278—279, 289—290, рис. 25].

Керамика, отнесенная М. М. Дьяконовым к этапу Кобадиан V, представлена характерными формами, находящими прямые аналогии в кушано-сасанидских комплексах других памятников Кобадиана, в первую очередь поселения Ак-тепе II. Это тагора с широким отогнутым венчиком и рядами штампованного орнамента (см. табл. XXXIII, 25), крупные двуручные кувшины (амфоровидные) (см. табл. XXXIII, 17), фрагменты тонкостенных красноглиняных кружек (см. табл. XXXIII, 16, 19, 20), миниатюрные сосуды (см. табл. XXXIII, 26, 27). В этот же комплекс М. М. Дьяконов включил и некоторое количество фрагментов ножек бокалов, однако не может быть исключено их происхождение из более ранних слоев городища (переотложены) [там же, с. 290—291, рис. 27, табл. XII].

Хишт-тепе

Поселение расположено в километре к югу от возвышенности Уштурмулло (в месте слияния Кафирнигана и Амударьи), в 300 м на север от берега Амударьи, на уступе возвышенности, которая фактически является сильно размытым краем надпойменной террасы. Поселение в плане — прямоугольных очертаний, размерами по подножию 65×70 м, возвышается над уровнем террасы на 8—9 м, однако не исключено, что культурные напластования перекрывают небольшой естественный холм. При недавно проводившихся строительных работах поверхность верхней площадки холма (45×35 м) была сильно нарушена. Какие-то верхние постройки из необработанного камня оказались снятыми при нивелировке и скинутыми на северный и западный склоны.

На поселении собрана небольшая коллекция подъемного материала, состоящая из нескольких терракот, мелких бронзовых изделий, бусин, фрагмента сердоликовой геммы сасанидского типа и нескольких медных монет (одна из них — монета кушаншаха Варахрана I) [Литвинский, Седов, 1983, с. 71—74] (см. Приложение II, реестр 183, 185—186, 188—194).

Шурф (3,2×2,0 м), заложенный в северо-восточной части верхней площадки поселения, частично вскрыл стратиграфию культурных напластований (доведен до середины VI яруса, т. е. общая глубина — около 3 м). В верхней части шурфа, в мешаном слое, содержавшем как глазурованную керамику XI—XII вв., так и фрагменты посуды раннесредневекового и кушанского облика, выявлены остатки двух, видимо разновременных, стен. На уровне I яруса была найдена медная монета кушаншаха Варахрана II (см. Приложение II, реестр 187).

С уровня IV яруса в восточной части шурфа и с середины V яруса в западной прослежена поверхность кирпичной стены, занимавшей всю площадь шурфа. Ее толщина в пределах шурфа не выявляется, достигая 1,25 м у западной и 1,80 м у восточной стенок шурфа. Стена сложена вперевязку из квадратного сырцового кирпича, форматом 40×40×10 см и 39×39×9—10 см. Лицевая ее часть покрыта саманной штукатуркой (толщиной 4—5 см) со следами обожженности. Стена вскрыта на высоту около 0,5—0,7 м (середина VI яруса) и в длину на 3,1 м. Заполнение между лицевой частью стены и северной стенкой шурфа (т. е. заполнение помещения) состоит из плотного завала разложившихся строительных остатков. Примерно на уровне нижней части IV яруса у лица стены в завале найдена медная монета (подражание Хувишке) (см. Приложение II, реестр 184).

Керамика из слоя составляет довольно однородный комплекс и представлена в основном формами, характерными для слоев кушано-сасанидского времени. Это в первую очередь фрагменты тонкостенных красноангобированных чаш с уступчатым переходом к корпусу (так называемые чаши с «перехватом»), часто украшенные сетчатым или спиралевидным лощением [Литвинский, Седов, 1983, табл. VIII, 7, 17, 21, 22]. Встречающиеся в слое отдельные фрагменты бокалов могут происходить из более ранних, не вскрытых в шурфе слоев поселения [там же, табл. VIII, 15, 18, 19].

Уштур-мулло

Небольшой буддийский монастырь располагается на том же останце надпойменной террасы р. Амударьи, что и поселение Хишт-тепе, к северу от последнего. Не исключено, что поселение и монастырь составляли в древности единый комплекс.

Монастырь состоял из ряда помещений, объединенных в одно здание, и отдельно стоящей ступы. Ступа кирпичная, с прямоугольным ступенчатым основанием (16,4×17,5 м) и пандусным подъемом с южной стороны; была облицована гладкими и профилированными каменными пли-

тами, на некоторых из них имелись рельефные изображения. В последний период ее существования (в раннем средневековье) с трех других сторон были пристроены дополнительные пандусы [Литвинский, Седов, 1983, с. 75].

К северу от ступы располагался монастырь, состоявший из 26 помещений, образовывавших каре вокруг квадратного в плане двора, размерами 20,5×21 м. В середине северного фаса здания находился храм с П-образным обводным коридором, обращенным широким дверным проемом во двор. В нем найдены обломки алебастровой скульптуры, фрагменты настенной живописи, детали каменной облицовки, каменный реликварий. Северо-восточный угол здания оказался занятым хозяйственными помещениями типа кладовок. С восточной, западной и частично южной стороны двора находились маленькие квадратные помещения (всего 14) с самостоятельными выходами во двор — кельи для монахов. В северо-западном углу двора располагался огромный зал (около 100 кв. м) для собраний всей монашеской общины.

Монастырь имел два входа — в середине южного фаса (в виде проходного айванного помещения, открытого в сторону ступы и во двор) и в северо-западном углу двора, рядом с залом. По периметру двора шел навес, поддерживавшийся колоннами (обнаружены целые и фрагментированные базы).

Почти во всех помещениях монастыря стратиграфически четко выделяются два периода, верхний из которых по характерному керамическому материалу (фрагменты ойнохоевидных сосудов, тагора, двуручные амфоровидные кувшины, чаши, кувшин с длинным изогнутым носиком — «чайник» [17], см. табл. XXXIII, 6—14) должен быть отнесен к комплексам кушано-сасанидского времени. Судя по напластованиям во дворе, между верхним и нижним периодами возможно наличие кратковременного перерыва [18]. Наиболее поздняя из монет, найденных в слое верхнего периода, определяется как чекан Канишки III (в завале над верхним полом в помещении 20, вместе с монетой Вимы Кадфиза) [Зеймаль Е. В., 1983, с. 228, XVII, 37].

* * *

Кроме перечисленных выше памятников археологические комплексы кушано-сасанидского времени имеются, видимо, еще на некоторых поселениях Кобадианского оазиса. Об этом свидетельствуют находки медных монет сасанидских кушаншахов, обнаруженные на поселениях у сел. Новабад, сел. Саят, на Тахти-Куваде.

Новабад-кала. Поселение расположено в хвостовой части древнего магистрального канала Нахри-Калон. Представляет собой холм, прямоугольной в плане формы, размерами 85×100 м, высотой около 7 м, ориентированный сторонами по странам света (рис. 19). На восточном и западном склонах холма, соответственно у северо-восточного и юго-западного углов, имеются глубокие западины, возможно отмечающие места подъема на поселения. Судя по рельефу, поселение было окружено оборонительной стеной с башнями по углам и серединам сторон. В современных ямах на гребне северной стороны холма видны остатки стрелковой галереи (?), стены которой сложены из крупных сырцовых блоков. В центре холма, на месте округлого возвышения, высотой около трех метров, в 1976 г. была раскопана изолированная постройка раннесредневекового времени [19]. На поверхности холма найдена сасанидо-кушанская монета кушаншаха Пероза I, а в закладке прохода одного из помещений раннесредневековой постройки — кушано-сасанидская монета кушаншаха Хормизда (?) (см. Приложение II, реестр 181—182).

Тахти-Кувад. Городище, предполагаемое место находки Амударьинского клада, расположено на правом берегу р. Амударьи, напротив впадения в нее левого притока р. Кундуз, в пяти километрах южнее горо-

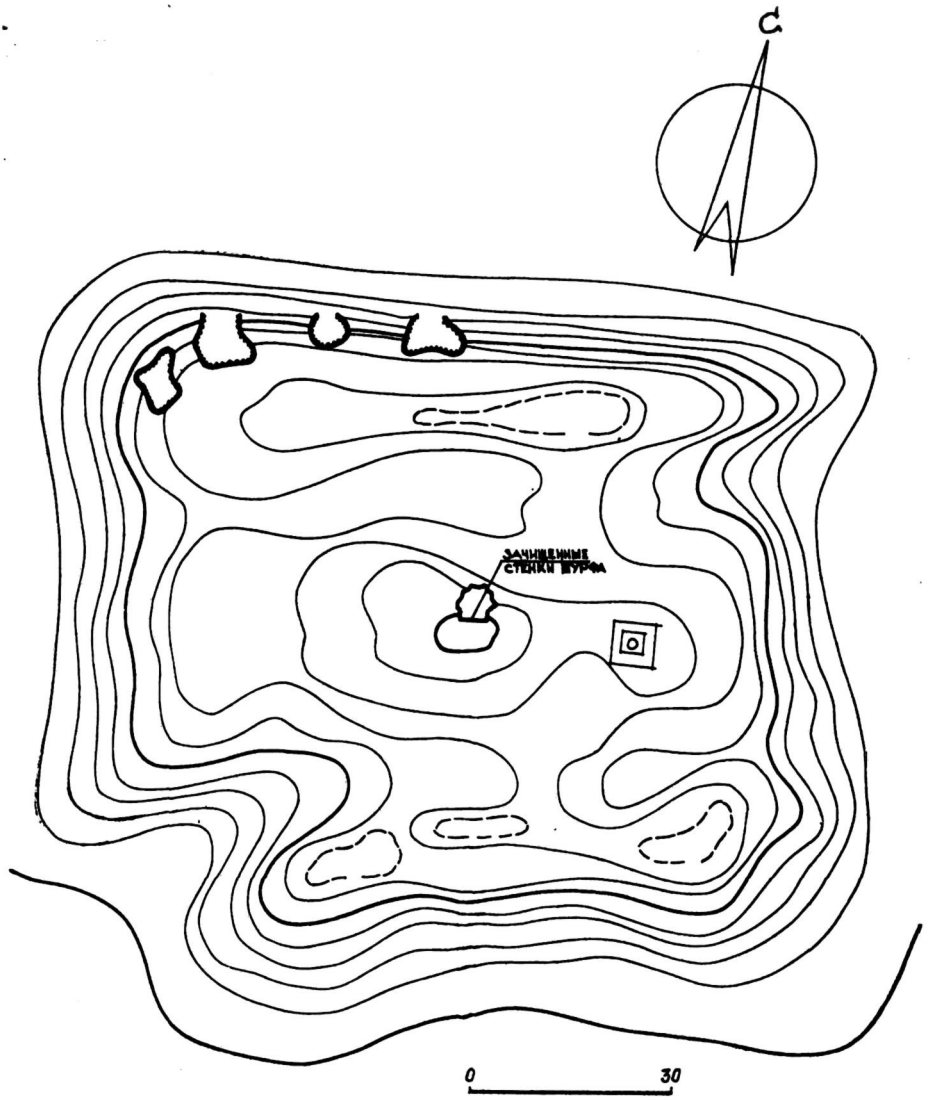


Рис. 19. Поселение у сел. Новабад. План-схема (сечение горизонталей 1 м).

дища Тахти-Сангин. Поверхность городища сильно повреждена современными постройками. Центральная его часть (цитадель ?) представляет собой холм прямоугольных очертаний, размерами (по верхней площадке) 70×80 м. Его высота от подножия—8—9 м, ориентировка—углами по странам света (вдоль русла реки). Вокруг центрального холма—остатки разрушенного поселения[20]. На поверхности городища вместе с кушанскими и раннесредневековыми монетами найдена сасанидо-кушанская монета (см. Приложение II, реестр 195).

Поселение у сел. Саят. Расположено на западной окраине селения, представляет собой холм прямоугольной в плане формы, высотой около 6 м, ориентированный сторонами по странам света (рис. 20). Верхняя площадка холма, имеющая размеры 60×95 м, незначительно понижается к центру. Судя по рельефу, возможно наличие обводных оборонительных стен и башен по углам и серединам длинных сторон. В северо-восточном углу—небольшая цитадель, размерами 30×30 м. Она сильно повреждена и не имеет четкой формы, однако можно угадать квадрат. Цитадель возвышается над уровнем верхней площадки поселения в среднем на 1,5 м, имеет общий уклон к юго-западному углу, причем ее северо-вос-

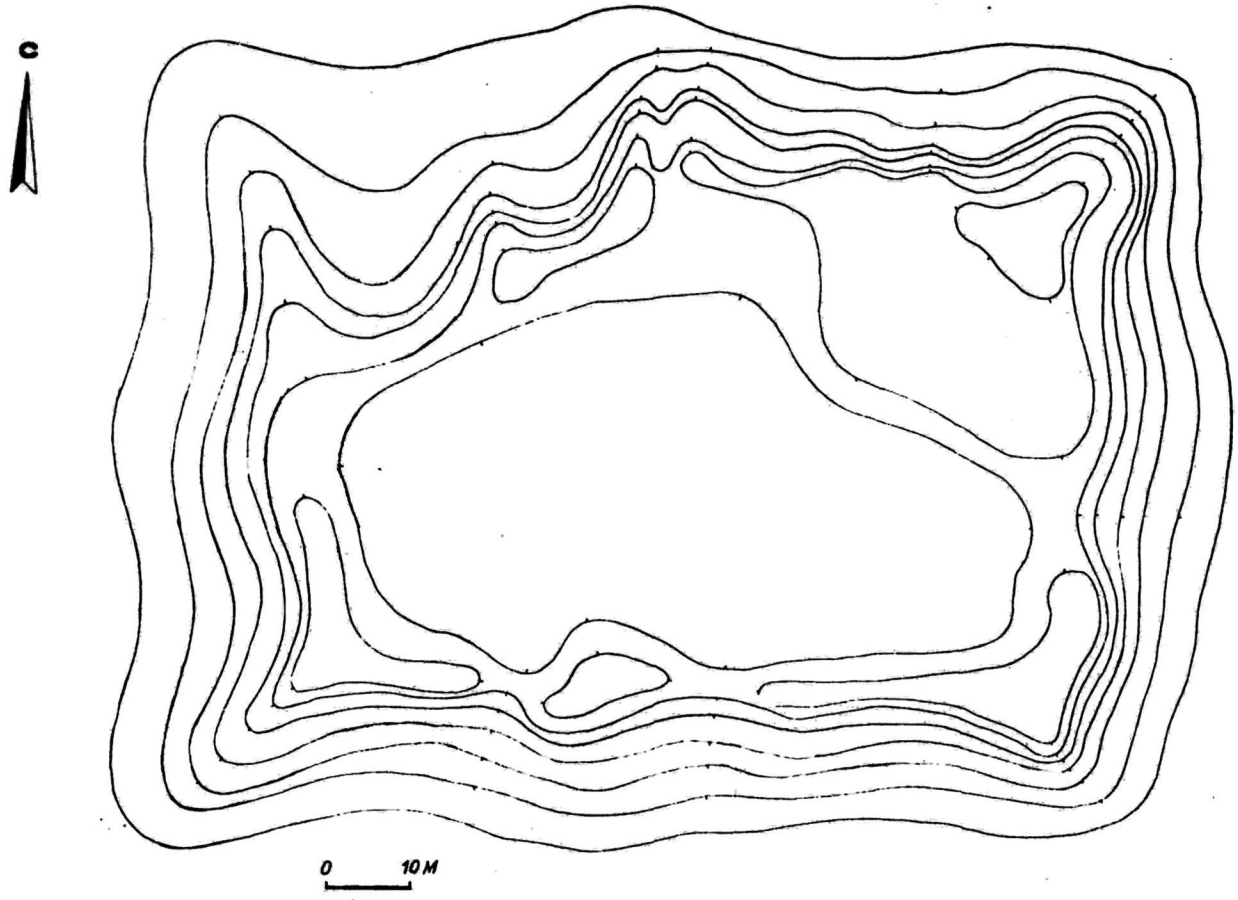


Рис. 20. Поселение у сел. Саят. План-схема (сечение горизонталей 1 м).

43

точный угол достигает высоты два метра. Видимо, на поверхности этого поселения в 1967 г. была найдена медная сасанидо-кушанская монета кушаншаха Варахрана I (см. Приложение II, реестр 180).

§ 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Погребальные сооружения, относимые к комплексам кушано-сасанидского времени Кобадиана, немногочисленны и разнохарактерны. Они исследованы в Бишкентской долине (Ак-тепе II, погребения с трупосожжением) и в правобережье р. Амударьи (наусы Тепаи-шах).

«Погребальные ямы» на поселении Ак-тепе II. В руинах святилища на поселении Ак-тепе II раскопаны необычные погребальные сооружения. Это две ямы лопатообразной в плане формы, в которых было совершено захоронение предварительно очищенных черепов и костей с обильным сопроводительным инвентарем. Их сооружение относится, видимо, к третьему периоду жизни на поселении, когда святилище уже перестало функционировать (см. выше). «Погребальные ямы» были вырыты в восточном и южном коленах забутованного Г-образного коридора (помещение 16); при этом были частично повреждены поверхности стен помещения (см. рис. 4).

«Погребальная яма» № 1 (рис. 21). Вырыта в южном колене коридора, вдоль его северной стены, что частично повредило ее поверхность. Яма двухчастная, лопатообразной в плане формы (восточная ее половина значительно шире западной), вытянута в направлении запад — восток. Размеры — 0,7—1,2×4,25 м, глубина — 1,8 м. Вертикальные, незначительно суживающиеся ко дну стенки восточной части ямы начинались с современной поверхности верхней площадки поселения. Западная часть ямы нарушена хумами, врытыми на глубину 1,5 м. При этом часть погребального инвентаря и костей захороненных оказалась выброшенной к востоку от ямы (найдены вне ее пределов, в рыхлом верхнем слое поселения).

В более узкой части ямы были сосредоточены черепа (четыре) и кости погребенных. Сопроводительного инвентаря найдено здесь сравнительно мало: четыре небольших кувшинчика, бронзовые обкладки, видимо, деревянного сосуда и бронзовый колокольчик (№ 43[21], 47, 51—53, 59). В более широкой, восточной части ямы, вдоль ее южной стенки, были установлены в ряд несколько крупных сосудов: хум, амфоровидные сосуды, ойнохоевидный кувшин, небольшой двуручный сосуд с уплощенными боками, чироги (№ 8—12, 54—56). Около хума лежали два бронзовых киафа и бронзовая «курильница» (№ 4, 5, 22). К югу от сосудов, на дне ямы, найдены небольшой двуручный кувшинчик (№ 50), кости и четыре черепа. Один из черепов был положен в крупную бронзовую чашу, на дне которой имеется отпечаток узора шерстяной ткани; под ней — бронзовый киаф (возможно, все это было завернуто в небольшой кусок материи). Около восточной стенки ямы найдены двуручный котел, железные ножи, бусы, «курильница», пряслице, обломок костяной булавки, каменная подвеска (№ 1—3, 13, 28, 32, 41, 46) и некоторое количество костей захороненных. Основное количество находок (№ 14—21, 23—27, 29—31, 33—40, 42, 44, 45, 48, 49, 57, 58, 60—66) обнаружено в так называемом выбросе к востоку от ямы.

Обращает на себя внимание диспропорция: при наличии восьми черепов и такого же количества нижних челюстей явно не хватает длинных костей, ребер, позвонков, тазовых костей. Судя по ненарушенной восточной части, «погребальная яма» была заполнена рыхлым лёссом.

«Погребальная яма» № 2 (рис. 22). Вырыта в восточном колене коридора, вдоль его западной стены, при этом частично повреждена ее поверхность (в нижней части). По форме аналогична «погребальной яме» № 1, вытянута в направлении север — юг, с незначительным склонением к западу (расширенная часть — северная). Размеры —

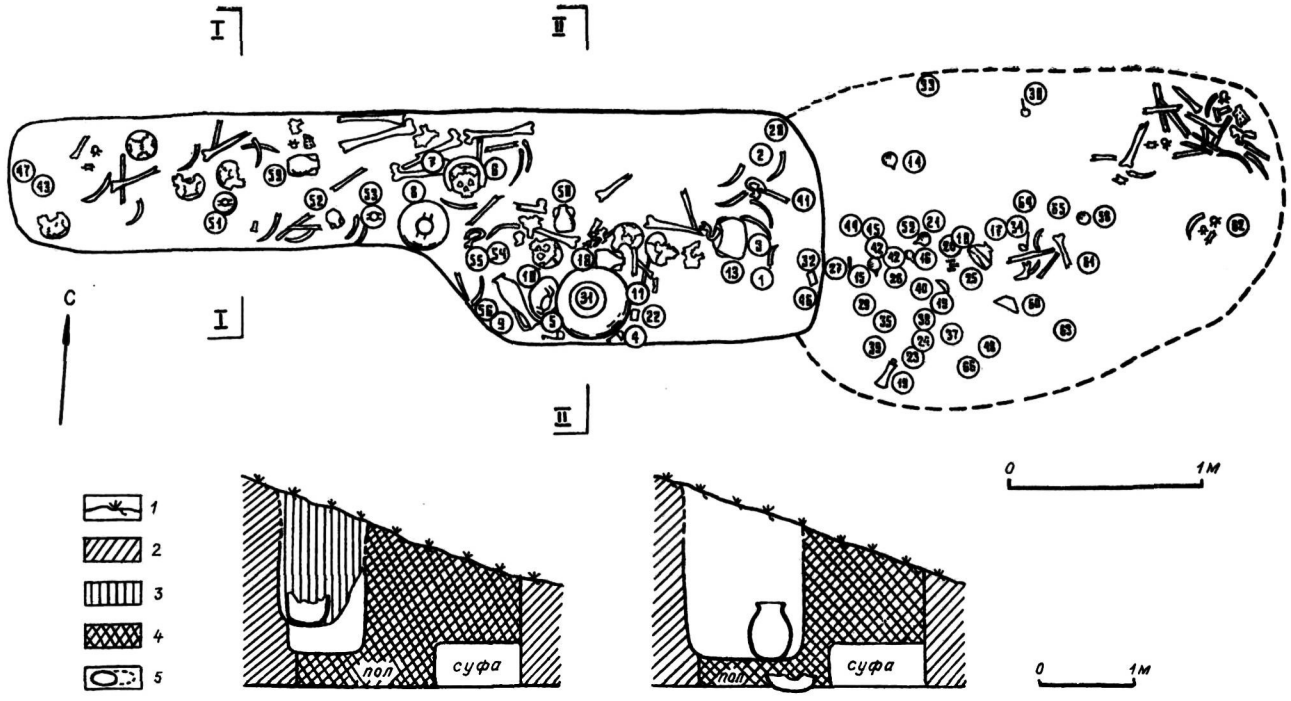


Рис. 21. Поселение Ак-тепе II. «Погребальная яма» № 1, план находок и разрезы:

1 — дерн; *2* — стены помещения; *3* — заполнение ямы для хумов; *4* — забутовка помещения 16; *5* — контуры «погребальной ямы» и «выброса». Находки: *1, 2, 27, 37* — железные ножи; *3, 33* — бусы; *4, 5, 7, 34* — бронзовые киафы; *6, 19, 60* — бронзовые чаши; *8—13, 17, 50—56, 59* — керамические сосуды; *14, 15, 58* — бронзовые зеркала; *16* — бронзовая бутылочка; *18, 35* — фрагменты золотых серег; *20* — железные панцирные пластины; *21* — бронзовый черпак; *22, 32* — бронзовые «курильницы»; *23* — раковина; *24* — железные пластины; *25* — каменное навершие кинжала; *26* — каменная рукоятка; *28* — костяная булавка; *29, 66* — монеты; *30* — бронзовая ложка; *31, 36, 39, 40, 61, 62* — фрагменты неопределимых железных предметов (рассыпались); *38* — железное тесло; *41, 42, 44, 57* — пряслица; *43* — бронзовый колокольчик; *45* — изделие из раковины; *46, 48* — каменные амулеты; *47, 65* — бронзовые обкладки; *49* — железная мотыга; *63* — железные пряжки (2 шт.); *64* — обломок железной булавки.

45

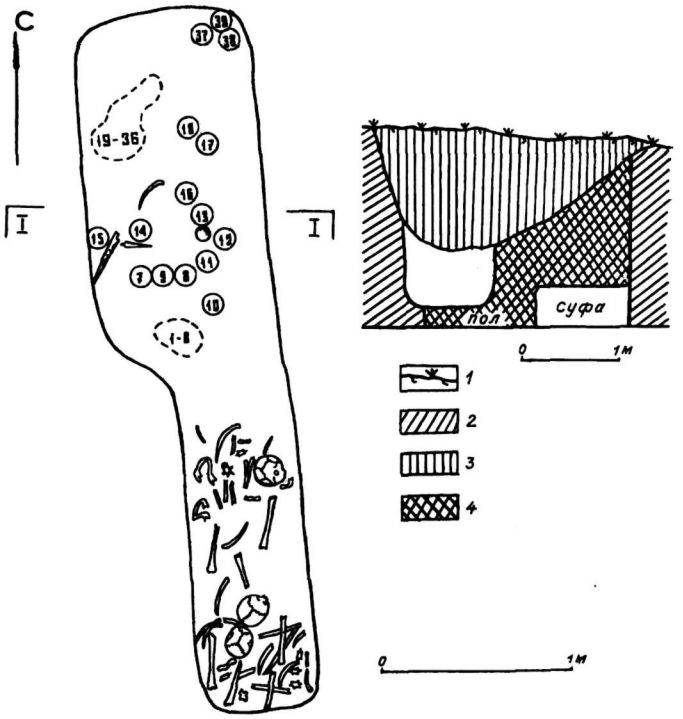


Рис. 22. Поселение Ак-тепе II. «Погребальная яма» № 2, план находок и разрезы:

1 — дерн; *2* — стены помещения; *3* — «поздняя» мусорная яма; *4* — забутовка помещения 16. Находки: *1* — бронзовое зеркало; *2* — монеты (5 шт.), *3* — бусы; *4* — подвеска; *5* — раковина; *6* — буллы; *7—12* — монеты (8 шт.); *13* — бронзовая «курильница»; *14* — железный нож; *15* — железный кинжал; *16—18* — монеты (4 шт.); *19* — янтарная бусина; *20* — железная мотыга; *21* — железный нож (разрушился); *22* — бронзовая тарелочка; *23* — железный нож; *24* — роговая пряжка; *25* — железный нож; *26* — раковина; *27* — бронзовая «курильница»; *28* — пряслице; *29* — бронзовая ручка от сумки; *30* — бронзовая бутылочка; *31* — бронзовая ложка; *32* — железный пробойник; *33* — железный нож; *34* — бусы, подвески; *35* — фрагменты золотой серьги; *36* — монеты (102 шт); *37—39* — монеты (3 шт.).

0,6—0,9×3,8, глубина — 1,85 м. Так же как и у «погребальной ямы» № 1, ее вертикальные, суживающиеся ко дну стенки начинались с современной поверхности холма (в северной части, на глубину 1,3 м, яма № 2 разрушена обширной ямой недавнего происхождения).

В «погребальной яме» № 2 более четко, нежели в предыдущей, разграничены друг от друга кости, черепа и погребальный инвентарь. Первые сконцентрированы в узкой южной части, причем отмечена та же особенность: недостаточное количество длинных костей, ребер, позвонков и т. д. (судя по количеству черепов, здесь было захоронено трое человек).

Погребальный инвентарь располагался в более широкой северной части ямы. Отмечено три компактных скопления (ср. с количеством черепов в южной части ямы). Одно из них, самое южное, включало бронзовое зеркало, глиняные буллы, небольшое ожерелье из шести бусин и подвески, раковину и пять монет (№ 1—6). Все эти предметы были, видимо, завернуты в шерстяную материю (прослежены остатки ткани). Второе, менее компактное, скопление инвентаря располагалось севернее и состояло из двух железных ножей, «курильницы» и нескольких монет, разбросанных по дну ямы (№ 10—18). Еще одно, третье, скопление расчищено у северо-западного угла ямы. Здесь найдены железные ножи и мотыга, бронзовая «курильница», бутылочка и ложка, раковина. Крупное ожерелье из 78 бусин и нескольких подвесок из янтаря и раковины,

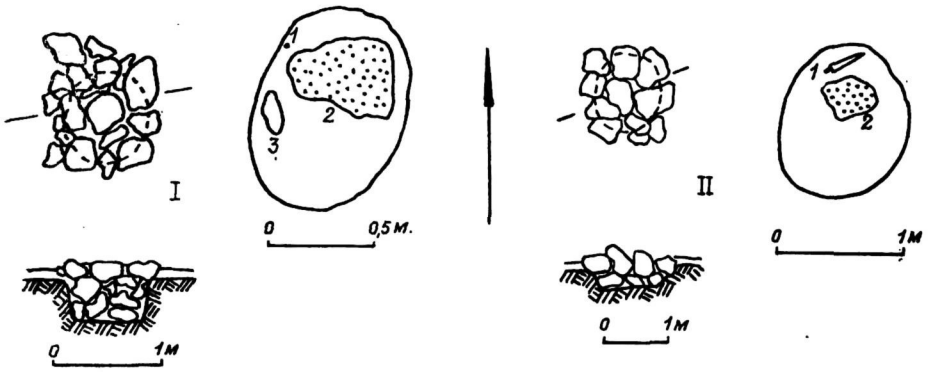


Рис. 23. Погребения по обряду трупосожжения. Планы и разрезы:

I — погребение № 1 у поселения Хан-Газа (*1* — монета, *2* — скопление кальцинированных костей, *3* — древесный тлен); II — впускное погребение в кургане 1,48 Тулхарского могильника (*1* — кинжал, *2* — скопление кальцинированных костей) (по А. М. Мандельштаму).

а также фрагменты ювелирных украшений и большое количество монет (около 100 шт.) находились в матерчатой сумочке (сохранились следы ткани) с бронзовой ручкой и золотой застежкой (см. реконструкцию, табл. VII). Сумочка, в свою очередь, лежала на плоской бронзовой тарелочке (№ 19—36). В северо-восточном углу ямы найдены еще три монеты (№ 37—39). В отличие от «погребальной ямы» № 1, в составе погребального инвентаря отсутствовали керамические сосуды. Заполнение ямы — рыхлый темный лёсс.

Кушано-сасанидским временем должна датироваться и какая-то часть погребений в наусах **Тепаи-шах**. Выделить конкретные захоронения затруднительно, однако, судя по отдельным предметам погребального инвентаря, некрополь функционировал вплоть до V в. [Литвинский, Седов, 1983, с. 51—62]. В сооружении I найдены терракотовая статуэтка-образок с изображением Авалакитешвары, датирующаяся IV—V вв. [там же, с. 150, табл. XXVI, 3], и бронзовая пряжка, абсолютно аналогичная находке на поселении Чакалак-тепе [там же, с. 150, табл. XXVIII, 8, 9], в сооружении II — кольцо с дужкой в виде соприкасающихся кружков-дисков с углублениями для вставок, имеющее точные аналогии среди позднеримских украшений III—V вв. [там же, с. 155, табл. XXX, 5]. Кроме того, в трех сооружениях некрополя найдены двуручные кувшины и чаши с вертикальным бортиком и «перехватом» — типичные формы керамики кушано-сасанидских комплексов Кобадиана [там же, с. 149, 150, 154, 158; табл. XXV, 2, 3; XXIX, 12, 13; XXXI, 1—3].

Погребения по обряду трупосожжения. В Бишкентской долине было раскопано некоторое количество погребений по обряду трупосожжения. Два из них открыты под «пристройками» к кургану I, 48 в Тулхарском могильнике и к одному из курганов Коккумского могильника; еще два — в непосредственной близости от поселения Хан-Газа (рис. 23). Погребения характеризуются единством обряда и одинаковым устройством могильного сооружения. Это полное трупосожжение, совершавшееся где-то «на стороне», с последующим захоронением кальцинированных костей в небольшой грунтовой яме. Ямы овальной в плане формы (размеры — 0,6—0,8×0,5—0,7 м, глубина — 0,3—0,4 м), вытянуты в направлении север — юг, заполнены камнями. На поверхности заполнение образовывало подквадратную выкладку. Пятна кальцинированных костей, так же как и очень немногочисленный инвентарь (кинжал, монета, наконечник стрелы (?), древесный тлен), концентрируются в северной части ямы. Как характерную особенность погребального инвентаря надо отметить полное отсутствие керамики [Мандельштам, 1963, с. 88—93]. Монета, найденная в одном из погребений у поселения Хан-Газа, относится к медному чекану сасанидских кушаншахов (см. Приложение II, реестр 174).

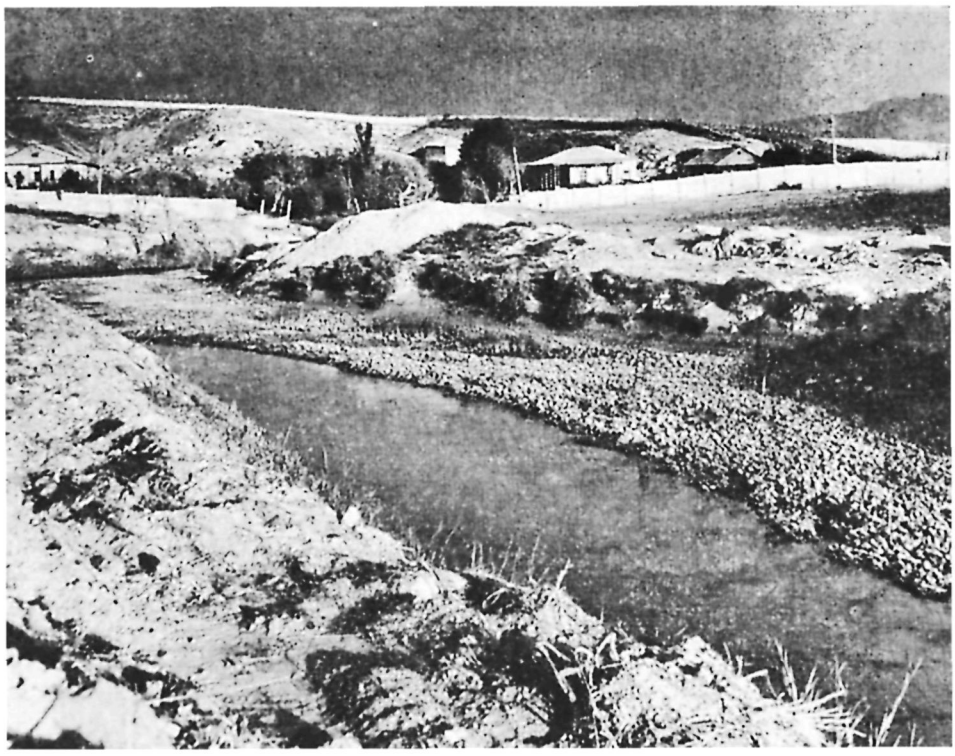


Рис. 24. Источник Чильучорчашма. Начало канала.

§ 3. ОСТАТКИ ИРРИГАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ

В Бишкентской долине удалось зафиксировать сохранившиеся участки древних каналов и остатки иных ирригационных сооружений, время строительства которых синхронизируется с кушано-сасанидскими комплексами [22].

К поселению Безымянное вода от источника Чильучорчашма подводилась с помощью так называемого северного канала. Он хорошо прослеживался на протяжении около 10 км, первоначально пересекая долину в северо-западном направлении, затем поворачивая строго на север по впадине, шедшей сравнительно недалеко от подножия хребта Туюнтау. Русло канала, сильно оплывшее и размытое, на отдельных участках достигало ширины 7—8 м. Севернее поселения Безымянное древний канал не прослеживался [Мандельштам, 1956, с. 71; 1964, с. 24].

Южная часть долины орошалась с помощью канала, также отводившегося от источника Чильучорчашма (рис. 24) и разделявшегося на две самостоятельные ветки. К поселению Клыч-Дувал шла «западная» ветка канала, к поселениям Ак-тепе II, Шур-тепе и Дарахша-тепе — «восточная». Остатки последней хорошо прослеживаются к северу и к югу от поселения Ак-тепе II в виде широкого оплывшего рва, глубиной 1,5—2,0 м, шириной на отдельных участках до 20 м, по обеим сторонам которого сохранились невысокие отвалы. Хвостовой участок «восточной» ветки зафиксирован вдоль южного и частично восточного склонов холма, на котором расположено поселение Дарахша-тепе.

В узкой северной части долины были зафиксированы цепочка вертикальных колодцев кариза, тянувшихся на протяжении около 3 км, правда без соединительной горизонтальной штольни, и подводящий канал, протяженностью около 10 км, выводившийся из р. Кафирниган [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 323; Мандельштам, 1956, с. 71—72; 1964, с. 24; 1966, с. 7].

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩЕСТВЕННОГО МАТЕРИАЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ КУШАНО-САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ КОБАДИАНА

§ 1. АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ

Абсолютное большинство изученных в Кобадиане поселений и городищ с комплексами кушано-сасанидского времени составляют небольшие сельские поселения. Древний городской центр оазиса (городище Кей-Кобад-шах), к сожалению, недоступен для исследования. Мы можем лишь констатировать его существование в кушано-сасанидское время, но ни судить о степени обжитости городища, ни делать какие-либо заключения о характере его застройки в это время не представляется возможным.

Все обследованные поселения — небольшие по размерам, площадью от 0,2 до 0,6 га. Исключение составляет поселение Хан-Газа, занимавшее площадь около 2,5 га, однако его возникновение относится к более раннему времени, и степень его обжитости в кушано-сасанидское время неясна.

Поселения возводились, как правило, на выровненной и утрамбованной поверхности естественного холма. На нем сооружалась невысокая (0,2—0,3 м) пахсовая платформа, обмазанная глиной, поверхность которой служила полами первоначальных помещений (Дарахша-тепе, Безымянное). Иногда верхняя часть платформы представляла собой вымостку из квадратного сырцового кирпича (Ак-тепе II). Постройки поселения Шодмон-кала возведены на стилобате, высотой чуть менее 1,5 м. Вероятно, необходимость в подобном сооружении диктовалась отсутствием подходящего естественного всхолмления в месте, выбранном для поселения. Стилобат представлял собой довольно сложную конструкцию из пахсовых перегородок, высотой 1,4 м, толщиной 0,5—0,6 м (они, видимо, образовывали прямоугольные клети), пространство между которыми, шириной 1,5 м, заполнялось лёссом, кусками пахсы, обломками сырцовых кирпичей и утрамбовывалось. Поверхность такой искусственной платформы обмазывалась глиной.

Сооружение искусственных платформ под отдельными зданиями или целыми поселениями — довольно обычная практика в строительном деле древней Средней Азии. Так, искусственный стилобат, сооруженный из чередующихся рядов пахсы и квадратного сырцового кирпича, высотой около 2,0 м, зафиксирован под первоначальными постройками («великокушанского» времени) поселения Хан-Газа [Мандельштам, 1961, с. 69]. Аналогичный по устройству, но гораздо более высокий (6 м), стилобат имелся под постройками замка Балалык-тепе [Альбаум, 1960, с. 114]. Сходные с шодмонкалинским цоколи (с клетями из сырцового кирпича, высотой 1,4 м) известны на памятниках Хорезма (Аяз-кала 3, Топрак-кала) [Толстов, 1948, с. 105—106; Городище Топрак-кала, с. 140; Топрак-кала, с. 25—28]. Этот же строительный прием применялся и при возведении новых построек на месте более древних, покинутых,

как это было, например, в Айртаме. Клети в данном случае специально не сооружались, а в качестве их использовались старые помещения со срезанными на определенный уровень еще крепкими стенами [Пугаченкова, 1973, с. 82—83] [1].

Практически все изученные в Кобадиане поселения относятся к типу неукрепленных. Их внешними стенами, видимо, служили наружные стены расположенных по краю поселения жилых зданий. Вероятно, к специальным фортификационным сооружениям можно отнести рвы, заполнявшиеся водой, зафиксированные вокруг поселений Ак-тепе II и, возможно, Дарахша-тепе. Современный рельеф некоторых поселений (как правило, многослойных) как будто бы позволяет предполагать наличие оборонительных стен и башен (см. рис. 17, 19, 20), однако это предположение пока не подтверждено. Неясно также, продолжали ли функционировать в кушано-сасанидское время оборонительные стены городища Кей-Кобад-шах. Как показывает изучение оборонительных сооружений других городских центров Бактрии—Тохаристана (Зар-тепе, Дильберджин), именно в это время происходит их разрушение и запустение, устройство на месте укреплений жилых, хозяйственных и культовых построек [Сабиров, Пилипко, 1974, с. 49—53; Сабиров, 1976, с. 48; Пилипко, 1976, с. 59—68; Долгоруков, 1984, с. 88—89].

Планировка и характер застройки поселений изучены недостаточно, однако вряд ли они существенно отличались от известных на синхронных поселениях, раскопанных, например, в долине р. Сурхандарьи (Ак-курган) [Пидаев, 1978, с. 50—62, рис. 16]. Судя по раскопу на Ак-тепе II, это была довольно плотная застройка крупными многокомнатными домами-блоками, состоявшими из различных по площади помещений, соединявшихся между собой проходами (см. рис. 4). Здания отделялись друг от друга узкими (около 1,0 м шириной) глухими улочками.

Культовые комплексы поселений (святилища) не выделялись, видимо, в отдельно стоящие здания, а органично включались в состав жилых построек. Аналогичную ситуацию мы имеем на городище Зар-тепе, где небольшое святилище, подобное раскопанным на Ак-тепе II и Мунчак-тепе, было включено в общий массив жилой застройки квартала [Завьялов, 1979, с. 143, рис. 1—3].

Архитектурно-планировочная композиция святилища (см. рис. 2) следует широко известной схеме, применявшейся в зодчестве Бактрии — Тохаристана кушанского времени в постройках различного назначения, как культовых, так хозяйственных и жилых: «зал в обводе коридора или коридорообразных отсеков» [Пугаченкова, 1976, с. 155—156; см. также: Городище Топрак-кала, с. 141]. Широкое распространение эта схема получила и в последующее время, в раннем средневековье. Из территориально ближайших аналогий можно указать на планировку буддийского святилища на цитадели городища Кафыр-кала (близ г. Колхозабада) [Литвинский, Денисов, 1973, с. 165—171, табл. 20, 22], буддийского храма и крупного жилого комплекса на городище Калаи-Кафирниган (см., например, [Литвинский, 1979, с. 65—70; Litvinskij, 1981, с. 35—66]).

Святилище Ак-тепе II как по своей планировке, так и по характеру находок удивительно напоминает комплекс центральных помещений замка Балалык-тепе. Так же как и в центральном помещении святилища Ак-тепе II, в помещении 12 замка имелись суфы вдоль стен, в центре — подиум для алтаря огня или жертвенника (точно такая же схема выявлена и в помещении с росписями). В смежном помещении 13, в углу, стояла корчага с шаровидным туловом и широким горлом (ср. с сосудом также в помещении 13 святилища Ак-тепе II, у стены). Узкий обводной коридор (помещение 16) был более чем на 0,5 м заполнен золой; для складывания золы использовалось и помещение 7 (ср. накопление выброса золы из центрального помещения святилища Ак-тепе II в помещениях 15А и 15). Среди находок в помещении 12 имеется фрагментированная деревянная ложка — предмет, явно связанный с культом

[Альбаум, 1960, с. 85—114; 203; рис. 43, 57, 86, 87] (ср. с находками бронзовых ложек в «погребальных ямах» святилища Ак-тепе II). Подобная близость свидетельствует, видимо, о сходном назначении комплексов, а возможно, и об одинаковом характере отправлявшихся в них культов.

Планировка центрального помещения с суфами вдоль стен и местом, где возжигался огонь в центре, заставляет вспомнить так называемые дома огня — аловхона, существовавшие до самого недавнего времени в некоторых районах Таджикистана. Исследователи отмечают древний генезис функций аловхона как общественных зданий, восходящий к доисламскому пласту верований народов Средней Азии, и связь этих зданий с сельской общиной [Кисляков, 1973, с. 88—94; Таджики, с. 111—113].

Композиционная схема жилых зданий, видимо, не имела такого четкого планировочного решения, которое известно для построек культового назначения. Организующим центром, вокруг которого группировались жилые и хозяйственные помещения домов-блоков, являлся, вероятно, небольшой внутренний дворик (Ак-тепе II). Помещения прямоугольные либо трапециевидные в плане, площадью от 5,0—7,0 до 9,0—14,0 кв. м; встречаются и более крупные — до 18,0—20,0 кв. м. Жилые помещения выделяются тщательностью внутренней отделки. Вдоль стен располагались суфы, обычно узкие (0,4—0,7 м) и невысокие (0,2—0,45 м). Как исключение встречаются суфы, шириной 0,8—1,4 м, высотой до 0,65 м. В стенах помещений, как хозяйственных, так и жилых, вырубались ниши, выводившиеся обычно с пола. Ширина их составляла 0,6—0,8 м (до 1,0 м), глубина — 0,6—0,7 м.

Очаги в помещениях были как открытого типа, так и в виде специальных конструкций — тонуров. На поселении Ак-тепе II очаг открытого типа на полу помещения был отгорожен с одной стороны небольшой пахсовой перегородкой, длиной 0,6 м, высотой 0,4, толщиной 0,3 м. Еще один очаг располагался на суфе, а поверхность стены над ним была укреплена жжеными плитками, размерами 28×29×3; 27×27×3,5 см. Напольный тонур в одном из помещений имел овальную в плане керамическую топку, диаметром 30 см, с сырцовой обкладкой снаружи. Тонур в помещении 6 представлял собой нижнюю часть хума, вмазанную в пахсовую суфу-постамент, размерами 0,6×0,9 м, высотой 0,4 м. Тонур на поселении Дарахша-тепе — пахсовый, с U-образной в вертикальном сечении топкой, высотой 45 см, диаметром 24 см, толщина стенок — 14 см.

Проходы обычно узкие, 0,7—1,0 м (изредка до 1,3 м), располагались, как правило, в углу или смещенно к одному из углов помещения. В проходе из помещения 13 в святилище Ак-тепе II зафиксированы остатки деревянной дверной коробки (имеются следы от горизонтального нижнего бруса в полу прохода и пазы от вертикальных стоек в щеках прохода) и углубление для каменного подпятника. При разных уровнях полов в смежных помещениях либо при выходе на улицу в проходе устраивались кирпичные порожки или ступенчатые спуски.

В качестве основных строительных материалов использовались пахса (редко) и квадратный сырцовый кирпич. Обычные размеры кирпича — 35—37×35—37×10—12 см; изредка встречается как более крупный (39—40×39—40×9—12 см), так и более мелкий по размеру кирпич (33×33×12 см). На одной из постелей кирпича — одна либо две углубленные полосы.

Стены зданий, внутренние и наружные, шириной около 1,0 м, клались вперевязку. Ширина швов — 5—7 см; в постройке на поселении Безымянное швы между кирпичами (вертикальные и горизонтальные) значительно более толстые — до 15—20 см. Стены центрального ядра святилища Ак-тепе II сложены комбинированной кладкой: нижняя часть на высоту около 1,0 м — ленточная пахса, выше — кладка из квадратного сырцового кирпича вперевязку.

При ремонтных работах устраивались дополнительные кирпичные футляры стен, как правило, на ширину 0,4—0,8 м (один-два ряда кирпичной кладки). Когда возникала необходимость в коренной перестройке здания, нижняя часть помещений забутовывалась, а выше поверхность стен срезалась на 10—15 см, что помимо обновления лица стены незначительно увеличивало площадь помещения. Если поверхность старых стен была неудовлетворительной, они срезались на уровень забутовки и использовались в качестве цоколя для стен нового здания.

Поверхность стен, так же как и полы помещений, обмазывались саманной штукатуркой, обычно в несколько слоев (общая толщина — до 4—5 см). Поверх саманной штукатурки наносилась ганчевая обмазка (2—3 см толщины). С помощью обмазки скруглялись углы помещений, углы щек проходов.

В стене одного из помещений на поселении Ак-тепе II, на высоте 1,6—1,65 м от уровня первоначального пола были расчищены вырубленные в сырце гнезда для деревянных балок, впоследствии замазанные штукатуркой (при очередном ремонте?). К сожалению, противоположная стена помещения на подобную высоту не сохранилась, и мы не можем сказать, существовали ли в ней такие же гнезда. В этом случае можно было бы предполагать, что мы имеем дело с гнездами для балок перекрытия помещения. Однако полностью согласиться с такой интерпретацией мешает существенное обстоятельство — слишком малая высота от уровня пола помещения, на которой располагались бы балки перекрытия (всего 1,6—1,65 м). С. К. Кабанов, открывший подобные гнезда для балок в одном из помещений замка Аул-тепа, на высоте 1,65—1,7 м над поверхностью суфы, считает вслед за С. П. Толстовым возможным говорить о сооружении антресолей или полатей, «устраивавшихся как место для ночлега» [Кабанов, 1981, с. 49—50; Толстов, 1948, с. 145]. Не исключено, что подобную же конструкцию мы имеем и на поселении Ак-тепе II. Вместе с тем высота парадного помещения 14 замка Балалык-тепе составляла всего 2 м.

О характере перекрытия зданий мы можем судить по находкам в шурфе на поселении Шодмон-кала. Здесь в слое пожара найдено большое количество кусков обожженной глины с отпечатками выгоревших тонких жердей и веток, стеблей тростника. Видимо, это остатки обрушившейся плоской кровли здания, ее глиняной обмазки.

На поселении Клыч-Дувал перекрытие одного из помещений поддерживалось с помощью двух колонн: в нем найдены две каменные базы «аттической» профилировки. Обломки еще нескольких «аттических» баз известны по находкам на поселении Ак-тепе II (рис. 25, *1*, *4*, *5*). У подножия этого поселения найдена также примитивная каменная база в виде усеченного конуса на плинте, совпадающая с аналогичными базами, найденными на поселениях Дурман-тепе и Чакалак-тепе [Durman Tepe, pl. 5, 2; Chaqalaq Tepe, pl. 59, 12, 13, 16]. Здесь же найден фрагмент алебастрового карниза с двумя полочками (см. рис. 25, *2*). У поселения Мунчак-тепе известна находка «коринфской» капители из мергелистого известняка [Дьяконов, 1953, рис. 11], однако связывать ее происхождение с кушано-сасанидскими слоями поселения было бы рискованно. В забутовке одного из помещений на поселении Ак-тепе II (помещение 11А) найден обломок нижней части капители из белого известняка (см. рис. 25, *3*). В основании — узкий поясок-жгут, шириной 3,5 см, состоящий из рельефных ромбовидных выступов, расположенных в шахматном порядке. Выше — отделенная желобком нижняя часть нависающего листа аканта, проработанная широкими (до 0,5 см), расходящимися кверху желобками. Сбоку от нее — углубленная поверхность, на которой имеются расположенные друг над другом треугольные врезки, размерами 1,2×1,8 см, с расходящимися от них книзу желобками. Размеры фрагмента — 15,0×10,0 см.

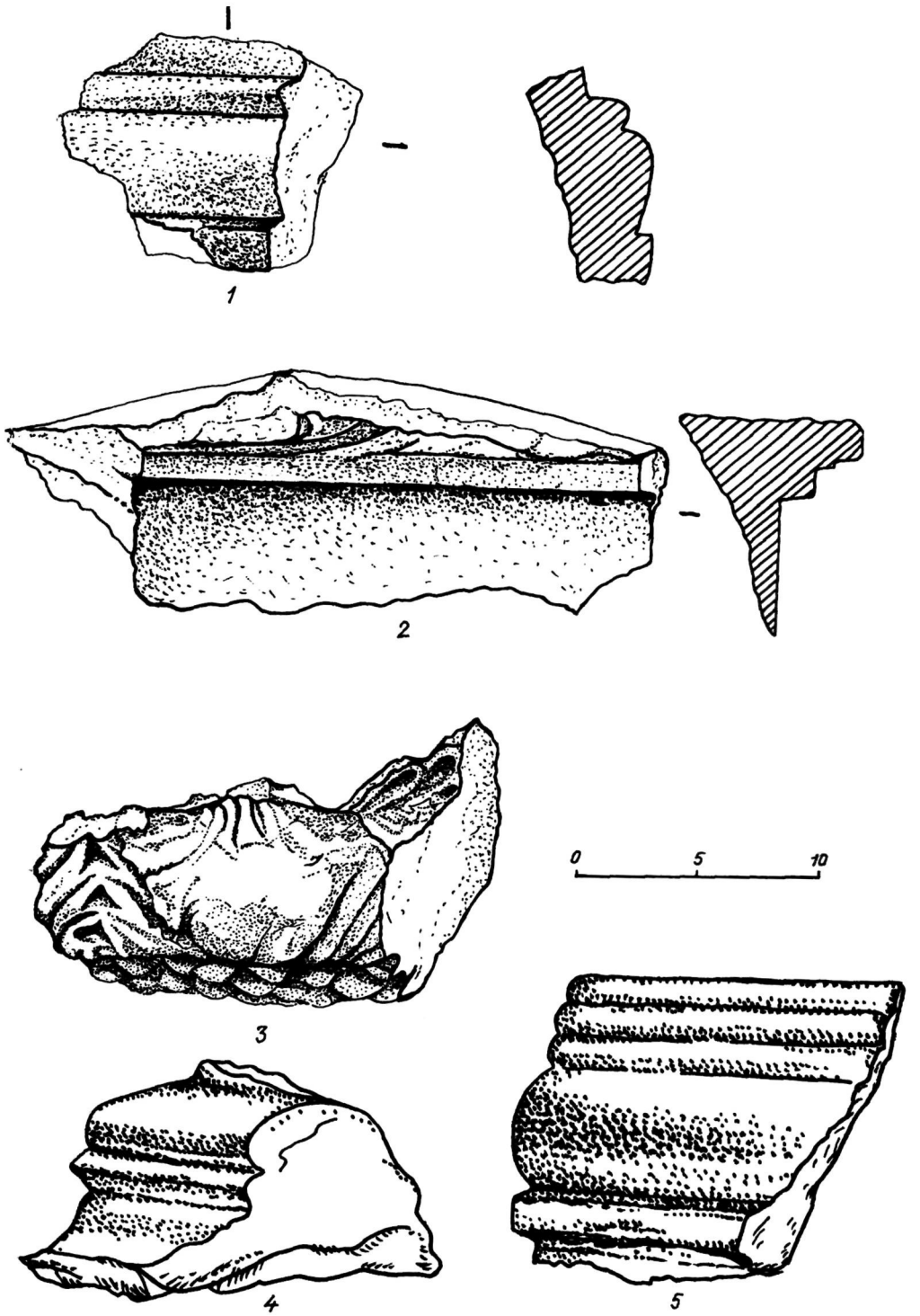


Рис. 25. Поселение Ак-тепе II. Обломки каменных архитектурных деталей:
1, 4, 5 — фрагменты баз колонн, *2* — обломок алебастрового карниза, *3* — обломок капители.

Вряд ли производство всех этих каменных архитектурных деталей можно связывать с кушано-сасанидскими комплексами, однако то, что они использовались в это время в интерьере зданий,— несомненно.

§ 2. КЕРАМИКА

Керамика кобадианских комплексов кушано-сасанидского времени представлена многочисленными и разнообразными типами столовой, тарной и кухонной посуды. Описание с выделением соответствующих типов сосудов двух очень близких между собой и наиболее представительных коллекций, полученных при раскопках поселений Ак-тепе II и Шодмонкала, приведено в Приложении I. Соответствующие слои других памятников дают формы сосудов, отмеченные при описании (см. выше, гл. I) ряда поселений и городищ (Хан-Газа, Мунчак-тепе, Кей-Кобад-шах, Хишт-тепе, Уштур-мулло).

Очень близка актепинской и шодмонкалинской керамика из раскопок других поселений (см. Приложение I, табл. 1—3) Кобадиана. Среди столовой керамики Дарахша-тепе имеются фрагменты тонкостенных красноангобированных чаш с «перехватом» (см. табл. XXXI, 21, 25), кружек (см. табл. XXXI, 23, 24), обломки ойнохоевидных кувшинов, одного из типов двуручных амфоровидных сосудов (см. XXXI, 26), тулово миниатюрного двуручного кувшинчика (см. табл. XXXI, 13). Археологически целая двуручная тагора с ангобным крестом на зеркале (см. табл. XXXI, 22) аналогична сосудам, найденным в районе гончарных печей. Тарная керамика представлена теми же типами широкогорлых и двуручных амфоровидных сосудов (см. табл. XXXI, 7, 11, 12, 16—18), горшков (см. табл. XXXI, 20), тагора (см. табл. XXXI, 14, 15, 19), близкими профилями венчиков хумов и хумчей (см. табл. XXXI, 1—4, 6, 10). Совпадают и типы кухонной керамики (см. табл. XXXI, 5, 8, 9).

На поселении Клыч-Дувал найдены аналогичные типы миниатюрных одноручных кувшинчиков (см. табл. XXXII, 7, 8), широкогорлых двуручных (?) и двуручных амфоровидных сосудов (см. табл. XXXII, 4—6), хумов (см. табл. XXXII, 1, 2), крупных керамических крышек (см. табл. XXXII, 3); на поселении Безымянное — чаш с «перехватом» (см. табл. XXXII, 19) и тонкостенных чаш с низким, почти вертикальным бортиком и спиралевидным лощением по зеркалу (третий тип в керамике Шодмон-калы) (см. табл. XXXII, 18), ойнохоевидных одноручных кувшинов (см. табл. XXXII, 15, 21), столовых узкогорлых двуручных (?) амфоровидных кувшинов (третий тип в керамике Шодмон-калы) (см. табл. XXXII, 14), тарных двуручных амфоровидных кувшинов (см. табл. XXXII, 12, 13, 17, 20), хумов, горшков (см. табл. XXXII, 9—11, 16).

Подобная близость керамических коллекций, полученных на различных, нередко достаточно удаленных друг от друга памятниках, позволяет, на наш взгляд, говорить о едином, однородном комплексе керамики Кобадиана кушано-сасанидского времени. Стратиграфически и типологически ему предшествует керамика так называемого великокушанского времени, хорошо изученная в низовьях р. Кафирниган, на городищах Кей-Кобад-шах (слои Кобадиан II—IV) [Дьяконов, 1953, с. 282—289, табл. XII; Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 298—304, рис. 6, 11] и Тепаишах [Литвинский, Седов, 1983, с. 138—145, табл. XII—XVIII]. При сравнении этих двух, следующих друг за другом керамических комплексов фиксируются наряду с отдельными чертами сходства весьма существенные различия. Из общих изменений надо отметить в первую очередь количественное обилие керамического материала, большое разнообразие форм сосудов и их вариантов.

Резко увеличивается и меняется ассортимент керамики. В категории столовой посуды исчезают две ведущие формы — бокалы и миски с S-образным профилем стенок резервуара [Литвинский, Седов, 1983,

с. 138–140, табл. XII, XIII, 1–9]. Из двух типов чаш сохраняется один — с плавно изогнутыми стенками тулова [там же, с. 140–141, табл. XIII, 10–16, 20–22]; правда, количество их значительно уменьшилось. Напротив, резко возрастает число кружек, представленных в более ранних комплексах ограниченным числом фрагментов [там же, с. 141, табл. XIII, 24]. Их профилировка во многом напоминает профилировку одного из типов чаш из коллекции керамики Тепаи-шах — глубоких чаш с округлым туловом и высоким прямым бортиком [там же, с. 141, табл. XII, 17–19, 21, 23, 29, 30] (добавляется лишь С-образная ручка).

Ведущей формой столовой керамики (наряду с кружками) становятся чаши с «перехватом». Эта форма, так же как и другие новые формы столовой керамики — ойнохоевидные одноручные кувшины, широкогорлые сосуды со сферическим туловом, тагора двух типов (наиболее характерный — с вертикальными витыми ручками), двуручные амфоровидные кувшины двух типов, миниатюрные кувшинчики (см. Приложение I), — не имеет «предшественников» в более ранних комплексах.

Происходят существенные изменения и в декоре посуды. Если раньше ангоб покрывал наружную или внутреннюю поверхность сосуда целиком, то теперь снаружи покрывается только верхняя часть. Изменяется цвет ангоба — полностью исчезает серый или черный, преобладающим становится кирпично-красный или коричневый. Значительно разнообразнее лощение сосудов: исчезает горизонтальное, полосчатое; наряду с известным ранее вертикальным полосчатым большое распространение получает зигзагообразное, спиралевидное, сетчатое, сплошное. Сосуды украшаются штампованным орнаментом (штамп более мелкий, часто наносится на поверхность сосуда) и налепами.

Значительные изменения претерпевает тарная керамика. Здесь также появляются новые формы — ойнохоевидные одноручные кувшины, горшки с широким отогнутым венчиком, еще один тип тагора (с плавно загнутыми стенками верхней части резервуара). Двуручные кувшины существенно меняют форму, и их количество резко возрастает: они превращаются в наиболее характерную и многочисленную разновидность тарной керамики. Неизменными остаются один из типов тагора — с коническим резервуаром, прямыми стенками и подтреугольным профилированным венчиком [Литвинский, Седов, 1983, с. 141, табл. XIV, 1–13], одноручные кувшины [там же, с. 142, 144, табл. XV, 4; XVIII, 15, 16] (правда, в керамике кушано-сасанидских комплексов известен только один фрагмент — с поселения Ак-тепе II, см. Приложение I) и широкогорлые двуручные сосуды [там же, с. 143, табл. XV, 24–26]. Последние также значительно увеличиваются количественно, появляется их новый тип (см. Приложение I). Изменяется профилировка венчиков хумов и хумчей [там же, с. 143, табл. XVI]. Некоторые типы их продолжают существовать, но наиболее распространенный — отогнутый венчик с желобком в основании и ребром на шейке — неизвестен в предшествующем комплексе. Также необычным является яйцевидный профиль тулова некоторых хумов с резко сужающимися к основанию стенками (см. Приложение I).

Изменения в характере декора сосудов в принципе те же, что и для столовой керамики: исчезает ангоб серого, черного или желтоватого цвета, покрывавший сосуд снаружи целиком. Красным, кирпично-красным либо темно-красным ангобом покрывается только верхняя часть сосуда (ниже — потеки ангоба). Значительно разнообразнее и обильнее становится орнамент: в основном это сочетание волнистых линий и желобков; используется мелкий частый штамп (в более ранней керамике штамп известен на вышедших из употребления кратерообразных сосудах, но на них он крупнее и реже наносился на поверхность сосуда [Литвинский, Седов, 1983, с. 67, 145, табл. V, 22; XVIII, 20]).

Изменения в кухонной керамике не столь значительны: из употребления вышел один из типов лепных котлов [Литвинский, Седов, 1983, с. 143, табл. XVII, 1—6] и появились новые типы горшков — многочисленные двуручные сосуды, орнаментированные широкими волнистыми полосами (новый тип орнамента) с выпуклым или плоским дном (см. Приложение I). Продолжают бытовать столики-подставки, сковородки, редкие баночные сосуды (правда, с несколько измененной профилировкой стенок). Более разнообразны по типам и орнаментам лепные крышки (см. Приложение I).

Изменяется тип «курильниц». Вместо станковых с полусферическим резервуаром на высокой профилированной ножке [там же, с. 141, табл. XIII, 25—28, 31] появляются лепные биконические (см. Приложение I). Неизвестны в предшествующих комплексах и светильники в виде неглубоких круглых плошек с приостренным носиком (см. Приложение I).

Столь существенные изменения в двух следующих друг за другом керамических комплексах [2] вряд ли могут быть объяснены только эволюционно-хронологическими причинами. Налицо явные изменения при сохранении тех же технологических приемов в ремесленной традиции, смена «керамической моды». Небезынтересно в этой связи проследить дальнейшее изменение кобадианского керамического комплекса во времени, сравнить его с керамикой раннесредневековых памятников.

К сожалению, последняя изучена в Кобадиане недостаточно. Имеются лишь незначительные коллекции, полученные при раскопках верхних слоев поселения Мунчак-тепе [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 311—317, рис. 26—28] и шурфовке поселения Безымянное (раскопки автора). Также неудовлетворительно изучены, а главное, изданы раннесредневековые комплексы керамики и на соседних территориях (Вахшская долина, долина р. Сурхандарьи, Гиссарская долина, Северный Афганистан), поэтому в ряде случаев мы вынуждены привлекать и более отдаленные аналогии (Пенджикент) [3].

Одна из характерных особенностей комплекса керамики кушано-сасанидского времени — сосуды, продолжающие бытовать, более того, становящиеся типичными в раннесредневековых комплексах. Так, одной из ведущих форм столовой керамики остаются одноручные ойпохоевидные кувшины, правда несколько утратившие свою «парадность»: исчезает поддон, сильно раздутое в нижней части тулово приобретает большую грушевидность, исчезает лощение наружной поверхности сосудов [Мандельштам, Певзнер, 1958, рис. 26; 27, I; Соловьев, 1973, с. 296, табл. 40, 1, 2; Литвинский, Соловьев, 1985, табл. 34, 11; Chaqalaq Tepe, fig. 31; Зеймаль Т. И., 1984, рис. 3, 10; Пидаев, 1974, рис. 6, 3]. Продолжают употребляться, несколько видоизменяясь, и кружки; бортик становится вертикальным, тулово приобретает более шаровидные очертания, утрачивается поддон, ручка превращается в небольшую, кольцевидную (в районе Сурхандарьи появляется своеобразная разновидность — со спаренными кольцевидными ручками) [Мандельштам, Певзнер, 1958, рис. 27, 10, 11; Литвинский, Зеймаль, 1971, рис. на с. 25; Пидаев, 1974, рис. 6, 1, 2; Аннаев, 1984, с. 194, рис. 4, 1—3].

Одна из самых типичных форм столовой посуды раннесредневековых комплексов — чаши или миски с низким отогнутым бортиком на дисковидном или кольцевидном поддоне, иногда покрывавшиеся изнутри красно-коричневым пачкающим ангобом [Соловьев, 1973, с. 298, табл. 40, 10—12; Альбаум, 1960, рис. 60б, 3, 5; 71; Бентович, 1964, с. 279, рис. 17, 2, 4, 6, 7; Литвинский, Соловьев, 1985, табл. 34, 1, 10],— безусловно происходит от почти аналогичных чаш кушано-сасанидских комплексов (см. Приложение I, третий тип чаш в керамике Шодмонкалы).

Очень близкие аналогии находят миниатюрные одноручные кувшинчики [Мандельштам, Певзнер, 1958, рис. 27, 6; Пидаев, 1974, рис. 6,

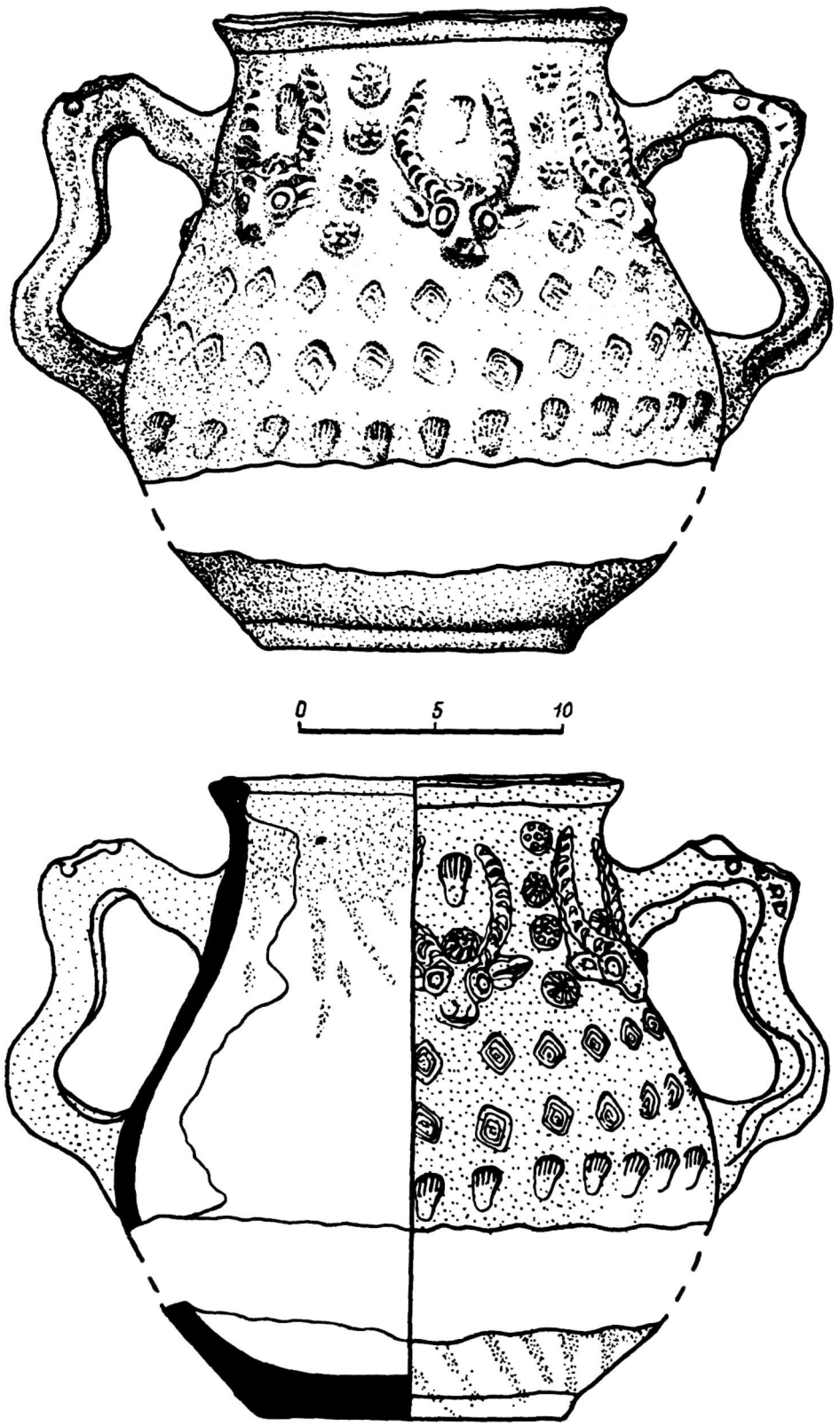


Рис. 26. Поселение Ак-тепе II. Раскоп I, святилище. Культовый сосуд.

15], одноручные ойнохоевидные кувшинчики [Альбаум, 1960, рис. 60а, 4, 6; 61; Беленицкий, 1958, рис. 30; Зеймаль Т. И., Соловьев, 1983, с. 142], кувшинчики без ручек [Альбаум, 1960, рис. 52а, 1—4, 7, 8, 62; Беленицкий, 1958, рис. 30], светильники [Соловьев, 1973, табл. 40, 13—15; Литвинский, Соловьев, 1985, табл. 34, 5, 6, 17, 18], поильник [Беленицкий, 1958, рис. 23].

В раннесредневековых комплексах продолжают бытовать узкогорлые кувшины с длинным носиком, известные по находкам на Уштур-Мулло [Литвинский, Соловьев, 1985, табл. 34, 2, 9; Зеймаль Т. И., Соловьев, 1983, с. 144; Chaqalaq Tepe, рис. 32], тарные ойнохоевидные кувшины [Альбаум, 1960, рис. 28, 9; 66]. Широкое распространение получают горшки с широким отогнутым венчиком, снабжавшиеся небольшой петлевидной ручкой [Соловьев, 1973, табл. 41, 5; Литвинский, Соловьев, 1985, табл. 34, 4, 16]. Можно указать и на находки полых ножек «курильниц», близких обнаруженной на Шодмон-кале [Соловьев, 1973, табл. 40, 16]. Близкие аналогии имеются и для кухонной керамики [Соловьев, 1973, с. 298—299, табл. 41, 3, 4, 6, 7; Аннаев, 1984, с. 195].

В плане совпадения комплексов характерен пример с культовым сосудом из святилища на поселении Ак-тепе II (рис. 26). Аналогий ему найти не удалось, однако его налепы-букрании стилистически близки хорошо известным в керамике Пенджикента сливам сосудов в виде головок быка. У некоторых из них на лбу имеется оттиснутое изображение розетки (у головок на культовом сосуде — налепная розетка) [Тереножкин, 1950, с. 85, табл. 43, 1; Бентович, 1953, рис. 13].

Подобная близость сравниваемых комплексов имеет, видимо, немаловажное значение для их относительной датировки (об этом см. гл. III), хотя не менее существенны и значительные расхождения, особенно в тарной керамике, в некоторых формах столовой и кухонной посуды, декоре и характере обработки поверхности сосудов (ангобное покрытие, орнамент и пр.).

§ 3. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Оружие в кобадианских комплексах кушано-сасанидского времени представлено железными кинжалами и остатками панцирного доспеха.

Кинжалов найдено три экземпляра. Все они относятся к разным типам.

Тип 1. Кинжал двухлезвийный, без металлического навершия, с прямым перекрестьем (см. табл. I, 2). Найден в шурфе на поселении Дарахша-тепе. Рукоять в виде длинного, приостренного, квадратного в сечении черешка; перекрестье узкое, прямое. Клинок равномерно суживающийся, линзовидный в сечении (обломан). На нем сохранились остатки деревянных ножен, окрашенных черной краской. На черешке — остатки деревянной рукоятки. Размеры: длина кинжала (сохранившаяся) — 18,2 см; длина рукояти — 7,6 см; ее сечение (в нижней части) — 1,1×1,1 см; ширина перекрестья — 1,0 см; длина сохранившейся части клинка — 10,6 см; его максимальная ширина — 3,1 см.

Тип 2. Кинжал двухлезвийный, без металлических перекрестий и навершия (см. табл. I, 1). Найден во впускном погребении по обряду трупосожжения в Тулхарском могильнике (курган I, 48). Длинная массивная рукоять отделена от клинка прямыми уступами. Размеры: длина кинжала — около 27,5 см; длина рукояти — около 9,5 см; длина клинка — около 18 см; его максимальная ширина — около 3 см.

Тип 3. Кинжал однолезвийный, без металлического перекрестья (см. табл. I, 4). Найден в «погребальной яме» № 2 на поселении Ак-тепе II. Рукоять обломана (сохранившаяся длина — 0,9 см), в ее нижней части имеется железный штырь. Судя по остаткам, с его помощью крепились деревянные обкладки рукояти, инкрустированные костяными пла-

стинками. Рукоять отделена от клинка уступами — прямым со стороны округлой спинки, сглаженным со стороны лезвия. Клинок прямой, незначительно изогнут в нижней части, клиновидный в сечении. Размеры: длина кинжала — 30,8 см; длина клинка — 29,9 см; его максимальная ширина — 3,8 см; ширина спинки — 1,3—1,5 см.

Кроме того, в «погребальной яме» № 1 найдено каменное полированное навершие кинжала или меча (см. табл. I, 3). Оно прямоугольной формы, в сечении ромбовидное. В нем с помощью орудия, диаметром 0,2—0,25 см, высверлен узкий паз для насадки навершия на рукоять, размерами 0,3×2,2 см, глубиной 1,4 см. На одной из боковых сторон сделано небольшое отверстие, диаметром 0,3 см, просверленное до внутреннего паза, для закрепления навершия на рукоять. Размеры изделия — 2,2×4,0×1,4 см.

Специфическая форма рукояти кинжала первого типа не находит аналогий среди подобных изделий кушанского времени Северной Бактрии — Тохаристана. Для раннекушанского времени известны значительные серии железных кинжалов, полученные при раскопках курганных могильников Бишкентской долины [Мандельштам, 1966а, табл. 39—40; Медведская, 1979, с. 110—122, рис. 1, 3, 4] и «храма Окса» на городище Тахти-Сангин (раскопки ЮТАЭ). Все кинжалы из этих коллекций имеют прямое перекрестье, но, в отличие от описанного выше типа I, снабжены металлическими навершиями различных видов. Отсутствуют металлические навершия у длинных прямых мечей, также находимых в курганных могильниках, однако форма рукояти у них совершенно иная. Это длинная штангообразная рукоять с одним или двумя металлическими штырями для крепления деревянных обкладок. В одном случае прослежены остатки деревянного навершия [Мандельштам, 1966а, с. 102, табл. 39, 1, 2; Медведская, 1979, рис. 3, 1].

Двухлезвийные кинжалы без металлических перекрестий и наверший, по существующим в настоящее время представлениям, распространяются в Средней Азии после рубежа новой эры. Судя по материалам из курганных могильников, они особенно характерны для II—IV вв. н. э. [Мандельштам, 1963, с. 91—92; Обельченко, 1978, с. 123—124; Древнейшие государства, табл. CXXXI]. На территории Северной Бактрии — Тохаристана подобные кинжалы известны по находкам в погребениях Бабашовского могильника [Мандельштам, 1975, табл. XXX, 3, 4].

Однолезвийные кинжалы датируются еще более поздним временем. Они являются господствующими в ферганских могильниках I тысячелетия н. э. [Литвинский, 1969, с. 34]. Экземпляр, сходный с нашим типом 3 из впускного погребения в насыпи кургана 2 Кызылтепинского могильника, датирован концом IV — началом V в. н. э. [Обельченко, 1978, с. 123]. Вообще считается, что начиная с V в. н. э. двухлезвийные мечи и кинжалы эволюционируют в однолезвийные [там же, с. 124—126]. Речь, видимо, может идти лишь об общей тенденции: известно как более раннее появление отдельных экземпляров данного типа [5], так и «употребление старых форм оружия наравне с появившимися новыми» [там же, с. 124] [6].

В слоях кушано-сасанидского времени на некоторых поселениях Бактрии — Тохаристана найдены узкие, шириной не более 0,5 см, ромбовидные перекрестья кинжалов, надевавшиеся на рукоять [Пидаев, 1978, табл. XIX, 16, 17]. Не исключено, что они могли принадлежать кинжалам второго или третьего типа. Сходные перекрестья найдены в Пенджикенте [Распопова, 1980, с. 78, рис. 49, 4, 6].

На поселении Ак-тепе II в зольных прослойках перед входом в святилище найден предмет, также связанный с оружием. Это обломок скобы из зеленоватого нефрита для подвешивания меча (см. табл. I, 5). Сохранилась концевая часть изделия в виде полированной прямоугольной пластины со скошенным концом и пазом на широкой стороне. Размеры фрагмента — 1,8×6,4×1,2 см, глубина паза — 0,4 см.

Подобные предметы, служившие для прикрепления ножен меча к портупейному ремню, известны по находкам в сарматских погребениях [Хазанов, 1971, с. 25–26, табл. XIV, 9; XV; Кушева-Грозевская, 1929]; встречаются они и в памятниках более позднего времени [Амброз, 1971, с. 121, рис. 14, 31, 32; Засецкая, 1978, с. 69, рис. 1, 34; Степи Евразии, с. 15, рис. 5, 7]. Хорошо известны такие скобы по археологическому и иконографическому материалу из Китая и Кореи, по изображениям на рельефах и терракотах из парфянского и сасанидского Ирана, Центральной Азии (см. [Trousdale, 1975; Пилипко, 1985, рис. 23, табл. XXXII, 113]).

Считается, что способ ношения длинного меча с помощью подобных скоб появился в VII–VI вв. до н. э. в области, где обитали сарматы, и широко распространился (вместе с мечом) по всему Евразийскому континенту. Просуществовал он до V–VI вв. н. э. (на Европейском континенте), на востоке Азии — до середины II в. н. э., причем в южные районы Центральной и Западной Азии был принесен во II в. до н. э. юэчжами-кушанами [Trousdale, 1975, с. 118–119].

В «погребальной яме» № 1 на поселении Ак-тепе II найдено около двух десятков железных панцирных пластин (целые и во фрагментах) (см. табл. I, 6). Пластины незначительно выпуклые, прямоугольной формы, одна из коротких сторон — треугольная. На каждой пластине у края имеются четыре пары отверстий для крепления к основе (или между собой) — по серединам сторон. Размеры пластины — 7,5–8,0×2,3–2,6×0,3–0,4 см.

После публикации фундаментальной работы М. В. Горелика мы получили исчерпывающее (во всяком случае, на данном этапе исследований) представление о защитном вооружении кушанского воина [Горелик, 1982, с. 82–112]. Находка нескольких разрозненных пластин может, видимо, добавить лишь очень незначительный штрих к уже имеющейся общей картине. Отметим только, что среди находок на среднеазиатских памятниках преобладают панцирные пластины с закругленным краем[7]. Пластины с треугольным краем найдены в Пенджикенте [Распопова, 1980, с. 53, 3], на городище Баба-ата в Южном Казахстане, в слоях VIII–IX вв. [Археологические исследования, с. 191, рис. 59]

§ 4. МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА И УТВАРЬ

В инвентаре «погребальных ям», в подъеме и в раскопах на поселении Ак-тепе II найдено большое количество бронзовой посуды и утвари (как целой, так и во фрагментах).

В «погребальной яме» № 1 обнаружены три бронзовые круглодонные чаши полусферической формы со слегка утолщенным венчиком (см. табл. II, 1–3). Снаружи, на дне одной из чаш, имелся отпечаток растительного узора куска шерстяной (?) ткани (рис. 27). Размеры сосудов: диаметр — 12,2, 22,0, 24,0 см; высота — 4,0, 6,2, 6,9; толщина стенок — 0,1–0,2 см (у венчика утолщение до 0,5–0,6 см).

Еще одна аналогичная чаша, но более мелкая, типа тарелочки, найдена в «погребальной яме» № 2 (см. табл. II, 4). Ее размеры: диаметр — 13,5 см; высота — 1,5 см; толщина стенок — 0,2–0,3 см (у венчика — 0,4–0,6 см).

На полу помещения 13 святилища найдена ножка бронзового сосуда, видимо бокала (см. табл. IV, 8). Сохранились обломанные стенки нижней части резервуара, толщиной 0,3–0,4 см. Переход к стеблю ножки оформлен небольшой припухлостью; более выраженное уширение (типа сглаженного уступа) — в нижней части, при переходе к диску основания. Ножка полая, глубина полукруглого углубления — 1,8 см. Размеры: высота — 4,9 см; диаметр диска основания — 5,7 см; диаметр стебля — 1,1–1,2 см.

Рис. 27. Поселение Ак-тепе II. «Погребальная яма» № 1. Отпечаток узора ткани на бронзовой чаше.

В подъеме на поселении обнаружен бронзовый биконический плоскодонный сосуд[8] (см. табл. IV, 9). Венчик в виде скругленной закраины наклонен внутрь. Стенки высокой части сосуда имеют значительный прогиб, стенки нижней части — прямые. Перегиб — в виде острого ребра. Размеры сосуда: высота — 4,3 см; диаметр венчика — 5,5 см; максимальный диаметр тулова (в месте перегиба) — 9,7 см; диаметр дна — 4,3 см; толщина стенок — 0,1 см.

Из «погребальной ямы» № 1 происходит бронзовый плоскодонный черпак, деформированный и сильно разрушенный в древности (см. табл. II, 5). Длинная, уплощенная в сечении горизонтальная ручка оканчивается широким округлым завершением. В месте крепления к краю резервуара она имеет дугообразный вырез и изгибается под прямым углом. Дно и стенки резервуара снаружи были покрыты какой-то черной глинистой массой, видимо для придания большей термостойкости (дно и нижняя часть стенок практически полностью сгорели). Размеры сосуда: бортик (деформирован) — 10,1×10,6 см; диаметр дна — 6,3 см; высота резервуара — 4,9 см; длина ручки — 9,0 см; ее сечение — 0,4×1,0 см; толщина дна и стенок резервуара — 0,3—0,4 см.

В этом же погребальном сооружении найдены четыре бронзовых киафа (см. табл. III, 1—4). Два из них сохранились целиком, два имеют те или иные утраты, иногда довольно значительные. У одного из хорошо сохранившихся предметов (см. табл. III, 3) массивная ручка, крепившаяся под углом к краю резервуара. Она изготовлена из прута, в основании у нее — прямоугольное сечение, размерами 1,0×1,5 см,

выше — округлое, диаметром 0,5—0,6 см. Ручка завершается витым колечком, диаметр которого около 3,5 см. У основания ручки с наружной стороны — резной орнамент в виде косого креста, ограниченного сверху и снизу спаренными линиями, над ними — две «галочки». Резервуар киафа вытянуто-полусферической формы, несколько сплюснут с боков. Бортик утолщен, незначительно загнут внутрь, имеет горизонтальную площадку, шириной 0,7 см. Размеры предмета: общая длина — 28,5 см; длина ручки — 23,5 см; диаметр резервуара — 7,0 см; его высота — 5,0 см; толщина стенок — 0,3—0,4 см.

Остальные киафы абсолютно аналогичны описанному, отличаются изяществом изготовления; их размеры: длина ручки — 21,0 и 22,8 см, ее сечение — 0,7—0,8×1,3—1,5 см (внизу) и 0,4—0,8 см (вверху); диаметр резервуара — 6,0—7,2 см; его высота — 5,0—5,5 см; толщина стенок — 0,1—0,2 см.

В «погребальных ямах» найдены две бронзовые ложки (см. табл. III, 5, 6). Ручка одной из них изготовлена из тонкого, подквадратного в сечении (0,4×0,5 см) бронзового прута. Нижняя ее часть (навершие утрачено в древности) плоская, с двумя треугольными выступами. Резервуар круглый, очень тонкий (0,1—0,15 см), его максимальная глубина — 1,1 см. По бокам от места соединения с ручкой — по два плоских полукруглых выступа (маленький и большой, последний диаметром 0,8—0,9 см). Размеры: общая длина — 14,8 см; длина ручки — 10,0 см; диаметр резервуара — 4,8 см.

Вторая ложка более массивная, изготовлена из бронзового прута, диаметром 0,6—0,8 см. Ручка круглая в сечении, оформлена «грибовидным» двухчастным навершием. Плавно расширяясь в нижней части, ручка переходит в слабовогнутый, приостренный к краям диск, «оттянутый» в сторону под прямым углом. Размеры: общая длина — 15,7 см; длина ручки — 10,5 см; высота навершия — 1,2 см; его диаметр — 1,6 см; размеры резервуара — 4,0×4,2 см; его толщина — 0,25 см.

Оттуда же происходят необычные изделия, условно названные «курильницами» (см. табл. IV, 1, 2, 6, 7). Все они полые, одинаковой цилиндрической формы, несколько отличаются размерами. В центре верхней горизонтальной (у одного экземпляра — скошенной наружу) площадки, имеющей скругленные края,— полусферическое углубление. Стенки одной из «курильниц» по внешней поверхности украшены желобками. Размеры: высота — 3,3—4,0 см; диаметр — 7,7—9,2 см (верхний) и 9,7—10,0 см (нижний); диаметр углубления — 4,3—5,5 см; его глубина — 2,1—2,3 см; толщина стенок — 0,1—0,3 см.

С пола одного из помещений святилища, из слоя первого периода, происходит небольшая бронзовая крышечка (?) от сосуда (см. табл. IV, 5). Она имеет форму полусферы, горизонтально отогнутые края которой образуют диск, шириной около 1,0 см, диаметром 5,8 см. Почти в центре полусферы — отверстие диаметром 0,6 см. Высота изделия — 1,6 см; диаметр полусферы — 4,0 см.

В «погребальной яме» № 1 найдены три фрагмента бронзовых обкладок, возможно от какого-то несохранившегося деревянного сосуда (см. табл. VII, 16—18). Они изготовлены из узких и тонких металлических полос, плавно изогнутых на одном конце (два фрагмента). Сохранились бронзовые штырьки (один из них — с круглой полусферической головкой, диаметром 1,5 см), с помощью которых обкладки крепились к поверхности изделия. Размеры обкладок: длина — 2,5, 4,0, 10,0 см; ширина — 2,2—2,3 см; толщина — 0,2 см; длина штыря (максимальная) — 1,7 см.

Бронзовая посуда и утварь кушанского времени нечасто встречается при раскопках археологических памятников юга Среднеазиатского Междуречья и левобережья Амударьи. Две небольшие круглодонные бронзовые чашечки с отогнутым плоским венчиком и миниатюрная туалетная ложечка из бронзы найдены в наусе II могильника у Ялангтуш-тепе

[Ртвеладзе, 1983, с. 130, рис. 6, 4, 9, 55, 56]. Бронзовая ложечка с витой ручкой имеется среди находок на поселении Ак-курган. Там же найден и бронзовый половник, судя по описанию, сходный с актепинскими киафами [Пидаев, 1978, с. 79, табл. XIX, 20; Древнейшие государства, табл. CXI, 52]. Еще одна бронзовая ложечка была найдена в 8-м стратиграфическом горизонте раскопа на Чопли-депе (средняя Амударья) [Пилипко, 1985, с. 41, табл. IV, 3].

Две крупные бронзовые ложки обнаружены в нише главного помещения святилища у западной оборонительной стены Дильберджина (раскоп X) [Кругликова, 1982, с. 169]. Некоторое количество бронзовой посуды, в том числе фрагмент плоскодонного черпака с горизонтальной ручкой и круглодонные бронзовые чаши, имеется среди находок на поселении Чакалак-тепе. В слое второго периода этого поселения найден обломок витой ручки киафа [Chaqalaq Tepe, fig., 53, pl. 55, 16].

Бронзовая крышечка от сосуда (?), аналогичная актепинской, найдена на городище Топрак-кала. Оттуда же происходят несколько бронзовых или медных ложек [Городище Топрак-кала, с. 109—110, рис. 63, 1—3; 59, 45]. Металлические ложки (серебряные, железные и бронзовые) известны по находкам в Пенджикенте и на других раннесредневековых памятниках Согда [Распопова, 1980, с. 126, рис. 80, 5, 7; Кабанов, 1972, с. 85, рис. 7, 7, 11]. Среди коллекции бронзовой посуды из Пенджикента многочисленны круглодонные бронзовые чаши [Распопова, 1980, с. 125—126, рис. 83].

Большое количество металлической посуды найдено в слоях кушанского времени памятников к югу от Гиндукуша. Широко известна обширная и разнообразная коллекция из Таксилы [Marshall, 1951]. Среди находок в Беграме имеются сходные с актепинскими бронзовые киафы [Ghirshman, 1946, pl. 27, c. 57; pl. 16, 26].

Бóльшая часть бронзовой посуды и утвари, найденной на поселении Ак-тепе II, скорее всего употреблялась в быту (чаши, киафы) или в производстве (черпак с огнеупорным покрытием). Иное назначение можно предполагать для ложек и «курильниц».

Публикуя в 1953 г. описание и рисунок небольшой железной ложечки, найденной при раскопках Пенджикента, А. М. Беленицкий наряду с хозяйственным («принадлежность ремесленной мастерской») предположил ее культовое назначение [Беленицкий, 1953, с. 31—32, рис. 10, 2]. В. И. Распопова обратила внимание на то, что, судя по росписям Варахши и Пенджикента, «металлические ложки использовались в ритуале, связанном с огнем, который возжигали на переносном жертвеннике» [Распопова, 1980, с. 126]. Сходная сцена имеется в живописи Дильберджина [Кругликова, 1979, с. 139, рис. 24], что позволило И. Т. Кругликовой отнести к принадлежностям культа ложки, найденные на Дильберджине [Кругликова, 1982, с. 169]. Не исключено, что подобное же назначение могли иметь и актепинские ложки, обнаруженные в погребениях найденных в руинах святилища. Немаловажное место в культе, отправлявшемся в этом святилище, занимало возжигание огня (см. выше). Правда, топраккалинские ложки определены как «туалетные» [Городище Топрак-кала, с. 110], так же как и аналогичные предметы, встречающиеся в кочевнических погребениях степного пояса Евразии [Засецкая, 1978, с. 53].

Интереснейшее изображение имеется на стенке керамического оссуария, найденного на Краснореченском городище (Киргизия). В центре показан ступенчатый алтарь с «шапкой» пламени. По сторонам — два жреца (?), в вытянутых руках которых две ложки с длинными ручками, которые они поднесли к огню алтаря. Свободной рукой правый персонаж держит чашу, левый — мягкую (?) сумку с длинной П-образной ручкой. По сторонам от стационарного алтаря два, видимо, переносных алтарика [История Киргизской ССР, цветная вкладка на с. 224—225].

Вероятно, для каких-то культовых церемоний предназначались и «ку-

рильницы». Судя по форме этих предметов, они могли использоваться для растирания в верхней вогнутой части сосудов всевозможных веществ или для переноса золы или угольков. Сходные, судя по фотографии, изделия входят в состав предметов ведийского жертвенного ритуала [Культура Древней Индии, рис. 14].

Чрезвычайно интересные параллели можно найти в практике современных зороастрийцев[9]. Так, у иранских зороастрийцев во время церемоний, связанных со священным огнем, аташбанд (букв. «слуга огня», т. е. жрец огня) должен, повторяя соответствующие авестийские тексты, стоять у священного огня лицом к югу, с металлическим bara в руке. М. Бойс так описывает bara: «...a metal implement consisting of a flat disc on a long handle» [Boyce, 1977, с. 59]. С помощью bara жрец осторожно счищает золу с тлеющих угольков, а затем кладет на угольки новые поленья, присыпая все это горячей золой. Затем он бросает сверху горсть мелкораздробленной кожуры стеблей кукурузы, которые быстро разгораются. Потом обрызгивают пламя благовонием, и приятный запах заполняет помещение с алтарем, где горит огонь [Boyce, 1977, с. 75]. Bara в других церемониях служит для переноски тлеющих угольков священного огня [с. 59, 152, 188]; при этом bara держат в правой руке.

Судя по другим источникам, с помощью ложки в священный огонь помещали благовония. Зороастрийский жрец на старинном рисунке изображен с ложкой в правой руке. При некоторых церемониях жрец указывает рукой с жертвенной ложкой в сторону неба, солнца. Такая ложка из собрания Музея индийского искусства (Западный Берлин) имеет 30 см в длину. Ручка ее круглая в сечении, с полусферическим завершением. Плоский овальный диск-резервуар, длиной около 9,5 см, прикреплен к ручке под небольшим углом [Gropp, 1969, S. 152, 162; Abb. 9; Taf. 63, 3].

Маленькие металлические круглодонные чашечки использовались для хаомы, крупные чаши — для переноски угольков [Taf. 63, 2; 64, 2].

§ 5. ОРУДИЯ ТРУДА И ПРЕДМЕТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБИХОДА

Орудия труда и предметы хозяйственного обихода изготовлены из железа, камня, керамики, глины. Они характеризуют разные стороны хозяйственной деятельности древних обитателей Кобадианского оазиса.

В «погребальных ямах» на поселении Ак-тепе II найдены две идентичные по форме и размерам железные мотыги (см. табл. V, 1, 2). Верхняя часть в виде массивного подтреугольного штыря-рукоятки (сечение прямоугольное) скошенными уступами, шириной около 2,0 см, переходит в загнутую рабочую часть. Боковые грани последней сужаются в середине и затем резко расширяются, образуя округлое заостренное лезвие, линзовидное в сечении. Размеры: длина изделий — 22,5 см; длина штыря-рукоятки — 5,4 см; максимальная ширина — 3,2—3,8 см; длина рабочей части — 17,0 см; ее ширина вверху — 5,9—7,5 см; в середине — 5,3—6,4 см; ширина лезвия — 9,2—10,0 см; толщина изделий — 2,7—3,5 см.

Абсолютно идентичное орудие известно среди находок из Ай-Ханум [Francfort, 1984, pl. 31, № 7]. В этнографическом материале аналогий найти не удалось. Судя по изгибу рабочей части изделия, это либо землекопное орудие (что-то вроде «черешкового кетменя»), либо орудие типа массивного топора-теши. Подтреугольная штырь-рукоять, видимо, вставлялась в раздвоенную на конце длинную деревянную рукоятку и плотно закреплялась в ней благодаря крестообразной обмотке веревкой.

Небольшой железный топорик-теша найден на поселении Ак-тепе II, в слое третьего периода (см. табл. V, 3). Он прямоугольной фор-

мы, рабочая часть клиновидная в вертикальном сечении, слабоизогнутая. Сечение обуха прямоугольное, размеры отверстия для крепления рукояти — 1,3×2,0 см. Размеры орудия — 10,5×5,3×2,3 см.

Подобные изделия известны по находкам в Пенджикенте [Распопова, 1980, с. 59, рис. 36, 20], Аул-тепа в Каршинском оазисе [Кабанов, 1981, с. 72, рис. 36, 2].

Железные ножи представлены двумя типами.

Тип 1. Ножи с прямым лезвием. По форме рукояти выделяются два подтипа.

Подтип 1 — ножи с рукоятью-черенком (см. табл. VI, 1, 2, 4). Черенок подтреугольных очертаний, у одного из ножей (см. табл. VI, 1) сохранился железный штырь для крепления деревянной части рукояти (от нее сохранились следы). Переход к спинке — уступчатый, к лезвию — сглаженный. Спинка округлая либо плоская, прямая (в одном случае — незначительно выпуклая в нижней части). Лезвие клиновидное либо треугольное в сечении, равномерно суживающееся. Размеры: длина лезвийной части — 10,2—14,2 см; максимальная ширина — 1,5—2,0 см; длина черенка — 1,8—2,3 см; его максимальная ширина — 1,2—1,3 см; ширина спинки — 0,4—0,6 см.

Подтип 2 — ножи с пластинчатой рукоятью (см. табл. VI, 3, 11), более широкой, чем лезвие ножа. В ней имеются два штыря для крепления деревянной ручки (сохранились следы). Верхняя часть рукояти закруглена (у одного из ножей она обломана, так же как и конец лезвия). Переход к лезвию и спинке плавный, спинка прямая, округлая. Лезвие равномерно суживающееся, незначительно выпуклое в нижней части, клиновидное в сечении. Размеры целого экземпляра: длина лезвия — 8,3 см; его максимальная ширина — 1,9 см; длина рукояти — 3,4 см; ее ширина — 2,4 см; ширина спинки — 0,5 см.

Тип 2. Ножи с кривым лезвием. По форме рукояти также выделяются два подтипа.

Подтип 1 — ножи с рукоятью-черенком (см. табл. VI, 6, 10, 12). Черенок вытянуто-треугольный (в одном случае это довольно массивный, округлый в сечении штырь), со следами деревянной ручки. Переход к спинке и лезвию — уступчатый. Спинка выпуклая, плоская либо округлая. Лезвие вогнутое, клиновидное в сечении. Размеры: длина лезвийной части — 6,1—9,8 см; максимальная ширина — 2,0—2,8 см; длина черенка — 3,3—5,4 см; его максимальная ширина — 1,5—2,5 см; ширина спинки — 0,3—0,8 см.

Подтип 2 — ножи с пластинчатой рукоятью (см. табл. VI, 5, 13). Один из ножей этого подтипа, небольшой по размерам, видимо, является вторично использованным обломком концевой части более крупного изделия (см. табл. VI, 13). Его очень маленькая пластинчатая рукоять, длиной 0,4 см, никак не отделена от лезвийной части. Размеры: длина лезвия — 3,2 см; ширина — 0,9 см; ширина округлой спинки — 0,2 см.

Другой экземпляр отличается массивностью рукояти и своеобразным способом крепления к ней деревянной ручки. Рукоять прямоугольной формы с округлым завершением. В ее нижней части имеется П-образная металлическая скоба, состоящая из двух круглых в сечении штырей, диаметром 0,4 см, соединенных сверху небольшой пластинкой (ширина — 1,0 см, толщина — 0,3 см). Размеры скобы — 1,6×2,9 см. Таким образом, деревянная ручка ножа, толщиной около 1,0 см, видимо инкрустированная костяными обкладками (следы), была заключена между двумя металлическими пластинками, крупной и маленькой. Переход от рукояти к лезвию и спинке уступчатый. Спинка округлая, выпуклая, лезвие вогнутое, клиновидное в сечении. Размеры: длина лезвия — 8,0 см; его максимальная ширина — 2,7 см; длина рукояти — 4,4 см; ее ширина — 2,3 см; ширина спинки — 1,1 см.

Большая серия железных ножей найдена при раскопках курганных могильников первых веков новой эры в Бишкентской долине и по сред-

нему течению р. Амударьи (Бабашовский могильник). Все ножи черешковые, лезвия прямые или незначительно искривленные. У некоторых экземпляров в месте перехода черенка к лезвию имеется железная заклепка для крепления деревянной рукояти [Мандельштам, 1966а, с. 115—116, табл. 49; 1975, табл. 37]. Ножи с кривым лезвием и пластинчатой рукоятью имеются в ферганских могильниках [Литвинский, 1978, табл. 1, 21; 2, 3]. Такие же типы ножей с разделением на подтипы можно выделить в представительной пенджикентской коллекции среди находок из Кафыр-калы [Литвинский, Соловьев, 1985, с. 104, рис. 37, 1—6]. В кушано-сасанидских слоях Чакалак-тепе также имеются аналогичные типы изделий [Chaqalaq Tepe, fig. 48, 49].

На поселении Ак-тепе II найден фрагмент каменного пластинчатого точила (см. табл. VII, 14). Изготовленное из серой гальки, оно прямоугольной формы, сильно сточено; у края, где имеется отверстие для подвешивания, диаметром 0,4 см, его толщина 1,2 см; у противоположного, обломанного конца — 0,4 см. Размеры фрагмента — 2,6×4,6 см.

Подобные изделия — частая находка в курганных могильниках [Мандельштам, 1966а, табл. 54; Литвинский, 1978, табл. 8]; на поселениях они встречаются значительно реже [Durman Tepe, pl. 10, 13; Литвинский, Седов, 1983, с. 147; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 108, рис. 39, 3, 4, 9, 11].

Из других железных орудий отметим нижнюю часть стамески (см. табл. VI, 9). Она трапециевидной формы, расширяющаяся к заостренному с двух сторон полукруглому (?) лезвию. Сечение верхней части — прямоугольник. Размеры фрагмента: 6,4×0,9 см, ширина лезвия — 3,2 см.

Аналогичные орудия, но меньшие по размерам найдены в Пенджикенте [Распопова, 1980, с. 59—60, рис. 36, 6, 7].

Видимо, шилом или пробойником можно считать железный стержень, диаметром 0,5—0,7 см, заостренный с одного конца и обломанный с другого (см. табл. VI, 8). Длина сохранившейся части — 10,2 см.

Еще один железный предмет типа пробойника имеет длинный, круглый в сечении черенок с остатками деревянной рукоятки (табл. VI, 7). У рабочей части этого инструмента вид короткого, массивного, ромбовидного в сечении, заостренного стержня. Размеры: длина изделия — 7,5 см; длина черенка — 5,7 см; его диаметр — 0,3 см; сечение рабочей части — 1,5×1,6 см.

Функционально сходные изделия, но с круглой в сечении рабочей частью найдены на Кой-Крылган-кале [Кой-Крылган-кала, с. 159, табл. 19, 6, 7]. Близкие по форме изделия, определенные как шилья, имеются среди находок из курганных могильников Бишкентской долины [Мандельштам, 1966а, с. 116, табл. 50, 1—8].

На поселении Ак-тепе II найден интересный предмет, возможно входивший в состав инвентаря «погребальной ямы» № 2,— железный ключ (см. табл. VII, 13). Он изготовлен из массивного круглого в сечении железного стержня, один конец которого загнут почти под прямым углом («бородка» ключа). На нем расположены четыре круглых, приостренных зубца. Размеры: длина рукояти (обломана) — 10,6 см; длина «бородки» — 4,9 см; диаметр стержня — 1,3 см; высота зубцов — 1,9—2,2 см.

Аналогичный предмет с единственным отличием — трехзубчатой «бородкой» — более 30 лет назад издал А. М. Беленицкий [Беленицкий, 1950в, с. 221—223, табл. 52, 1]. В сводке В. И. Распоповой приведены сведения о находке в Пенджикенте трех подобных ключей, два из которых имели трехзубчатую «бородку», один — двухзубчатую [Распопова, 1980, с. 127, рис. 85, 6]. Аналогичные изделия найдены при раскопках раннесредневековой усадьбы Кафыр-кала под Самаркандом (также с четырехзубчатой «бородкой»), в Таксиле, Беграме, Ай-Ханум [Шишкина, 1961, с. 214—216, рис. 11; Marshall, 1951, т. 3, pl. 164, 48, 49; 184; Hackin, Carl, Meunie, 1959, fig. 234; Francfort, 1984, с. 63—64,

pl. 25, 5, № 3, 4]. Известны они и среди находок на античных памятниках Северного Причерноморья. В некрополе Горгиппии, в одном из погребений I в. н. э., обнаружен ключ, сходный с актепинским, но небольшого размера (вероятно, от шкатулки) [Алексеева, 1982а, с. 89—91, рис. 51, 3].

Пряслица различаются по материалу и форме. Всего выделено шесть типов.

Тип 1. Усеченно-конические (иногда приближающиеся к полусфере) с выступающей нижней частью, профилированные желобками (см. табл. VIII, 1—11; XXXIII, 4—5). У одного экземпляра на боковой поверхности — выступающий поясок, шириной 0,8 см, орнаментированный резными треугольниками (см. табл. VIII, 11). Изготавливались обычно из белого или желтоватого непрозрачного кварца, изредка — из керамики. По размерам довольно сильно варьируют. Имеются как крупные экземпляры, диаметром 3,7—4,2 см, высотой 1,7—2,5 см, так и более мелкие, диаметром 2,2—2,6 см, высотой 1,3—1,7 см. Диаметр отверстий — 0,6—0,7 см.

Тип 2. Усеченно-конические гладкие, изготовленные из глины (см. табл. VIII, 15, 18). На нижней, более широкой поверхности, иногда незначительно вогнутой — радиально расходящиеся лучи. В одном случае это восемь резных линий, в другом — шесть, составленные из коротких штришков. Диаметр пряслиц — 2,8—3,1 см, высота — 1,5—1,9 см, диаметр отверстий — 0,6—0,7 см.

Тип 3. Уплощенно-сферические, изготовленные из керамики (см. табл. VIII, 12, 16, 22). У одного экземпляра — вертикальное рифление боковой поверхности, у другого — поясок круглых вдавлений. Диаметр пряслиц — 2,4—3,2 см, высота — 1,5—1,9 см, диаметр отверстий — 0,5—0,6 см (в одном случае отверстие наклонное).

Тип 4. Биконическое, изготовленное из керамики (см. табл. VIII, 13). Ребро сглаженное, в верхней боковой части поверхности — косые насечки. Диаметр пряслица — 2,6 см, высота — 1,1 см, диаметр отверстия — 0,5 см.

Тип 5. Короткоцилиндрические, изготовленные из керамики (см. табл. VIII, 14, 19, 21, 23). У одного из экземпляров боковая поверхность украшена двумя рядами наклонных насечек, верхняя — желобком, у другого на верхней поверхности — семь небольших вдавлений, на боковой — насечки в виде вертикальных резных полос и косых крестов. Диаметр пряслиц — 2,6—3,2 см, высота — 1,2—1,6 см, диаметр отверстий — 0,5—0,8 см.

Тип 6. Дисковидные (см. табл. VIII, 17, 20, 24). Одно из пряслиц этого типа глиняное, имеет выступающую верхнюю часть, на нижней поверхности — два концентрических круга из пунсонных вдавлений. Два других экземпляра изготовлены из стенок сосуда. Диаметр пряслиц — 2,5—3,4 см, высота — 0,5—0,9 см, диаметр отверстий — 0,4—0,7 см.

Пряслица — обычные и широко распространенные находки в слоях кушанских памятников к северу и югу от Амударьи. Так, все выделенные нами типы имеются среди находок с городища Тепаи-шах [Литвинский, Седов, 1983, табл. 23], в коллекции пряслиц из Калаи-Кафирнигана, большая часть которой, очевидно, должна быть соотнесена с нижними, кушанскими слоями городища [Литвинский, 1978, табл. 11, 1—23]. Наиболее распространенный тип I, видимо характерный именно для кушанского времени, имеется в коллекциях из Чакалак-тепе, Дурман-тепе, Дильберджина, Зар-тепе, Дальверзин-тепе, Ак-кургана и пр. [Chaqalaq Tepe, fig. 59; Durman Tepe, pl. 13, 7—9; Кругликова, Пугаченкова, 1977, рис. 30; Завьялов, Осипов, 1976, рис. 3, 12, 15; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, рис. 44; Пидаев, 1978, рис. 29].

На поселении Ак-тепе II сделана находка керамического грузила от ткацкого станка в виде усеченной пирамидки (см. табл. VII, 15). В верхней узкой части изделия — наклонное сквозное отверстие, диамет-

ром 0,8 см. Над ним, на боковой поверхности грузила,— следы потертости от привязывавшейся нити. На двух боковых поверхностях под отверстием — овальные вдавления от перстней-печаток, размерами 0,8×1,2 см. Размеры грузила: высота — 6,7 см; нижнее основание — 4,1×4,4 см; верхнее — 1,9×2,1 см. Подобные грузила, в том числе и с отпечатками перстней, встречаются так же часто, как и пряслица, причем иногда целыми сериями [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, рис. 137; Зеймаль Е. В., 1961, рис. 2; Древнейшие государства, с. 256].

§ 6. ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА И ПРЕДМЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОДЕЖДОЙ

В эту группу изделий включены бронзовые зеркала, раковины, булавки, пряжки, косметические сосудики и некоторые другие изделия.

Зеркала представлены двумя типами (рис. 28).

Тип 1. Зеркало дисковидное с боковой металлической ручкой-штырем. Найдено в «погребальной яме» № 2. Диск гладкий, слабовогнутый, края неровные, в месте перехода к ручке согнут. Ручка короткая, клиновидной формы, длиной 2,1 см. Диаметр диска — 8,4 см, толщина — 0,2 см (см. табл. IX, 5). Зеркало соответствует типу 1 отдела I в классификации среднеазиатских зеркал Б. А. Литвинского и, судя по приведенным им материалам, может датироваться IV—V вв. (и даже позднее) [Литвинский, 1978, с. 75—80].

Тип 2. Зеркало дисковидное с боковой металлической ручкой-штырем, валиком-ободком по краю и конической выпуклостью в центре. Из трех экземпляров, найденных в «погребальной яме» № 1, ручка целиком сохранилась лишь у одного, у других она обломана (см. табл. IX, 1—3). Диаметр диска — 11,5—12,5 см; его толщина — 0,3—0,6 см; ширина ободка — 1,5—2,0 см; его толщина — около 1,0 см; диаметр центральной выпуклости — 4,5—5,5 см; ее высота — 1,3—2,0 см; длина ручки — 4,6 см.

Данный тип зеркал соответствует типу 3 отдела I в классификации Б. А. Литвинского [там же, с. 81—86]. Период его бытования в Средней Азии ограничен II—III вв. н. э., причем в это время он должен уже «деградировать... утрачивая один из своих характерных признаков — рельефный бортик» [там же, с. 85]. Однако в Кобадиане мы имеем вполне полноценные экземпляры данного типа зеркал в значительно более поздних комплексах (о датировке см. соответствующую главу). Видимо, к «деградировавшим» экземплярам может быть отнесен фрагмент зеркала, найденный в слое второго периода на поселении Ак-тепе II (см. табл. IX, 4). Диаметр диска — около 10 см; его толщина — 0,2 см; ширина валика — около 1,0 см; его толщина — 0,5 см.

Пряжки известны двух типов.

Тип 1. В «погребальной яме» № 1 найдены две слипшиеся железные кольцевидные пряжки с подвижным язычком (см. табл. VII, 5, 8). Одна пряжка целая, от второй дошел лишь фрагмент (примерно 1/3 часть). Рамка круглая, массивная, уплощенная в сечении. У целой она значительно расширяется в месте, противоположном креплению язычка, у фрагментированной — рамка, равномерная по ширине, украшена двумя желобками по краю. Язычок прямой, уплощенный, крепится петлеобразно на рамке. Размеры: диаметр — 6,3 см; максимальная ширина кольца — 1,3 см, 0,9—1,7 см.

Тип 2. Пряжка из «погребальной ямы» № 2 — роговая безъязычковая, несколько асимметричной формы (см. табл. VII, 7). Рамка круглая, сегментовидная в сечении, в центре — вытянуто-овальное отверстие (0,6×1,4 см) с небольшим отростком изогнутой формы (видимо, это паз для крючка, крепившегося к другому концу ремня). Щиток трапециевидной формы с выступающими концами. Прорезь для крепления ремня овальная (0,5×1,0 см). Размеры пряжки — 2,4×4,2 см.

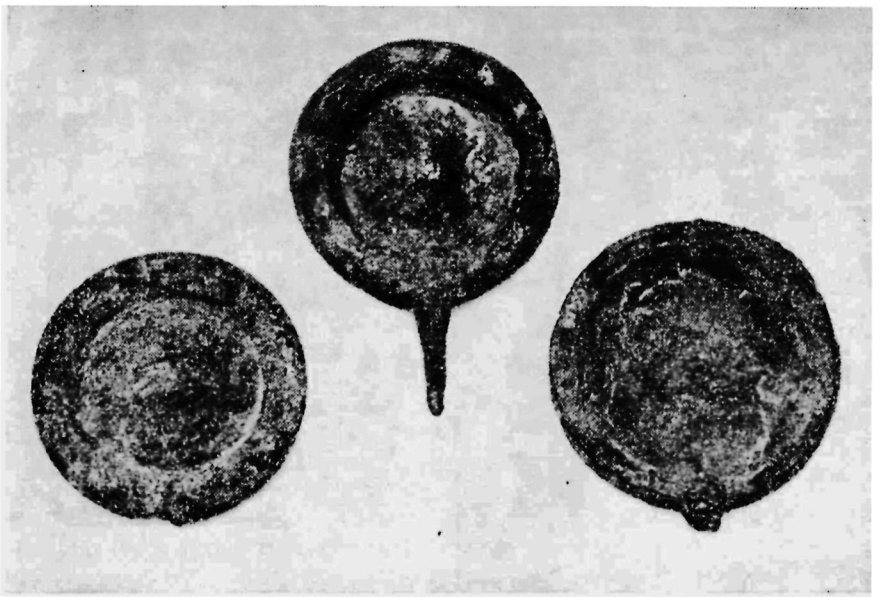


Рис. 28. Поселение Ак-тепе II. «Погребальная яма» № 1. Бронзовые зеркала.

Большое количество кольцевидных пряжек с язычком найдено в курганных могильниках Северной Бактрии — Тохаристана [Мандельштам, 1966а, с. 112, табл. 42—44; 1975, табл. 14, 15, 31, 32]. Обычно они значительно меньше по размерам и, судя по месту расположения в погребении, употреблялись в качестве поясных или обувных пряжек. В Тулхарском могильнике, в одном из погребений, рядом с мечом найдена крупная кольцевидная пряжка, сопоставимая по размерам с описанными выше. Она, вероятно, употреблялась для застегивания портупейного ремня [Мандельштам, 1966а, с. 112]. Не исключено, что таково же назначение и актепинских пряжек.

Пряжка второго типа напоминает роговые подпружные пряжки, известные среди находок в курганах Евразии V—VIII вв. Последние, правда, имеют металлический язычок, а верхняя прорезь у них обычно Т-образная (см., например, [Грач, 1968, рис. 10, 50; Степи Евразии, рис. 11, 19, 20, 25, 26, 45, 74]).

Косметические сосудики. В инвентаре «погребальных ям» на поселении Ак-тепе II найдены две небольшие бронзовые бутылочки, возможно для хранения каких-то благовоний. Бутылочки однотипные, различаются профилировкой и размерами. Сосуд из «погребальной ямы» № 1 более массивный (см. табл. IV, 3). Венчик прямой, в виде приостренной закраины, горло цилиндрическое, в верхней его части имеется широкий (0,7 см) валик, украшенный косыми насечками. Тулово шаровидное, в месте перехода к горлу и посередине тулова — спаренные желобки. Донце дисковидное, изготовлено отдельно и припаяно. Его диаметр несколько больше диаметра нижней части сосуда, вследствие чего скругленные края дна чуть выступают. Горло бутылочки запаяно, округлое углубление, диаметром 0,8 см, смещено к краю. Размеры сосуда: высота — 10,0 см; высота горла — 3,5 см; его диаметр — 1,7 см; диаметр тулова — 5,3 см; диаметр дна — 4,2 см; толщина дна — 0,3 см; толщина стенок сосуда — 0,5—0,6 см.

Бутылочка из «погребальной ямы» № 2 (см. табл. IV, 4) имеет венчик в виде уплощенной закраины, по верхней площадке которой идет желобок. Горло высокое, расширяющееся книзу. Тулово яйцевидное, в месте перехода в горло и в верхней части украшено желобками. Донце дисковидное, большего диаметра, чем низ сосуда, изготовлено отдель-

но и припаяно. Размеры сосуда: высота — 7,1 см; высота горла — 3,0 см; его диаметр — 1,0 (вверху) — 1,8 (внизу) см; диаметр горла — 4,1 см; диаметр дна — 3,1 см; толщина дна — 0,35 см; толщина стенок сосуда — 0,15 см.

На поселении Ак-тепе II в завале одного из помещений второго периода найдена верхняя часть миниатюрного сосудика из зеленоватого стекла (см. табл. VII, 10). Венчик уплощенный, округлый в сечении, загнут внутрь. Диаметр венчика — 3,7 см, диаметр горла сосуда — 2,7 см.

Похожая бронзовая бутылочка была найдена в слое I Яванского городища, в толще пахсовой стены одного из помещений. Она также имела чуть выступающее донце, изготовленное отдельно и припаянное[10]. Аналогичный бронзовый сосудик имеется и среди находок в верхних слоях Зар-тепе [Древнейшие государства, табл. 51, 111]. Там же найден обломок стеклянного сосудика, сходного с актепинским [Завьялов, Осипов, 1976, рис. 3, II].

Булавки. На поселении Ак-тепе II найдены три костяные булавки (целая и фрагменты) и обломок железной. Костяная булавка, найденная на полу одного из помещений в раскопе IV, имеет навершие в виде кисти правой руки (см. табл. VII, 1). Пальцы вытянуты (все, за исключением мизинца, обломаны), наклонными прорезями удлинены с выпуклой тыльной стороны кисти. Ладонь плоская, выпуклая в нижней части. Навершие отделено от стержня булавки манжетиком, шириной 0,3 см, и желобком. Стержень равномерно суживается книзу, заострен. Вверху его сечение овальное (0,6×1,3 см), примерно с середины — круглое. Длина булавки — 15,8 см, размеры навершия — 4,0×1,5—0,5 см (рис. 29).

В этом же помещении было найдено еще одно навершие от аналогичной булавки, но более изящно выполненное (см. табл. VII, 2). Размеры — 3,5×1,5×0,5 см.

В «погребальной яме» № 1 найдена костяная булавка с обломанным стержнем (см. табл. VII, 3). Навершие приостренное, профилировано семью узкими желобками. Стержень круглый в сечении, диаметром 0,4 см. Длина сохранившейся части изделия — 6,0 см.

Из этой же «погребальной ямы» происходит и фрагмент железной булавки (см. табл. VII, 6). Она массивная, изготовлена из круглого в сечении стержня (обломан), диаметром 0,8 см. Навершие полушаровидной формы, отделено желобком от стержня, верхняя часть которого профилирована четырьмя желобками. Размеры: длина фрагмента — 3,3 см; диаметр навершия — 1,0 см; высота — 0,7 см.

Костяные булавки, имеющие различные формы наверший (иногда их называют «стилями» для письма, проколками или иглами, заколками для волос),— частая находка в синхронных слоях памятников Бактрии — Тохаристана. Экземпляры, аналогичные описанным выше, с навершием в виде кисти правой руки, найдены в Дальверзинском паусе [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, рис. 79, 2, 8, 10, 11]. В коллекции, найденной на Зар-тепе, выделено три типа булавок: с зооморфным навершием, с навершием в виде сжатой в кулак руки, с плоской вершиной и профилированной верхней частью стержня [Завьялов, 1979, с. 152, рис. 9; Завьялов, Осипов, 1976, рис. 3, 10]. Костяная булавка с зооморфным навершием найдена на Яванском городище [Литвинский, Седов, 1983, с. 55]. Булавки с профилированной верхней частью стержня известны по находкам на Дильберджине, Чакалак-тепе, Дурман-тепе, Хайрабад-тепе [Кругликова, 1974, рис. 64; Chaqalaq Tepe, fig. 60; pl. 56, 3; Durman Tepe, pl. 12, 15; Жуков, 1961, рис. 5].

Часты находки костяных булавок и в других областях Средней и Центральной Азии. Так, большую коллекцию этих изделий с различными типами сложнопрофилированных наверший дал Хорезм [Толстов, 1948, табл. 27; Коляков, 1979, с. 51—52, рис. 4; Городище Топрак-кала, рис. 59, 38; Топрак-кала, рис. 90, 1]. Имеется большая серия булавок

с антропоморфными навершиями, выполненными на хорошем профессиональном уровне [Кацурис, Буряков, 1963, с. 152—153, рис. 24; Ремпель, 1953, с. 185—186, рис. 20; Городище Топрак-кала, с. 117, рис. 57]. Многочисленны и разнообразны находки в Таксиле, Беграме [Marshall, 1951, т. 2, с. 656—657, 660—661; т. 3, pl. 199; 206, с. 13—22; Ghirshman, 1946, pl. 16, 15].

Железные булавки известны по раскопкам курганных могильников Северной Бактрии—Тохаристана [Мандельштам, 1966а, с. 116, табл. 50, 9, 10; 1975, с. 118, табл. 39, 4, 6].

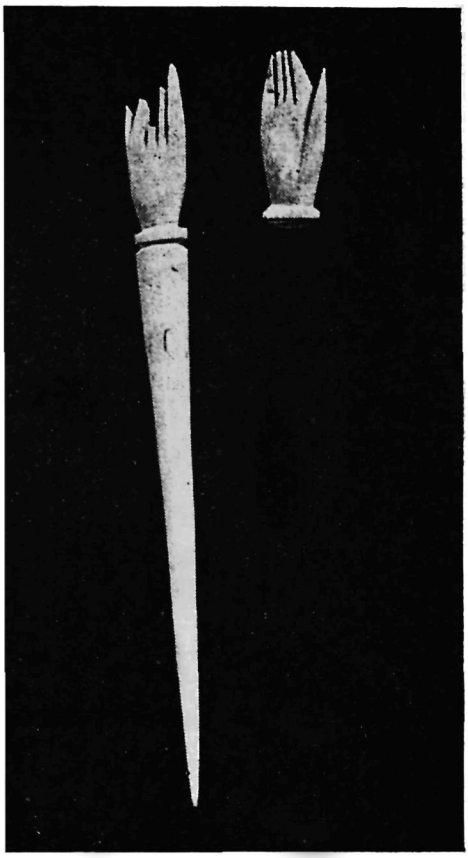


Рис. 29. Поселение Ак-тепе II. Костяные булавки.

В «погребальной яме» № 2 были расчищены остатки матерчатой сумочки. Отпечаток ткани четко фиксировался на бронзовой тарелочке, на которой, видимо, лежала сумочка, и на предметах (бусины, монеты), вероятно находившихся в ней (см. план на рис. 22, находки № 19—36). От сумочки сохранилась П-образная бронзовая ручка (см. табл. VII, 11), изготовленная из уплощенного, прямоугольного в сечении прута с s-образно изогнутыми приостренными концами (один из них обломан). Последние, видимо, вшивались в матерчатую часть изделия. Длина ручки — 10,3 см, сечение прута — 0,4×1,1 см.

Среди предметов, найденных около ручки, имелось изделие из золота очень низкой пробы (до чистки — зеленого цвета), в котором при некотором воображении можно усмотреть остатки замка сумочки (см. табл. VII, 12). Оно состоит из полого шарика, диаметром 0,8 см, припаянного к крючку из золотой проволоки, диаметром 0,3 см, длиной 1,7 см (обломан). Видимо, с помощью крючка шарик вшивался в край сумки. В противоположный край мог заделываться аналогичный предмет, и замок работал по типу замка современных кошельков (защелкивался) (попытку реконструкции сумочки см. на табл. VII, 12).

В связи с нашей находкой обратим внимание на одну категорию инвентаря из курганных могильников Северной Бактрии—Тохаристана. Речь идет о так называемых позолоченных ручках — кусках бронзового или железного прута, согнутых в виде буквы П и обмотанных золотым листом [Мандельштам, 1966а, с. 136, табл. 60, 8, 12; 1975, с. 54, 125, табл. 18, 22, 42, 9—11]. Они сходны с описанной выше бронзовой ручкой от сумки. А. М. Мандельштам предположил связь ручек с деревянными шкатулками или футлярами, так как в некоторых случаях около них имелись скопления древесного тлена [Мандельштам, 1966а, с. 136]. Но, может быть, эти ручки представляют собой остатки своеобразных «дамских сумочек» (все находки сделаны только в женских погребениях) типа найденной на Ак-тепе II? При наших раскопках могильника БМ-VII в Бишкентской долине на груди погребенной в одном из курганов женщины (курган № 2) зафиксировано пятно тлена от матерчатой

или кожаной сумочки или мешочка, размерами 15×20 см, на котором лежал обломок подобного изделия [Седов, Керзум А. П., 1984, с. 123]. На Персепольских рельефах имеются персонажи, несущие в руках какие-то предметы типа шкатулок или корзиночек с П-образными ручками или сумочек типа реконструируемых нами [Фрай, 1972, илл. 313]. Аналогичная сумочка изображена и на оссуарии с Краснореченского городища [История Киргизской ССР, цветная вклейка на с. 224—225].

В «погребальных ямах» на поселении Ак-тепе II найдены раковины крупных двустворчатых морских моллюсков pteria margaritifera («жемчужница»). На внутренней поверхности раковины из «погребальной ямы» № 2, у края, нанесены небольшие (диаметром 0,7 см) кружки с точкой в центре. Два кружка единичные, у верхнего края — группа из пяти кружков, расположенных крестообразно. Кружки процарапаны каким-то острым предметом типа циркуля. Размеры раковин — 12,8×13,8 см; 15,6×16,4 см (см. табл. X, 1, 7).

В «погребальной яме» № 2 найдена также раковина двустворчатого морского моллюска из семейства arcidae арки (см. табл. X, 2). Она небольшая (3,5×4,5 см), в основании ее имеется отверстие, размерами 2×4 мм, возможно для подвешивания.

Обломки перламутровых раковин-жемчужниц часто встречаются при раскопках памятников кушанского времени. Известны их находки на Дальверзин-тепе, на полу одного из помещений объекта ДТ-2 [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 72, рис. 43]. Фрагменты «жемчужниц» (некоторые из них также были украшены небольшими кружочками) найдены на Яванском городище[11]. Аналогичная раковина-жемчужница (только другая ее половина), с таким же крестообразным расположением кружков у края, найдена при раскопках поселения Кош-тепе 2 в Каршинском оазисе [Кабанов, 1978, с. 188, рис. 12]. Громадное число раковин, в том числе и жемчужниц, и поделки из них найдены в Таксиле [Marshall, 1951, т. 2, с. 669; т. 3, pl. 202].

Из «погребальной ямы» № 1 происходит яшмовая рукоятка какого-то изделия, возможно печати (см. табл. X, 3). Она полированная, шестигранно-призматическая. Грани верхней площадки скошены, низ отломан в древности. Вверху, под скошенными гранями, имеются два небольших углубления, диаметром 0,2 см, глубиной 0,3 см, в которые, видимо, крепилось приспособление для подвешивания. Размеры сохранившейся части изделия — 2,0×5,1 см.

В этой же «погребальной яме» найдена миниатюрная застежка из раковины (см. табл. XI, 9). Она катушкообразной формы, несколько асимметричная. В торцах просверлены небольшие углубления. Размеры застежки — 0,6×1,8 см.

§ 7. УКРАШЕНИЯ

Украшения относятся к немногочисленной категории находок и представлены в основном бусами и подвесками. Все они найдены в составе инвентаря «погребальных ям» на поселении Ак-тепе II (см. табл. XI).

Каменных бус найдено 19 экземпляров. Бусы из оникса относятся к следующим типам: короткоцилиндрические (три экземпляра), шаровидные (два экземпляра), уплощенно-шаровидные (три экземпляра), дисковидные (один экземпляр). Их размеры колеблются в пределах 0,6—1,1×1,2—1,7 см. Среди агатовых имеются короткоцилиндрические бусы (два экземпляра), уплощенно-шаровидные (два), призматические (один). Их размеры — 0,6—0,9 см. Бусы из аметиста и сердолика найдены только шестигранно-бикопические (по одному экземпляру), размером 1,0×1,0—1,3 см. Крупная овалоидная бусина из отполированной светло-серой гальки имеет отверстие, диаметром 0,5—0,6 см, просверленное с коротких сторон. Размеры бусины — 1,1×2,3 см. Из обломков конгломерата изготовлены две крупные полированные бусины. У одной из них, неправильно-цилиндрической формы, размерами 1,7×4,8 см, входные отверстия

канала, просверленного с коротких сторон, имеют каплевидную форму. Вторая бусина, размерами 1,3×4,8 см (один конец обломан), имеет цилиндрическую форму с утончающимися концами. Диаметр отверстия — 0,2 см.

Большое количество бус изготовлено из розового коралла (71 экземпляр). Они бывают короткоцилиндрическими, дисковидными и топориковидными, размерами 0,2—0,5 см, отдельные экземпляры достигают 1,5 см.

Крупная прямоугольная бусина из янтаря — сегментовидная в сечении. Отверстие, диаметром 0,3 см, смещено к округлой стороне. Размеры бусины — 2,5×3,2×1,2 см.

Стеклянных бус найдено девять экземпляров. Все они, за исключением одного, уплощенно-шаровидной формы и различаются цветом стеклянной массы: из синего стекла — один экземпляр, из белого стекла — два, из желтого стекла с наружным золочением — три экземпляра, из синего стекла с наружным золочением — два экземпляра. Размеры бус колеблются в пределах 0,5—0,7 см. Единственная бусина из зеленоватой стеклянной пасты относится к типу шаровидных дольчатых (диаметр — 1,8 см).

Подвески различаются как по материалу, из которого они изготовлены, так и по форме.

Подвеска из мраморовидного оникса имеет неправильно-призматическую форму, размеры ее — 1,2×2,2 см. Две подвески изготовлены из раковин. Одна имеет вид неправильного, слабовогнутого ромба, отверстие для подвешивания обнаружено в коротких гранях. Размеры ее — 1,3×2,6 см. Вторая подвеска напоминает топорик, размерами 1,3×1,4 см. Костяная подвеска в виде стилизованной кисти руки, сжатой в кулак, имеет прямоугольное ушко для подвешивания, под ним — выпуклый ободок. Сжатая в кулак кисть передана тремя бороздками: одной горизонтальной и двумя вертикальными. Размеры подвески — 0,6×2,0 см. Еще одна аналогичная костяная подвеска, размерами 0,6×1,7 см, имеет в верхней части два выпуклых ободка. У такой же подвески, но сделанной из белого матового камня, кисть сжатой в кулак руки передана тремя бороздками. Ее размеры — 0,6×1,4 см.

Из темно-серой и светло-серой отполированной гальки изготовлены три подвески дисковидной формы (см. табл. X, 4—6). У двух из них отверстия для подвешивания, просверленные с одной стороны, расположены в верхней части, у одной — почти в центре. Отверстие одной из подвесок из-за длительного ношения приобрело каплевидную форму. Размеры: диаметр — 3,2, 4,1, 4,3 см; толщина — 0,7, 0,8, 1,5 см; диаметр отверстий — 0,3—0,4 см.

Видимо, в состав какого-то ожерелья входил бронзовый колокольчик (см. табл. XI, 4). Его корпус полусферической формы, по краю украшен четырьмя небольшими кружками. Круглое ушко для подвешивания (отломано) имеет высокий, узкий стержень. Колокольчик подвергся ремонту, видимо, после утраты первоначального язычка, в верхней части корпуса было просверлено отверстие, через которое пропущена шерстяная нитка, диаметром около 1 мм, намотанная на стержень ушка. К нитке внутри корпуса прикреплена раковина каури (cypreа moneta) со снятой спинкой. Размеры колокольчика: диаметр корпуса — 3,2 см; высота корпуса — 1,3 см; высота ушка (сохранившаяся) — 1,0 см.

Всем типам бус и подвесок можно найти близкие аналогии среди наборов украшений из среднеазиатских памятников первой половины I тысячелетия н. э. [12].

В курганных могильниках Северной Бактрии — Тохаристана встречаются бусы из янтаря эллипсоидно-призматического типа. Имеются и плоские ромбические и квадратные по форме [Мандельштам, 1966а, с. 129; 1975, с. 52]. Небольшая янтарная бусина найдена на городище Топрак-кала [Трудновская, 1952, с. 124, табл. II, 4]. По заключению

Е. М. Алексеевой, в Северном Причерноморье массовое распространение украшений из янтаря приходится на I в., причем в позднеантичный период наблюдается «переход к четким геометрическим формам» [Алексеева, 1982б, с. 48].

Широко встречаются в Средней Азии стеклянные бусы с золочением (см. [Литвинский, 1973б, с. 128—133]). По мнению Б. А. Литвинского, их появление здесь относится к III в. до н. э., а широкое распространение — к более позднему времени, в том числе и к первым векам новой эры [Литвинский, 1973б, с. 133].

Подвеска из раковины в виде неправильного ромба находит точную аналогию в материалах из Дальверзинского науса [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, рис. 79, 57]. У бронзового колокольчика, найденного в одном из наусов могильника у Ялангтуш-тепе, внутри на тонкой нитке была привязана раковина каури [Ртвеладзе, 1983, с. 134, рис. 10, 11].

Интересны подвески в виде кисти руки, сжатой в кулак. На многих памятниках Средней Азии найдены подвески с изображением руки, пальцы которой сложены в «кукиш» [13]. Одна из таких подвесок найдена в Кобадиане на городище Кей-Кобад-шах [Мандельштам, Певзнер, 1958, рис. 103]. Центры производства подобных подвесок, как и других изделий из египетского фаянса, находились скорее всего вне пределов Средней Азии. Подвески, происходящие из «погребальных ям» на поселении Ак-тепе, являются, видимо, поздними местными подражаниями привозным образцам.

Дисковидные подвески из гальки имеются в инвентаре некоторых погребений Тулхарского и Бабашовского могильников. По месту находок в погребениях А. М. Мандельштам определил их в одном случае как накосное украшение, в другом — как украшение ножен [Мандельштам, 1966а, с. 134, табл. 8, 36, 37; 1975, с. 124, табл. 41, 26]. Такая же подвеска найдена в помещении 12 замка Балалык-тепе [Альбаум, 1960, с. 100, рис. 81], на городище Кафыр-кала [Литвинский, Соловьев, 1985, с. 108, рис. 39, 5].

Из этнографических материалов у населения юга Средней Азии известен обычай носить в качестве амулета-оберега всевозможные камни как в ожерелье, так и отдельно [Андреев, 1958, с. 418—419; Материальная культура, с. 230]. Не исключено, что подобное же назначение могли иметь и подвески из отполированной гальки, найденные на поселении Ак-тепе II.

В завале над полом одного из помещений первого периода на поселении Ак-тепе II найден фрагмент бронзового браслета с утолщенными концами (см. табл. VII, 9). Прут, из которого изготовлен браслет, уплощенно-овальный в сечении, размерами 0,3×0,5 см, размер сечения на концах — 0,7×1,0 см.

Подобные браслеты — простой и широко распространенный во времени и пространстве тип украшений. Они встречаются в Средней Азии на очень многих памятниках. Из ближайших аналогий отметим находки подобных изделий в Бабашовском могильнике, в наусах Тепаи-шах, на Дальверзин-тепе (золотые браслеты из клада), в могильнике Туп-хона, в Пенджикенте [Мандельштам, 1975, табл. 40, 1, 2; Литвинский, Седов, 1983, табл. 30; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, рис. 140; Литвинский, 1973б, с. 12—13, табл. 2; Распопова, 1980, с. 114, рис. 74, 9, 11].

На том же поселении Ак-тепе II, в слое второго периода, найдено серебряное кольцо с тремя вставками (см. табл. VII, 4). Дужка в сечении чечевицеобразная, плавно уширяется от 0,4 до 0,8 см. В центре широкой части — напаянное круглое золотое гнездо, диаметром 0,7 см, со вставкой из отполированного сердолика. По бокам — еще два золотых гнезда каплевидной формы с утраченными вставками. Размеры кольца — 1,2×1,6 см.

Точной аналогией кольцу является фрагмент золотого перстня, найденный на поверхности городища Топрак-кала. Гнезда для вставок у него

обрамлены ложной зернью, нанесенной чеканкой с обратной стороны, сохранившаяся круглая центральная вставка — из граната [Трудновская, 1952, с. 128, табл. III, 1].

О типе перстней-печаток могут дать представление оттиски на буллах, найденных в «погребальной яме» № 2 (см. табл. XI, 13—18). Всего найдено девять булл, изготовленных из необожженной, тщательно отмученной глины розового цвета. Они имеют форму небольшой призмочки, сдавленной с боков таким образом, что площадка, на которой расположен оттиск, по форме приближается к ромбу. На боковых гранях — отверстия для подвешивания. На некоторых экземплярах, на стороне, противоположной оттиску, имеется отпечаток ткани. Размеры булл: 2,0×1,5×1,2 см; 2,3×1,4×1,3 см; 2,4×1,5×1,3 см; 3,0×1,5×2,0 см.

Оттиски перстней-печаток овальной формы, в одном случае — круглой. Изображения очень нечеткие, смазанные, с трудом угадываются лишь на шести экземплярах.

На одной из булл имеется отпечаток восьмилучевой розетки (см. табл. XI, 13). Лучи, расширяющиеся к концам, переданы глубокими вдавлениями, сердцевина розетки — овальной выпуклостью (оттиск смещен). Размеры оттиска — 1,3×0,9 см.

На двух буллах оттиски овальной формы, видимо, от одного и того же перстня (см. табл. XI, 14, 15). Рядом с овальным вдавлением печати имеется круглый отпечаток, диаметром 0,3 см, оставленный боковым шипом перстня. Изображения очень нечеткие, угадывается лишь полукруглая выпуклая линия, пересеченная тремя короткими прямыми линиями. Размеры оттисков — 1,2×0,6 см; 1,9×1,1 см.

На трех буллах — оттиски с профильными портретными изображениями. Один из них оставлен перстнем-печаткой с круглым щитком, диаметром 1,2 см, и овальным боковым шипом, размерами 0,2×0,4 см (см. табл. XI, 16). На оттиске в двойном ободке — выпуклое изображение головы бородатого (?) мужчины вправо. Волосы убраны в валик. Еще один оттиск со сходным изображением имел овальную форму и размеры 0,8×1,3 см (см. табл. XI, 17). Третий оттиск — очень нечеткое изображение персонажа в сложном головном уборе (см. табл. XI, 18). Оттиск овальный, размерами 1,4×1,2 см.

Находка глиняных булл в слое кушано-сасанидского времени — редкое явление для памятников Бактрии — Тохаристана. Известны лишь две подобные находки. На городище Джига-тепе, на полу одного из помещений, обнаружено свыше трех десятков булл. Выделено несколько групп печатей, в том числе со среднеперсидскими надписями и портретными изображениями, находящими аналогии в сасанидской глиптике [Кругликова, Лившиц, 1981, с. 71—72; Кругликова, 1984, с. 141—149]. Глиняная печать с изображением на оттиске двух фигур обнаружена при раскопках Дурман-тепе [Durman Tepe, с. 108, fig. 37, pl. 14, 40]. Глиняный кружок (по предположению Б. Я. Ставиского — булла) «с рельефным изображением Будды или бодхисаттвы (?), сидящего в обрамлении радиальных лучей», обнаружен на Кара-тепе [Ставиский, 1982, с. 45, ил. 12а]. Небольшой кладик глиняных булл найден в стенной нише на поселении Чакалак-тепе, но в слое, относящемся к раннему средневековью [Chaqalaq Tepe, с. 5, 23, fig. 61, pl. 62, 7].

Анализ формы оттисков на актепинских буллах позволяет сделать заключение, что в качестве печатей использовались перстни с овальными или круглыми вставками гемм-инталий. Перстень, оставивший отпечаток в виде восьмилучевой розетки, скорее всего не имел вставки: лучи, не сходившиеся в центре, были напаяны по краю металлического щитка (таким образом, при оттискивании на сырой глине в центре образовывалась выпуклость, а расходящиеся от нее углубления передавали лучи).

Интересны оттиски с небольшим круглым или овальным углублением рядом с отпечатком геммы (см. табл. XI, 14—16). Они, по всей види-

мости, оставлены определенным типом перстней-печаток, известным по находкам в могильниках и на поселениях,— перстнями с боковым шипом [14]. Часты находки таких перстней в слоях раннесредневековых памятников. Большая и разнообразная коллекция собрана в Пенджикенте [Распопова, 1980, с. 114—116, там же — сводка находок из других раннесредневековых памятников], имеются находки перстней с шипом в раннесредневековых слоях Чакалак-тепе [Chaqalaq Tepe, c. 23, fig. 58, pl. 55, 11; 56, 2], представлены они среди украшений из могильников Западной Ферганы [15]. Наиболее ранняя находка подобного типа перстней в пределах Бактрии — Тохаристана — коллективное захоронение Джулсайского могильника в Пянджском районе ТаджССР, приблизительно датируемое VI—VII вв. н. э. [Литвинский, 1973б, с. 23; Литвинский, Седов, 1984, с. 101—102].

Глиняные буллы использовались для опечатывания каких-то емкостей (тюков?) с товарами [16] либо скрепляли какие-то документы [17].

Не совсем понятно присутствие их в погребальном инвентаре. В данном случае определенную ценность представляли уже не товары или документы, скрепленные печатями, а сами буллы. Подобное предположение справедливо и для находки из Чакалак-тепе, где 37 булл были специально сложены в небольшую деревянную коробочку, размерами 41×11×6 см, изготовленную из кедра [Chaqalaq Tepe, c. 23]. В этой связи уместно привести замечание А. А. Семенова, сделанное им в одной из небольших заметок мемуарного характера: «Покойный ташкентский археолог И. Т. Пославский, обладатель большой коллекции среднеазиатских гемм-инталий, высказывал как-то мне свое мнение, что они служили формой своего рода вещественных мандатов. На местной жирной глине или лёссе, смоченных водою или слюною, делали геммой отпечаток лица-портрета ее владетеля или изображения божества его покровителя. Этот рельефный отпечаток клали на горячие угольки и обжигали. Затем, как своего рода верительную грамоту, давали тому, кто посылался с тем или иным поручением. И. Т. Пославский основывал свое предположение на том, что у него лично было несколько таких глиняных обожженных отпечатков гемм» [Семенов, 1957, с. 145]. Судя по упомянутым выше находкам, такое предположение не лишено оснований; правда, мы имеем необожженные экземпляры.

На полу одного из помещений второго периода на поселении Ак-тепе II найдена крупная глазчатая вставка полусферической формы (см. табл. XI, 6). Она изготовлена из ярко-синей стеклянной пасты, поверхность покрыта желто-белыми колечками неправильной овальной формы (по краю, у плоского основания,— вытянутые овалы). Диаметр колечек — 2—4 мм, размеры вставки — 0,9×2,4 см.

Сходная по технике изготовления глазчатая бусина, также ярко-синего цвета, была найдена в могильнике около городища Тепан-шах [Литвинский, Седов, 1983, с. 156, табл. 34, 1]. Похожая полусферическая вставка имеется и среди находок в Ай-Ханум [Francfort, 1984, pl. 34, № 78].

Серьги представлены двумя обломками, видимо, от одного изделия из золота, найденными в «погребальной яме» № 1. Первый фрагмент имеет вид полого ритона с прямоугольным пазом на широком конце и коротким круглым штырем с боковым выступом на узком. Его размеры — 1,5×1,6 см (см. табл. XI, 11). Второй фрагмент, видимо крепившийся к утраченной нижней части первого, состоит из четырех спаянных полых шариков, украшенных пирамидками из зерни. Диаметр шариков — 0,5 см (см. табл. XI, 12).

Две очень похожие бронзовые серьги, которые, собственно, и дали возможность определить описанные выше фрагменты как части аналогичного украшения, были найдены в камере 1 пауса II некрополя у городища Ялангтуш-тепе [Ртвеладзе, 1983, с. 128, рис. 4]. Они имеют вид довольно массивной «лунницы» с прикрепленными к ней «мелкими ша-

риками в форме виноградной кисти». Замок в виде полукруглого изогнутого стержня подвижно прикреплен к одному из концов «лунницы». Аналогичная конструкция скорее всего была и у актепинской серьги. К штырю с выступом мог подвижно крепиться замок, а для его фиксации использоваться прямоугольный паз.

Кроме того, в «погребальной яме» № 2 были найдены фрагменты нескольких разрозненных ювелирных изделий. Это стержень из тонкой золотой проволоки, один конец которого загнут крючком с надетой на него цилиндрической лазуритовой бусиной (длина стержня — 1,8 см, длина бусины — 0,9 см); миниатюрное золотое колечко, диаметром 0,3 см; выпукло-вогнутая бронзовая бляшка с отверстием посередине (диаметр бляшки — 1,2 см, диаметр отверстия — 0,5 см); миниатюрная серебряная подвеска в виде четырехгранной усеченной пирамидки с небольшим выступом (размеры — 0,2×0,3×0,9 см) (см. табл. XI, 5).

§ 8. МОНЕТЫ

Состав монетной массы в слоях с археологическими комплексами кушано-сасанидского времени Кобадиана и в кладах, найденных вне связи с какими-либо поселениями, исключительно однороден. Подавляющее большинство монет определяется как медный чекан сасанидских кушаншахов, причем имеются монеты всех трех групп: сасанидо-кушанские (преобладают), кушано-сасанидские и относящиеся к так называемой «группе Кобада» (см. Приложение II, реестр) [18]. Хронологический диапазон также очень широк: от чеканки для восточных владений шаханшаха Шапура II (368—371) [19] до монет кушаншахов Хормизда II (450—457) и Пероза II (457—459).

Вместе с монетами сасанидских кушаншахов в комплексах в небольших количествах встречаются медные монеты последних кушанских царей (Васудевы и Канишки III), а также подражания их чекану (чаще других — подражания чекану Васудевы) [20]. Вопрос о месте подражаний монетам кушанских царей (Хувишки, Канишки III, Васудевы) в денежном обращении Северного Тохаристана еще далек от своего окончательного решения [Давидович, Зеймаль Е. В., 1980, с. 71—73; Зеймаль Е. В., 1983б, с. 231—256], однако некоторые археологические данные как будто бы свидетельствуют о том, что подражания монетам Хувишки (в отличие от подражаний Васудеве и, видимо, Канишке III) начали чеканиться до распространения к северу от Амударьи кушано-сасанидской и сасанидо-кушанской меди (см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 37, примеч. 55]). В связи с этим нельзя исключить вероятность того, что подражание Хувишке, найденное в шурфе на поселении Хишт-тепе (см. Приложение II, реестр 184), могло оказаться переотложенным из более ранних слоев.

Среди монетных находок из «погребальной ямы» № 2 на поселении Ак-тепе II имеется медная монета, относящаяся как будто бы, по определению В. Г. Луконина, к собственной чеканке Шапура II (см. Приложение II, реестр 122).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ. КОБАДИАН В IV—V вв. н. э.

§ 1. КОМПЛЕКСЫ КУШАНО-САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ В ДРУГИХ РАЙОНАХ БАКТРИИ — ТОХАРИСТАНА

Вопросы абсолютной и относительной хронологии кушано-сасанидских комплексов Кобадиана нельзя решать изолированно, в отрыве от аналогичных комплексов из других районов Бактрии — Тохаристана. Последние довольно многочисленны и достаточно хорошо изучены, в большинстве своем они образуют верхние, кроющие слои кушанских памятников. Ниже дается краткое описание основных из этих комплексов, а также характеристика нумизматического материала и анализ других категорий находок, в основном керамики (в сопоставлении с кобадианскими комплексами; см. также Приложение I, табл. 4, 5).

Яванское городище. К комплексам кушано-сасанидского времени на этом, одном из крупнейших древних городищ Южного Таджикистана относятся остатки построек трех верхних периодов (I—V стратиграфические горизонты).

На цитадели городища открыт участок улочки шириной около 1,5 м, по обеим сторонам которой сплошным массивом тянутся крупные многокомнатные дома-блоки, состоящие из отдельных, связанных между собой групп помещений (первый период). Стены зданий возводились из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей, размерами 30—34×30—34×10—12 см, изнутри покрывались саманной и ганчевой штукатуркой. Не исключено, что постройки были двухъярусными, с «подпольями». Ко второму периоду относятся остатки нескольких помещений со стенами, высотой около 1,0 м, покрытых ганчевой обмазкой, дворище и «переулок»; к третьему — остатки помещений с очагами и хумами. Судя по результатам разведочных раскопок на других участках городища, максимальных размеров оно достигает к концу своего существования [Юркевич, 1965, с. 159—161, рис. 2; Зеймаль Т. И., 1969, с. 6; 1975, с. 267—269; Литвинский, 1973а, с. 14—17].

Исключительно обильный и разнообразный керамический материал кроющих слоев городища содержит прямые аналогии керамике кобадианских комплексов [1]. Совпадают почти все формы столовой посуды: одноручные ойнохоевидные кувшины (яванские меньше по размерам, с более вычурной профилировкой верха сосуда); двуручные амфоровидные кувшины, все три типа чаш, тагора, миниатюрные кувшинчики. В керамике второго периода Явана имеется небольшой поильничек, носик которого расположен на взаимно перпендикулярных осях по отношению к ручке (см. аналогичный сосудик в комплексе керамики из района гончарных печей. Приложение I). Не менее близкие совпадения имеются в тарной и кухонной керамике. Это те же формы двуручных амфоровидных и широкогорлых сосудов, хумов и хумчей, горшков, котлов и крышек и др. Близки типы биконических «курильниц» и светильников-плошек.

Вместе с тем выявляются и довольно существенные различия. По сравнению с кобадианскими комплексами в керамике Яванского городища очень мало кружек. Они имеются только в керамике верхнего пе-

риода и наряду с формами, аналогичными кобадианским, представлены значительно огрубленными плоскодонными сосудами с кольцевидной ручкой. В керамике периодов Яван I—III очень распространен тип чаш, не встречающийся в Кобадиане,— тонкостенные кубки-чаши, иногда с почти биконической формой тулова, профилировкой напоминающие кружки, но снабженные двумя С-образными или кольцевидными (в первом периоде) ручками, часто имеющими зооморфное или антропоморфное завершение. Поддон сплошной дисковидный, либо имеется высокая полая ножка. Наружная поверхность часто украшена сетчатым лощением. Не встречается в кобадианских комплексах и еще один тип столовой керамики — «парадные» одноручные кувшины с рифленой верхней площадкой венчика.

Значительны отличия и в декоре посуды, особенно столовой. Преобладающий цвет ангобного покрытия в керамике Явана — красный либо, чаще, темно-красный или темно-коричневый, тогда как для Кобадиана характерны более светлые тона — кирпично-красный, светло-коричневый. Значительно чаще, чем в Кобадиане, применяется сетчатое лощение и, наоборот, реже — полосчатое вертикальное и спиралевидное. Для керамики Кобадиана нехарактерен прием украшения бортиков чаш налепами-масками в виде детских головок или головок животных. Значительно более разнообразны варианты штампованного орнамента, в основном — пальметты различного рода.

Все эти отмеченные выше особенности яванской керамики характеризуют локальные, а не временные отличия, различия «керамических школ».

В кобадианских комплексах практически отсутствуют находки терракотовых статуэток, тогда как в слоях Яванского городища их довольно много. Статуэтки коней с торчащей гребнем гривой, иногда оседланные или со всадником, известны и из более ранних слоев. Наряду с ними встречаются терракотовые фигурки-образки, возможно с изображениями персонажей буддийского круга.

Состав монетных находок из верхних слоев Яванского городища также отличен от таких же находок кобадианских комплексов. Здесь отсутствуют монеты кушано-сасанидского или сасанидо-кушанского чекана. В слоях периода Яван-II найдены медные монеты «сотера мегаса» (три экземпляра), Канишки III (один экземпляр), подражания монетам Васудевы (два экземпляра) и Канишки III (шесть экземпляров). Среди находок из слоев периода Яван-I имеются монеты «сотера мегаса» (два экземпляра), Васудевы (три экземпляра), Канишки III (два экземпляра), подражания монетам Хувишки (один экземпляр), Васудевы (три экземпляра) и Канишки III (один экземпляр) (см. [Зеймаль Е. В., 1983б, XII, 18—22; XVI, 13—15; XVII, 8—10; XVIII, 1; XIX, 152—156; XX, 1—7]). Медное подражание монетам Хувишки, возможно, происходит и из более древних слоев городища (монета найдена в кладке стены). Видимо, нельзя исключить возможность перемещения монет «сотера мегаса» из более нижних слоев (как это было, почти наверняка, с монетой «варварского Гелиокла», найденной в верхнем слое городища и послужившей причиной излишне ранней его датировки, см. [Юркевич, 1965, с. 161, 164]), хотя вероятнее все же, что их находки в верхних слоях городища свидетельствуют о длительности обращения подобных монет.

В связи с отсутствием монет кушано-сасанидского чекана для датировки верхних периодов Яванского городища определяющее значение имеет находка в слое, подстилающем здание периода Яван-I. Здесь, в четких стратиграфических условиях, найден фрагмент керамического кубка-чаши с оттиском штампа с изображением персонажа в короне, единственной иконографической параллелью которой является корона кушано-сасанидского правителя Хормизда I (381—384) [Зеймаль Т. И., 1969, с. 5—6; 1975, с. 268].

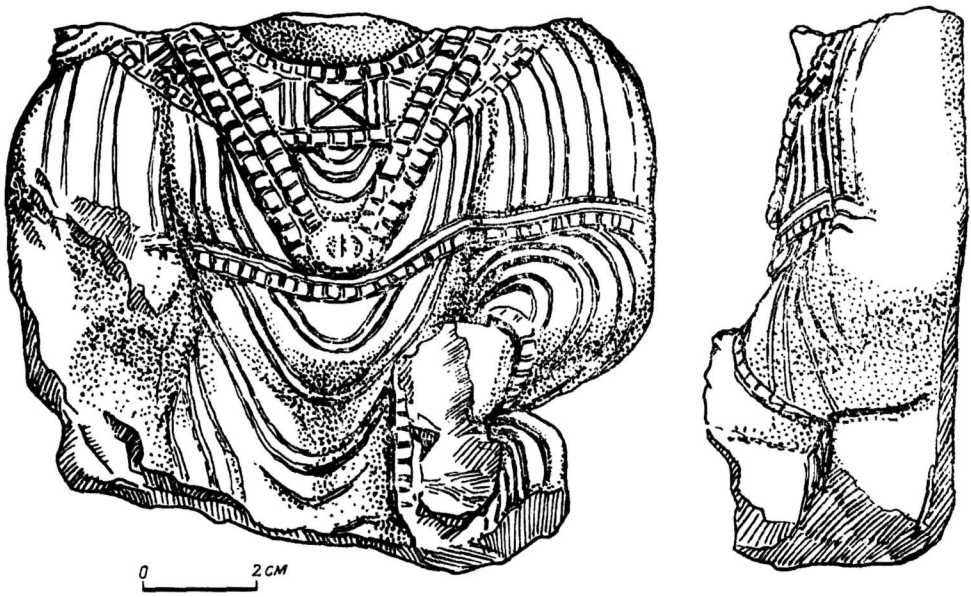


Рис. 30. Халкаджар. Торс каменной статуэтки.

Халкаджар. Разведывательные раскопы, заложенные на всхолмлениях центральной и северо-западной его частей, вскрыли несколько жилых горизонтов с остатками построек[2].

В центральном раскопе зафиксировано три жилых горизонта. Постройки верхних двух практически не сохранились: в обоих случаях расчищены только основания взаимно перпендикулярных стен, составлявших углы каких-то помещений, и мусорные ямы. В заполнении помещения второго жилого горизонта найдена медная монета Васудевы (или подражание его чекану)[3] и фрагмент торса небольшой каменной статуэтки гандхарского типа (рис. 30). К нижнему жилому горизонту относятся остатки трех помещений, связанных между собой проходами. Их стены сложены из квадратного сырцового кирпича, размерами 35×35×10 см, покрыты саманной и ганчевой штукатуркой. К стенам пристроены суфы, в углу одного из помещений имелся очаг открытого типа. Зафиксированы следы неоднократных ремонтов и перестроек: несколько уровней полов, обновление обмазки стен, закладка старых и устройство новых проходов. В завале над полом одного из помещений найдена медная монета Васудевы. Судя по однородному керамическому материалу, все три жилых горизонта относятся к одному периоду.

В северо-западном раскопе открыта часть постройки, относящейся к последнему периоду обживания городища. Раскопаны остатки двух прямоугольных в плане помещений хозяйственного назначения и участок примыкавшего к ним двора. В помещениях зафиксированы уровни двух полов, покрытых, так же как и стены, ганчевой обмазкой. На верхнем полу в одном из помещений найдена монета Канишки III.

Керамический материал, найденный в обоих раскопах, представляет собой однородный комплекс. Он близок, порой идентичен керамике Яванского городища, верхних слоев поселения Болдай-тепе. Здесь найдены тагора с витыми вертикальными ручками, ойнохоевидные одноручные кувшины, кружки, кубки-чаши с зооморфными ручками, амфоровидные двуручные кувшины с мелким штампованным орнаментом и др. На хлопковом поле к югу от городища и на поверхности самого городища подобраны монета Канишки III, подражание его чекану, и медная монета из группы сасанидо-кушанских.

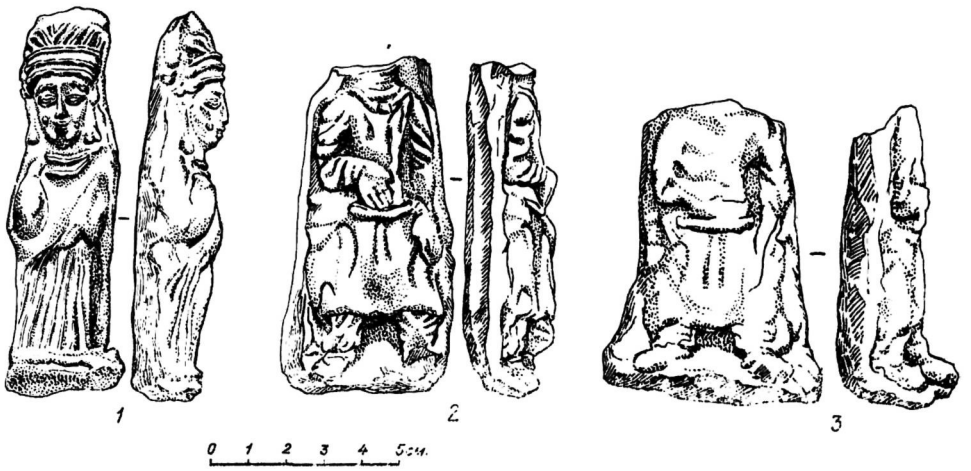


Рис. 31. Халкаджар. Терракотовые статуэтки:
1 — женская; *2*, *3* — мужские.

Значительный интерес представляет небольшая, но довольно выразительная коллекция мелкой пластики, состоящая как из подъемного материала, так и из найденного при раскопках.

Женская статуэтка. Случайно найдена на поверхности городища (рис. 31, *1*). Стоящая женская фигурка в длинной одежде передана довольно схематично, в деталях проработано только лицо. Голова непропорционально большая, лицо вытянутое, глаза миндалевидные, широкие, нос тонкий, крупный, губы толстые, подбородок округлый. На щеках у рта — два небольших налепных кружочка. Высокий и массивный головной убор передан двумя широкими горизонтальными желобками, поверх которых — желобки, расходящиеся от центра под углом. По бокам от головного убора спускаются массивные, плохо проработанные подвески, оканчивающиеся над плечами крупными шариками (один из них — левый — двойной). Видимо, это попытка передать нечто вроде височных подвесок, хотя не исключено, что это — плохо отпечатавшиеся серьги. Оттиск тулова очень нечеткий, на груди — двойное ожерелье (или ворот одежды?). Правая рука согнута в локте и прижата ладонью к правому плечу (?). Положение левой руки не совсем ясно, возможно, кисть на поясе. Подол длинного (до пят) и широкого платья передан широкими, вертикальными, несколько наклонными складками-желобками. Тыльная сторона статуэтки полукруглая, подрезана ножом. Изготовлена из розовой глины, ангоб не сохранился. Размеры (максимальные): 10,2 × ×2,8 см, толщина — 2,3 см.

Тип стоящих женских фигурок (богинь?) в складчатых одеждах хорошо известен в коропластике Северной Бактрии — Тохаристана кушанского времени, однако точных аналогий среди опубликованных материалов найти не удалось. Сходный головной убор на терракотах Дальверзин-тепе Г. А. Пугаченкова определяет как «кокошник с веерообразно расходящимися лучами» [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 161, рис. 113, 8—10].

Статуэтки мужчин. Необычайно интересны две терракотовые фигурки, также найденные на поверхности городища (см. рис. 31, *2*, *3*). Они абсолютно идентичны, ясно видно, что это два оттиска с одного штампа, один менее четкий. Изображен мужчина (голова у обеих статуэток утрачена) в длинной, ниже колен, верхней одежде (кафтан?), перехваченной поясом. На шее — ожерелье с квадратным элементом в центре (возможно, так передан ворот одежды). На рукаве — крупные складки. Кафтан как будто бы глухой, но, может быть, это нечеткость проработки. Во всяком случае, едва заметные углубления в верхней

части ворота и сразу под поясом свидетельствуют о том, что на первоначальном образце полы кафтана могли быть показаны расходящимися. Правая рука согнута в локте, кисть на животе (впечатление таково, что кисть как бы пытаются засунуть за пояс). Левая рука вытянута и прижата ладонью к бедру. На ногах — широкие штаны, забранные у щиколоток, наклонными линиями на них показаны складки. Нижняя часть одной из статуэток оббита, однако на второй ясно видно (см. рис. 33, *3*), что мужчина обут в широкие мягкие сапоги. Ступни ног разведены в стороны. Размеры статуэток: 3,2 – 4,4×8.8 см, толщина – 2,4 см; 3,7–5,8×8,0 см, толщина – 2,3–3,1 см.

Пластины, на которых оттиснуты изображения, имеют трапециевидную форму, тыльная сторона закруглена и подрезана ножом. Низ одной из пластин сильно выдается вперед. Изготовлены они из красноватой глины, покрыты красно-коричневым ангобом.

Терракоты напоминают известную каменную статую Канишки из династийного святилища в Матхуре (Индия) [Rosenfield, 1967, pl. 2]. Совпадают поза персонажа, одежда, положение правой руки и др. Не хватает только меча, о рукоять которого должна опираться правая рука, однако в целом сходство очень велико. Видимо, терракоты передают какой-то широко известный статуарный прототип. Аналогичных статуэток на других памятниках Северной Бактрии — Тохаристана кушанского времени как будто бы неизвестно.

Видимо, к этим изображениям надо отнести и фрагмент мужской терракотовой статуэтки, найденной в центральном раскопе в завале над верхним полом помещения нижнего жилого горизонта (рис. 32, *6*). Это обломок довольно массивной терракотовой фигурки, выполненной в глубоком рельефе. Сохранилась лишь нижняя часть фигуры — от пояса и ниже. Полы складчатого кафтана заканчиваются полукруглыми обрезами чуть выше колен. На штанах наклонными, слегка изогнутыми штрихами показаны складки. Ступни ног обломаны. Пояс наборный, передан пятью соединенными между собой кружочками. Терракота светлоглиняная, покрыта красным ангобом. Размеры: 4,1×7,8 см, толщина — 2,7 см.

Фрагменты сходных терракотовых статуэток, но без проработки складчатых одеяний были найдены в Халчаяне при раскопках в «Западном доме» [Пугаченкова, 1966, рис. 107, 1, 2]. Близкая, судя по описанию, терракотовая статуэтка происходит с городища Куган-тепа [Зеймаль Е. В., 1980, с. 160].

Статуэтки всадников. Это примитивные антропоморфные изображения, выполненные очень схематично и небрежно. Одна из статуэток (см. рис. 32, *2*) происходит из верхнего слоя надувного лёсса в центральном раскопе. На едва намеченной голове двумя пальцевыми защипами показаны конический головной убор и очень нечетко — лицо. Руки отколоты, клиновидный торс расширяется книзу. Схематично переданные ноги (отломаны) примазывались, видимо, к крупу коня. Статуэтка красноглиняная, ангоб не сохранился. Размеры: 2,1×5,7 см, толщина — 1,3 см.

Вторая статуэтка (от нее сохранилась только верхняя часть) больше по размерам (см. рис. 32, *1*). Она найдена на полу помещения нижнего жилого горизонта в центральном раскопе. Головной убор имеет вид шапки с высокой конической тульей, отделен от головы налепным жгутом. Налепами показаны очень крупный бесформенный нос, глаза, уши. Голова никак не отделена от цилиндрического тела. Статуэтка изготовлена из необожженной глины красного цвета, покрыта красным пачкающим ангобом. Размеры: 2,0×5,4 см, толщина — 1,8 см.

Можно указать на довольно широкий круг аналогий подобным примитивным фигуркам из различных памятников Бактрии — Тохаристана кушанского времени [Кругликова, Пугаченкова, 1977, рис. 32, 3; Пугаченкова, 1966, рис. 107, 3–5; Пидаев, 1978, рис. 15, 1; 24, 5].

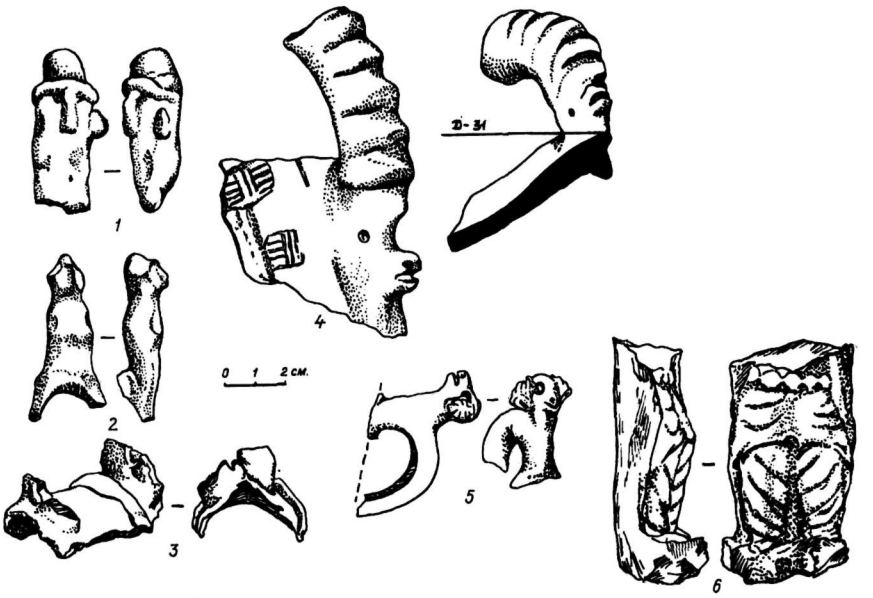


Рис. 32. Халкаджар. Терракотовые статуэтки и налепы на керамике:

1, 2 — статуэтки всадников; *3* — седло; *4* — налеп под ручкой тагоры; *5* — ручка с головкой барана; *6* — обломок мужской статуэтки.

Статуэтки коней. Это наиболее многочисленная группа терракот. Все они фрагментированные, имеются как случайно найденные экземпляры, так и происходящие из раскопов. Статуэтки красноглиняные, покрыты красным или красно-коричневым ангобом. Некоторые фигурки выполнены очень примитивно (рис. 33, *5*), но имеются экземпляры, не лишенные определенной художественной выразительности (см. рис. 33, *3*). Часто на статуэтках налепами (см. рис. 35, *4*) или вдавлениями (см. рис. 33, *1*) показаны детали упряжки. На одной из фигурок — оттиск овальной печати с трехлучевой тамгой. Плоским гребнем показана грива коня (см. рис. 35, *6*), в одном случае изображен даже султан (см. рис. 33, *2*). Часто на крупе имеются остатки налепных седел (рис. 33, *1*; *4*). Одно из таких седел, с высокими вертикальными луками, было найдено в центральном раскопе (см. рис. 32, *3*).

Статуэтки коней — одна из наиболее массовых и обычных находок терракот на кушанских памятниках Бактрии — Тохаристана (см., например, [Литвинский, Седов, 1983, табл. 24]).

Зооморфные изображения на керамике. В центральном раскопе, в заполнении одной из мусорных ям, относящихся ко второму жилому горизонту, найдена С-овидная ручка красноангобированной кружки или кубка-чаши, увенчанная головкой барана (мордой вверх) (см. рис. 32, *5*). Глаза, ноздри и рот показаны вдавлениями, рога — налепами, рассеченными радиально расходящимися штрихами.

Оформление ручек сосудов головками животных — сравнительно частое явление в керамике Бактрии—Тохаристана кушано-сасанидского времени. Можно указать на находки, сделанные на Яванском городище, Кара-тепе [Кара-тепе, III, табл. 17], Дильберджине [Кругликова, Пугаченкова, 1977, рис. 47, 4, 7] и др. В данном случае определенный интерес представляет относительно редко встречающийся тип животного. Аналогичные ручки с головками баранов известны из Джига-тепе [Пугаченкова, 1979, рис. 26, 2, 4, 6, 7]. Трактовка головы животного сходна с трактовкой статуэтки барана, найденной на Зар-тепе [Завьялов, Осипов, 1976, рис. 3, 4].

Оригинален налеп у основания ручки одной из тагора, найденной в северо-западном раскопе (см. рис. 32, *4*). Этот сосуд относится к хоро-

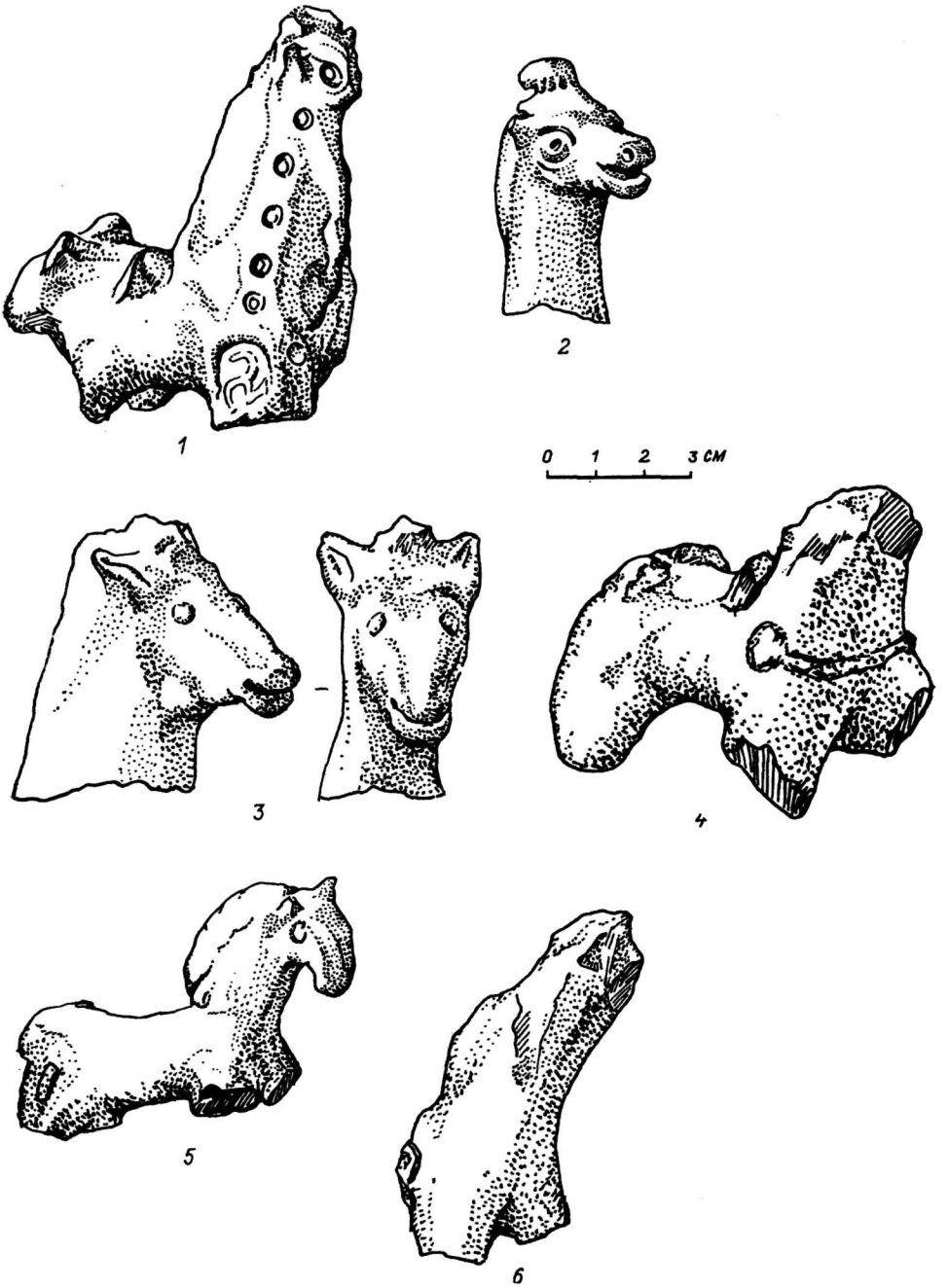


Рис. 33. Халкаджар:

1—6 — терракотовые статуэтки коней.

шо известному в кушано-сасанидских комплексах типу тагора с широким отогнутым бортиком и массивными вертикальными витыми ручками у края. В данном случае ручка не витая, но глубоким рельефом ей придана ребристая поверхность. На крае венчика у основания ручки сделан небольшой выступ, на котором вдавлениями показаны рот и ноздри животного, а чуть ближе к основанию ручки намечен глаз. Таким образом, несколькими искусными штрихами передана морда козла с массивным ребристым рогом-ручкой. Насколько нам известно, подобное оформление ручки тагора в керамике Бактрии—Тохаристана встречено впервые.

Дальверзин-тепе. На кушано-сасанидское время приходится относительный упадок и запустение городища Дальверзин-тепе. Разрушаются и оплывают городские укрепления, укрепления на цитадели, прекращают существование «дом ремесленника» (Дт-2), один из домов «богатого горожанина» (Дт-5) — на его развалинах устраивается свалка. Слои запустения фиксируются и на участках бытовой застройки (Дт-10) [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 17—18, 46, 65, 180—181]. Однако упадок жизни не носит всеобъемлющего характера. Продолжает функционировать здание Дт-6. Здесь, над верхними полами помещений, вместе с монетами Васудевы и Канишки III, среди которых, возможно, есть невыделенные подражания монетам этих царей (см. [Зеймаль Е. В., 1983б, с. 254]), найдены мелкие медные монеты сасанидо-кушанской группы [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 56, 230—231]. В керамике из раскопа Дт-6 обнаружены типично кушано-сасанидские формы: чаши с «перехватом», столовые тагора, тарные двуручные амфоровидные сосуды, тарные тагора [там же, рис. 34]. Продолжает, видимо, существовать и здание Дт-7. Судя по керамике (чаши с «перехватом», широкогорлые сосуды с широким волнистым орнаментом «гребенкой», столовые тагора), к кушано-сасанидскому времени относятся VI и, возможно, V строительные периоды храма в северной части Дальверзин-тепе [там же, с. 82—83, 86, рис. 59].

Продолжается жизнь и производственная деятельность в квартале керамистов (Дт-9), хотя, видимо, и в значительно меньших масштабах. Кушано-сасанидским временем датируются некоторые обжигательные печи (например, судя по типичным фрагментам керамики, печь № 4) [там же, рис. 87]. В юго-восточном углу квартала возводится новая постройка с пахсовыми стенами (на полах найдены сасанидо-кушанские монеты [там же, с. 125, 230—231]), функционируют, вероятно, и другие помещения — мастерские (см. керамический материал [там же, рис. 90]). В храме квартала керамистов кушано-сасанидскому времени соответствует второй период [там же, с. 132—133, 230]. Не исключено, что в это время продолжает существовать и хумхона, входившая в состав здания хозяйственно-складского назначения (Дт-11). Во всяком случае, среди находок монет на полу этого помещения имеются тонкие монетные кружки, отнесенные к категории «позднекушанских» [там же, с. 177—173, 231], а в слое над полом обнаружена монета сасанидо-кушанского типа (?) [там же, с. 181].

Керамика Дальверзин-тепе кушано-сасанидского времени выделена в самостоятельный комплекс Дальверзин-IV [там же, с. 156—159] [4]. Сопоставляя ее с материалами из Кобадиана, надо отметить многие черты сходства как в типах сосудов, так и в характере декора. Совпадают многие формы столовой керамики: чаши с «перехватом» [там же, рис. 34, 13—15, 21, 22; 90, 3; 110, 1—3, 6], чаши с загнутым венчиком [там же, рис. 34, 33—36, 41, 42, 45, 46; 110, 5, 7, 8, 9], тагора [там же, рис. 34, 48, 49, 51; 90, 17; 110, 14—17], ойнохоевидные одноручные кувшины [там же, рис. 95, 2]. Близкие типы дает тарная посуда: конические тагора [там же, рис. 34а, 1—14; 110, 18—21] (один из сосудов этого типа — массивный, с двумя ручками и орнаментом в виде крестов по скошенной наружу верхней площадке венчика [там же, рис. 90, 32] — полностью совпадает с экземпляром, найденным на поселении Ак-тепе II, см. Приложение I); двуручные амфоровидные сосуды [там же, рис. 34, 65—81; 90, 22—25; 110, 33—35, 39]; хумы и хумчи [там же, рис. 34в, 21—39; 110, 23—32]. Имеются совпадения в кухонной керамике [там же, рис. 34б, 15—20; 90, 18—20; 110, 23—26, 40].

Схожи орнаментация сосудов и приемы оформления внутренней и внешней поверхности. Так, у двуручных амфоровидных кувшинов нижнее основание ручек часто заканчивается приостренным «хвостом», «ступеньками» или пальцевым вдавлением. Часто встречаются мелкий штампованный орнамент (типологически более разнообразный, нежели

в Кобадиане), вертикальное и сетчатое полосчатое лощение. Совпадает и цвет ангобного покрытия (у открытых форм — изнутри целиком по зеркалу, у кувшинов — в верхней части) — красновато-коричневый или красный [там же, с. 156—159, рис. 112].

Зар-тепе. Постройки кушано-сасанидского времени, составляющие кроющий слой Зар-тепе, исследованы в различных частях городища.

В это время, видимо, приходят в упадок фортификационные сооружения: на одном из участков крепостная стена была прорублена для устройства буддийского святилища. Оно представляет собой длинное (не менее 17 м) коридорообразное помещение, уширяющееся в средней части. Расширенная часть ограничена с северо-западной стороны каменным порогом (?), по бокам которого, в углах отсека, были установлены каменные подставки с вмонтированными в них бронзовыми чашами (алтари для возжигания огня?). В святилище зафиксировано четыре уровня пола, причем с последним связана находка фрагментов глиняной скульптуры Будды (почти целиком сохранилась голова). В кладке крепостной стены, под первоначальным полом святилища, обнаружена медная позднекушанская монета (подражание Васудеве?) [Пилипко, 1976, с. 59—68].

В центральном массиве городища раскопан «комплекс монументальных строений скорее всего дворцового характера» [Массон В. М., 1977, с. 142]. Его планировочным центром являлись четырехколонный (размерами 13×9,3 м) и двенадцатиколонный (размерами 17,6××9,2 м) [5] залы, выходившие в обширный двор, который примыкал к зданию с юга. Перед четырехколонным залом был устроен айван. Стены и пол четырехколонного зала покрыты ганчевой обмазкой. Двенадцатиколонный зал на втором этапе своего существования подвергся некоторым перестройкам: вдоль его трех стен была сооружена суфа с выступающей «эстрадой», закрывшая северный проход; в центре зала между колоннами были воздвигнуты кубические возвышения, размерами 1,2×1,2 м, высотой 0,8 м, на верхних поверхностях которых имелись прямоугольные обожженные площадки (подиумы для жертвенников?). С северной стороны к парадным помещениям примыкали относительно небольшие комнаты, в одной из которых были найдены обломки раскрашенных глиняных статуй. Здание, судя по всему, погибло во время пожара [Щетепко, 1974, с. 42—48; Массон В. М., 1976, с. 6—7].

На одном из раскопов открыт комплекс из шести помещений, составлявших, видимо, небольшую изолированную постройку. Стены сложены из квадратного сырцового кирпича, размерами 33×33×10—12 (?) см, покрыты саманной штукатуркой. Выявлено два уровня полов. В одном из помещений имелась суфа, в центре — открытый очаг. С северо-востока к комплексу примыкал двор. Среди находок на полах и в заполнении помещений имеются монеты Хувишки, Васудевы и неопределенные монеты кушано-сасанидского (или сасанидо-кушанского) чекана [Завьялов, Осипов, 1976, с. 51—58].

Характер застройки одного из жилых кварталов города выявлен в юго-восточной части Зар-тепе. Здесь, по обеим сторонам городской улицы, открыты возведенные впритык друг к другу дома-блоки («планировочные единицы», по В. А. Завьялову), состоящие из 8—11 связанных между собой помещений. Несколько таких домов образуют более крупный комплекс, отделявшийся от соседнего перпендикулярным улице переулком. Стены помещений сложены из квадратного сырцового кирпича, размерами 34×34×11 см, покрыты саманной и ганчевой штукатуркой. В интерьере помещений имеются суфы, вырубленные в стене ниши для хумов, полы иногда выкладывались жжеными плитками. Почти во всех помещениях зафиксированы несколько уровней полов, ремонты и перестройки.

В общей планировке квартала особое место отведено комплексу из трех помещений (10, 16, 17), имевшему отдельный вход с улицы. Цент-

ральным являлось помещение 10. Оно подквадратное в плане, размерами 5,7×6,0 м, с проходом в одном из углов и П-образной суфой вдоль трех стен, покрытой ганчем, шириной 1,1—1,2 м. В центре помещения, на квадратной (1,3×1,3 м) платформе с бортиком, выложенной обломками жженого кирпича, располагался алтарь для возжигания огня (или подиум для жертвенника). В углу проходного помещения 16 стояли на полу (или были врыты в пол) крупные сосуды. Комплекс, безусловно, является общеквартальным святилищем, причем надо отметить сходство его планировки с аналогичными святилищами, раскопанными на поселениях Ак-тепе II и Мунчак-тепе (см. выше).

При раскопках квартала найдена большая коллекция медных монет (около 150 экземпляров), которые в основном происходят из разных уровней полов помещений. В ее составе имеются монеты «сотера мегаса», Хувишки, Васудевы, подражания монетам Васудевы, а также большая серия кушано-сасанидских (или сасанидо-кушанских) монет [Завьялов, 1979, с. 141—154; Массон В. М., Кошеленко, 1981]. Как отмечено В. М. Массоном, найдено также несколько сасанидских монет IV в. [Masson, 1984, с. 36].

Почти весь многочисленный археологический материал, полученный при раскопках построек кроющего слоя Зар-тепе, находит соответствия в комплексах кушано-сасанидского времени Кобадиана (см., например, сходные типы пряслиц, костяных булавок и др.). Особенно много совпадений в керамических материалах. Совпадают основные типы столовой, тарной и кухонной посуды [Щетенко, 1974, рис. 5; Завьялов, Осипов, 1976, рис. 2; 3, 18—21; Пилипко, 1976, рис. 5, 6; Завьялов, 1979, рис. 4], приемы ангобирования и орнаментации сосудов [Завьялов, 1979, с. 144—149] вплоть до антропоморфных налепов у нижнего основания ручек кувшинов, правда иного, неизвестного для Кобадиана типа [там же, с. 146—147, рис. 5, 6].

Вместе с тем имеются и некоторые существенные отличия. Прежде всего это обилие в керамике Зар-тепе всевозможных зооморфных, антропоморфных и геометрических налепов (головки львов, обезьян, козлов и др.), декорировавших не только основания ручек кувшинов, но и стенки чаш, носики и сливы сосудов, верхние части ручек кубковидных чаш или кружек [там же, рис. 5]. Более разнообразен и набор штампованного орнамента [Щетенко, 1974, рис. 5, 15, 11; Завьялов, Осипов, 1976, рис. 3, 18—22; Завьялов, 1979, рис. 6], хотя и встречаются очень близкие, порой идентичные штампы (ср., например, круглый штамп с изображением птицы [Завьялов, 1979, с. 148, рис. 6, 3] с очень похожим украшением тулова широкогорлого сосуда, найденного на Ак-тепе II, см. табл. XIV, 25).

Отличительной чертой зартепинского комплекса является и обилие антропоморфных и зооморфных терракотовых статуэток [Завьялов, Осипов, 1976, с. 57, рис. 3, 1—5; Завьялов, 1979, с. 150, рис. 7; 1981, с. 65—69, рис. I], не встречающихся в комплексах Кобадиана.

Ак-курган. Это небольшое сельское поселение, площадью немногим более 0,5 га, полностью раскопано по уровню верхнего горизонта, относящегося к кушано-сасанидскому времени.

Поселение неукрепленное, было застроено пятью многокомнатными жилыми зданиями, отделенными друг от друга довольно широкими улочками и дворами. Внутренняя планировка зданий несколько хаотичная: это система различных по площади и назначению помещений, связанных между собой проходами, группирующихся вокруг внутреннего дворика или большого помещения. В одном из зданий выделяется обширное помещение, стены которого, видимо, были украшены живописью.

Строительный материал, из которого сооружены стены помещений,— пахса, изредка квадратный сырцовый кирпич, размерами 32—33×32—33×9—10 см. Стены покрывались саманной и ганчевой штукатуркой. В некоторых помещениях имеются суфы, вырубленные в стене ниши.

Судя по находкам каменных баз «аттической» профилировки, плоские перекрытия крупных помещений опирались на деревянные колонны. Очаги в помещениях были или открытого типа, или тонуры, вмазанные в пахсовые постаменты [Пидаев, 1978, с. 50—61].

Керамический комплекс Ак-кургана близок керамике кобадианских комплексов кушано-сасанидского времени. Совпадают типы тонкостенных красноглиняных чаш (с «перехватом», с загнутым верхним краем резервуара, невысоким вертикальным бортиком и спиралевидным лощением на зеркале) [Пидаев, 1978, с. 64—65, табл. IX—X], столовых тагора с вертикальными витыми ручками [там же, с. 65—66, табл. XI], миниатюрных кувшинчиков, часто с обильным мелким штампованным орнаментом [там же, табл. XIII, 9, 10, 12, 14—19; XIV, 4, 5, 19, 21]. Имеются очень близкие найденному в «погребальной яме» № 1 на поселении Актепе II кувшинчику небольшие двуручные кувшинчики с уплощенным туловом [там же, табл. XIV, 1, 2], нижние части (без горловины со сливом) ойпохоевидных одноручных кувшинов с грушевидным туловом на довольно высоком дисковидном поддоне [там же, табл. XIII, 2, 3]. Формы тарной посуды представлены теми же типами двуручных амфоровидных и широкогорлых сосудов [там же, табл. XII], горшков с отогнутым венчиком и двумя ручками [там же, табл. XV, 15], ойпохоевидных кувшинов [там же, табл. XIII, 13], тагора [там же, табл. XVII], как и в Ак-тепе II. Сходны типы кухонных котлов и горшков [там же, табл. XV, 2—14], «банкообразных» сосудов и крышек, светильников [там же, табл. XVI, 2, 3, 7—10, 13, 14]. На Ак-кургане найдена и очень близкая по форме актепинской лепная «курильница» [там же, табл. XIV, 32].

В то же время надо отметить и известное отличие керамических комплексов. Так, в керамике Ак-кургана известен тип чаш с почти полусферическим туловом и отогнутым наружу бортиком [там же, табл. IX, 22—27], отсутствующий в керамике Кобадиана. Нет в наших материалах и чаш с налепами по краю в виде головок львов [там же, рис. 20, табл. X, 29] или широкогорлых кувшинов с налепами на ручках [там же, рис. 21], отсутствуют некоторые типы миниатюрных кувшинчиков (с ручками-«ушками») [там же, табл. XVIII, 1—4]. В керамике Ак-кургана, в отличие от кобадианских комплексов, практически отсутствуют кружки. В опубликованных материалах содержится фрагмент верхней части кубка-чаши с двумя (?) ручками, имеющими зооморфные завершения [там же, табл. XIV, 3]; у него есть аналогии в керамике Яванского городища. Как уже отмечалось выше, в кобадианских комплексах эта форма отсутствует.

Соответствия другим категориям находок (пряслицам, металлическим и костяным изделиям) приведены при характеристике вещественного материала кобадианских комплексов (см. выше, гл. II); здесь же отметим одно существенное различие.

На Ак-кургане найдена довольно большая коллекция терракот — образок с изображением Будды, статуэтки женщин, животных, птиц [там же, с. 73—79, рис. 23—25]. Не исключено, что некоторая часть находок перемещена из более ранних слоев памятника [там же, с. 61], однако многие из них, безусловно, относятся к кушано-сасанидскому слою. В Кобадиане же, за исключением одного образка с изображением Авалакитешвары из Тепаишахского пауса (см. выше), терракотовые статуэтки не найдены.

Состав монетных находок тот же, что и в Кобадиане. При раскопках поселения найдено большое количество монет (свыше полутора сотен), причем больше половины из них медные кушано-сасанидские или сасанидо-кушанские (точного определения произведено не было). Кроме того, при раскопках помещений верхнего горизонта найдены единичные экземпляры медных монет кушанских царей Кадфиза II, Канишки I, Хувишки, монета «сотера мегаса». В значительно большем количестве

имеются монеты Васудевы (и подражания его чекану?) и Канишки III [Пидаев, 1978, с. 71—72; Ртвеладзе, Пидаев, 1981, с. 56—85].

Дильберджин. Ко времени кушано-сасанидских правителей на городище Дильберджин относится последний из периодов, связанных с крупными строительными работами. Он зафиксирован на всех раскопах как в пределах площади, окруженной городскими стенами, так и вне ее.

Наиболее интенсивно обживается в этот период цитадель городища. Здесь, на довольно большой площади, вскрыта сплошная застройка жилыми домами, разделенными узкими улочками [Кругликова, 1974, с. 98—99; 1982, с. 153, рис. 1]. Застройка перекрывает остатки более ранних фортификационных сооружений [Долгоруков, 1984, с. 89].

Продолжают существовать иногда значительно перестроенные многочисленные культовые сооружения. В некоторых из них происходит, видимо, изменение культа. В так называемом храме Диоскуров (раскоп I), в центральном помещении, над каменным алтарем, устанавливается какая-то глиняная скульптура (дошла лишь в незначительных фрагментах), в одном из коридоров храма, западном, найдены фрагменты скульптуры буддийского облика [Кругликова, 1974, с. 29, 41] [6]. Отметим, что среди находок кушанских и кушано-сасанидских монет из раскопа I происходят и монеты сасанидского чекана (Шапур III, 383—388) и, возможно, монета Варахрана IV (388—399), найденные, правда, у внешнего угла храма [Вайнберг, Кругликова, 1976, с. 175—176].

На кушано-сасанидский период приходится расцвет северо-восточного культового комплекса (раскоп II), который именно в это время приобретает свой окончательный вид. Настенная живопись, открытая в его помещениях, создана под сильным сасанидским влиянием [7]. Особый интерес представляют росписи помещения 16 [Кругликова, 1979, с. 120—143]. Стилистическая близость их росписям Балалык-тепе и Пенджикента [там же, с. 143] имеет существенное значение для хронологического определения кушано-сасанидских монет, найденных в постройках этого комплекса [Вайнберг, Кругликова, 1984, с. 127—128]. В помещениях, пристроенных вдоль северной оборонительной стены к западу от культового комплекса и функционировавших одновременно с ним, имеются находки сасанидских (Шапур III, 383—388) монет [Вайнберг, Кругликова, 1976, с. 177—178].

Минимум две значительные перестройки с полным обновлением скульптурной композиции центрального помещения производятся в кушано-сасанидский период в святилище у западной городской стены (раскоп X). Скульптура последнего периода существования святилища несет на себе явный отпечаток сасанидских художественных традиций [Кругликова, 1982, с. 169]. Отметим находку в небольшой нише святилища двух бронзовых ложек, предназначавшихся, как считает И. Т. Кругликова, для культовых возлияний [там же, с. 169].

Период полного прекращения жизни на городище датируется сасанидской монетой Пероза (459—484) и предположительно согдийской, найденной в слое металлургической мастерской, устроенной в руинах «храма Диоскуров» [Вайнберг, Кругликова, 1976, с. 172]. На это же время приходится и устройство поздних захоронений в развалинах заброшенных зданий (в одном из них найдена монета из группы подражаний Перозу [Вайнберг, Кругликова, 1976, с. 180]).

Не менее интенсивно продолжалась жизнь в кушано-сасанидский период и вне городских укреплений Дильберджина. У юго-восточного угла городища, на развалинах древних построек, сооружается буддийское святилище (раскоп VI) [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 61—90], обживаются старые и возводятся новые жилые комплексы.

В раскопе V кушано-сасанидским временем должен датироваться третий период, когда после длительного этапа запустения использовались, видимо недолго, некоторые помещения центральной и юго-восточной частей «Большого дома» [там же, с. 46—47]. Интенсивно использу-

ется в основном, вероятно, жителями соседних домов и водохранилище-сардоба, сооруженное у северо-западного угла здания в предшествующий период [там же, с. 48—60]. Комплекс археологических находок в помещениях сардобы, и в первую очередь выразительная коллекция археологически целых сосудов, находит прямые аналогии в керамике кобадианских комплексов кушано-сасанидского времени [там же, рис. 47, 48]. Подтверждают дату и находки монет из центрального помещения с резервуаром [8].

Одним из домов, жители которого продолжали пользоваться водохранилищем-сардобой, являлся, вероятно, так называемый «дом ремесленника» (раскоп VII). Это сравнительно небольшой по размерам изолированный жилой комплекс, состоявший из 16 помещений жилого и хозяйственного назначения и двух дворов. Стены возведены комбинированной кладкой из пахсы и сырцового кирпича, размерами 35×35×10; 38×38×11 см. Для перекрытия одного из помещений, вероятно сводчатого, использовались трапециевидные сырцовые кирпичи, размерами 36×30—24×10 см. В доме нет следов значительных перестроек (производились только мелкие ремонтные работы, в одной из комнат был заложен дверной проем), в помещениях зафиксирован лишь один уровень пола [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 91—93, рис. 92—94].

Находки в помещениях медных монет Васудевы и Канишки III дали основание автору отчета о раскопках датировать время сооружения и функционирования дома II в. [там же, с. 93], что, однако, противоречит всему комплексу археологических находок.

В составе керамической коллекции имеются чаши с «перехватом» и арочным лощением по внутренней поверхности, фрагменты ойнохоевидного кувшина, тагора с витой вертикальной ручкой и обильно орнаментированным широким венчиком, характерные типы столовых двуручных кувшинов и тарных широкогорлых сосудов, горшков, тарных тагора, обломок кружки и пр. [там же, рис. 95—101]. Все это типичные формы керамики кушано-сасанидского времени, хорошо известные как здесь же на Дильберджине, так и на многих других памятниках левобережья и правобережья Амударьи, в том числе и в Кобадианском оазисе.

Джига-тепе. К кушано-сасанидскому времени на цитадели отнесены постройки двух верхних периодов — третьего и четвертого, причем отмечена возможность наличия между ними кратковременного перерыва [Пугаченкова, 1979, с. 63—81] [9].

Центральное здание третьего периода представляло собой округлый в плане жилой дом. Небольшие, неправильной формы помещения группировались вокруг обширного внутреннего двора (раскопана примерно половина здания). В следующий, четвертый период их забутовывают для сооружения платформы другого здания, от которого сохранились лишь отрезки стен и участки кирпичной вымостки.

Над руинами внешней стены Джига-тепе расчищены остатки нескольких помещений третьего периода, поверх рыхлых хозяйственных заполнений которых были сооружены кирпичные вымостки для каких-то несохранившихся построек четвертого периода. Стены помещений обоих периодов возводились из пахсы и сырцового кирпича, размерами 35—37×35—37×9—10 см (встречаются кирпичи размерами 40×30×10; 50×35×10—12 см [Пугаченкова, 1979, с. 72, 81]).

В слоях третьего и четвертого периодов найдено много монет. Подавляющее большинство (75 экз.) составляют медные подражания чекану Васудевы и Канишки III, а также сасанидо-кушанские и кушано-сасанидские эмиссии [там же, с. 81, рис. 18]. Кроме того, здесь же найдено несколько монет Хувишки, Васудевы, Канишки III, однако они почему-то использованы для датировки предшествующего, второго периода [там же, с. 76—77].

Обильный керамический материал из слоев второго, третьего и четвертого периодов демонстрирует все формы, характерные для кушано-

сасанидских комплексов Кобадиана. Здесь мы имеем те же типы двуручных амфоровидных кувшинов, как тарных, так и столовых, ойнохоевидных одноручных кувшинов, чаши с «перехватом», тагора с витыми ручками, миниатюрные сосуды и др. Исключительно обильна и разнообразна коллекция мелкого штампованного орнамента, также имеющая прямые аналогии в материалах из Кобадиана [там же, рис. 15, 19—24]. Аналогичная керамика найдена и в верхних строительных горизонтах стратиграфического шурфа 1976 г. [Пидаев, 1984, с. 120—123, рис. 6].

Прямые соответствия имеются в коллекции мелких находок. Это сходные типы пряслиц, пирамидальных и дисковидных грузил, бронзовый черпак с глубоким резервуаром, фрагменты костяных булавок [Пугаченкова, 1979, с. 87, рис. 11, 4, 6; 25].

Чакалак-тепе. На поселении изучены остатки построек, относящиеся к трем строительным периодам. Нижние два датируются кушано-сасанидским временем, верхний — ранним средневековьем [Chaqalaq Tepe].

Поселение, овальное в плане, было обведено двумя концентрическими пахсовыми стенами, возведенными, видимо, на начальном этапе его существования. К внешней стене, сооруженной вокруг подножия занятого поселением естественного (?) холма, снаружи примыкала пахсовая площадка, шириной около 3 м, высотой 0,8 м. Сама стена сохранилась на высоту до 4 м и имела ширину около 3 м. Постройки, располагавшиеся на вершине холма, окружала внутренняя стена. Она сохранилась на высоту 3—6 м и имела ширину 4 м (вверху) и 5 м (внизу). В ее восточной части раскопан арочный проход на поселение. Судя по рельефу, еще один проход располагался в западной части стены; аналогичные проходы были устроены и во внешней стене. На последнем этапе жизни на поселении внутренняя стена уже, видимо, не функционировала — ее перекрывали постройки верхнего периода.

Остатки жилых построек нижнего периода зафиксированы в центральной части поселения. К ним относятся участки стен каких-то массивных зданий, возведенных на материке, вскрытые в двух небольших шурфах. Мощность слоев, относимых к нижнему периоду,— около 3,5 м.

Постройки среднего периода обнаружены в центральной части поселения и у внешнего фаса внутренней стены, к северу и югу от прохода. В центре поселения полностью или частично раскопаны десять помещений, составлявшие часть какого-то крупного здания. Помещения, относительно небольшие по размерам, связаны между собой проходами. Некоторые использовались в качестве хранилищ — в них найдены хумы, стоявшие рядами вдоль стен; другие, судя по обилию жерновов от ручных мельниц, служили какими-то мастерскими. В одном из помещений обнаружены остатки железоделательного производства.

На протяжении всего периода своего существования здание подвергалось неоднократным перестройкам и ремонтам: в помещениях зафиксированы несколько уровней полов (до четырех), пристройки различных дополнительных стенок, связанных с этими полами, закладка старых и устройство новых проходов и т. д. Судя по характеру заполнения между полами, в здании периодически происходили пожары.

Постройки у внешнего фаса внутренней стены (на так называемой террасе) сохранились очень плохо. К югу от прохода зафиксированы кирпичная вымостка и угол стен какой-то постройки, к северу — остатки коридорообразных помещений.

Сооружения верхнего периода оказались сильно разрушенными. В центральном раскопе поверх здания среднего периода открыты остатки небольших помещений, составлявших, видимо, единый комплекс. К северу и югу от прохода, который продолжал функционировать, поверх внутренней стены расчищены кирпичные вымостки с очагами-тонурами, остатки стен, отдельные помещения, хозяйственные ямы и пр. Для этого периода также зафиксировано несколько уровней полов и связанных с ними перестроек. Стратиграфически между постройками

верхнего периода и зданием среднего периода временного перерыва не прослеживается [Chaqalaq Tepe, pl. 66].

Керамический материал двух нижних периодов очень близок, порой идентичен керамике кобадианских комплексов. До деталей совпадают формы столовой посуды: ойнохоевидных одноручных кувшинов, чаш с «перехватом», поильников, широкогорлых сосудов со сферическим туловом, тагора, двуручных амфоровидных сосудов, миниатюрных кувшинчиков. Близкие формы дает кухонная и тарная керамика. Имеется и такая редкая форма, как кувшин с длинным носиком — «чайник», известная по материалам Уштур-мулло. Совпадения наблюдаются в технологии изготовления и в декоре посуды (ангобирование верхней части сосуда, лощение поверхности, мелкий штампованный орнамент и т. д.) [Chaqalaq Tepe, c. 9—16, fig. 23—46, pl. 43—51].

Большое число соответствий имеется и среди других находок. Это сходные типы пряслиц, ножей, костяных булавок, обломки бронзовой посуды близких форм, вплоть до аналогично декорированного завершения ручки киафа [Chaqalaq Tepe, fig. 47—51, 53, 59—60]. В помещениях центрального здания наряду с торовидными и «аттическими» базами найдены грубо обработанные усеченно-конические каменные базы колонн, идентичные найденной на поверхности поселения Ак-тепе II [Chaqalaq Tepe, fig. 54, 55, pl. 59, 12, 13, 16].

В то же время в материалах Чакалак-тепе представлены категории предметов, отсутствующие в кобадианских комплексах: наконечники копий, железные наконечники стрел [Chaqalaq Tepe, fig. 47, 50, 52].

Состав монетных находок из Чакалак-тепе сходен с составом монет кобадианских поселений. В слоях нижнего периода найдены только сасанидо-кушанские монеты (восемь экземпляров). Находки из слоев среднего периода значительно разнообразнее. Здесь имеются 13 монет кушанских царей (от Канишки до Васудевы), 72 монеты — подражания чекану Васудевы, 307 мелких медных монет сасанидо-кушанского чекана и серебряная монета сасанидского шаханшаха Варахрана IV (388—399) [10]. Последняя найдена на самом верхнем полу среднего периода в одном из помещений центрального здания.

Для датировки верхнего периода определяющее значение имеют находки драхмы Хосрова II (591—628) и арабо-сасанидской монеты второй половины VII в. н. э. Кроме того, в слоях этого периода отмечены находки медных монет кушанских царей, подражаний монетам Васудевы, сасанидо-кушанские монеты. Бо́льшая часть этих находок, видимо, перемещена из нижних слоев.

В дерновом слое найдена медная монета с квадратным отверстием, предположительно определенная как монета династии Тан [Chaqalaq Tepe, c. 21—22].

Дурман-тепе. Небольшая сельская усадьба Дурман-тепе, расположенная неподалеку от поселения Чакалак-тепе, занимала площадь 40×50 м. Она состояла примерно из двух десятков помещений, соединенных между собой проходами.

Вход в усадьбу располагался с южной стороны, а на противолежащей, северной, был устроен небольшой двухколонный айван. Северо-западный угол постройки занимал внутренний дворик с глубоким, видимо трехколонным, айваном, восточную часть — анфилада из трех комнат, в центральной из которых вдоль длинной стены была сооружена суфа, шириной 1,5 м.

Стены здания, шириной 1,0, 1,65—1,8 м, возведены из сырцового квадратного кирпича, размерами 52×52×15 см и ленточной пахсы. На полах айванов сохранились каменные базы колонн «аттической» профилировки. Во внутренних помещениях усадьбы найдены еще две базы. Одна из них торовидная на трехступенчатом плинте, другая, сделанная примитивно — в виде усеченного конуса на плинте, аналогична найденным на поселениях Ак-тепе II и Чакалак-тепе [Durman Tepe, pl. 5, 2].

Большинство помещений усадьбы раскопано по уровню верхнего пола (так называемый Floor III). Уровень первоначального пола, на котором возводились стены здания, был зафиксирован в помещениях западной части (так называемый Floor II). Эти небольшие по размерам помещения не имели дверных проемов. Видимо, в них попадали сверху, из комнат несохранившегося второго этажа.

В ряде помещений усадьбы, в ее южной части, зафиксирован еще один, самый верхний уровень пола (так называемый Floor IV). С ним связаны кирпичные вымостки и незначительные остатки сильно разрушенных стен, иногда перекрывавших стены помещений усадьбы. Основное здание было возведено на руинах более ранней постройки, относящейся, судя по фрагментам керамики, найденным в шурфе, ко времени «великих кушан» [Durman Tepe, с. 3—57, 93—108, pl. 1—14].

Керамика, полученная при раскопках усадьбы Дурман-тепе и происходящая из различных стратиграфических уровней (Floor II—IV), представляет собой однородный комплекс. Она не различается ни по типам сосудов, ни по характеру декора, ни по технике изготовления. Практически все типы сосудов находят прямые аналогии в материалах кобадианских комплексов [Durman Tepe, fig. 6—13, 15, pl. 10—11]. Из других категорий находок отметим аналогичные типы пряслиц, костяные булавки, металлические изделия [Durman Tepe, pl. 12, 6, 7, 15; 13, 1—9].

При раскопках усадьбы найдено свыше трех десятков монет. С уровня первоначального пола (Floor II) происходят монета Хувишки и 12 монет Васудевы. В слоях, соотносимых с уровнем, по которому раскопаны все помещения усадьбы (Floor III), найдены монеты Канишки I, Хувишки, шесть монет Васудевы и семь монет, определенных как подражание чекану Васудевы (Vāsudeva type). Самый верхний уровень (Floor IV) дал две монеты Канишки I, подражание чекану Васудевы и два небольших кладика медных сасанидо-кушанских монет кушаншаха Варахрана I. В составе одного из кладов найдена не совсем обычная золотая монета (?) этого же правителя. Изображение на об. ст. монетного кружка отсутствовало; на л. ст. отчеканена фигура правителя в короне типа «е» (по В. Г. Луконину) и четко читаемая легенда — «владыка Варахран, великий царь кушан» [Durman Tepe, с. 100—101, 106—108, pl. 14].

Число памятников, содержащих археологические комплексы кушано-сасанидского времени, на территории Бактрии—Тохаристана не исчерпывается перечисленными выше. Они открыты на многих поселениях и городищах, однако по полноте и степени изученности значительно уступают описанным ранее.

Так, археологический комплекс, очень близкий по керамическому материалу кроющему слою Яванского городища, исследован на поселении Болдай-тепе в Вахшской долине (слой «Верхний Болдай») [Зеймаль Т. И., 1969, с. 7]. В яме, относящейся ко второму строительному периоду слоя «Верхний Болдай», найден клад медных позднекушанских и кушано-сасанидских монет. Монеты были прикрыты перевернутым вверх дном типичным сосудом кушано-сасанидских комплексов — тагора с витыми вертикальными ручками. В состав клада (130 экз.) входят монеты Васудевы, подражания его чекану (II—IV периоды), монеты сасанидских кушаншахов (кушано-сасанидской и сасанидо-кушанской групп; определены по две монеты кушаншахов Пероза I и Хормизда I, остальные — без точного определения) [Давидович, 1979, с. 53—56; Зеймаль Е. В., 1983б, с. 292, клад № 5].

Слои с кушано-сасанидскими комплексами открыты на Хайрабад-тепе — как на нижней площадке городища (шахристане), так и на цитадели. На шахристане они перекрыты слоем развитого средневековья (XI—XII вв.) и представлены остатками помещений, вскрытых у западной обводной стены городища. В составе керамической коллекции имеются характерные типы посуды: конические тагора, двуручные амфоровид-

ные сосуды, украшенные мелким штампованным орнаментом [Жуков, 1961, с. 178—191, рис. 7].

На цитадели слои с сасанидо-кушанскими монетами (там же найдено, видимо, и подражание Васудеве) перекрыты слоями раннесредневекового времени. Для последних характерны постройки из прямоугольного сырцового кирпича; на полу одной из них найдена монета из группы серебряных подражений Перозу с надчеканами [Альбаум, 1960, с. 44—52].

Большое количество поселений и городищ, существовавших в кушано-сасанидское время, отмечено в Северном Афганистане[11], в долине р. Сурхандарьи и Шерабадском оазисе [Козловский, Некрасова, 1976, с. 30—39; Некрасова, 1976, с. 76—82], в Гиссарской, Пянджской и Вахшской долинах [Зеймаль Е. В., 1979, с. 134—144; 1980, с. 157—166; 1982, с. 66—72; 1983в, с. 80—85; Зеймаль Т. И., 1961, с. 159—166], в правобережье Амударьи [Пугаченкова, 1968, с. 29—30], в том числе и в ее среднем течении [Пилипко, 1978, с. 93, 95; 1985, с. 23—97].

Особо надо отметить относительно немногочисленные погребальные сооружения и могильники.

В руинах одного из помещений буддийского святилища, располагавшегося в загородной зоне **Дальверзин-тепе**, в слое завала, обнаружено захоронение освобожденных от мягких тканей черепов и костей. Найдены кости примерно тринадцати скелетов, а также «два скелета, лежавших на спине, головой на юг». Сопроводительный инвентарь состоял из пяти сосудов, представлявших собой характернейшие формы кушано-сасанидских комплексов. Это чаши с «перехватом», чаша с загнутым краем и двуручный амфоровидный сосуд с профилированным манжетовидным венчиком [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 92—93, рис. 64].

Захоронения костных остатков, предварительно освобожденных от мягких тканей, с обильным сопроводительным инвентарем найдены в трех недостроенных и необжитых помещениях городища **Кухна-кала**. Кости и черепа сильно фрагментированы, в беспорядке разбросаны на значительной площади помещений, в одном из них часть костей лежала кучкой. В состав сопроводительного инвентаря входили украшения (кольца, серьги, браслеты, бусы), керамика и монеты [Литвинский, Седов, 1984, с. 90—91]. По уточненным данным, найдены монеты «сотера мегаса», Капишки I, Хувишки и Капишки III (см. [Зеймаль Е. В., 1983б, XII, 9; XIV, 6; XV, 1; XVII, 1]). В качестве возможной даты для захоронений Б. А. Литвинский указывает на I—IV вв. (в случае длительного по времени процесса последовательных захоронений) либо на II—III вв. (с учетом поправки Т. И. Зеймаль для времени возникновения самого городища [Зеймаль Т. И., 1971, с. 49, Литвинский, Седов, 1984, с. 90—91]).

Эта датировка базируется исключительно на монетном материале, но не учитывает керамику из погребений. Она представлена кружками, двуручными амфоровидными сосудами, поильником и толстостенной чашей [там же, табл. VIII]. Кружки все схожи по форме — со сферическим туловом, отогнутым, довольно высоким бортиком и С-овидной небольшой ручкой. У одного из экземпляров, обильно украшенного в верхней части тулова рядами мелкого штампованного орнамента, ручка почти кольцевидной формы. Двуручные амфоровидные сосуды — узкогорлые, с раздутым грушевидным или шаровидным туловом. Носик миниатюрного кувшинчика-поильника прикреплен к стенке тулова в плоскости, перпендикулярной плоскости крепления ручки. Все это типичные формы столовой керамики комплексов кушано-сасанидского времени. Нам кажется, вряд ли можно предполагать для погребений Кухна-калы длительный процесс накопления. Скорее всего это были одноактные захоронения, и датироваться они должны, исходя из даты керамического материала. Что касается монет, надо учитывать возможность длительного их нахождения в обращении перед попаданием в погребения (все эти типы монет засви-

детельствованы в слоях кушано-сасанидских комплексов), о чем косвенно свидетельствует и их плохая сохранность (очень потертые, поэтому определить можно только половину из них).

Захоронения на Кухна-кале, так же как и захоронения в руинах буддийского святилища Дальверзин-тепе, сходны по обряду погребения (предварительно очищенные кости) и месту захоронений (руины разрушенных или брошенных построек) с актепинскими (см. выше). Возможно, именно такой тип захоронений характерен для кушано-сасанидских комплексов [12] и является своеобразным «развитием» бактрийско-кушанского обряда погребения в наусах [13].

Захоронения в этих наземных погребальных сооружениях продолжались, видимо, и в кушано-сасанидское время. О функционировании наусов Тепаи-шах уже говорилось выше. Продолжали, очевидно, использоваться для захоронений и наземные усыпальницы могильника у **Ялангтуш-тепе.** Э. В. Ртвеладзе, издавший материалы раскопок, датирует его практически на основании только монетных находок, II — первой половиной III в. [Ртвеладзе, 1983, с. 125—143]. Однако наличие в составе сопроводительного инвентаря типичных форм керамики кушано-сасанидских комплексов позволяет говорить и о более позднем пласте погребений. В наусах II и III найдено большое количество двуручных кувшинов, имеющих прямые аналогии, а порой абсолютно идентичных сосудам кушано-сасанидских комплексов [там же, рис. 8, 4—9, 11]. В одной из камер науса II найден даже одноручный ойнохоевидный кувшин [там же, рис. 5, 10], а появление этой формы — один из основных признаков («индикаторов») кушано-сасанидских комплексов [14].

То же самое можно сказать и о датировке третьего погребального горизонта в **Дальверзинском наусе.** Исходя из находки в склепе 4 рядом с погребением этого горизонта монеты Васудевы, а выше его уровня, в коридоре,— монеты из группы подражаний Канишке III, он датирован временем от конца II до начала IV в. [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 109—110]. Б. А. Литвинским уже были высказаны некоторые сомнения в надежности подобной датировки [Литвинский, Седов, 1983, с. 89]. Следует добавить соображения относительно возможности датировки предметов сопроводительного инвентаря, соотносимых с захоронениями этого погребального горизонта. В склепе 4 найдены фрагменты двуручных сосудов, близких по форме сосудам, известным в кушано-сасанидском керамическом комплексе (для Дальверзин-тепе — это период Дальверзин-IV). Узкогорлый кувшинчик, ручки которого крепятся к краю венчика, находит аналогии в керамике кобадианского поселения Шодмон-кала (см. Приложение I). Одноручный кувшин на поддоне с рифленой верхней площадкой венчика, происходящий из склепа 5, имеет прямые аналогии в керамике верхних слоев Яванского городища, городища Зар-тепе [Завьялов, 1979, рис. 5, 6]. Костяная булавка из склепа 4 с навершием в виде раскрытой кисти руки абсолютно аналогична найденным на поселении Ак-тепе II (см. рис. 29).

К кушано-сасанидскому и, видимо, более позднему времени относится и ряд погребений по обряду трупоположения, найденных в руинах старых построек. Это погребения на кургане Старого Термеза, в заброшенных помещениях буддийских монастырей Кара-тепе и Фаяз-тепе, в руинах построек Дильберджина и Дальверзин-тепе. Многие из этих захоронений сопровождались керамическими сосудами, формы которых типичны для кушано-сасанидских комплексов, медными монетами сасанидских кушаншахов либо подражаниями Васудеве, более поздние — монетами местного чекана эфталитского времени (подробнее см. [Литвинский, Седов, 1984, с. 91—92, 102—103; о монетах — Давидович, Зеймаль Е. В., 1980, с. 73; Вайнберг, Раевская, 1982]).

Приведенные выше материалы заставляют, на наш взгляд, отказаться от выдвинутой Э. В. Ртвеладзе гипотезы о смене «во времена Васудевы I» погребальной обрядности [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978,

с. 114]. Как и в более раннее, кушанское время [Литвинский, Седов, 1984, с. 7–84, 170–176], в кушано-сасанидский период на территории Северной Бактрии—Тохаристана (а погребальные памятники изучены фактически только здесь) продолжается параллельное существование двух обрядов погребения — захоронений с предварительным выставлением и захоронений по обряду трупоположения. Новое состоит в том, что если ранее захоронения по обряду предварительного выставления совершались только в наземных сооружениях типа наусов, а захоронения по обряду трупоположения — в грунтовых ямах, то теперь как первые, так и вторые совершаются и в грунтовых ямах, и в наземных погребальных сооружениях, и в руинах старых построек.

§ 2. ДАТИРОВКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ С МОНЕТАМИ САСАНИДСКИХ КУШАНШАХОВ

Относительная хронология. Относительная хронология комплексов кушано-сасанидского времени определяется с достаточной степенью надежности. В тех случаях, когда комплексы зафиксированы на многослойных памятниках, они перекрывают археологические слои, «обеспеченные» монетами кушанских царей (так называемые великокушанские комплексы). В Кобадиане это отмечено на городище Кей-Кобад-шах, поселениях Мунчак-тепе и как будто бы Хан-Газа. На соседних территориях подобная последовательность фиксируется на Яванском городище, Дальверзин-тепе, Дильберджине, Джига-тепе и многих других памятниках. Важно отметить, что по стратиграфическим данным никаких перерывов (слоев запустения) между комплексами нет (исключение — раскоп IA на городище Кей-Кобад-шах).

Как уже указывалось, археологические слои с кушано-сасанидскими монетами являются, как правило, верхними слоями памятников, однако в тех случаях, когда они перекрыты последующими слоями, эти слои датируются раннесредневековым временем. Такая стратиграфия зафиксирована на кобадианских поселениях Мунчак-тепе и Безымянное, вне Кобадиана — на городище Хайрабад-тепе, поселении Чакалак-тепе. Очень существенным является обстоятельство, что время формирования раннесредневековых комплексов не отделено большим промежутком времени от периода, когда постройки кушано-сасанидских комплексов приходят в запустение. Этот вывод, сделанный А. М. Мандельштамом и С. Б. Певзнером на материалах Мунчак-тепе, полностью подтверждают данные раскопок поселений Безымянное, Чакалак-тепе и, видимо, городища Хайрабад-тепе (см. выше, гл. I, II).

Относительная хронология кушано-сасанидских комплексов — «зажатость» между комплексами великокушанского и раннесредневекового времени — хорошо подтверждается и другими материалами. Так, например, сравнительный анализ керамики комплексов (см. выше, гл. II) позволяет сделать вывод о том, что типологически формы кушано-сасанидской керамики предшествуют раннесредневековым, но многие из них, в свою очередь, генетически связаны с великокушанскими.

Абсолютная хронология. Один из характернейших признаков рассматриваемых комплексов Кобадиана, а также, как было показано выше, и других территорий Бактрии—Тохаристана (наряду с определенным набором форм керамики) — присутствие среди вещественных находок большого количества мелких медных монет сасанидских кушаншахов. Находки этих монет зарегистрированы как в нижних слоях комплексов, относящихся к начальному этапу их формирования (например, в слое первого периода поселения Ак-тепе II, см. выше), так и в верхних, финальных слоях. Чрезвычайное обилие кушано-сасанидской и сасанидо-кушанской меди (количественно едва ли не превышающее находки на этой территории кушанских монет), безусловно, свидетельствует о включении Кобадиана наряду с другими областями Бактрии—Тохаристана в

хозяйственную систему Сасанидской империи, о сасанидской оккупации бывших владений кушанских царей[15]. Таким образом, вопрос об абсолютной датировке разбираемых комплексов теснейшим образом связан с хронологией событий на восточных границах Ирана, приведших к падению Кушанского царства и включению части его территории (в данном случае — правобережья Бактрии—Тохаристана) в состав государства Сасанидов, с вопросами датировки монет, выпускавшихся сасанидскими наместниками в землях кушан.

Еще Э. Херцфельд считал, сопоставляя сведения арабских и армянских источников с данными ряда наскальных надписей и легендами кушано-сасанидских монет, что начало завоеваний Сасанидов на Востоке следует относить к периоду правления шаханшаха Арташира I (224—240), а окончательную оккупацию бывших кушанских владений и начало выпуска кушано-сасанидских монет — ко времени правления Шапура I (240—272) [Herzfeld, 1930, с. 31—40]. Эта же точка зрения (с некоторой модификацией и уточнениями) продолжает оставаться господствующей во многих современных работах по истории сасанидского Ирана (см., например, [Фрай, 1972, с. 293—295; Frye, 1983, с. 126—127; Bivar, 1983, с. 209—217]).

А. Д. Х. Бивар, детально проанализировавший кушано-сасанидский монетный чекан, соотнес по времени его начало с Шапуром I (240—272) и предложил следующую последовательность правителей:

Шапур Кушаншах = шаханшах Шапур I (240—272)
Арташир I Кушаншах
Арташир II Кушаншах
Пероз I Кушаншах
Хормизд I Кушаншах, позже Кушаншаханшах
Пероз II Кушаншах
Хормизд II Кушаншах = шаханшах Хормизд II (302—309)
Варахран I Кушаншах
Варахран II Кушаншах

При датировке времени выпуска кушано-сасанидских монет А. Д. Х. Бивар исходит из двух общих положений: 1) падение Кушанской династии происходит в 225 г., когда «провинции Гандхара, Бактрия и Согдиана» подпадают под власть сасанидских правителей, принимающих титул «кушаншах»; 2) Сасаниды потеряли территории на Востоке около 360 г., когда начинается, по его мнению, выпуск монет по образцу кушано-сасанидских, но с именем «Кидара». Последнего А. Д. Х. Бивар считает правителем хионитов, которые отвоевывают у Сасанидов области бывшей кушанской Бактрии. В V в. им на смену приходят эфталиты [Bivar, 1956, с. 13—42; 1979, с. 317—332; 1983, с. 209—217].

Кроме этих общих хронологических рамок для кушано-сасанидских правителей им предложено несколько синхронизмов. Один из них — это соотнесение Хормизда I Кушаншаха, выпускавшего, по А. Д. Х. Бивару, в Мерве золотые монеты с титулом «царь царей кушан», с Хормиздом, братом шаханшаха Варахрана II (276—293), поднявшим в 283 г. в восточных провинциях государства неудачное восстание[16]. Правитель, изображенный на монетах в короне с крыльями птицы (Хормизд II Кушаншах), идентифицируется А. Д. Х. Биваром с шаханшахом Хормиздом II (302—309), имевшим сходную корону. И наконец, еще один синхронизм, относящийся, по А. Д. Х. Бивару, к наиболее поздним свидетельствам о сасанидских кушаншахах,— упоминание Аммианом Марцеллином золотого головного убора шаханшаха Шапура II в виде головы барана (при описании осады г. Амиды в 360 г.). По мнению исследователя, на самом деле имелся в виду Варахран II Кушаншах, современник Шапура II (309—379), на монетах которого есть изображение подобной короны (видимо, с рогами архара)[17], так как типы корон Шапура II хорошо известны и среди них отсутствует корона, описанная в источнике. С Шапуром II (309—379) А. Д. Х. Бивар предположительно

связывает крупные медные монеты («class IV») с именем Šaboro [Bivar, 1979, с. 317—332; 1983, с. 210—211].

А. Каннингхем, Р. Гиршман и первоначально Р. Гёбль относили начало выпуска сасанидо-кушанских монет ко времени шаханшаха Хормизда II (302—309) [Cunningham, 1895, с. 166—202; Ghirshman, 1948; см. также: Луконин, 1969б, с. 130—132]. В. Н. Пилипко, приводя те же аргументы, считает, что «выпуск сасанидо-кушанских монет в первой половине IV в. следует считать вероятным, во второй — бесспорным» [Пилипко, 1985, с. 21—22]. По мнению М. Е. Массона, начало чеканки кушано-сасанидских монет следует относить ко времени «не ранее самого конца III в.», а завершение — «не позднее самого начала V в.», причем в Балхе выпуск кушано-сасанидских монет «не мог быть осуществлен ранее середины IV столетия» [Массон М. Е., 1971, с. 225—227, 234—235; см. также: он же, 1974, с. 140—154].

Наконец, свою точку зрения на хронологию завоеваний Сасанидов на Востоке и соответственно на датировку кушано-сасанидских монет высказал В. Г. Луконин. Базируясь на анализе комплекса письменных, иконографических, нумизматических источников по истории раннего Сасанидского государства, он попытался обосновать, что начало войн за обладание кушанскими землями приходится на последнее десятилетие царствования Шапура II (309—379), а окончательное завоевание Сасанидами государства кушан падает на время между 380 и 383 гг. В связи с такой датировкой событий на Востоке им предложена очень привлекательная интерпретация инвеститурного рельефа Арташира II (379—383), высеченного в Так-и Бостане, где, по его мнению, представлен и триумф сасанидского шаханшаха над последним кушанским царем [Луконин, 1969а, с. 20—44; 1969б, с. 124—151, 195]. Вместе с тем В. Г. Лукониным не исключается и возможность военных действий сасанидских войск против Кушанского царства в период правления Шапура I (скорее всего между 244 и 249 гг.), что позволило этому шаханшаху заявить в известной надписи на «Каабе Зороастра» о владении «Кушаншахром вплоть до Пашкибура и дальше до Каша, Согда и границ Чача» [Луконин, 1969а, с. 32—34, 37; 1974, с. 302—303; см. также: Зеймаль Е. В., 1968, с. 97—100; Ставиский, 1977, с. 130—140].

Начало чеканки монет сасанидскими кушаншахами отнесено В. Г. Лукониным к последним годам правления Шапура II (309—379), а ее конец — к 459 г. Последовательность правителей и абсолютные даты их правлений следующие (некоторые из них стали впоследствии шаханшахами Ирана):

Шапур — 368—371 (шаханшах Шапур II, 309—379)
Арташир — 371—379 (шаханшах Арташир II, 379—383)
Пероз I — 379—38?
Хормизд I — 38? — 384
Варахран I — 384—388 (шаханшах Варахран IV, 388—399)
Варахран II — 388—?
Хормизд II — 450—457 (шаханшах Хормизд III, 457—459)
Пероз II — 457—459 (шаханшах Пероз, 459—484)

Хронология монетных выпусков обусловлена рядом соответствий в государственном сасанидском чекане, сопоставлениями с данными письменных источников, с памятниками искусства Сасанидов [Луконин, 1967, с. 16—33; 1969а, с. 20—44; 1969б, с. 124—151; см. также: Зеймаль Е. В., 1983б, с. 257—258] [18].

Одновременно к близким выводам о хронологии кушано-сасанидских монет пришел Р. Гёбль. Основываясь на типологическом сопоставлении кушано-сасанидского и собственно сасанидского монетного чекана, он, так же как и В. Г. Луконин, относит начало выпуска монет сасанидских кушаншахов к концу правления Шапура II (309—379), правда на несколько десятилетий раньше [Göbl, 1967, Bd. I, с. 15—21; Bd. II,

с. 29—36]. В последней фундаментальной работе Р. Гёбля, посвященной кушанской нумизматике, начало чекана кушано-сасанидских монет датировано 356 г. [Göbl, 1984, с. 79—86] [19].

В. Н. Пилипко в недавно вышедшей книге попытался провести корреляцию типологий и хронологий этих двух исследователей, отметив, правда, «некоторые противоречия» в построениях В. Г. Луконина [Пилипко, 1985, с. 16—21]. О наличии аргументов, свидетельствующих против гипотезы В. Г. Луконина (и, видимо, Р. Гёбля), упомянул Б. Г. Гафуров [1972, с. 155] [20].

Существенные дополнения к схеме В. Г. Луконина предложил Б. И. Маршак, скрупулезно проанализировавший данные письменных источников. Приняв в целом «позднюю» хронологию сасанидских завоеваний на Востоке, он пришел к заключению, что в первой трети V в. Сасаниды были вытеснены из Бактрии—Тохаристана какими-то группами хионитов под предводительством Кидары и шаханшаху Йездигерду II (439—457) в 50-х годах V в. пришлось фактически повторно завоевывать этот район. Окончательная утрата Сасанидами всей территории Бактрии—Тохаристана, в том числе и Северного, происходит после 498—499 гг., о чем имеются свидетельства письменных источников и нумизматические данные [Маршак, 1971, с. 62—65; см. также: Вайнберг, 1972, с. 138; Ртвеладзе, 1983б, с. 75; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 145] [21].

На основе предположения о вытеснении Сасанидов из Тохаристана и повторном его завоевании Б. И. Вайнберг попыталась внести дополнения в типологию и хронологию кушано-сасанидских монет В. Г. Луконина. По ее мнению, «разрыв в правлении сасанидских наместников в Кушанских землях» приходится на самый конец IV — первую половину V в., когда «к югу от Гиндукуша возникает позднекушанское царство Кидары», а в Тохаристане, в том числе и в правобережье Амударьи, господствуют хиониты. Чекан кушано-сасанидских правителей прекращается в 389 г. и возобновляется (сасанидо-кушанские монеты Хормизда II и Пероза II) в 40-х годах V в., после повторного завоевания [Вайнберг, 1972, с. 135—138; см. также: Маршак, 1971, с. 63; Зеймаль Е. В., 1983б, с. 261] [22].

Как показывает краткое изложение существующих точек зрения, однозначная датировочная интерпретация монет сасанидских кушаншахов, использование их для определения абсолютной хронологии интересующих нас археологических комплексов затруднены. Существуют по крайней мере три точки зрения о тех временных границах, в пределах которых осуществлялся выпуск этих групп монет: 1) начало III — середина IV в.; 2) IV в.; 3) середина IV в.— 50-е годы V в., с возможным перерывом в чеканке, приходящемся на конец IV в.— 40-е годы V в., либо середина IV — начало V в.

В литературе по археологии Средней Азии датировка археологических комплексов, содержащих монеты сасанидских кушаншахов, всецело зависит от выбора исследователем одного из этих вариантов. Именно так датированы соответствующие слои на городище Дальверзин-тепе (III—IV вв.) (см. [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 156—161, 180—181]), Яванском городище и поселении Болдай-тепе (III — первая половина V в.) [Зеймаль Т. И., 1969, с. 5—7; 1975, с. 268—269], керамика из погребений на Кара-тепе (вторая половина IV в.) [Сычева, 1975, с. 120—123].

Сопоставление с поздней группой каратепинской керамики (из погребений) послужило основанием для датировки археологических слоев с кушано-сасанидскими монетами на городище Зар-тепе в пределах IV в. (см. [Массон В. М., 1976, с. 10; Завьялов, 1979, с. 152—153; Древнейшие государства, с. 257]), а на поселении Ак-курган — первой половиной IV в. [Пидаев, 1978, с. 93—94]. Однако, как выясняется, в некоторых погребениях Кара-тепе имеются и более поздние материалы — монеты

местного чекана эфталитского времени и подражания драхмам Пероза с надчеканом (также эфталитского времени) [23] [Вайнберг, Раевская, 1982, с. 64—71; о подражаниях Перозу с надчеканами на территории Южного Узбекистана см. также: Ртвеладзе, 1983б, с. 74—76; 1985а, с. 110—112].

В выборе одного из вариантов хронологии кушано-сасанидских монетных выпусков и датировки соответствующих археологических слоев не последнюю роль играет принятие исследователем того либо иного варианта кушанской абсолютной хронологии (см. [Ртвеладзе, 1982, с. 52; Древнейшие государства, с. 257]).

В слоях археологических памятников и в кладах вместе с монетами сасанидских кушаншахов имеются монеты последних кушанских царей и медные подражания их чекану, однако эти совместные находки вряд ли могут служить основанием для датировки археологических комплексов, так как проблемы кушанской абсолютной хронологии еще далеки от своего окончательного разрешения (см. [Зеймаль Е. В., 1968]). В последнее время наряду с аргументами об отнесении «начальной даты Канишки» ко II в. н. э. (о них см. [Ставиский, 1977, с. 27, примеч. 81; Ртвеладзе, 1982, с. 52]) появились не менее веские доводы и в пользу «поздних» вариантов кушанской абсолютной хронологии [Зеймаль Е. В., 1984, с. 187—190]. Видимо, отмеченные выше совместные находки кушанских и кушано-сасанидских монет пока могут быть использованы лишь для относительной хронологии археологических комплексов.

Не менее сложен вопрос о хронологическом соотношении подражаний кушанским монетам и монет кушано-сасанидских правителей, о временных границах их обращения в Северном Тохаристане. Справедливым представляется замечание Г. А. Пугаченковой о том, что только получение серий монет, причем главным образом медных, «из стратиграфически надежных слоев, содержащих комплексы разнообразных археологических находок, позволит внести необходимые уточнения о времени и последовательности чекана тех или иных монетных серий, их относительной и абсолютной хронологии» [Пугаченкова, 1981, с. 55] и, добавим, о продолжительности их обращения.

В этом плане существенно важны наблюдения над стратиграфическим распределением кушано-сасанидских (и сасанидо-кушанских) медных монет в слоях археологических памятников; данные о последовательности залегания этих монет по отношению к монетам заведомо более ранних и более поздних хронологических групп; сведения о совместных находках (как в слоях памятников, так и в монетных кладах) монет сасанидских кушаншахов с монетами кушанских царей, с подражаниями их чекану и монетами собственно сасанидской чеканки. Начало такой работы положено небольшими по объему, но очень существенными по выводам исследованиями Э. В. Ртвеладзе и Е. В. Зеймаля.

По данным Э. В. Ртвеладзе, полученным на материалах из Южного Узбекистана, «монеты последних великокушанских царей последовательно сменяются кушано-сасанидскими, а на каком-то этапе даже сосуществуют» [Ртвеладзе, 1982, с. 50—53]. Собственно говоря, нумизматический материал подтверждает относительную хронологию кушано-сасанидских археологических комплексов. Однако, вопреки мнению Э. В. Ртвеладзе, имеются археологические и нумизматические основания считать, что в правобережье Амударьи, как, видимо, и на всей территории Бактрии—Тохаристана, эмиссиям кушано-сасанидских и сасанидо-кушанских монет предшествовали какие-то выпуски подражаний кушанским монетам, хотя в обращении они долгое время могли находиться одновременно [24]. Новые аргументы в пользу этого предположения недавно были приведены В. Н. Пилипко [Пилипко, 1985, с. 15—16] [25].

Е. В. Зеймаль, основываясь на материалах южнотаджикистанских кладов так называемых позднекушанских монет и наблюдениях над стратиграфией памятников Кобадиана, пришел к иным, нежели Э. В. Ртвеладзе, выводам. Результаты его тонкого и скрупулезного исследования из-

лагаются в очень осторожных формулировках, имеют несколько вариантов решений и вкратце сводятся к следующему. Изучение подражаний монетам последних кушанских царей (Хувишки, Васудевы, Канишки III) и наблюдения над их распределением в слоях археологических памятников позволяют, по его мнению, сделать вывод о том, что подражания монетам Хувишки (почти определенно) и Канишки III могли выпускаться до широкого распространения к северу от Амударьи кушано-сасанидской (и сасанидо-кушанской) меди [26].

После появления монет сасанидских кушаншахов эти группы подражаний (видимо, вместе с ранними выпусками подражаний монетам Васудевы) обращаются одновременно с ними (об этом хорошо свидетельствуют материалы кладов и совместные находки в археологических слоях). Подражания монетам Васудевы (наиболее многочисленные группы подражаний) могли выпускаться до появления монет сасанидских кушаншахов, либо начало их чеканки приходится на возможный перерыв в сасанидской оккупации (между кушаншахами Варахраном II и Хормиздом II). Существенно важен вывод о том, что монеты сасанидских кушаншахов продолжают оставаться в обращении после окончания сасанидской оккупации, когда «основное место в денежном обращении Северного Тохаристана прочно заняли подражания монетам Васудевы» «вплоть до начала VI в. включительно, т. е. до возникновения здесь местной эфталитской чеканки» [Зеймаль Е. В., 1983б, с. 231—268] [27]. Видимо, на этот вывод опираются появившиеся в последнее время значительно более поздние датировки археологических слоев с монетами сасанидских кушаншахов: керамика кушано-сасанидского комплекса из шурфа на Джига-тепе датирована «V в. н. э., а возможно, и началом VI в. н. э.» [Пидаев, 1984, с. 123].

При определении верхней хронологической границы кушано-сасанидских археологических комплексов иногда исходят из общих представлений о политической истории Бактрии—Тохаристана и предполагаемой последовательности здесь монетных чеканов. Именно таким образом, например, датированы верхние слои на городищах Джига-тепе и Дильберджин: «Поскольку при обильном составе кушано-сасанидских монет не только из Жига-тепе (Джига-тепе.— *А. С.*), но и из Дильберджина нет ни одной кидаритской, а единичные экземпляры эфталитского чекана найдены в слоях запустения и позднейших погребениях, ко времени кидаритов, т. е. во второй половине IV в., жизнь на Жига-тепе (Джига-тепе.— *А. С.*) уже замирает. Соответственно III—IV вв. датируют сооружения и археологические слои III—IV периодов (т. е. слои с комплексами кушано-сасанидского времени.— *А. С.*) нашего памятника» [Пугаченкова, 1979, с. 81].

Однако К. Еноки убедительно показал, что объединение Кидарой земель к северу и югу от Гиндукуша в одно владение со столицей в Балхе, установление кидаритской династии и, следовательно, начало чеканки кидаритских монет должны относиться к первым десятилетиям V в. [Enoki, 1969, с. 1—26; 1970, с. 13—38, особенно, с. 35—36; см. также: Гафуров, 1972, с. 194—195] [28].

Как подмечено Е. В. Зеймалем, это точно совпадает с предполагаемым перерывом между двумя сасанидскими оккупациями Бактрии—Тохаристана [Зеймаль Е. В., 1985, с. 35]. В этой связи им высказана очень привлекательная гипотеза об отнесении подражаний монетам Васудевы и Канишки III, хронологически и территориально совпадающих с ареалом государства Кидары, к медным выпускам кидаритов, соотнесенных «с их монетой из драгоценных металлов» [Зеймаль Е. В., 1985, с. 35—36]. Принятие этой гипотезы очень просто объяснило бы отсутствие именных кидаритских монет в слоях археологических памятников [29], длительное совместное обращение монет сасанидских кушаншахов и монет-подражаний (по новому определению — кидаритских монет) [30], продолжительность выпуска последних, позволило бы на более прочной

исторической основе подойти к вопросу об абсолютной датировке археологических комплексов, содержащих все эти монеты.

В определении общих хронологических рамок интересующих нас археологических комплексов важную помощь могут оказать материалы, непосредственно не связанные с датами монет сасанидских кушаншахов или датами и исторической интерпретацией подражаний кушанским монетам.

О «зажимании» сверху комплексов с монетами сасанидских кушаншахов слоями раннесредневекового времени уже говорилось выше. Формирование этих слоев, в свою очередь, обычно относится исследователями к VI—VII вв. (см., например, [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 313; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 46—48, 145]), что подкреплено и находками монет: на городище Хайрабад-тепе — это подражание Перозу с надчеканом, на поселении Чакалак-тепе — драхма Хосрова II (591—628) и арабо-сасанидская монета второй половины VII в., на Мунчак-тепе — литые медные монеты с круглым отверстием и курсивной эфталитской легендой и фрагмент подражания Перозу с надчеканом, на Безымянном — тохаристанские анэпиграфные монеты с круглым отверстием [31].

Таким образом, исходя из данных стратиграфии археологических комплексов и опираясь на дату раннесредневековых слоев, мы получаем «независимую» от даты кушано-сасанидских монет верхнюю границу возможного существования комплексов, а именно VI в. н. э. Вывод об отсутствии сколько-нибудь стратиграфически заметного перерыва между кушано-сасанидскими и раннесредневековыми слоями (см. выше) позволяет, видимо, существенно приблизить верхнюю датировку кушано-сасанидских слоев к рубежу V и VI столетий.

Аналогии многочисленным предметам материальной культуры кушано-сасанидских комплексов, находимые в материалах раннесредневековых памятников (см. выше, гл. II), подкрепляют этот вывод.

Нельзя не упомянуть и еще о нескольких аргументах. По заключению Б. И. Маршака, часть живописи Дильберджина (имеются в виду настенные росписи северо-восточного культового комплекса, особенно помещения 16) по реалиям близка пенджикентской V—VI вв. [Беленицкий, Маршак, 1979, с. 36], а наиболее поздние из росписей относятся к VI—VII вв. [Маршак, 1983, с. 53] [32]. Период, последовавший на Дильберджине за кушано-сасанидским, как можно понять из опубликованных материалов, характеризуется лишь частичным обживанием отдельных участков городища (металлургическая мастерская в руинах «храма Диоскуров») и погребениями в руинах брошенных зданий. Вряд ли с этим периодом можно связывать расцвет северо-восточного культового комплекса (что следует, если принять для кушано-сасанидских слоев городища датировку III—IV вв., а для живописи — датировку Б. И. Маршака). Самые поздние монеты, найденные в постройках этого комплекса,— сасанидо-кушанские; следовательно, необходимо «подтянуть» датировку обращения этих монет, а значит, и время существования археологического комплекса, из которого они происходят, к новой дате росписей Дильберджина, т. е. к V—VI вв.

Вывод об обращении монет сасанидских кушаншахов на территории Бактрии—Тохаристана вплоть до конца V в., подтверждающийся археологическими материалами и составом монетных кладов, предполагает как будто бы, что этим же временем должен быть ограничен и период сасанидской оккупации бывших кушанских владений или, во всяком случае, какой-то их части [33]. В последние годы в литературе уже неоднократно приводились свидетельства письменных источников, соответствующие этой датировке. Мы имеем в виду сведения Динавери о передаче шаханшахом Кавадом (488—531) Чаганиана эфталитам после 498—499 гг. и данные Балами об основании (или превращении в царские города) этим же шаханшахом Земма, Термеза и Кобадиана (Кобадабада) и, следовательно, о владении им теми областями в Тохаристане, где

Рис. 34. Поселение Ак-тепе II.
Налеп под ручкой сосуда (фото).

расположены эти города (см. [Маршак, 1971, с. 64; Ртвеладзе, 1983б, с. 75; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 137, 145]).

Для датировки комплексов с монетами сасанидских кушаншахов можно привлечь и ряд изделий, найденных при раскопках, абсолютные даты которых имеют относительно «узкий» диапазон. К сожалению, подобных находок сравнительно немного, но имеющиеся весьма показательны.

Так, терракотовая статуэтка-образок с изображением Авалакитешвары из погребального сооружения I некрополя Тепаи-шах датирована IV — началом V в. (аналогии по индийской хронологической шкале — в пределах IV—VI вв.) [Литвинский, Седов, 1983, с. 51—52]. Началом IV в. датирована одна из групп изображений на буллах из Джига-тепе [Кругликова, 1984, с. 148] [34]. На наш взгляд, учитывая некоторую схематизацию изображений, нельзя исключить в качестве возможной даты для этой группы изображений и вторую половину IV в. (см. [Раевская, 1971, с. 263—268]). Перстни-печатки с боковым шипом, которыми сделаны оттиски на глиняных буллах, найденные на Джига-тепе и Ак-тепе II, являются распространенным типом украшений раннесредневекового времени. Наиболее ранние находки подобных изделий на территории Тохаристана датируются VI—VII вв. (Джулсайский могильник, городище Кафыр-кала) [Литвинский, 1973б, с. 23, 28; Литвинский, Седов, 1984, с. 101—102]. Точно датирующиеся иконографические параллели имеет налеп под ручкой ойнохоевидного кувшина, найденного на поселении Ак-тепе II (рис. 34, 35). На его датировке мы остановимся подробнее.

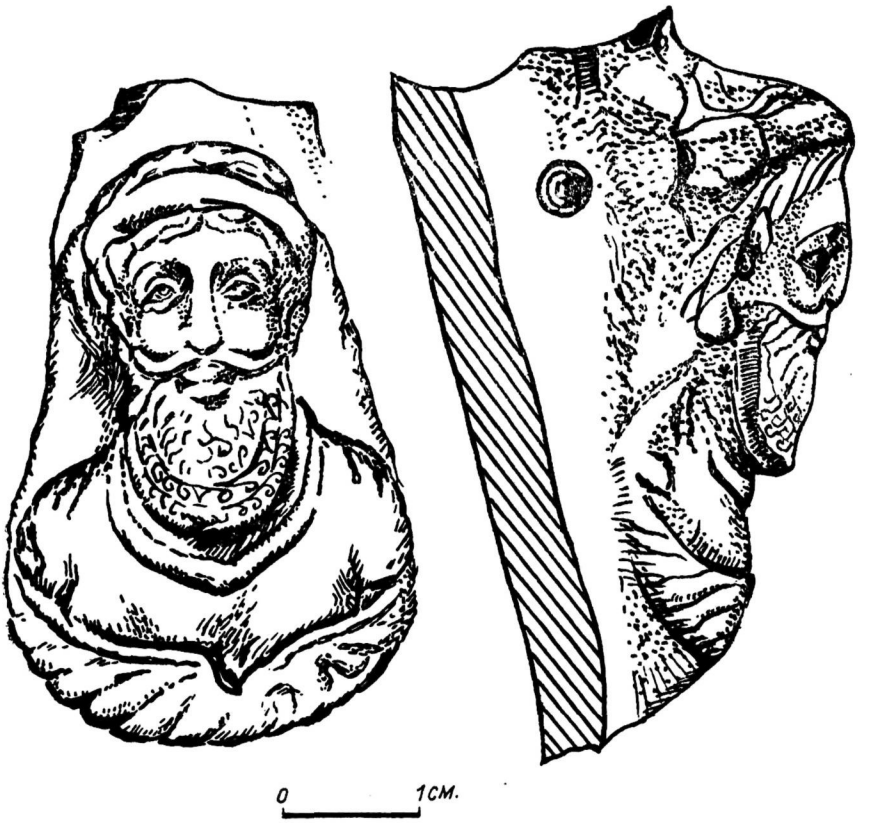


Рис. 35. Поселение Ак-тепе II.
Налеп под ручкой сосуда (прорисовка).

Традиция налепов и оттисков на керамических сосудах с изображениями человеческих головок была широко распространена в Средней Азии [Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 79—80, 166], в частности в ее южных районах. О налепах на сосудах из Яванского городища, Зар-тепе и Джига-тепе уже говорилось выше. Приведем еще некоторые примеры. На городище Тали-Барзу, в слоях ТБ-III и ТБ-IV, найдено несколько налепов-головок, причем один из них, с оттиском мужского лица, помещен у основания ручки ойнохоевидного кувшина [Григорьев, 1940, с. 95, 101, рис. 66; Мешкерис, 1962, табл. X, 112]. На городище Туткаул в Южном Таджикистане, в слоях VII—VIII вв., найдена «верхняя часть кувшина с налепом человеческой головы». Здесь кувшин также ойнохоевидный, однако налеп помещен не под ручкой, а на плечиках передней части сосуда, под сливом [Атаханов, 1968, с. 54, рис. 2]. Налепы в виде человеческих головок, в том числе и под ручками сосудов, известны в керамике Хотана [Дьяконова, Сорокин, 1960, табл. 1, 1—3; 3, 10, 13].

В бактрийской коропластике как будто бы неизвестны изображения, аналогичные налепу с поселения Ак-тепе II. Отдаленные аналогии можно привести среди находок из других историко-культурных областей Средней Азии. На фрагменте терракотовой плитки из ГПМа имеется похожее изображение «бородатого мужчины, возможно бога» [Strelkoff, 1967, с. 454, табл. 145]. Некоторые сходные черты (прическа, разделенная посередине пробором, окладистая борода, тонкие усы с загнутыми вверх концами) имеет и терракотовая «мужская голова в венце» из Самарканда, которую Г. А. Пугаченкова датирует VI—VII вв. и определяет как украшение горлышка или ручки сосуда или стенки оссуария [Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 160, рис. 153; Strelkoff, 1967, pl. 145e].

Стилистически налеп ближе всего к портретным изображениям на сасанидских геммах. Поскольку для его изготовления использовался каменный штамп, т. е. довольно глубокая и большая по размерам гемма, мы вправе искать иконографические параллели среди предметов сасанидской глиптики.

Так, на группе гемм есть изображение персонажей без головного убора с гладкой прической, убранной по краю валиком [Борисов, Луконин, 1963, рис. 20; Göbl, 1973, т. 5, 7а]. Часто встречается изображение серег в виде шарика [Борисов, Луконин, 1963, рис. 19; Bivar, 1968, т. 12, 5, 10]. Передача усов тонкой полоской с загнутыми вверх концами и шейного выреза одежды углубленной линией, т. е. полукруглым валиком на отпечатке, встречается в произведениях не только сасанидской глиптики (см., например, [Борисов, Луконин, рис. 9, 46]), но и торевтики [Орбели, Тревер, 1935, табл. 4]. Характерен для определенной группы гемм и технико-стилистический прием передачи груди и плеч четырьмя округлыми углублениями (на оттиске — выпуклостями) (см., например, [Bivar, 1968, табл. 30, 1]). Как отмечает В. Г. Луконин, тот же прием встречается на сасанидских монетах (до середины V в.) и раннесасанидских рельефах [Борисов, Луконин, 1963, с. 17—18]. Столь же характерно и изображение под портретом двух распахнутых крыльев с завитками на концах [Борисов, Луконин, 1963, рис. 20; Bivar, 1968, tabl. 13, 6—8] — мотив, появление которого датируется началом IV в. н. э. [Борисов, Луконин, 1963, с. 18] [35]. В то же время, начиная с V в., в геммах перестает использоваться прием передачи груди и плеч четырьмя углублениями [там же, с. 19].

Таким образом, налеп, являющийся оттиском глубокого штампа-геммы, выполненной с применением тех же технико-стилистических приемов, что и изображения на сасанидских резных печатях, входит в круг произведений сасанидской глиптики и должен датироваться в пределах IV — начала V в.

Итак, и стратиграфические данные, и датировки по аналогиям различных предметов материальной культуры свидетельствуют о IV—V вв. как о наиболее вероятных общих хронологических границах существования археологических комплексов с монетами сасанидских кушаншахов. Характерно, что никаких данных для удревнения комплексов (т. е. для датировки их III в.) не имеется. Показательны находки в слоях комплексов, а также в кладах вместе с кушано-сасанидскими (и сасанидо-кушанскими) монетами монет собственно сасанидской чеканки.

На поселении Ак-тепе II, в инвентаре «погребальной ямы» № 2, вместе с сасанидо-кушанскими найдена медная монета Шапура II (309—379). На Дильберджине в слоях кушано-сасанидских комплексов имеются монеты Шапура III (383—388) и Варахрана IV (388—399). На Джига-тепе и Чакалак-тепе найдены монеты Варахрана IV (388—399). При раскопках крепости Гёбеклы (Мервский оазис) в одном из помещений комплекса, на полу, найдены две медные монеты кушаншаха Варахрана II (сасанидо-кушанской группы), а в смежном помещении, как будто бы в тех же стратиграфических условиях,— монеты шаханшаха Шапура II, относящиеся ко второй половине его правления (после 350 г.) [36].

Легко заметить, что сасанидские монеты относятся ко второй половине IV в. (а в обращении они могли оставаться и позже, в V в.), монеты сасанидских шаханшахов III — первой половины IV в. отсутствуют. Ту же картину дает и известный клад из Тепе Маранджан, где вместе с кушано-сасанидскими имеются монеты сасанидских шаханшахов, младшая из которых относится к чекану Шапура III (383—388) [Curiel, 1953; Göbl, 1984].

На наш взгляд, анализируемые комплексы дают нам редкую в археологии Средней Азии возможность прямой синхронизации археологических слоев памятников с историческими событиями, реконструируемыми

на основании других источников. Чрезвычайное обилие кушано-сасанидской и сасанидо-кушанской меди, находки монет сасанидских кушаншахов в самых нижних слоях комплексов, по всей вероятности, свидетельствуют о том, что формирование этих комплексов надо связывать с сасанидским завоеванием Бактрии—Тохаристана.

Видимо, «устойчивое сочетание комплексов с рассмотренными признаками и кушано-сасанидских монет (и, наоборот, отсутствие таких археологических комплексов на территории, где кушано-сасанидские монеты не имели распространения) позволяет объяснить резкую унификацию материальной культуры скорее историко-политическими причинами, чем социально-экономическими» [Зеймаль Т. И., Седов, 1969, с. 122] [37].

Нам кажется, что наиболее обоснованной, точнее всего отвечающей всей совокупности археологических, нумизматических, эпиграфических и иных материалов является хронология В. Г. Луконина (с учетом поправок и добавлений Б. И. Маршака, Б. И. Вайнберг и Е. В. Зеймаля). Именно серединой IV—V в. мы и предлагаем датировать археологические комплексы Бактрии—Тохаристана с монетами сасанидских кушаншахов (и кобадианские в том числе) [38]. Возникновение в период правления сасанидских наместников в Бактрии—Тохаристане неукрепленных сельских поселений (Чакалак-тепе, поселения в Кобадиане), разрушение и упадок фортификационных систем крупных городищ, продолжавших оживленно функционировать (Зар-тепе, Дильберджин), делает правомочным, на наш взгляд, определение этого периода (или его части), данное В. Г. Лукониным, который характеризует период правления на Востоке Варахрана II, «великого царя кушан», как «время относительной стабилизации восточных границ Ирана» [Луконин, 1969б, с. 151].

Итак, общие хронологические рамки существования археологических комплексов Бактрии—Тохаристана с монетами сасанидских кушаншахов — это середина IV—V в. [39]. Подчеркнем, что это только общие хронологические рамки; датировки в их пределах слоев различных археологических памятников должны определяться с учетом конкретного материала. Что касается кобадианских комплексов, то, по имеющимся к настоящему моменту данным, дробная и узкая их датировка вряд ли возможна, хотя некоторые замечания по этому поводу могут быть сделаны.

Так, например, если подтвердится мнение об отсутствии, по формально-типологическим признакам, длительного (в несколько десятилетий) временнóго перерыва между чеканкой монет сасанидских кушаншахов Варахрана II и Хормизда II, что, в свою очередь, может поставить под сомнение «реконкисту» Сасанидов в Бактрии — Тохаристане в середине V в. [40], то датировку поселения Ак-тепе II, в верхних слоях которого имеются монеты «поздних» сасанидских кушаншахов, но фактически отсутствуют «поздние» группы подражаний монетам Васудевы, следует ограничить началом либо первой половиной V в.

Кроющий слой поселения Хан-Газа, где имеются монеты из группы подражаний Васудеве четвертого периода, может быть датирован второй половиной V в. Верхний предел датировки кушано-сасанидских слоев на поселениях Безымянное и Мунчак-тепе может быть отнесен к концу V в., так как выше, без сколько-нибудь заметного перерыва в стратиграфии, залегают слои раннесредневекового времени. Однако в данном случае, как, видимо, и в аналогичных, эта временнáя граница достаточно условна из-за того, что мы не можем сейчас точно определить нижнюю дату раннесредневековых комплексов. Начало их формирования обычно относят к VI в., но это, так сказать, «плавающая» дата — нельзя исключить вероятность ее «заглубления» в V в. Вторую половину V в., видимо, можно включить и в датировку кушано-сасанидских слоев на поселении Шодмон-кала, керамика которого близка керамике поселения Безымянное и несколько отличается (наличием новых типов столовой посуды) от керамического комплекса поселения Ак-тепе II.

§ 3. КОБАДИАН В IV—V вв. н. э.

Единая в историко-культурном отношении область Бактрии — Тохаристана по естественно-географическим условиям распадается на ряд более мелких территориальных единиц. Этими единицами являются долины крупных рек с формировавшимися там земледельческими оазисами, отделенные друг от друга естественными границами — горными хребтами и полосами пустынь. Природная изолированность обусловливала, видимо, некоторую специфику хозяйственной системы оазисов, своеобразие черт материальной культуры при сохранении общего единства. Не исключено, что в период существования на территории Бактрии—Тохаристана древних государств (например, в период Кушанского царства) такие оазисы могли стать основой административно-территориальных единиц. Долина нижнего Кафирнигана и примыкающая к ней Бишкентская долина, составлявшие Кобадианский оазис, являлись одной из подобных территориальных единиц [41].

В период позднебронзового века Бишкентскую долину и, видимо, какую-то часть Нижнекафирниганской заселяют племена с преимущественно скотоводческим типом хозяйства [Пьянкова, 1981, с. 33—45; см. также: Литвинский, Седов, 1983, с. 80—81]. Первые земледельческие поселения в Кобадиане относятся к VI—IV вв. до н. э., к так называемому ахеменидскому или древнебактрийскому времени. Обнаружение М. М. Дьяконовым в нижних слоях городища Калаи-мир, на довольно значительном удалении от основной водной артерии оазиса — р. Кафирниган, остатков поселения VI—IV вв. до н. э. заставляет датировать этим же временем и начало довольно масштабных ирригационных работ (предполагаемый вывод канала, обслуживавшего это поселение, мог располагаться не менее чем в 15—18 км к северо-западу от городища Калаи-мир) [Дьяконов, 1953, с. 279—282; также: Забелина, 1953, с. 298—301]. Еще одно «ахеменидское» поселение зафиксировано на самом юге Кобадиана, в микрооазисе Шах [Литвинский, Седов. 1983, с. 75]. Находки отдельных фрагментов керамики цилиндро-конического облика, обнаруженных при сборах подъемного палеолитического материала в центральной части Бишкентской долины, видимо, свидетельствуют о каких-то попытках ее обживания в «ахеменидский» период.

Можно думать, что жизнь в Кобадианском оазисе не прекращалась и позднее, в греко-бактрийскую эпоху, однако памятников этого времени на территории оазиса пока не обнаружено (поселения «ахеменидского» времени прекращают свое существование).

На крайнем юго-востоке, уже вне географических пределов оазиса, открыты два крупных городища, составлявших, возможно, на каком-то этапе своего существования один комплекс — Тахти-Кувад и Тахти-Сангин (Каменное городище). Первое из них, вероятно, располагалось на месте древней переправы через Амударью (с ним связывают находку знаменитого Амударьинского клада [Амударьинский клад, с. 11—15]), в центре второго в последние годы раскапывается громадный храмовой комплекс, связанный, видимо, с почитанием вод священной реки Окс — Амударьи. Возведенный в III в. до н. э., этот комплекс должен быть включен в число памятников, связанных с греческим этническим компонентом в составе населения древней Бактрии. Изолированное местоположение храма, его относительная труднодоступность со стороны Кобадианского оазиса — все это, видимо, может свидетельствовать о том, что его основание вряд ли существенным образом повлияло на жизнь древних обитателей Кобадиана. Во всяком случае, никаких данных для противоположного суждения мы пока не имеем.

Наиболее интенсивное обживание территории Кобадианского оазиса приходится на кушанское время. Именно тогда этот оазис, вероятно, складывается как крупный центр оседлой (городской и сельской) и скотоводческой жизни.

Плодородные пастбища Бишкентской долины, видимо, на рубеже новой эры занимают группы кочевого населения, в материальной культуре которых, насколько она известна по раскопкам курганных могильников, имеется много сарматских черт [42]. Одновременно долина начинает осваиваться земледельцами: возникает поселение Ак-тепе I, для орошения полей от источника Чильучорчашма отводится канал (видимо, используется естественный сток воды). Судя по наличию курганных могильников на территории Нижнекафирниганской долины, скотоводческие племена занимают и другие периферийные области Кобадианского оазиса.

К периоду Кушанского царства относится возникновение многочисленных крупных и мелких поселений и городищ Кобадиана, формирование его предполагаемого городского центра — городища Кей-Кобад-шах. Развитие всех этих земледельческих поселений не могло происходить без широкого освоения Нижнекафирниганской долины, сооружения разветвленных оросительных систем. Основой ирригационной системы левобережья долины становится мощный магистральный канал, в основном совпадающий, видимо, с трассой современного канала Нахри-Калон. М. М. Дьяконовым, высказавшим эту точку зрения, были обследованы древние головные сооружения канала в 18 км севернее пос. Кобадиан. Рядом с ними были отмечены (ныне не сохранившиеся) три укрепленных поселения, как бы охранявшие головные сооружения [Дьяконов, 1953, с. 258]. Земли крайнего юга левобережья оазиса, а также отдельные участки его правобережья орошались с помощью относительно небольших по протяженности каналов [Литвинский, Седов, 1983, с. 7].

В связи с нерешенностью проблемы кушанской абсолютной хронологии точную дату начала этой широкой культурно-хозяйственной деятельности установить трудно, однако кажется почти бесспорным, что она должна приходиться на время Кадфиза II и даже, возможно, несколько ранее. Во всяком случае, ко времени Канишки I хозяйственная система оазиса полностью сформировалась и он достиг своих максимальных размеров.

В кушанское время на территории оазиса возникают (или продолжают существовать) крупные культовые центры. На берегу р. Амударьи, в районе возвышенности Уштур-мулло, основывается буддийский монастырь (см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 75—76]). Продолжает существовать и храм на городище Тахти-Сангин. Мало того, видимо, именно на кушанское время (во всяком случае, материалы, имеющиеся на данный момент, позволяют это предполагать) приходится формирование вокруг храма всего обширного комплекса городища. Мы не знаем, произошли ли при кушанах изменения в характере культа (как не знаем характера культа и в греко-бактрийский период существования храма), однако, видимо, и в это время это был храм, посвященный Оксу, причем можно предположить, что он служил культовым центром не только для территории Кобадианского оазиса и не только для области к северу от Амударьи.

Специфической чертой хозяйственной системы Кобадианского оазиса было сосуществование на протяжении всего периода Кушанского царства на довольно ограниченной территории оазиса двух групп населения с различными типами хозяйственной деятельности: преимущественно скотоводческим и преимущественно земледельческим. Относительная датировка и количественное соотношение археологических памятников этих двух групп населения (курганных могильников, поселений и городищ) позволяют проследить динамику их «взаимоотношений».

Большое количество погребений в курганных могильниках, датируемых I—II вв., и относительное уменьшение их числа в III—IV вв., возможно, свидетельствуют о преобладании среди населения оазиса в начале кушанского периода кочевников-скотоводов. Впоследствии, вероятно в связи с расширением площади осваиваемых под земледелие земель (на III в., например, приходится возникновение поселения Хан-Газа

[Литвинский, Седов, 1984, с. 122]), эта группа населения количественно сокращается. Правда, эти выводы носят сугубо предварительный характер и нуждаются в тщательном анализе всей совокупности материала, в первую очередь в дробной и обоснованной датировке.

Подобная специфика хозяйственной системы Кобадианского оазиса как будто бы не находит аналогий в других областях Бактрии—Тохаристана. Так, в достаточно хорошо изученной долине р. Сурхандарьи присутствие в кушанское время кочевых групп населения не зафиксировано. Определенное соответствие Кобадиану наблюдается в Северо-Западной Бактрии, в правобережье среднего течения р. Амударьи, ниже современного города Керки. По материалам А. М. Мандельштама и В. Н. Пилипко, здесь выделяется несколько земледельческих оазисов кушанского времени. На окраинах некоторых из них расположены одновременные поселениям курганные могильники [Мандельштам, 1964, с. 26—27; Пилипко, 1975, с. 254; 1985, с. 104—105].

Нельзя исключить, однако, вероятность того, что эта особенность Кобадианского оазиса — следствие неполноты наших знаний по другим районам Бактрии—Тохаристана. В той же Сурхандарьинской долине при рекогносцировочных обследованиях зафиксированы какие-то курганные группы с каменными могильными насыпями [Ртвеладзе, Маликов, 1977, с. 541]. Несколько курганных групп, насчитывающих от 15 до 20 круглых либо овальных каменных насыпей, обнаружено в Яванской долине, также интенсивно обжитой в кушанское время [Абдуллаев, 1977, с. 558].

Ко второй половине IV в., т. е. к началу активных действий Сасанидов по завоеванию кушанских владений в Тохаристане, в Кобадиане, насколько позволяют судить археологические памятники, происходят определенные изменения. Прекращают существование отдельные, правда очень немногочисленные, поселения (например, Тепаи-шах и Ак-тепе I), приходит в запустение «храм Окса» и прекращается жизнь на городище Тахти-Сангин. В целом же и максимальные размеры оазиса, и высокий уровень хозяйственно-экономического потенциала, достигнутые в эпоху расцвета Кушанского царства, продолжают сохраняться. Более того, в кушано-сасанидское время происходит даже некоторое увеличение площади орошенных территорий.

Как явствует из анализа погребального инвентаря, только очень немногочисленные погребения курганных могильников Бишкента могут датироваться IV в. [Литвинский, Седов, 1984, с. 120—134]. Следовательно, мы должны сделать вывод, что к началу кушано-сасанидского периода могильники перестали функционировать и либо скотоводческие племена ушли из Кобадиана, либо оставшиеся немногочисленные группы этого населения осели на землю и смешались с земледельческим населением оазиса. В IV—V вв. в Бишкентскую долину, как свидетельствуют погребальные памятники (погребения с трупосожжением), проникает какой-то новый этнос, также, возможно, скотоводческий (хиониты, по А. М. Мандельштаму). Однако вряд ли эта новая группа населения была многочисленной и заполнила образовавшийся вакуум. В результате отсутствия скотоводческого населения либо его резкого сокращения во второй половине IV в. основная часть Бишкентской долины была освоена под земледелие. Таким образом, в кушано-сасанидское время хозяйственная система Кобадианского оазиса приобрела преимущественную земледельческую направленность.

Кобадианский оазис находится в зоне земель непрерывного орошения. Древние каналы здесь либо бесследно уничтожены, либо настолько утратили свой первоначальный облик, что возможна лишь умозрительная реконструкция древних оросительных систем (которая, собственно, и была проделана для кушанского времени). Наиболее вероятный путь в данной ситуации — наблюдения над топографией археологических памятников в сочетании с данными почвоведческих исследований о наличии и мощности ирригационных наносов [43].

Слои ирригационных наносов (т. е. следы древнего земледелия) зафиксированы в пределах второй и третьей террас по всему левобережью Нижнекафирниганской долины. Их мощность колеблется от 0,5—1,0 м на второй террасе до 1,5—2,0 м на третьей, причем максимальная — в оазисе Шах, южнее Шаартуза и в районе пос. Кобадиан [Керзум П. П., 1968, с. 152—153], т. е. в районах расположения городища Кей-Кобад-шах, поселения Новабад-кала, памятников оазиса Шах [44].

Эти данные свидетельствуют о том, что ядром ирригационной системы левобережья древнего оазиса и в кушано-сасанидское время оставался, видимо, магистральный канал, в основном совпадавший с трассой современного канала Нахри-Калон. Во всяком случае, слои кушано-сасанидского времени имеются и на городище Кей-Кобад-шах, расположенном в верховьях предполагаемой трассы канала, и, вероятно, на городище у сел. Новабад, находившемся в его хвостовой части. Также продолжал функционировать и канал, орошавший земли оазиса Шах (о нем см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 7]).

В правобережье Кобадиана большой магистральный канал, вероятнее всего, отсутствовал. Староорошенные почвы в пределах второй и третьей террас зафиксированы здесь в районе современного селения Тартки, вокруг Шаартуза и к югу от него с перерывами вплоть до поселения Айвадж [Керзум П. П., 1968, с. 152—153], т. е. опять-таки в районах поселений с комплексами кушано-сасанидского времени. Ограниченные участки земель орошались, видимо, с помощью небольших каналов. Так, канал, выводившийся из р. Кафирниган в районе современного селения Тартки, мог орошать земли вокруг поселения Мунчак-тепе. На трассе еще одного, более южного канала, выводившегося в районе Шаартуза, располагались поселения у современного селения Саят и Шодмон-кала.

Несколько иная картина в Бишкентской долине. Единственный водный источник, и притом ограниченный,— это родник Чильучорчашма, и это до самого недавнего времени препятствовало освоению долины под земледелие. Здесь удалось зафиксировать сохранившиеся участки древних каналов и другие ирригационные сооружения (см. выше, гл. I), что позволило более надежно реконструировать систему древнего орошения долины.

Староорошенные почвы зафиксированы почти на всем пространстве долины — от поселения Хан-Газа на севере до территории к югу от поселения Дарахша-тепе. Слой ирригационных наносов очень тонкий, что обусловлено как чистотой родниковой воды, так, видимо, и относительной непродолжительностью искусственного орошения земель долины [45].

Воды источника отводились с помощью канала, который приблизительно в 500 м к западу от родника разделялся на две ветки — «северную» и «южную». В месте разделения находится небольшая крепость Бош-кала, сооружение которой, видимо, надо относить ко времени позднего средневековья. Крепость подстилает слой, правда очень невыразительный и перемешанный из-за выступания грунтовых вод, давший некоторое количество фрагментов типично кушанской керамики (ножки и стенки красноангобированных бокалов). Видимо, на этом месте в кушанское время (а возможно, и позже — в кушано-сасанидское) существовало древнее поселение.

«Северный» канал хорошо прослеживался на протяжении около 10 км. Он пересекал долину в северо-западном направлении, в сторону поселения Ак-тепе I, и, не доходя до него, поворачивал на север по впадине, идущей сравнительно недалеко от подножия хребта Туюнтау. Далее поселения Безымянное канал не прослеживался. Как вокруг этого поселения, так и в районе поселения Ак-тепе I были выявлены «явственные следы былого возделывания наиболее ровных, пригодных для земледелия участков» [Мандельштам, 1966а, с. 7], «остатки арыков и обрамления полей» [Мандельштам, 1964, с. 24].

«Южный» канал от места разветвления продолжался в западном направлении, а через 250—300 м разделялся, в свою очередь, на две ветки — «восточную» и «западную». Первая резко поворачивала на юг, в направлении поселения Ак-тепе II, а вторая уходила на юго-запад, в сторону поселения Клыч-Дувал. Эти каналы продолжали функционировать до самого недавнего времени, причем современные русла были проложены частично по древним, частично параллельно им. Участки древних русл неглубокие (до 1,5—2,0 м), сильно оплывшие, иногда достигают ширины 20 м (около поселения Ак-тепе II), по обеим сторонам русла — оплывшие отвалы.

Остатки древних русл прослежены на протяжении 6—8 км; они достигают границ современных орошенных земель в южной части Бишкентской долины. «Западная» ветка заканчивалась, видимо, у поселения Клыч-Дувал, «восточная» — снабжала водой поселения Ак-тепе II, Шур-тепе и, возможно, Дарахша-тепе. Вдоль южного и частично восточного склонов холма, на котором располагалось поселение Дарахша-тепе, прослеживаются остатки древнего канала, обильно заросшего камышом и отходящего в южном направлении. Скорее всего это хвостовая часть «восточной» ветки «южного» канала.

Дата сооружения «северного» и «южного» каналов определяется с достаточной степенью надежности по времени возникновения поселений, расположенных на трассе каналов. Как уже отмечалось, поселение Ак-тепе I возникает в первые века новой эры (см. [Литвинский, Седов, 1984, с. 122]), следовательно, этим же временем можно датировать проведение «северного» канала, возможно лишь его небольшого участка (до поселения). Слоев кушано-сасанидского времени на поселении не обнаружено, но в это время возникает поселение Безымянное. Канал, видимо, реконструируется и удлиняется.

Вопрос о водоснабжении Хан-Газы (самого северного поселения долины) остается во многом неясным. «Северный» канал как будто бы до поселения не доходил, о чем свидетельствуют как рельеф местности, так и отсутствие следов русла канала севернее поселения Безымянное. Не исключено, что в древности существовали какие-то иные источники водоснабжения жителей этой части долины. Так, например, по рассказам старожилов, в горах севернее поселения еще относительно недавно существовал небольшой родник типа Чильучорчашмы, который в древности мог быть более обильным.

Проведение «южного» канала (обеих его веток, «восточной» и «западной»), как и возникновение поселений, расположенных на его трассе, датируется кушано-сасанидским временем.

Технически более сложное, чем наземные каналы, ирригационное сооружение обнаружено в северной части долины. Оно связано с попыткой перебросить воды р. Кафирниган через тектоническое поднятие, отделяющее Бишкентскую долину от Нижнекафирниганской. Недалеко от этого поднятия были выявлены остатки канала, выводившегося из Кафирнигана, протяженностью около 10 км. Канал подводил воду к колодцам кариза, тянувшимся через водораздел на протяжении около трех километров. Однако это сооружение не было закончено — отсутствовала горизонтальная штольня [Мандельштам, 1956, с. 71—72; 1964, с. 24; 1966а, с. 7; Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 323]. Высказывалось мнение о том, что в процессе строительства обнаружилось понижение уровня воды в реке, в результате чего вход в тоннель оказался выше, чем следовало [Керзум П. П., 1972, с. 119]. Правда, при археологическом обследовании подводящего канала «удалось обнаружить признаки использования в древности прилегающих к этому каналу ровных участков под поля» [Мандельштам, 1956, с. 72], значит, вода к колодцам кариза была все-таки подведена. Возможно, существовали и какие-то иные причины (чрезмерная трудоемкость работ для небольшого коллектива, исчезновение необходимости в канале в связи с сокращением орошаемых пло-

щадей в долине и т. д.). Нельзя исключить и вероятность того, что неудачная попытка строительства кариза относится к более позднему времени, чем время существования поселения Хап-Газа, и связывается, например, с большим поселением X—XII вв., существовавшим на месте Безымянного [46].

Примерно на границе северной и центральной частей Бишкентской долины были обнаружены оплывшие остатки земляного вала, перегораживавшего выход в долину большого ущелья, отделенного от основного массива отрогов Бабатага. Видимо, с помощью вала задерживались дождевые и селевые потоки из этого ущелья в целях использования их для орошения каких-то участков земель к северу от поселения Хап-Газа [Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 323; Мандельштам, 1966а, с. 7]. С некоторой долей вероятности время сооружения вала, так же как и неудачную попытку орошения северной части долины с помощью кариза, можно синхронизировать с кушано-сасанидскими слоями поселения Хап-Газа.

По заключению почвоведов, в Бишкентской долине технология древнего поливного земледелия должна была приводить к быстрому засолению почв (из-за резкого поднятия уровня грунтовых вод). Если на основной территории Нижнекафирниганской долины благодаря значительным уклонам грунтовые воды имели достаточный отток в сторону реки, то в Бишкенте подобные условия отсутствовали. При интенсивном орошении в случае отсутствия разветвленной дренажной системы (а ее следов в долине не фиксируется) должно было происходить быстрое и резкое поднятие уровня грунтовых вод (порядка 1 м в год) [Керзум П. П., 1968, с. 158—159, и личное сообщение]. Засоление почв вынуждало древних земледельцев постоянно увеличивать площадь орошаемых земель, часто менять участки для посевов.

О производившихся в Кобадиане продуктах земледелия свидетельствуют находки в шурфах на поселениях Шодмон-кала и Дарахша-тепе. В слоях пожаров здесь найдены зерна пшеницы, риса, ячменя, маша, хранившиеся в крупных тарных сосудах — хумах и хумчах, широкогорлых двуручных сосудах. На поселении Шодмон-кала найдены также сгоревшие ягоды винограда.

Анализ остеологического материала с поселений Шодмон-кала и Ак-тепе II подтверждает, что в составе стада домашних животных имелся как крупный, так и мелкий (козы, бараны) рогатый скот. На поселении Ак-тепе II найдены кости курицы.

Многочисленные находки в археологических комплексах разнообразных изделий из металла, стекла, кости, камня, керамики свидетельствуют как будто бы о высоком уровне развития соответствующих ремесел в Кобадианском оазисе в кушано-сасанидское время. Так, изучение технологии изготовления металлической посуды из высокооловянистой бронзы приводит к заключению, что древние ремесленники должны были обладать высоким профессиональным мастерством, чтобы свободно обращаться с трудным для обработки литейным сплавом [Равич, Седов, Шемаханская, 1982, с. 23—27; 1985, с 65—68] (см. Приложение III). Однако в этом случае, как и почти во всех других (например, это касается косторезного, железоделательного ремесел), мы можем лишь a priori предполагать наличие данного вида ремесла в Кобадиане. К сожалению, на памятниках Кобадиана пока не исследованы мастерские, где могли изготавливаться все эти предметы. Пока они не обнаружены, мы в равной степени можем считать, что изделия ремесленных мастерских попадали в Кобадиан в результате торговых операций.

Единственный вид продукции, для которого определенно можно констатировать местное происхождение,— это керамика (хотя и здесь нельзя исключить привозных изделий). Неподалеку от поселения Ак-тепе II были раскопаны остатки гончарных печей, по устройству мало чем отличающиеся от известных в других областях Северной Бактрии—Тохари-

стана, например на Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 115—120].

Некоторые любопытные наблюдения сделаны при анализе состава керамического заполнения печи 1, топочная часть которой, видимо, длительное время использовалась для сброса бракованной и разбитой продукции (см. Приложение I). Очень немного сосудов можно собрать в абсолютно целые формы. Все изделия уже готовы к употреблению, обожжены, на некоторых котлах имеются следы употребления в быту (закопчены). Почти все кружки покрыты ангобом и украшены лощением, что было последним этапом производства сосудов. Видимо, в районе гончарных печей осуществлялись все фазы изготовления посуды: от приготовления глины до обжига и отделки поверхности сосуда. О наличии здесь своеобразного производственного центра, удовлетворявшего потребности жителей окрестных поселений, а возможно, и более отдаленных районов оазиса в керамике, свидетельствуют и многочисленные находки обломков каменных зернотерок, и фрагменты жерновов от ручных мельниц. Они могли использоваться для растирки и измельчения всевозможных добавок в гончарную глину и ангобную жидкость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные археологические комплексы Кобадиана, так же как и других областей Бактрии—Тохаристана, дают реальное представление об общем облике материальной культуры этой крупной историко-культурной области Центральной Азии в сложный и во многом еще неясный переходный период от древности к средневековью. Используя существующие схемы (о них см. [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 176—188; Зеймаль Е. В., 1983, с. 39—42; Седов, 1983б, с. 77—79; Древнейшие государства, с. 250—272; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 47—48]), этот период, датирующийся серединой IV—V в., можно обозначить как кушано-сасанидский либо кушано-сасанидо-кидаритский.

По С. П. Толстову, IV—V века в истории Средней Азии — это время крупных социально-политических изменений, сопровождавшихся повсеместным резким сокращением ирригационной сети, захирением городской жизни, упадком экономики, что трактуется как проявление общего «кризиса рабовладельческой формации» [Толстов, 1948, с. 48—54, 343]. В ряде археологических работ делается попытка подкрепить положение о «кризисе» археологическим материалом, причем если в одних дается ретроспективная картина [Массон В. М., 1968, с. 99—101], то в других используются материалы какого-нибудь конкретного памятника [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 187—188].

В то же время имеются свидетельства, не только не укладывающиеся в концепцию «кризиса IV—V вв.», но и прямо противоречащие ей (см. [Гафуров, 1972, с. 178—185]). Из последних работ отметим изучение динамики древней ирригации Вахшской долины, где на II—III вв. приходится сооружение крупнейшего магистрального канала, функционировавшего вплоть до VI в. [Зеймаль Т. И., 1971, с. 52—55], и исследование о денежном хозяйстве Средней Азии II—X вв., где отмечается, что «проделанный анализ нумизматических данных не дает оснований фиксировать в Согде и Северном Тохаристане сколько-нибудь серьезных (и синхронных в этих областях) спадов в уровне денежного обращения (и стоящего за этим „кризиса“)» [Давидович, Зеймаль Е. В., 1980, с. 78].

Как мы пытались показать выше, материалы Кобадианского оазиса вполне согласуются с последними заключениями. Судя по археологическим материалам, в IV—V вв. в Кобадиане не только не наблюдается явлений социально-экономического упадка, но, напротив, фиксируются стабилизация и даже, возможно, определенный подъем хозяйства.

Эти же явления характерны, как нам кажется, и для всей Бактрии—Тохаристана кушано-сасанидского времени. Причины отмечаемого на ряде памятников, как правило на крупных городищах (например, на Дальверзин-тепе, возможно, на Дильберджине), упадка целесообразнее, видимо, объяснять политическими событиями второй половины IV в. либо исследовать, исходя из истории конкретно данного памятника. При этом необходимо учитывать одно немаловажное обстоятельство, которое почему-то обычно игнорируется. Если в предшествующее время, в эпоху кушан, территория Бактрии-Тохаристана являлась одной из основных областей древнего государства («ядром империи», по выражению Б. Я. Ставиского), то после сасанидского завоевания эта область стано-

вится далекой северо-восточной окраиной громадной империи, основные центры которой отстоят от нее на многие сотни и тысячи километров. Земли же в правобережье Амударьи превращаются в еще более далекую «провинцию окраины». Если этот новый, «провинциальный» фактор, видимо, не очень сильно отражался на жизни небольших сельских поселений, то при рассмотрении вопроса о регрессе какого-либо крупного городского центра его учитывать необходимо.

Даже беглый анализ рассмотренных археологических комплексов демонстрирует высокую степень унифицированности материальной культуры различных областей Бактрии-Тохаристана во второй половине IV—V в. Эта унифицированность проявляется в одинаковом типе застройки поселений и общих строительных приемах, сходном наборе изделий из металла, камня, кости и т. д. В еще большей степени она выявляется при сопоставлении керамических коллекций. Практически всю керамику Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени можно рассматривать как достаточно однородный комплекс с одинаковым набором форм посуды, сходными приемами ее изготовления и украшения. Отметим еще одну характерную черту — фактическое единство материала, находимого как на крупных городищах, так и на мелких сельских поселениях.

Вместе с тем материал позволяет выделить и локальные особенности, присущие отдельным областям Бактрии—Тохаристана. Для Кобадиана характерно уже неоднократно отмечавшееся отсутствие терракот. Имеются отличия и в керамическом комплексе. По ряду признаков (одинаковый набор форм столовой посуды, сходный цвет ангобного покрытия и т. д.) представляется возможным сделать вывод о большей близости археологических комплексов Кобадиана синхронным памятникам Северного Афганистана, в особенности долины Кундуза (Чакалак-тепе, Дурман-тепе), нежели, например, расположенным ближе памятникам Вахшской и Яванской долин, долины р. Сурхандарьи.

Унифицированность материальной культуры Бактрии—Тохаристана во второй половине IV—V в. кажется даже большей, чем в предшествующее, кушанское время. В литературе уже высказывалось мнение, что в кушанскую эпоху «складывается и углубляется культурное разграничение областей Южного Таджикистана и Южного Узбекистана от остальных областей Трансоксианы» [Зеймаль Е. В., 1978, с. 207]. Видимо, следует говорить о культурном разграничении всей территории Бактрии—Тохаристана от сопредельных областей Центральной Азии — Парфии, Согда, Хорезма. Окончательно складывается это разграничение, видимо, в кушано-сасанидское время.

Сопоставление синхронных керамических комплексов Согда, Хорезма и Парфии выявляет их существенное отличие от тохаристанских. В этом легко убедиться как при знакомстве с обобщающими публикациями по керамике этих регионов [Воробьева, 1959, с. 159—169; Рутковская, 1962, с. 67—112], так и с изданиями керамических коллекций отдельных памятников [Городище Топрак-кала, с. 72—100; Усманова, 1969, с. 27—30, рис. 15; Филанович, 1974]. Аналогичный вывод сделан исследователями керамики Южного Согда, изучившими комплексы городища Ер-Курган [Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 68—99]. Этот же вывод напрашивается и при сопоставлении с керамикой областей к югу от Гиндукуша [Ghirshman, 1946; Antonini, 1979; Kuwayama, 1974].

Отмеченную унифицированность материальной культуры Бактрии—Тохаристана и отличие ее от сопредельных областей Центральной Азии, наиболее ярко проявляющееся в керамическом, наиболее массовом материале, можно убедительно объяснить, на наш взгляд, общеисторической ситуацией. С греко-бактрийского времени и позже, на протяжении нескольких сотен лет, область древней Бактрии—Тохаристана (в том числе и ее правобережная часть) входила в состав единых, достаточно стабильных государственных образований, иных, чем Согд, Хорезм, Парфия. Именно это должно было способствовать консолидации ее в историко-

культурном отношении, формированию своеобразного облика ее материальной культуры.

В то же время неправомерно исключать и значение инноваций. Так, формирование комплекса керамики Бактрии—Тохаристана греко-бактрийского времени во многом обусловлено новыми традициями, привнесенными греческими мастерами (см. [Седов, 1984]). Хорошо известно большое влияние на культуру Бактрии—Тохаристана кушанского времени буддизма. В кушано-сасанидское время должно было ощутимо сказываться и, видимо, сказывалось воздействие культурных традиций сасанидского Ирана. Выше уже отмечалось это воздействие на художественную культуру Бактрии—Тохаристана («поздняя» скульптура и живопись Дильберджина, буллы Джига-тепе, штампы и налепы на керамике Ак-тепе II и Яванского городища, сасанидо-кушанский монетный чекан). Не исключено, что этим влиянием и обусловлено формирование керамического комплекса, во многом отличного от предшествующего, кушанского. Однако из-за непродолжительности периода сасанидской оккупации влияние сасанидского Ирана было, видимо, сравнительно ограниченным.

Вместе с тем сложение археологических комплексов середины IV—V в. происходило на базе местной бактрийско-тохаристанской традиции. В градостроительстве, архитектуре, изобразительном искусстве, материальной культуре черты сасанидского влияния являются лишь отдельными, хотя и существенными репликами сасанидских сюжетов. Не случайно, что и в этноантропологическом отношении особых изменений не произошло: основной пласт населения оставался неизменным (об этом. см. [Ходжайов, 1980, с. 137—153, 157—158; Ртвеладзе, 1985, с. 110]) [1].

В конце V—VI в. в истории Бактрии—Тохаристана начинается новый период, обусловленный включением ее в состав государства эфталитов, а в дальнейшем — образованием на этой территории мелких самостоятельных владений. Это период окончательного становления феодальных отношений, значительного подъема экономической и культурной жизни. Формируется новый облик материальной культуры, во многом отличный от предшествующего, но, безусловно, связанный с ним генетически.

ОПИСАНИЕ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЙ АК-ТЕПЕ II И ШОДМОН-КАЛА

1. Керамика поселения Ак-тепе II

При раскопках поселения Ак-тепе II получена большая и очень представительная коллекция керамики. Условно выделены три группы: столовая, тарная и кухонная посуда, отдельно описаны единичные и уникальные формы.

На поселении Ак-тепе II стратиграфически выделены три периода обживания, причем керамический материал каждого из них совпадает как по типам форм сосудов, так и по технике изготовления и характеру декора. Все это позволяет рассматривать комплекс керамики трех периодов поселения Ак-тепе II как однородный и описывать его суммарно. Отдельно дается описание керамики, найденной при раскопках гончарных печей, а также керамических сосудов, входивших в состав погребального инвентаря «погребальной ямы» № 1.

Столовая керамика

К этой группе отнесены в основном тонкостенные, «парадные» сосуды, выделяющиеся качеством изготовления и тщательностью отделки наружной и внутренней поверхности.

Ойнохоевидные одноручные кувшины (табл. XIII, 1—4). Имеются три археологически целых сосуда и фрагменты еще нескольких экземпляров. Это изящные сосуды вытянутых пропорций, красноглиняные, изготовлены из хорошо отмученного теста без примесей. Венчик в виде сильно отогнутой скругленной закраины имеет небольшой, оттянутый вниз слив. Горловина узкая, высокая, равномерно вогнутая. Тулово вытянутое, слабо раздутое, яйцевидное (максимальное расширение — в нижней трети сосуда). Поддон кольцевидный, низкий, часто сложнопрофилированный, с выемкой на нижней поверхности, иногда довольно значительной. Он изготавливался отдельно и затем крепился к нижней части сосуда (на одном экземпляре виден соединительный шов). Высокая, прямая ручка, сегментовидная в сечении, вверху крепится к краю венчика, внизу — к верхней части тулова. У нижнего основания имеется, как правило, широкий (до 3 см) аморфный «хвост», длиной 2,5—4 см. Снаружи сосуд целиком покрывался плотным коричневым ангобом (изнутри — полосой по венчику), по которому наносились частые полосы вертикального лощения (один из сосудов — нелощеный). Ширина полос — 1,5—1 мм (на тулове — более широкие, до 2,5 мм); расстояние между ними — около 2 мм (часто полосы лощения сливаются). На сосудах имеются следы починок в древности.

Размеры сосудов: реконструируемая высота — 31,5—32,5 см; длина венчика — от 6,5—7 см до 8 см; диаметр горла — 3,1—3,6 см; диаметр тулова — 13—13,5 см; диаметр поддона — 6—8 см; высота поддона — 1,4—3,5 см; толщина стенок — 0,8—1,2 см; ширина ручки — 2,2—3 см.

У одного из сосудов этой группы под ручкой, у нижнего основания, имелся налеп (табл. XIII, 1; рис. 34, 35). Сосуд сохранился почти целиком (отсутствует только верхняя часть). Горловина, видимо, была узкая, высокая, тулово более раздутое, чем у других аналогичных сосудов, грушевидной формы (максимальное расширение — в нижней трети сосуда). Формован на круге из тщательно отмученной розоватой глины практически без примесей. Черепок тонкий, звонкий, обжиг равномерный. Стенки сосуда немного утолщаются ко дну (0,5 см в верхней части, 0,8—0,9 см в нижней). Широкий, дисковидный поддон (диаметр — 8 см, высота — 1 см) формовался отдельно и с помощью высокого стебля (диаметр — 5,5 см, высота — 2,2 см) крепился ко дну сосуда. Нижняя часть стебля ножки полая, посередине — плоский, широкий валик. Овальная в сечении высокая ручка изгибалась в верхней части сосуда почти под прямым углом и вверху крепилась, видимо, к краю венчика. Сосуд целиком покрыт плотным коричневым ангобом, поверх которого нанесено вертикальное полосчатое лощение. Лощение частое (полосы, шириной 2—2,5 мм, иногда сливаются, расстояние между ними — 1—1,5 мм), покрывает также внешнюю поверхность ручки и доходит до стебля поддона. Сосуд неоднократно ремонтировался в древности, о чем говорят просверленные отверстия для крепления скобок на ручке. Высота сохранившейся части сосуда — 26,6 см; максимальный диаметр тулова — 16,2 см; реконструируемая высота сосуда — около 36 см.

Под ручкой, непосредственно над максимальным расширением тулова сосуда, имелся налеп — погрудное изображение бородатого мужчины (табл. XIII, 1; рис. 34, 35). Лицо узкое, с покатым невысоким лбом, глубокими глазными впадинами и впалыми щеками. Глаза — в виде овалов, сильно сужающиеся к краям, с детально про-

работанными веками и зрачками. Нос высокий, прямой, кончик его сбит. Губы небольшие, довольно широкие. Волосы широкой, лопатообразной бороды переданы завитками в виде запятых. Над верхней губой — узкая полоска усов с загнутыми вверх концами, проработанных вертикальными насечками. Уши показаны небольшими выпуклостями, с правой стороны под ухом — серьга в виде шарика (слева она, видимо, сбита). Волосы прически выглядывают из-под головного убора и переданы завитками, расходящимися от середины лба (пробор?). Головной убор — в виде шапки с округлой тульей, проработанной небольшими завитками или складками (шапка, видимо, меховая). По низу шапки проходит оторочка узким жгутом с вертикальными складками.

Шея чуть намечена, доработана, очевидно, резцом. Плечи и грудь показаны четырьмя округлыми выпуклостями с радиально расходящимися складками одежды (на плечах, подмышках и посреди груди). Шейный вырез одежды передан выпуклым полукруглым валиком. Бюст ограничен снизу двумя сильно стилизованными распахнутыми крыльями с завитками на концах (завиток крыла хорошо различим на правом плече), проработанными наклонным рифлением (стилизация перьев?). Вся фигура, особенно ее нижняя часть, несколько асимметрична (правое плечо больше левого), общие размеры: высота — 4,2 см; ширина — 2—3 см.

Изображение было оттиснуто штампом на глине и прикреплено до обжига на уже сформованный сосуд. Хорошо видно, как налеп примазывали к стенке сосуда: вокруг налепа сохранились бороздки от пальцев древнего гончара. Судя по четкости изображения и проработке таких едва заметных деталей, как веки и зрачки, штамп был вырезан в достаточно твердом материале.

Чаши. Представлены двумя типами.

К первому типу относятся так называемые чаши с «перехватом» (табл. XIV, 9, 11—13, 15, 16). Это тонкостенные красноглиняные сосуды с двухчастным цилиндроконическим резервуаром. Венчик — в виде приостренной, загнутой внутрь закраины. Бортик вертикальный, его стенки имеют, как правило, выпуклый профиль, в нижней части — вогнутый. Переход к нижней, конической части имеет вид резкого перелома, часто подчеркнутого острым ребром либо сглаженного, выше которого имеется узкий желобок-«перехват». Стенки нижней части корпуса прямые либо незначительно выпуклые (изредка — слабовогнутые). Небольшой по диаметру низкий дисковидный поддон обычно сплошной или незначительно вогнутый, изредка имеет профилированный внешний край (ребром или желобком). Изнутри — целиком, снаружи — в верхней цилиндрической части (обычно до перегиба или несколько ниже) сосуды покрывались плотным коричневым или кирпично-красным ангобом (изредка встречается темно-красный ангоб). Некоторые экземпляры снаружи под венчиком украшались узкими желобками. Стенки цилиндрической части резервуара часто снаружи имеют вертикальные полосы лощения, встречается также (более часто) зигзагообразное лощение (наклон полос справа налево) либо сетчатое. Ширина полос лощения — 2—4 мм.

Размеры сосудов: высота — около 9—10 см; диаметр по венчику — 15—16 см (до 18 см); диаметр корпуса в месте перегиба — 16—18 см; высота бортика — 4,5—6,5 см; диаметр поддона — 4—5 см; его высота — 0,8—1,4 см; толщина стенок — 0,5—0,9 см.

Чаши второго типа представлены очень ограниченным числом фрагментов, не дающих представления о полном профиле сосуда (табл. XIV, 5, 8, 21). Это глубокие сосуды, корпус которых близок полусфере. Венчик в виде приостренной закраины, стенки резервуара плавно изогнуты либо имеют незначительный прогиб в средней части. Одна из чаш снаружи в верхней части корпуса украшена желобками. Это светлоглиняный сосуд, диаметром по венчику 14 см, покрытый снаружи в верхней части, изнутри — полосой по венчику плотным темно-коричневым ангобом. Крупный обломок другой подобной чаши, диаметром по венчику 15 см,— красноглиняный, изнутри полностью, снаружи — только в верхней части покрыт плотным красно-коричневым ангобом. Толщина стенок сосудов — 0,8—1,0 см.

Кружки (табл. XIV, 14, 17—20). Это тонкостенные красноглиняные сосуды со сферическим, слабо раздутым туловом. Венчик прямой либо слабо отогнутый, в виде приостренной закраины, часто — подтреугольный в сечении. С-образная небольшая ручка, уплощенно-овальной в сечении формы, крепится в верхней части тулова. Дно сосудов, видимо, было плоское, либо имелся небольшой дисковидный поддон. Плотный темно-красный или кирпично-красный ангоб покрывает поверхность сосуда снаружи почти целиком (не доходит до дна), изнутри — полосой по венчику. Часто имеется вертикальное полосчатое либо сетчатое лощение наружной поверхности тулова.

Диаметр венчика сосудов — 10—12 см; диаметр тулова — 12—13 см; высота венчика — 1,2—2,0 см; толщина стенок — 0,5—0,7 см.

Широкогорлые сосуды (табл. XIV, 22—25). К этой категории отнесены небольшие широкогорлые сосуды со сферическим туловом и прямым либо отогнутым наружу венчиком, диаметром 8,5—12 см. Последний в сечении треугольной либо прямоугольной формы, с горизонтальной либо скошенной наружу верхней площадкой, профилированной желобками. Горло цилиндрическое либо раструбообразное (расширяется кверху), высотой 2,5—3,0 см. Тулово шаровидное, диаметром 12—15 см, дно плоское, невыделенное. Снаружи отдельные сосуды покрыты красно-коричневым ангобом (не доходит до дна), украшены желобками (на плечиках и в верхней

части тулова) и одним-двумя рядами мелкого штампованного орнамента. В одном случае это пять штампиков на плечиках сосуда, миндалевидной формы. Штамп в виде стилизованной пальметты: по краю — валик, в центре — каплевидная выпуклость, обрамленная двенадцатью точками. Сосуд красноглиняный, изготовлен из хорошо отмученного теста, снаружи покрыт плотным красно-коричневым ангобом (до дна не доходит) и сплошным лощением (верхняя половина сосуда). Размеры сосуда: высота — 15 см; диаметр по венчику — 11,2 см; диаметр тулова — 15 см; диаметр дна — 8,5 см; высота горла — 3,5 см. Второй сосуд, украшенный двумя рядами штампованного орнамента, светлоглиняный, снаружи покрыт желтоватым ангобом. Штампы овальной формы (размером 2,1×2,4 см) с изображением сильно стилизованной стоящей птицы (?) с распахнутыми крыльями, по краю — неширокий жгут. Сосуд, видимо, был снабжен двумя небольшими петлевидными ручками (утрачены), крепившимися в верхней части тулова. Диаметр сосуда по венчику — 10 см; диаметр тулова — 15,1 см.

Тагора. Представлены двумя типами.

Первый тип — это сосуды с широко расходящимися стенками резервуара изломанной профилировки, в нижней части прямые (табл. XIV, 1, 4, 6, 7, 10). Венчик широкий (5—7 см), прямой, сильно отогнутый. Место отгиба отмечено острым ребром или уступом. Край венчика вертикальный или скошенный наружу. Изнутри венчик богато орнаментирован полосами волнистого, зигзагообразного орнамента, рядами ногтевых или вертикальных вдавлений, разделенных желобками. У одного из экземпляров имеется ряд мелких штампов. Они круглые, внутри — косой крест с точками между лучами. Орнамент занимает, как правило, венчик целиком (иногда остается неорнаментированным верхний край сосуда). К краю сосуда крепились массивные, витые, вертикальные ручки (обычно две, но в некоторых случаях, возможно, и одна), к основаниям которых примыкают ряды скругленных зубцов (по 5—7 штук с каждой стороны). Основание сосудов имеет вид невысокого, сплошного, дисковидного поддона, диаметром около 10 см. Изнутри в центре дна сосуда иногда имеется небольшое углубление, диаметром около 4,5 см (в центре дно значительно утончается, до 0,6 см).

Тагора красноглиняные, изготовлялись из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка и дутика. Изнутри целиком, снаружи — по краю (включая ручки) покрывались плотным красным ангобом различных оттенков (от кирпично-красного до темно-красного). Диаметр сосудов по венчику — 35—40 см; реконструируемая высота — около 13 см; толщина стенок — 0,8—1,3 см.

Второй тип — сосуды примерно аналогичной формы, но с более плавно изогнутыми стенками резервуара и значительно более узким венчиком (2—2,5 см) (табл. XIV, 2, 3). Верхняя площадка венчика почти горизонтальная, как правило неорнаментированная (в некоторых случаях имеется полоса волнистого орнамента). Волнистой полосой орнаментировалась верхняя часть резервуара изнутри под венчиком. Небольшая петлевидная ручка (либо две?) крепилась к краю сосуда и к наружной стенке резервуара.

Диаметр сосудов по венчику — 31—32 см; толщина стенок — 0,8—1,0 см. Плотный красно-коричневый ангоб покрывал сосуд изнутри по зеркалу, снаружи — по краю сосуда.

Двуручные амфоровидные кувшины. По размерам и особенностям профилировки можно выделить два типа.

Первый тип — небольшие широкогорлые кувшины с шаровидным либо грушевидным туловом на сплошном дисковидном поддоне (табл. XIII, 11—13, 15, 16). Венчик прямой либо незначительно отогнутый, подтреугольный в сечении, с горизонтальной или скошенной наружу верхней площадкой, профилированной желобком. Горловина широкая, цилиндрическая или раструбообразная, ее стенки обычно прямые (изредка — незначительно вогнутые). Переход к раздутому тулову плавный (в одном случае в месте перехода — желобок), максимальное расширение тулова — в средней части либо в нижней трети сосуда. Поддон выделен желобком. Две петлевидные ручки крепятся к нижней части горла и над максимальным расширением тулова. Они овальные в сечении, часто реберчатые, у нижнего основания обычно имеется длинный приостренный «хвост». Сосуды красноглиняные, снаружи в верхней половине покрыты плотным темно-красным либо темно-серым, почти черным ангобом.

Размеры сосудов: высота — 25—29 см; диаметр по венчику — 7,5—8 см; диаметр горла — 5—8 см; диаметр тулова — 14—29 см; диаметр поддона — 7,5—10 см; толщина стенок — 0,9—1 см.

У двух сосудов несколько иная профилировка верхней части. Венчик утолщенный, с горизонтальной верхней площадкой, сильно отогнутый. Горловина практически отсутствует: сразу под венчиком — резкий перегиб стенок сосуда и плавный переход в слабо раздутое тулово. Дно плоское, невыделенное. Петлевидные ручки массивные, реберчатые, у нижнего основания — длинный приостренный «хвост». Высота одного из сосудов, сохранившегося целиком,— 28 см; диаметр по венчику — 13 см; диаметр горловины — 11,6 см; диаметр тулова — 25,5 см; диаметр дна — 10,3 см; ширина ручек — 3 см. Сосуды также ангобированы снаружи только в верхней части (ниже — потеки) плотным ангобом кирпично-красного цвета.

Второй тип — значительно более крупные узкогорлые сосуды (табл. XV, 4, 5). Венчик прямой, подтреугольный либо подквадратный в сечении, с профилиров-

кой одним-двумя желобками верхней горизонтальной или скошенной наружу площадки и боковой поверхности. Горловина цилиндрическая либо раструбообразная, расширяющаяся книзу. Ее стенки незначительно вогнуты в средней части, плавно переходят в сильно раздутое шаровидное или грушевидное тулово. Основание сосуда — выделенный, низкий, сплошной, дисковидный поддон. В средней либо нижней части горла и на плечиках крепятся массивные, реберчатые, петлевидные ручки. Их вертикальная часть почти прямая, нижнее основание имеет длинный приостренный «хвост». Верхняя половина сосуда снаружи покрывалась плотным красным ангобом, по горлу — арочное лощение, в верхней части тулова — спиралевидное. Верхняя часть горла иногда украшалась желобками.

Размеры сосудов: высота — 34,5—35 см; диаметр венчика — 10—11 см; диаметр горла — 9—10 см; его высота — около 10 см; диаметр тулова — 24—26 см; диаметр поддона — 10—11 см; толщина стенок — 0,9—1,1 см.

Миниатюрные кувшины. В этой группе объединены различные типы сосудов, небольшие по размеру.

Ойнохоевидные кувшинчики (табл. XIII, 5—8, 20, 24). Это одноручные сосуды с шаровидным или яйцевидным туловом и широким венчиком, край которого оформлен в виде приостренного слива. Венчик сильно отогнутый, в виде скругленной закраины, изредка украшался снаружи желобком. Горловина узкая, сильновогнутая. Тулово раздутое, шаровидное либо более вытянутых пропорций. Основание сосуда имеет вид слабо выделенного, сплошного, дисковидного поддона. Небольшая петлевидная ручка крепится к краю венчика, противоположного сливу, и на тулове, над максимальным расширением. Здесь обычно имеется довольно длинный (до 2 см) приостренный «хвост».

Высота сосудов — 12—16 см; ширина венчика (со сливом) — 5,5—6 см; диаметр горла — 2,8—3 см; диаметр тулова — 7—12 см; диаметр поддона — 3—4,5 см.

Сосуды светло- или красноглиняные, изготовлены из хорошо отмученного теста с небольшой примесью мелкого песка и дутика. Снаружи верхняя часть сосудов покрыта плотным либо размазанным кирпично-красным, либо темно-красным ангобом, изредка на горле и верхней части тулова — вертикальное, полосчатое лощение.

Одноручные кувшинчики (табл. XIII, 9—10). Имеются два целых экземпляра. Оба сосуда красноглиняные, изготовлены из тщательно отмученного теста с примесью мелкого песка. Венчик в виде сильно отогнутой приостренной или скругленной закраины. Горловина узкая, ее стенки сильно вогнуты посередине или в нижней части, плавно переходят в раздутое тулово. У одного из сосудов оно шаровидное, равномерно выпуклое (максимальное расширение — в средней части), у другого плечики значительно более крутые (максимальное расширение — в верхней части). Дно плоское, либо имеется слабо выраженный, дисковидный, сплошной поддон. У меньшего из сосудов ручка довольно массивная, крепится к краю венчика и на середине тулова. У большего из сосудов — ручка более изящная (утрачена), верхнее основание — на переходе горла в тулово, нижнее — в средней части тулова.

Размеры сосудов: высота — 8,1; 12 см; диаметр венчика — 4,8; 5,5 см; диаметр горла — 3,4; 4,1 см; диаметр тулова — 4,9; 9,7 см; диаметр дна (поддона) — 3,4; 3,9 см.

Сосуды снаружи в верхней части покрыты ангобом красного и красно-коричневого цвета.

Двуручные кувшинчики (табл. XIII, 14, 17—19, 23, 26). Представлены, как правило, археологически целыми экземплярами (часто без верха сосудов). Венчик прямой, подтреугольный в сечении, со скошенной наружу верхней площадкой. Горловина высокая, цилиндрическая, иногда отделена от тулова уступом, стенки ее слабовогнутые. Тулово раздутое, шаровидное либо грушевидное (сосуд как бы утяжелен в нижней части). Основание — в виде выделенного сплошного дисковидного поддона, иногда довольно массивного. Ручки небольшие, петлевидные, либо непропорционально массивные, реберчатые, крепятся к середине или нижней части горла и на максимальном расширении тулова (у нижнего основания обычно имеется приостренный длинный «хвост»). Сосуды красноглиняные, изготовлены из тщательно отмученного теста с небольшой примесью мелкого песка и дутика. Снаружи в верхней части покрывались плотным кирпично-красным или темно-красным ангобом. Один из кувшинчиков обильно украшен мелким листовидным штампом, расположенным рядами (два — на цилиндрическом горле, три — в верхней части тулова), и желобками (размеры штампа — 0,6×1,1 см).

Размеры сосудов: высота — 13—14 см; диаметр венчика — 4,8—5,8 см; диаметр горла — 4,2—5,3 см; его высота — около 4,5 см; диаметр тулова — 9—11 см; диаметр поддона — 4—5 см.

Один из сосудов этой группы несколько иных пропорций (табл. XIII, 17). Он светлоглиняный, изготовлен из тщательно отмученного теста. Венчик прямой, скошенный внутрь, приостренный к верхнему краю. Внешняя вертикальная его поверхность профилирована желобком. Горло невысокое, вогнутое в верхней части, отделено от тулова уступом, профилированным желобком. Тулово вытянутое, яйцевидное, максимальное расширение — в средней части сосуда. Поддон выделенный, сплошной, дисковидный. Две небольшие петлевидные «хвостатые» ручки крепятся на плечиках сосуда. Наружная поверхность сосуда целиком покрыта плотным темно-коричневым ангобом.

Размеры сосуда: высота — 14,7 см; диаметр по венчику — 5,5 см; диаметр горла — 4,8 см; его высота — 1,7 см; диаметр тулова — 9,5 см; диаметр поддона — 4,5 см.

Кувшинчики без ручек (табл. XIII, 21, 22, 25, 28). Это миниатюрные светло- и красноглиняные узкогорлые сосудики со сферическим, сильно раздутым туловом. Венчик вертикальный либо слабо отогнутый, уступчатый либо подтреугольный в сечении. Верхняя его площадка горизонтальная, скошенная наружу или внутрь, профилированная. Горловина невысокая, ее стенки, как правило сильновогнутые в средней части, плавно переходят в сильно раздутое шаровидное туловo. Поддон невыделенный, сплошной, дисковидный. Сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Снаружи в верхней части покрыты плотным или размазанным светло-красным, красно-коричневым или темно-коричневым ангобом. На плечиках одного из сосудов с сильно раздутым, почти биконическим туловом — ряд овальных, листовидных, мелких штампов.

Размеры сосудов: высота — 10—11 см; диаметр по венчику — 4—5,5 см; диаметр горла — 3,5—5 см; его высота — 1—2 см; диаметр тулова — 9—12 см; диаметр поддона — 4—4,5 см.

Поильник (табл. XIII, 27). Имеет вид миниатюрного широкогорлого кувшинчика без ручек. Скругленный венчик отогнут наружу. Очень низкое, сильновогнутое горло переходит в крутые плечики раздутого тулова (максимальное расширение — в верхней части сосуда), резко сужающегося в нижней части. Основание сосуда — в виде невыделенного, сплошного, дисковидного поддона небольшого диаметра (3 см). В боковой стенке сосуда, в месте максимального расширения тулова, прикреплен слегка приподнятый вверх небольшой конусообразный носик. В нем и в стенке сосуда — сквозное отверстие, диаметром 0,3—0,4 см. Сосуд красноглиняный, снаружи — в верхней трети (до половины носика), изнутри — полосой по венчику покрыт плотным красным ангобом.

Размеры сосуда: высота — 6,5 см; диаметр по венчику — 7,5 см; диаметр горла — 7 см; диаметр тулова — 9,6 см; длина носика — 1,5 см.

Тарная керамика

В эту группу включены крупные толстостенные сосуды, изготовленные на гончарном круге.

Ойнохоевидные одноручные кувшины (табл. XVI, 15, 18). Редко встречающаяся форма. Отличаются от аналогичных столовых сосудов более крупными размерами и худшим качеством изготовления. Имеются фрагменты только верхних частей сосудов. Отогнутый венчик, подтреугольный в сечении, с приостренным краем, профилирован снаружи желобками. Горловина сосуда относительно невысокая, слабовогнутая, в верхней части украшена сглаженным валиком, плавно переходит в слабо раздутое тулово. Небольшая «хвостатая» ручка крепится к краю венчика, противоположному сливу, и на плечиках. Сосуды красноглиняные, в тесте имеется примесь песка и дутика, снаружи в верхней части покрыты красным ангобом.

Длина венчика (со сливом) — 9 см; диаметр горла — 4,7 см; диаметр тулова — 15 см; толщина стенок — 0,6—1,5 см.

Тагора. Эти крупные толстостенные сосуды представлены двумя типами.

Первый тип — конические тагора с прямыми, широко расходящимися стенками, диаметром по венчику 40—44 см (до 48 см) (встречаются и меньшие по размерам, диаметром 34 см) при толщине стенок 0,8—1,5 см (табл. XVI, 3—7). Венчики утолщенные, со скошенной наружу верхней площадкой либо подтреугольные в сечении, клювовидные. В некоторых случаях их боковая поверхность профилировалась широким желобком.

Сосуды красноглиняные, изготавливались обычно из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка и дутика, встречается плохо промешанное тесто с более крупными включениями. Изнутри по зеркалу, как правило, покрывались кирпично-красным или темно-красным ангобом (на одном экземпляре — черный ангоб), имеются и неангобированные экземпляры.

Второй тип — тагора близкой формы, но с иным профилем стенок верхней части резервуара (табл. XVI, 1, 2, 8, 9). Они несколько меньше по размерам, чем сосуды первого типа, диаметром по венчику 30—34 см (имеются как более крупные сосуды, диаметром 44 см, так и более мелкие, диаметром 22 см), толщина стенок — 0,7—1,4 см. Стенки верхней части резервуара плавно загнуты внутрь. Венчик утолщенный либо приостренный, в виде загнутой закраины, с горизонтальной либо скошенной внутрь верхней площадкой. Изредка снаружи под венчиком — желобок. У самого крупного сосуда этого типа по скошенной наружу площадке венчика — орнамент в виде процарапанных до обжига крестов. К краю венчика прикреплен налеп в виде небольшого, изогнутого, приостренного ушка. Судя по следам, под ним к стенке верхней части тагора крепилась небольшая С-образная ручка. Сосуды красноглиняные, в тесте часто имеется примесь крупнозернистого песка. Изнутри по зеркалу они обычно покрывались ангобом красно-коричневых оттенков (снаружи — ангоб полосой по краю сосуда). В одном случае ангобирована внешняя поверхность, а на внутренней — ангоб полосой по краю.

Горшки (табл. XVI, 10, 21). Редко встречающаяся форма; известен один археологически целый экземпляр, найденный в помещении святилища вместе с культовым сосудом, и обломок верхней части еще одного. Это глубокие, широкогорлые сосуды с сильно отогнутым венчиком и слабо раздутым туловом, стенки которого имеют плавный изгиб. Дно плоское, невыделенное. Целый экземпляр снабжен дву-

мя (?) массивными, реберчатыми «хвостатыми» ручками, крепившимися к краю сосуда и снаружи на середине тулова. Сосуды светло- и красноглиняные, снаружи в верхней части, изнутри — полосой по венчику покрыты плотным кирпично-красным ангобом.

Диаметр сосудов по венчику — 20—22 см; диаметр тулова — 17—19 см; диаметр дна — 8,9 см; высота целого экземпляра — 11,5 см.

Одноручные кувшины (табл. XVI, 20). Представлены только одним экземпляром — обломком верхней части красноглиняного сосуда, снаружи покрытого кирпично-красным ангобом. Венчик отогнутый, в сечении подтреугольный, с профилированной желобками, скошенной наружу верхней площадкой. Горловина невысокая, слабовогнутая, в средней и нижней частях украшена валиками. Переход к несколько раздутому тулову плавный. В его верхней части — орнамент в виде трех желобков. Небольшая сегментовидная в сечении ручка крепится к краю венчика, внизу — на плечиках сосуда.

Диаметр сосуда по венчику — 10 см; диаметр горла — 9,5 см; диаметр тулова — 20,2 см; толщина стенок — 0,7—0,8 см.

Широкогорлые двуручные сосуды. Представлены большим количеством целых форм. Сосуды двух типов.

Первый тип — крупные плоскодонные сосуды, орнаментированные в верхней части, с низким широким горлом и двумя небольшими ручками (табл. XX, 1—6; XVII, 1, 3, 5, 9). Диаметр сосудов по венчику — 19—25 см, имеются сосуды меньших размеров, диаметром по венчику 12, 16,5—17 см. Венчик прямой или наклонный внутрь, утолщенный, в сечении подпрямоугольный или ромбовидный. Встречаются Т-образные и Г-образные в сечении венчики. Верхняя площадка обычно горизонтальная либо скошенная внутрь, иногда профилированная желобком. Профилировка желобком часто имеется также на боковой наружной поверхности венчика. Низкая, как правило, коническая горловина (встречается и цилиндрическая), диаметром 13, 16—24 см, расширяется в нижней части. Ее стенки прямые, плавно переходят в сильно раздутое шаровидное либо яйцевидное тулово (максимальное расширение — в верхней или средней части тулова). Изредка горловина отделена от тулова уступом или желобком. Дно плоское, невыделенное, диаметром 11—16,5 см. На плечиках сосуда (либо вверху — к нижней части горла) крепятся две небольшие ручки. Они петлевидной формы, реберчатые, сужающиеся к нижнему основанию, где имеется приостренный «хвост», часто с одним или двумя пальцевыми вдавлениями.

Высота сосудов — от 33—40 см до 44 см; диаметр тулова — 33—35 см.

Сосуды красноглиняные, изготавливались обычно из хорошо промешанного теста с добавлением песка и дутика. Наружная поверхность затиралась тряпкой, верхняя часть сосуда покрывалась плотным либо размазанным красно-коричневым или темно-коричневым ангобом (имеются и неангобированные экземпляры).

Сосуды по плечикам украшались двумя-тремя полосами орнамента, разделявшимися, как правило, желобками. Обычно это две полосы волнистого орнамента (наклон волны влево) либо сочетание двух полос волнистого орнамента и ряда круглых или овальных вдавлений либо коротких вертикальных насечек. Полосы волнистого орнамента обычно узкие, но встречаются и широкие, проведенные «гребенкой».

Второй тип представлен двумя целыми сосудами и несколькими фрагментами от верхних частей (табл. XVII, 4, 6). Они несколько меньше по размерам, диаметром по венчику 23—24 см. Венчик прямой либо загнутый внутрь, сложнопрофилированный, по горизонтальной верхней площадке — один-два желобка. Горловина относительно высокая, цилиндрическая либо раструбообразная, расширяющаяся кверху. У одного из сосудов украшена в средней части полосой волнистого орнамента и рядом горизонтальных вдавлений, разделенных и ограниченных желобками. Тулово слабо раздутое, у одного из сосудов вытянутое (украшено в верхней части желобком), у второго — почти биконическое, резко сужается в нижней части и заканчивается низким, сплошным, выделенным поддоном, диаметром 12,5—13,5 см. Сосуды снабжены двумя ручками. В одном случае они довольно массивные, реберчатые, сужающиеся к нижнему основанию, где имеется приостренный «хвост», крепятся к нижней части горла и к средней части тулова. У второго экземпляра ручки, судя по остаткам (они утрачены), были небольшие, крепились к верхней части горла и на максимальном расширении тулова. Над ручками к краю венчика прикреплено по паре небольших приостренных «ушек».

Высота сосудов — 21, 27 см; диаметр тулова — 27, 23,5 см.

Сосуды красноглиняные, изготовлены из тщательно отмученного теста, с небольшой примесью мелкого песка и дутика, снаружи в верхней части покрыты плотным красно-коричневым ангобом (изнутри — полосой по венчику).

Двуручные амфоровидные кувшины. Также имеется много целых форм. По размерам и особенностям профилировки выделены два типа.

Первый тип — крупные двуручные сосуды с высоким узким горлом (табл. XV, 1—3, 6; XVI, 11, 13, 14, 16, 17). Венчик обычно вертикальный (встречается загнутый внутрь), профилированный, прямоугольный либо треугольный в сечении; имеются манжетовидные венчики, профилированные снаружи желобками. Верхняя площадка горизонтальная либо скошенная наружу, украшенная обычно одним-двумя желобками. Горловина узкая, высокая, цилиндрическая либо раструбообразная, расширяющаяся книзу, у некоторых экземпляров украшена желобками. Ее стенки незначительно вогнуты в средней части. Переход к тулову плавный, обыч-

но отмечен желобком или уступом. Тулово сильно раздутое, яйцевидной формы (максимальное расширение — в верхней трети) либо более вытянутое, равномерно выпуклое (максимальное расширение — в средней части), резко сужается к основанию. Дно сосуда плоское, либо имеется слабо выделенный низкий сплошной поддон. Петлевидные ручки массивные, реберчатые, крепятся к нижней или средней части горла и на плечиках, к нижнему основанию утончаются. Здесь имеется приостренный «хвост», часто оформленный пальцевым вдавлением.

Диаметр сосудов по венчику — 9—12 см; диаметр горла — 9—11 см; его высота — 6,8—10 см; диаметр тулова — 24—33 см; диаметр дна (поддона) — 11—12 см; высота сосудов — 43—48 см.

Сосуды, как правило, красноглиняные (встречаются и светлоглиняные), изготовлены из хорошо промешанного теста с примесью песка и дутика. Обжиг часто некачественный — черепок в изломе двухцветный. Внешняя поверхность затерта тряпкой, обычно снаружи в верхней части (по горлу и плечикам) сосуды покрывались кирпично-красным, темно-красным или темно-коричневым ангобом (на плечиках — ангоб размазанный, ниже — потеки). У одного из сосудов на плечиках — два ряда штампованного орнамента (круг с вписанным крестом, между лучами которого — точки).

Второй тип — это сосуды сходной профилировки, но более массивные, с относительно невысоким широким горлом (табл. XV, 7, 8; XVI, 12, 19). Венчики такие же, как и у сосудов первого типа, горловина широкая, цилиндрическая либо слабовогнутая в средней части, иногда украшена линиями волнистого орнамента. Переход к тулову резкий, в виде излома, оформленного уступом или желобком. На плечиках сосуда часто имеется орнамент — широкие волнистые полосы, разделенные желобками; у одного из сосудов — ряд округлых вдавлений, диаметром 2,2 см. Массивные, реберчатые ручки крепились к нижней части горла и на плечиках сосуда. У нижнего основания — приостренный «хвост» с пальцевым вдавлением.

Диаметр сосудов по венчику — 14—20 см; диаметр горла — 11,5—19 см; его высота — 5—8 см.

Сосуды красноглиняные, снаружи в верхней части покрыты красным или темно-красным ангобом. У одного экземпляра по стенкам горловины — зигзагообразное полосчатое лощение.

Хумы и хумчи (табл. XVIII, 1—16; XIX, 1—13). Это крупные, толстостенные сосуды для хранения, диаметром по венчику 30—48 см (встречаются экземпляры с диаметром по венчику 72 см), достигающие высоты 90—120 см. Хумчи несколько меньше по размеру — диаметр по венчику 20—28 см, высота 50—60 см. Тулово обычно довольно вытянутое, слабо раздутое, но часто встречается и яйцевидное, с крутыми плечиками (максимальное расширение — в верхней трети). Дно выпуклое (иногда — плоское, как правило, у хумчей), обозначено снаружи острым ребром, диаметром 28—40 см. Венчики разнообразные по форме: прямые, наклонные, отогнутые, Т-образные, подпрямоугольные и трапециевидные в сечении. Верхняя площадка обычно скошена наружу. Встречаются венчики с профилированной боковой поверхностью. Наиболее распространенный тип среди керамики поселения Ак-тепе II — скругленный, утолщенный венчик, отогнутый наружу, с широким желобком снаружи, у основания, и острым ребром на шейке. Имеются его многочисленные варианты (табл. XIX, 3—6, 8—12). Интересен экземпляр хума, украшенный по плечикам двумя полосами волнистого орнамента и снабженный двумя небольшими петлевидными ручками, крепившимися на плечиках (табл. XIX, 1). Среди хумчей часто встречаются орнаментированные экземпляры. В одном случае это овальные пальцевые вдавления по краю венчика, в другом — небрежные полосы широкого волнистого орнамента на плечиках, в третьем — широкий валик на шейке, рассеченный круглыми пальцевыми вдавлениями (табл. XVIII, 11, 12, 14).

Сосуды изготавливались на гончарном круге (крупные экземпляры, видимо, по частям) из хорошо промешанной глины с примесью мелкого и крупного песка и дутика. Обжиг обычно хороший, но встречаются и фрагменты сосудов двухцветные в изломе (неравномерный обжиг). Все они красноглиняные, неангобированные: наружная поверхность затиралась и заглаживалась.

Крышки (табл. XXI, 1, 2, 8—10). Найдено большое количество крупных, диаметром 40—50 см, толщиной 1—2 см, керамических крышек, видимо от хумов и хумчей. Они красноглиняные, дисковидные, обычно слабовогнутые, края прямые либо скошенные. Часто в центре имеется сквозное отверстие, диаметром 1,5—2 см. Верхние их поверхности заглаживались, на нижних — следы подсыпки. На одном экземпляре на краю имеется процарапанный до обжига знак.

Кухонная керамика

В эту группу включены в основном лепные сосуды с подправкой верха на гончарном круге, изготовленные, как правило, из плохо отмученной глины с примесью крупного песка, плохо обожженные и законченные снаружи.

Котлы (табл. XVII, 8; XX, 8, 9, 14, 16—20). Лепные, с подправкой верха на гончарном круге сосуды со сферическим туловом, круглодонные либо с уплощенным дном. Венчики невысокие, вертикальные либо отогнутые наружу, скругленные или приостренные. Встречаются уплощенные, с горизонтальной верхней площадкой. Тулово грушевидное. Некоторые экземпляры украшены по плечикам полосой овальных вдавлений.

Диаметр сосудов по венчику — 13—20 см; диаметр тулова — 28—29 см; высота — 20—22 см; диаметр дна — 21—25 см.

Сосуды красноглиняные, наружная поверхность заглажена, дно обычно закопчено.

Горшки. Представлены двумя типами.

Первый тип — крупные сосуды с шаровидным, слабо раздутым туловом, плоским либо выпуклым приостренным дном и петлевидными ручками (табл. XX, 15, 28, 30; XVII, 2, 7, 10, 11). Известно несколько целых форм. Венчик приостренный либо скругленный, невысокий, отогнутый наружу, шейка слабо выраженная, тулово равномерно округлое, часто асимметричное. Вообще сосуды изготавливались небрежно, обжиг плохой, неравномерный. По плечикам — широкая полоса волнистого орнамента, небрежно проведенная «гребенкой». Реберчатые, «хвостатые» ручки (обычно две) крепились на плечиках сосуда. Интересен сосуд с тремя ручками (табл. XVII, 11). Вместе с тем встречаются и более аккуратно изготовленные экземпляры, орнаментированные по плечикам двумя полосами волнистого орнамента и рядом округлых вдавлений между ними, напоминающие широкогорлые тарные сосуды (табл. XVII, 10).

Диаметр по венчику — 17—24 см; диаметр тулова — 25—33 см; диаметр дна — 10—25 см; высота сосуда — 23—29 см;

Сосуды красноглиняные, в тесте — большое количество крупного песка и дутика, обжиг часто неравномерный, внешняя поверхность затерта.

Второй тип — более аккуратно изготовленные сосуды меньших размеров (табл. XX, 7, 10—13, 21—27, 29, 31). Венчик отогнутый, овальный в сечении, с приостренным верхним краем либо подтреугольный, скошенный наружу. Тулово сферическое, слабо раздутое.

Диаметр сосудов по венчику — 10—17 см; встречаются и более крупные — до 19—20 см в диаметре.

Сосуды светло- и красноглиняные, черепок относительно тонкий, хорошо обожженный, закопченный снаружи. Внешняя поверхность затиралась тряпкой, у единичных экземпляров снаружи в верхней части имеется темно-красный ангоб.

Крышки. Видимо, от котлов или горшков кухонных.

Первый тип — небольшие, плоские, дисковидные крышки с вертикальным загнутым бортиком, диаметром 10—12 см (табл. XXI, 4, 6). В середине верхней поверхности — конусовидная либо цилиндрическая ручка-выступ. По краю украшены точечным ободком и четырьмя-пятью лучами, тоже из точек, расходящимися от центра ручки к ободку. Закопчены с краев.

Второй тип — более крупные дисковидные крышки, незначительно вогнутые, диаметром 20—22 см (табл. XXI, 3, 5, 11). На вогнутой поверхности — петлевидная или пластинчатая ручка. Закопчены с краев.

Столики-подставки (табл. XXI, 7). Круглые дисковидные, на трех ножках, диаметром 20—23 см, высотой 5—6 см, толщина диска — 2,5—2 см. Тесто грубое, слоистое, с большим количеством крупного песка. Сильно прокалены и закопчены.

Единичные формы

В эту группу выделены сосуды небытового по преимуществу назначения, найденные в одном-двух экземплярах.

Культовый сосуд (см. рис. 26). Найден на суфе центрального помещения святилища. Фрагментирован: сохранились две ручки, половина верхней части сосуда и обломок дна. Сосуд лепной, красноглиняный, эллипсоидной в плане формы, разделен на две половины внутренней перегородкой, немного не доходившей до верхнего края (сохранилась на дне и стенках вдоль ручек). Венчик прямой, Т-образный в сечении, по верхней площадке, скошенной наружу и внутрь,— два слабо выраженных желобка, горловина отделена уступом. Она широкая, конусовидная, расширяющаяся книзу, плавно переходит в раздутое, шаровидное тулово (максимальное расширение приходится на нижнюю треть сосуда). Дно плоское, выделено сглаженным уступом. Сосуд снабжен двумя М-образными ручками, сегментовидными в сечении, шириной около 3 см. Верхнее основание ручек крепится примерно к середине горла, нижнее — на максимальном расширении тулова. Ручки завершались, вероятно, какими-то зооморфными (?) налепами (сбиты), от оформления которых сохранились круглые и треугольные вдавления.

Снаружи сосуд богато орнаментирован. В верхней его части (на горле) имеются налепы в виде бычьих (воловьих?) голов (по три с каждой стороны). Морда животного передана очень схематично: ноздри и рот показаны ногтевыми вдавлениями, крупные глаза — круглыми налепами с оттиском полой трубочки, уши — овальными налепами с желобком посередине. Длинные, слабо изогнутые серповидные рога рассечены ногтевыми вдавлениями. Между рогами, на лбу,— круглый налеп в виде девятилучевой вихревой розетки (лучи отходят от кружка в центре). Выше, между концами рогов,— штамп «стопа Будды». Головы животных отделены друг от друга вертикальными рядами из четырех круглых налепов (чередуются изображения девятилучевой вихревой розетки и шеститочечной розетки). Крайние изображения отделены от ручек сосуда одним налепом в виде девятилучевой вихревой розетки. Налепы, видимо, оттискивались специальными штампами, оттиски иногда небрежные, со смещением. Под головками быков (по плечикам и в верхней части тулова) —

три ряда штампованного орнамента. Верхние два — вписанные друг в друга ромбы, нижний ряд — «стопа Будды». В каждом ряду на одной стороне сосуда — по 12—13 штампов.

Сосуд изготовлен очень тщательно, из хорошо отмученной глины с добавлением мелкого песка и дутика. Снаружи (до максимального расширения тулова) покрыт плотным красно-коричневым ангобом, изнутри ангоб только по венчику и верхней части горла (потеки). Нижняя часть сосуда доработана ножом.

Реконструируемая высота сосуда — 23,5 см; размеры венчика — 10,5×14,1 см; максимальный размер тулова — 22,2 см; диаметр дна — 11,7 см; толщина внутренней перегородки — 0,8—0,9 см; ее высота — 20 см; размеры штампов — 0,7—1,2×1,5—1,7 см; размеры зооморфных наленов — 2,7×6,0 см.

«Курильницы». Известно два экземпляра. Они красноглиняные, лепные, имеют вид двух конусов, соединенных вершинами. Стенки резервуара более крупной «курильницы» прямые, основание полое. В средней части — налепной валик, снаружи на стенках основания и резервуара — по четыре небольших конических налепа. В средней части имеются следы крепления небольшой ручки (утрачена). Внутренняя поверхность резервуара закопчена (табл. XIV, 29). Высота «курильницы» — 14,5 см; диаметр резервуара — 14 см; диаметр основания — 8,5 см.

Вторая «курильница» меньше по размерам, более аморфной формы. Стенки резервуара незначительно изогнуты, в центре на дне — квадратное углубление размерами 1,5×1,5 см. Основание сплошное (табл. XIV, 28). Высота сосуда — 8,5 см; диаметр резервуара — 10,7 см; диаметр основания — 6,5 см.

Светильники (табл. XIV, 26, 27). Известно несколько фрагментов небольших светильников в виде неглубоких круглых плошек с отогнутым вниз носиком. Стенки прямые либо загнутые вертикально, с плоской верхней площадкой. Дно плоское, слабо выделенное. Диаметр сосудов по венчику — 10—11 см; высота — 3—5 см; диаметр дна — 4,8—5,1 см.

2. Керамика из погребальной ямы № 1

Среди сопроводительного инвентаря из «погребальной ямы» № 1, обнаруженной в руинах святилища поселения Ак-тепе II, было найдено пятнадцать целых или фрагментированных керамических сосудов.

Кувшин одноручный ойнохоевидный (см. рис. 21, 9; табл. XII, 1), красноглиняный. Верхний край сосуда выпуклый, венчик — в виде сильно отогнутой, утолщенной и скругленной закраины. Горло узкое, высокое, равномерно вогнутое, в верхней части украшено слабо рельефным валиком. Тулово вытянутое, яйцевидное, «перехватом» отделено от низкого, кольцевидного поддона (оббит в древности). Ручка петлевидная, крепится к краю венчика и на плечиках, сегментовидная в сечении, со скругленными краями, у нижнего основания — слабо выраженный широкий «хвост». Сосуд целиком по внешней поверхности (изнутри — узкой полосой по венчику) покрыт плотным красно-коричневым ангобом (наносился кистью). Поверх него, включая ручку и до поддона,— вертикальное полосчатое лощение (ширина полос — 1—2 мм). Тесто хорошей отмучки, почти без примесей, обжиг равномерный. Размеры: высота общая — 33,0 см; высота поддона — 0,6 см; диаметр горла — 4,5 см; диаметр тулова — 14,2 см; диаметр поддона — 5,8 см; максимальный размер венчика — 9,4 см.

Чаша с «перехватом» (см. рис. 21, *17*; табл. XII, 8), красноглиняная, тонкостенная. Венчик в виде приостренной, загнутой внутрь закраины. Вертикальный бортик слабовыпуклый, отделен от нижней части корпуса желобком — «перехватом» и сглаженным уступом. Изнутри переход к конической части выражен резким прогибом, ее стенки прямые. Низкий сплошной поддон имеет усеченно-коническую форму. Снаружи нижняя часть сосуда доработана ножом с последующим заглаживанием. Изнутри целиком, снаружи — примерно до середины высоты (ниже — потеки) сосуд покрыт плотным шелушащимся кирпично-красным ангобом. Снаружи, по стенкам цилиндрической части сосуда,— полоса зигзагообразного лощения (ширина полосы — 1—2 мм, «шаг» зигзага — до 3 мм). Тесто хорошей отмучки, почти без примесей, обжиг равномерный. Размеры: высота общая — 7,7 см; высота цилиндрической части — 3,0 см; высота поддона — 0,7 см; диаметр венчика — 13,3 см; диаметр тулова (в месте перехода к конической части) — 14,5 см; диаметр поддона — 3,3 см.

Кувшинчик двуручный (см. рис. 21, 12; табл. XII, 7), светлоглиняный, с «утратами» в древности. Венчик отогнутый, утолщенный, скошенный наружу, с горизонтальной профилированной верхней площадкой. Горло узкое, невысокое, вогнутое в середине. Тулово яйцевидное, уплощенное в верхней части, поддон невысокий, дисковидный. Две петлевидные ручки (одна отбита) крепились на плечиках, в сечении полукруглые, у нижнего основания имеют длинный обрубленный «хвост». Нижняя часть сосуда доработана ножом; верхняя (снаружи — чуть ниже середины тулова, изнутри — полосой по венчику) покрыта плотным шелушащимся темно-коричневым ангобом. Тесто хорошей отмучки, с примесью мелкого песка, обжиг равномерный. Размеры: высота общая — 19,5 см; высота венчика — 0,7 см; высота горла — 2,7 см; высота поддона — 0,5 см; диаметр венчика — 3,5 см; диаметр горла — 4,0 см; диаметр тулова вверху — 14,0 и 10,4 см, внизу — 10,3 и 12,5 см; диаметр поддона — 6,0 см.

Кувшинчик двуручный (см. рис. 21, 52; табл. XII, 2), красноглиняный. Венчик прямой, утолщенный, округлый в сечении, с плоской верхней площадкой, профи-

лированной желобком. Горло невысокое, слабовогнутое в середине, отделено от тулова парой желобков. Тулово шаровидное, дно небольшое, плоское. Две петлевидные ручки крепились к нижней части горла и на плечиках, сечение сегментовидное, у нижнего основания — «хвост» с пальцевым вдавлением. Верхняя часть сосуда (снаружи — до плечиков, изнутри — полосой по венчику) покрыта плотным темно-красным ангобом. Нижняя часть сосуда доработана ножом. Тесто хорошей отмучки, с примесью мелкого песка и дутика. Размеры: высота общая — 18,5 см; высота венчика — 1,0 см; высота горла — 4,0 см; диаметр венчика — 6,0 см; диаметр горла — 6,3 см; диаметр тулова — 14,0 см; диаметр дна — 6,0 см.

Кувшинчик двуручный (см. рис. 21, 51; табл. XII, 4) красноглиняный. Венчик прямой, утолщенный, с плоской верхней площадкой. Горло раструбообразное, сужается книзу, его стенки прямые. Тулово яйцевидное, дно плоское, слабо выделенное. Две петлевидные ручки крепились к нижней части горла и на плечиках, реберчатые, сегментовидные в сечении, у нижнего основания — небольшой приостренный «хвост». Нижняя часть сосуда доработана ножом; верхняя (снаружи — до плечиков, изнутри — полосой по венчику) покрыта плотным кирпично-красным ангобом. Тесто хорошей отмучки, с примесью мелкого песка. Размеры: высота общая — 16,0 см; высота венчика — 0,7 см; высота горла — 3,5 см; диаметр венчика — 6,0 см; диаметр горла — 6,0 см; диаметр тулова — 14,0 см; диаметр дна — 5,0 см.

Кувшинчик двуручный (см. рис. 21, 50; табл. XII, 3), красноглиняный. Венчик слабо отогнутый, Г-образный в сечении, с профилированной верхней плоской площадкой. Горло невысокое, слабовогнутое в нижней части. Тулово шаровидное, дно плоское, выделенное. Две петлеобразные ручки крепились к нижней части горла и на плечиках, в сечении сегментовидные, у нижнего основания — длинный обрубленный «хвост». Верхняя часть сосуда (снаружи — чуть ниже середины тулова, изнутри — полосой по венчику) покрыта плотным кирпично-красным ангобом. Тесто хорошей отмучки, с примесью мелкого песка и дутика, сосуд пережжен при обжиге. Размеры: высота общая — 14,3 см; высота венчика — 0,5 см; высота горла — 4,5 см; диаметр венчика — 7,0 см; диаметр горла — 7,5 см; диаметр тулова — 12,0 см; диаметр дна — 6,0 см.

Кувшинчик двуручный (см. рис. 21, 53; табл. XII, 9), красноглиняный. Венчик утолщенный, округлый в сечении, слабо отогнут наружу. Горло слабо выражено, тулово шаровидное, дно плоское. На плечиках — следы крепления двух ручек, утраченных в древности. Низ сосуда доработан ножом. Тесто хорошо отмучено, с примесью мелкого песка и дутика, внешняя поверхность затерта, обжиг равномерный. Размеры: высота общая — 14,0 см; высота венчика — 1,4 см; диаметр венчика — 7,5 см; диаметр горла — 7,0 см; диаметр тулова — 13,0 см; диаметр дна — 5,4 см.

Амфоровидный кувшин (см. рис. 21, 10; табл. XII, 5), средних размеров, красноглиняный. Венчик прямой, подтреугольный в сечении, со скосом профилированной верхней площадки наружу. Горло высокое, слабовогнутое в нижней части. Переход к тулову отмечен двумя желобками. Тулово сильно раздутое, почти биконическое. Дно плоское, выделенное. Ручки петлеобразной формы, крепятся на середине горла и на плечиках, в сечении сегментовидные, реберчатые, у нижнего основания — «ступенчатый хвост». Тесто хорошей отмучки, с примесью мелкого песка и дутика. Верхняя часть сосуда (снаружи — до плечиков, изнутри — полосой по венчику) покрыта темно-красным плотным ангобом. Размеры: высота общая — 25,0 см; высота венчика — 1,3 см; высота горла — 9,0 см; диаметр венчика — 9,0 см; диаметр горла — 8,5 см; диаметр тулова — 19,0 см; диаметр дна — 8,0 см.

Двуручный амфоровидный кувшин (см. рис. 21, 8; табл. XII, 6) крупный, красноглиняный. Венчик и верхняя часть горла утрачены в древности. Горло цилиндрическое, украшено двумя широкими желобками. Тулово яйцевидное, посередине — широкий желобок, дно плоское, выделенное. Две массивные петлеобразные ручки крепились к середине горла и на плечиках. Ручки реберчатые, сегментовидные в сечении, у нижнего основания имеется «хвост». На плечиках — три параллельных штриха (два длинных, один, в центре, короткий). Тесто хорошей отмучки, с примесью песка, внешняя поверхность затерта тряпкой, обжиг равномерный. Размеры: высота сохранившейся части сосуда — 41,0 см; диаметр горла — 14,5 см; диаметр тулова — 28,5 см; диаметр дна — 16,0 см.

Широкогорлый двуручный сосуд (см. рис. 21, 59; табл. XII, 11), красноглиняный, с «утратами» в древности. Венчик прямой, подтреугольный в сечении, со скосом профилированной верхней площадки наружу. Горло невысокое, коническое, отделено от тулова уступом. По нижней части горла проходит полоса волнистого орнамента. Тулово шаровидной формы, украшено по плечикам двумя полосами волнистого орнамента, разделенными желобком. Дно плоское, неровное (поэтому сам сосуд кажется асимметричным). Ручки петлеобразные (обломаны), крепились на плечиках, реберчатые, в сечении — уплощенный овал, у нижнего основания — широкий «хвост». Тесто хорошей отмучки, с примесью песка и дутика, обжиг равномерный. Размеры: высота общая — 14,0 см; высота венчика — 1,5 см; высота горла — 4,5 см; диаметр венчика — 11,0 см; диаметр горла — 12,5 см; диаметр тулова — 19,2 см; диаметр дна — 9,5 см.

Хум (см. рис. 21, *11*; табл. XII, 15) небольших размеров, красноглиняный. Высокий приостренный венчик отогнут наружу (высота — 4,0 см), под ним, на шейке,— острое ребро. Тулово слабо раздутое, почти цилиндрическое, дно выпуклое, переход к нему отмечен ребром. На дне — следы песчаной подсыпки, низ сосуда

доработан ножом. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины с примесью крупного песка, внешняя поверхность затерта тряпкой, обжиг равномерный. На тулове сосуда имеется округлое пятно, диаметром 4,5 см, вокруг него — участок поверхности красного цвета. Видимо, это — отпечаток продуха гончарной печи, из чего можно заключить, что подобные крупные сосуды обжигались в печи в горизонтальном положении. Размеры: высота общая — 53,0 см; диаметр венчика — 25,5 см; диаметр тулова — 40,0 см; диаметр дна — 28,0 см.

Горшок (см. рис. 21, 13; табл. XII, 10) красноглиняный. Венчик округлый в сечении (оббит в древности), с плоской верхней площадкой, скошенной внутрь. Тулово грушевидной формы, с выделенным плоским дном. На плечиках — две петлеобразные, реберчатые ручки. Тесто плохой отмучки, с большим количеством песка, внешняя и внутренняя поверхности затерты тряпкой, обжиг равномерный. Размеры: высота общая — 16,5 см; высота венчика — 0,8 см; диаметр венчика — 19,2 см; диаметр тулова — 24,5 см; диаметр дна — 16,0 см.

Светильник (см. рис. 21, 54; табл. XII, 12) светлоглиняный. Венчик загнут внутрь, с плоской верхней площадкой, носик слабо оттянут вниз, стенки тулова незначительно изогнуты, дно невыделенное, плоское. Размеры: высота общая — 4,0 см; диаметр венчика — 9,0 см.

Светильник (см. рис. 21, 55; табл. XII, 13) светлоглиняный, аналогичен предыдущему. Размеры: высота общая — 3,3 см; диаметр венчика — 9,5 см.

Фрагмент **светильника** (см. рис. 21, *56*; табл. XII, 14) светлоглиняного аналогичного предыдущим. Размеры: высота общая — 3,0 см; диаметр венчика — 10,6 см.

3. Керамика из района гончарных печей

При раскопках гончарных печей к северу от поселения Ак-тепе II была получена большая коллекция керамики. Топочная часть печи № 1 оказалась буквально забитой обломками керамических сосудов. Вероятно, она служила местом свалки бракованной или пришедшей в негодность посуды. Здесь найдено много целых форм и крупных обломков керамики, находящих прямое соответствие в керамике с бишкентских поселений, хотя в этой коллекции отсутствует целый ряд типов сосудов. Описание дается по тем же группам, с выделением тех же типов, что и для коллекции керамики поселения Ак-тепе II.

Столовая керамика

Кружки (табл. XXII, 7—19). Удалось реставрировать около двадцати археологически целых или почти целых сосудов. Все сосуды однотипные, красно- или светлоглиняные, тонкостенные, изготовлены из хорошо отмученного теста практически без примесей. Венчики высокие, в виде приостренной, отогнутой наружу закраины (различаются высотой и степенью отогнутости). Иногда на шейке сосуда, в месте перехода венчика в тулово, имеется небольшой валик либо уступ. Тулово шаровидное (максимальное расширение — в средней части), его стенки плавно изогнуты, значительно сужаются ко дну. Встречаются экземпляры, характеризующиеся относительно вытянутым, слабо раздутым туловом. Основание сосуда — в виде небольшого, выделенного, дисковидного поддона, часто незначительно вогнутого. Довольно крупная, сегментовидная в сечении, с приостренными краями С-образная ручка крепится на шейке сосуда и на средней части тулова на максимальном расширении. Нижнее основание часто имеет вид небольшого приостренного «хвоста». У некоторых экземпляров в нижней части тулова имеются процарапанные после обжига знаки ⊕⊞

Размеры сосудов: диаметр по венчику — 10—13 см (наиболее распространенный — 12 см); высота венчика - 2,7 — 3,9 см; диаметр тулова — от 12—15 см до 17 см; диаметр поддона — 4,5—6,0 см; высота сосудов — 15—16,5 см.

Снаружи в верхней части (примерно на 2/3) сосуды покрыты плотным ангобом различных оттенков — от светло-красного до темно-коричневого. Многие экземпляры имеют вертикальное полосчатое лощение.

Тагора (табл. XXII, 1—6). Представлены несколькими археологически целыми экземплярами одного типа, соответствующего второму типу в керамике поселения, правда отличающегося рядом деталей профилировки.

Это красноглиняные, плоскодонные сосуды с относительно неширокими, отогнутым наружу горизонтальным венчиком. Стенки сложной, изломанной профилировки, в нижней части прямые либо незначительно вогнутые. Выше, примерно в верхней трети сосуда, они резко изгибаются почти до вертикали, затем следует отогнутый горизонтальный венчик. Снаружи место резкого перегиба обычно отмечено ребром, изнутри — иногда желобком. Дно плоское, невыделенное. Сосуды снабжены двумя довольно массивными уплощенными ручками, крепившимися к краю сосуда, внизу — под резким перегибом стенок резервуара. Ручка к нижнему основанию сужается.

Размеры сосудов: диаметр по венчику — 29—33 см; диаметр дна — 8,5—10 см; высота сосудов — 9—10 см.

Сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины с незначительной примесью мелкого песка. Изнутри стенки резервуара (снаружи — по краю сосуда) покрыты

плотным красно-коричневым ангобом. У некоторых экземпляров сплошное ангобирование внутренней поверхности отсутствует: ангоб наносился полоской по венчику двумя широкими, взаимно перпендикулярными полосами по внутренней поверхности, образуя на зеркале ангобный крест. Встречаются и неангобированные экземпляры.

Двуручные амфоровидные кувшины (табл. XXIII, 8, 14). Представлены фрагментами двух сосудов, соответствующих первому типу в керамике поселения. Это красноглиняные небольшие кувшины со слабо раздутым туловом. Венчик загнутый внутрь или слабо отогнутый, подтреугольный либо прямоугольный в сечении, профилированный снаружи. Горловина довольно широкая, слабовогнутая либо раструбообразная (расширением вверх), украшена узким валиком. Переход к тулову плавный, по плечикам — желобки. Ручки относительно небольшие, петлевидные, крепились к нижней части горла и на плечиках. Нижнее основание — в виде приостренного «хвоста».

Диаметр сосудов по венчику — 10,5—15,2 см; диаметр горла — 7,3—13,9 см; диаметр тулова — 22,8 см.

Снаружи в верхней части (по горлу и плечикам) сосуды покрыты плотным темно-красным ангобом (ниже — потеки).

Миниатюрный кувшинчик-поильник (табл. XXIII, 7). Эта форма отсутствует в керамике с поселения. Небольшой одноручный кувшинчик с подтреугольным в сечении, профилированным венчиком, цилиндрическим, узким горлом, слабо раздутым, яйцевидным туловом и плоским дном. Небольшая ручка (утрачена) крепилась к краю венчика и на плечиках сосуда. В верхней части тулова — следы крепления конического носика со сквозным отверстием. Он располагался на оси, перпендикулярной оси крепления ручки.

Реконструируемая высота сосуда — 13,5 см; диаметр по венчику — 4,5 см; диаметр горла — 3,5 см; его высота — 2,3 см; диаметр тулова — 9,0 см; диаметр дна — 4,5 см.

Сосуд красноглиняный, снаружи в верхней части покрыт плотным темно-красным ангобом и вертикальным полосчатым лощением.

Тарная керамика

Ойнохоевидные одноручные кувшины (табл. XXIII, 15, 16). Имеются фрагменты двух крупных красноглиняных сосудов. Венчик сильно отогнутый, подтреугольный в сечении, профилированный снаружи желобками. Узкое, невысокое горло, стенки которого сильно вогнуты, посередине украшено валиком. Тулово шаровидное, слабо раздутое. Ручка, сегментовидная в сечении, крепилась к краю венчика, противоположного сливу, и на плечиках сосуда. Нижнее основание — в виде приостренного «хвоста».

Длина венчика — около 10 см; диаметр горла — 8,0—8,8 см; диаметр тулова — 18—19,5 см.

Снаружи в верхней части (по горлу) сосуды покрыты плотным кирпично-красным ангобом.

Тагора. Так же как и в керамике с поселения, представлены двумя типами.

Первый тип — конические тагора с прямыми либо слабовогнутыми стенками резервуара, широко расходящимися от плоского основания (табл. XXIII, 1—5). Венчик подтреугольный или клювовидный в сечении, изредка профилированный по наружной поверхности одним-двумя желобками. Дно плоское, слабо выделенное.

Диаметр сосудов по венчику — 34—36 см; высота — 7—12,5 см; диаметр дна — 20—22 см; толщина стенок и дна — 0,6—2,0 см.

Сосуды красноглиняные, изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью песка и дутика, как правило неангобированные. Внутренняя и внешняя поверхности затерты тряпкой.

Второй тип — сосуды близкой формы со слабо загнутыми в верхней части стенками резервуара (табл. XXIII, 6, 9—11). Встречаются как крупные экземпляры с диаметром по венчику до 45 см (толщина стенок — 1,5 см), так и более изящные и тонкостенные (диаметр по венчику — 26—30 см, толщина стенок — 0,7—1,1 см). Венчик приостренный либо Г-образный, с широкой горизонтальной площадкой, вертикальный. Изредка снаружи под ним — желобок. У одного из сосудов, наиболее крупного по размерам,— две С-образные ручки, крепившиеся к краю венчика и снаружи примерно к средней части резервуара.

Сосуды красноглиняные, более тонкостенные, изнутри целиком либо в верхней части, снаружи — полоской по венчику покрывались плотным красно-коричневым ангобом.

Широкогорлые двуручные сосуды (табл. XXIII, 12, 13). Имеются несколько фрагментов венчиков и обломок верхней части сосудов первого типа. Венчики отогнуты наружу, профилированы желобками. Горловина низкая, широкая, ее стенки сильно вогнуты, переход к сильно раздутому тулову плавный. По плечикам — волнистый орнамент и ряд треугольных вдавлений. Две небольшие ручки крепятся в верхней части тулова.

Диаметр сосудов по венчику — 18—22,5 см; диаметр горла — 17—20 см; толщина стенок — 0,8 см. Снаружи по горлу (изнутри — полосой по венчику) сосуды покрыты размазанным красно-коричневым ангобом.

Двуручные амфоровидные кувшины (табл. XXIV, 7—10). Имеются один целый сосуд (с утраченными ручками) и фрагменты еще нескольких экземпляров. Все они относятся к первому типу, хорошо известному в керамике с поселения. Венчик вертикальный, манжетовидный либо подтреугольный в сечении, незначительно отогнут, профилирован снаружи. При переходе к горловине изнутри — уступ. Горловина цилиндрическая, высокая, с вогнутыми стенками. Тулово слабо раздутое, вытянутое, близкое к яйцевидному, по плечикам и в средней части украшалось желобками. Дно плоское, слабовогнутое, невыделенное. Массивные, реберчатые (?) ручки крепились к средней части горла и на плечиках. Нижнее основание в виде «хвоста».

Диаметр сосудов по венчику — 10—12 см; диаметр горловины — 9—11 см; диаметр тулова — 26,8 см; диаметр дна — 14,2 см; высота сосуда — 46,4 см.

Сосуды красноглиняные, снаружи по горлу (изнутри — полосой по венчику) покрыты темно-красным ангобом. Имеются и неангобированные экземпляры. Наружная поверхность затиралась тряпкой.

Хумы и хумчи (табл. XXIV, 1—6). Имеется несколько фрагментов венчиков этих крупных толстостенных сосудов. Все они относятся к наиболее распространенному среди керамики поселения Ак-тепе II типу — с высоким (5—8 см), скругленным, утолщенным венчиком, отогнутым наружу, с широким желобком снаружи у основания и острым ребром на шейке. Иногда ребро как бы сдвинуто вверх и оказывается расположенным в нижней части венчика. Встречаются венчики с плоской горизонтальной верхней площадкой.

Диаметр сосудов по венчику — 34—48,5 см; имеются и несколько меньшие по диаметру — 30—32 см; толщина стенок — 1,1—1,6 см.

Все сосуды красноглиняные, неангобированные.

Крышки (табл. XXIV, 11, 12). Имеется несколько фрагментов крупных дисковидных керамических крышек, вероятно от хумов и хумчей, диаметром 25—36 см. Встречаются как плоские, так и значительно вогнутые экземпляры со слабо намеченным бортиком и сквозным отверстием, диаметром 2—2,5 см. Толщина крышек — 1,2—1,3 см.

Кухонная керамика

Котлы (табл. XXXVI, 1—12). Найдено свыше четырех десятков целых или фрагментированных экземпляров почти однотипных сосудов. Это лепные, с подправкой верха на гончарном круге котлы с раздутым, шаровидным туловом и выпуклым либо вогнутым (один экземпляр), часто приостренным дном. Венчик обычно приостренный, отогнутый наружу, но встречаются и утолщенные, иногда Т-образные в сечении, с горизонтальной верхней площадкой. Стенки короткой, слабо выраженной шейки плавно переходят в раздутое шаровидное тулово (максимальное расширение — в средней части тулова). Встречаются сосуды с более высокой, слабовогнутой шейкой. Переход к выпуклому дну снаружи отмечен острым ребром. У некоторых экземпляров снаружи по плечикам — уступ или ряд полулунных вдавлений. Часто на плечиках сосудов крепятся две подковообразные ручки-«ушки».

Размеры сосудов: диаметр по венчику — 16—20,5 см до 23,5 см (встречаются небольшие по диаметру — 11—15 см); диаметр тулова — 20—23 см, 26—30 см; диаметр дна — 16—18, 20—25 см; высота сосудов — 24—26 см до 28 см.

Сосуды красноглиняные, изготовлены из крупнозернистого теста с примесью песка. Обжиг обычно хороший, равномерный, но имеются и пережженные экземпляры. Сосуды, видимо, первоначально лепились от руки, а затем обрабатывались на гончарном круге медленного вращения. Низ сосуда, как правило, имеет следы подрезки ножом. Снаружи на днище — следы песчаной подсыпки. Отдельные экземпляры имеют закопченное снаружи дно.

Горшки. Имеются фрагменты верхних частей примерно полутора десятков сосудов, относящихся к двум типам.

Первый тип (табл. XXV, 1—10) — венчик скругленный либо приостренный, отогнут или (редко) вертикальный. Встречаются Т-образные в сечении, с горизонтальной профилированной верхней площадкой. Шейка слабо выраженная, переход к шаровидному тулову часто отмечен небольшим уступом. На плечиках сосуда — две небольшие петлевидные трапециевидные или сегментовидные в сечении «хвостатые» ручки. Практически во всех случаях верхняя часть тулова украшена одним-двумя желобками широкого волнистого орнамента, ограниченного прямыми полосами, проводившегося «гребенкой». Орнамент небрежный, часто асимметричный.

Размеры сосудов: диаметр по венчику — от 20—24 см до 26,5 см (имеются и небольшие — 16—18 см в диаметре); диаметр тулова — 21—24 и 28—31 см; толщина стенок — 0,7—0,9 см.

Сосуды красноглиняные, изготавливались из хорошо промешанного теста с примесью песка. Многие экземпляры снаружи в верхней части (до плечиков) покрыты плотным или размазанным темно-красным ангобом. Наружная поверхность затиралась тряпкой.

Второй тип (табл. XXV, 11—13) — сосуды несколько меньших размеров, без ручек. Венчик вертикальный, подпрямоугольный в сечении, верхняя площадка профилирована желобками. Шейка невысокая, слабовогнутая. Тулово слабо раздутое, шаровидное, украшено в верхней части узкими желобками.

Диаметр сосудов по венчику — 16,5—18,5 см; диаметр тулова — около 24 см; толщина стенок — 0,7 см.

Сосуды красноглиняные, неангобированные.

«Банкообразный сосуд» (табл. XXVI, 13). В керамике с поселения не встречается. Имеется один целый лепной сосуд с незначительно выпуклыми стенками и скругленным, наклонным внутрь венчиком. Дно сосуда слабо выделенное, вогнутое. Диаметр сосуда по венчику — 16,2 см; максимальный диаметр тулова — 18,5 см; диаметр дна — 15,9 см; высота — 16 см. Сосуд красноглиняный, неангобированный.

Сковородка (табл. XXVI, 14). Эта форма также отсутствует в керамике поселения. Представляет собой неглубокий, толстостенный сосуд, изготовленный из глины с большим количеством крупного песка. Невысокие, слабо расходящиеся кверху стенки значительно толще дна. Венчик скругленный. Высота сосуда — 9,2 см; диаметр по венчику — 54 см; диаметр дна — 51,9 см; толщина стенок — 2 см; дна — 1,2 см.

Крышки (табл. XXVI, 15, 16). Известны два обломка небольших по диаметру крышек с ручками в центре верхней поверхности. В одном случае ручка ложнопетельчатая (полуовальная пластинка с пальцевыми вдавлениями внизу), в другом — в виде штыря с небольшой шляпкой. Наружная поверхность крышек орнаментирована овальными и круглыми вдавлениями, лучами, расходящимися от ручки. Диаметр одной из крышек — 20 см; толщина — 1,5 см; высота ручек — около 6 см. Края крышек закопчены.

4. Керамика Шодмон-калы

Комплекс керамики, найденной в шурфе на поселении Шодмон-кала в слоях VI—XI ярусов, как по количеству целых форм, так и по их разнообразию мало в чем уступает комплексу керамики поселения Ак-тепе II. Его описание также дается по трем группам, причем внутри групп сохраняются выделенные для Ак-тепе II типы.

Столовая керамика

Чаши. В отличие от керамики поселения Ак-тепе II, представлены тремя типами.

Первый тип — глубокие, тонкостенные чаши с «перехватом» (табл. XXVII, 16, 18, 19, 21). Корпус цилиндро-конический, венчик в виде приостренной вертикальной либо незначительно загнутой внутрь закраины. Стенки верхней, цилиндрической части слабовыпуклые, переход к нижней, конической части отмечен изнутри довольно резким перегибом. Снаружи под перегибом — относительно широкий либо очень узкий желобок. Стенки нижней части резервуара прямые, иногда незначительно выпуклые. Поддон небольшой, сплошной, дисковидный.

Размеры сосудов: высота — 7 см; диаметр по венчику — 9—15 см; диаметр корпуса в месте перегиба — 10—16 см; высота бортика — 2,5—3 см; диаметр поддона — 3,8 см; толщина стенок — 0,5—0,7 см.

Все сосуды красноглиняные, изготовлены из тщательно отмученного теста, черепок тонкий, звонкий, обжиг равномерный, изнутри целиком (снаружи — только в верхней части) покрыты плотным красно-коричневым ангобом или темно-красным ангобом. Снаружи на стенках цилиндрической части (до желобка над перегибом) — наклонное полосчатое либо сетчатое лощение. На некоторых экземплярах внутри по зеркалу — спиралевидное лощение.

Второй тип — глубокие чаши с плавно изогнутыми стенками резервуара — представлен только одним фрагментом (табл. XXVII, 15). Венчик утолщенный, с плоской горизонтальной верхней площадкой. Стенки резервуара плавно загибаются вверх. Диаметр сосуда — 18 см; толщина стенок — 0,8 см.

Сосуд красноглиняный, снаружи в верхней части (изнутри — целиком по зеркалу) покрыт плотным темно-красным ангобом.

Третий тип также представлен только одним фрагментом (табл. XXVII, 14). Этот сосуд очень близок чашам первого типа, однако отличается значительно бо́льшим диаметром венчика и очень невысоким, почти вертикальным (незначительно отогнутым) бортиком. Венчик прямой, в виде приостренной закраины. Стенки нижней, конической части — прямые. Снаружи над перегибом — желобок и довольно заметный уступ, изнутри — резкий перегиб (впечатление таково, что верхняя часть сосуда как бы вставлена в нижнюю).

Диаметр сосуда по венчику — 25 см; высота бортика — 1,2 см; толщина стенок — 0,6—0,7 см.

Сосуд красноглиняный, покрыт плотным кирпично-красным ангобом, изнутри по зеркалу — спиралевидное лощение.

Тагора (табл. XXVII, 13). Представлены одним фрагментом сосуда первого типа — с широким (около 5 см), отогнутым, рифленым венчиком, профилированным желобком. Внешний его край — скошенный наружу. Вертикальные витые ручки, видимо, утрачены.

Диаметр сосуда по венчику — 34 см. Он красноглиняный, изнутри и снаружи покрыт плотным красно-коричневым ангобом.

Двуручные амфоровидные кувшины. Представлены тремя типами (последний не находит аналогий в керамике поселения Ак-тепе II).

Первый тип — это небольшие, широкогорлые кувшины с шаровидным или яйцевидным туловом (табл. XXVII, 3, 4, 6). Венчик прямой либо незначительно отогнутый, подтреугольный в сечении. Горловина высокая, расширяющаяся книзу, ее стенки слабо вогнуты в средней части. Переход к раздутому тулову (максималь-

ное расширение — в верхней трети либо в средней части) плавный, книзу — резкое сужение. Поддон выделенный, сплошной, дисковидный. Довольно массивные, реберчатые ручки крепятся к средней части горла и на плечиках (нижнее основание — в виде приостренного «хвоста»).

Высота целого экземпляра — 23 см; диаметр по венчику — 8—10 см; диаметр горла — 8 см; его высота — 6—6,5 см; диаметр тулова — 15—15,5 см; диаметр поддона — около 9 см.

Сосуды красноглиняные, изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка. Снаружи верхняя часть сосуда (примерно до середины тулова) покрывалась плотным красно-коричневым или темно-красным ангобом (ниже по тулову — потеки ангоба).

Второй тип представлен фрагментами верхней части одного сосуда (табл. XXVII, 1). Венчик вертикальный, подпрямоугольный в сечении, со скошенной внутрь верхней площадкой. Горло конусовидное, расширяющееся книзу, его стенки слабо вогнуты. Тулово сильно раздутое, видимо яйцевидное (максимальное расширение — в верхней трети). Ручки относительно небольшие (утрачены), вверху крепятся на середине горла. Несколько необычно место крепления нижнего основания — очень высоко, на плечиках, почти у места перехода горла в тулово.

Диаметр сосуда по венчику — 9,5 см; диаметр горла — 8,5 см; его высота — 8,2 см; диаметр тулова — 21 см.

Сосуд красноглиняный, снаружи в верхней части покрыт плотным темно-красным ангобом. По горлу — полосы зигзагообразного лощения, по плечикам сосуда — спиралевидного.

Третий тип сосудов отличается значительно более узким, относительно невысоким горлом и местом крепления ручек. Имеются один целый экземпляр и фрагмент верхней части горловины другого (табл. XXVII, 7, 9). Венчик отогнутый наружу, скругленный, с плоской горизонтальной верхней площадкой или манжетовидный, профилированный снаружи. Горловина очень узкая, довольно сильновогнутая, переход к сильно раздутому, яйцевидному (максимальное расширение — в верхней части) тулову плавный. Книзу — резкое сужение тулова. Поддон низкий, выделенный, сплошной. Ручки довольно массивные, петлевидные, реберчатые, крепятся на плечиках (верхнее основание) и чуть выше середины тулова (нижнее основание с «хвостом»). У второго сосуда ручки вверху крепятся к краю венчика.

Диаметр сосудов по венчику — 5—5,5 см; диаметр горла — 3,4—4,5 см; его высота — около 3,5 см; диаметр тулова — 16,7 см; диаметр поддона — 8,1 см; высота сосуда — 23 см.

Сосуды красноглиняные, верхняя половина снаружи покрыта плотным коричневым ангобом.

Миниатюрные кувшины. Они двух типов.

Ойнохоевидный кувшинчик (табл. XXVII, 8). Имеются слив и верхняя часть горла с обломком ручки от небольшого красноглиняного кувшинчика. Ручка крепится к краю венчика, противоположного сливу. Сосуд покрыт плотным красно-коричневым ангобом.

Двуручные кувшинчики. Представлены пятью целыми сосудами (иногда с утраченными ручками) (табл. XXVII, 2, 5, 10, 11). Венчик отогнутый наружу или вертикальный, обычно подтреугольный в сечении, часто профилированный снаружи или с профилированной горизонтальной верхней площадкой. Горловина раструбообразная, расширяется в верхней либо в нижней части. Ее стенки прямые или незначительно вогнутые, на переходе в тулово снаружи — иногда уступ. Тулово сильно раздутое, шаровидное, иногда почти биконическое или яйцевидное, сильно сужающееся книзу. Поддон небольшой, дисковидный, сплошной. Ручки довольно массивные, реберчатые, крепятся к средней либо верхней части горла и на максимальном расширении тулова. Нижнее основание ручек обычно в виде приостренного «хвоста». Диаметр сосудов по венчику — 6—8 см; диаметр горла — 5—7 см; его высота — 3,5—5,5 см; диаметр тулова — 8—13 см; диаметр поддона — 4—7 см; высота сосудов — 13—16,5 см.

Все сосуды красноглиняные, изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка. Снаружи верхняя половина сосудов обычно покрывалась плотным коричневым ангобом. Один из сосудов — асимметричный.

Шаровидный сосуд (табл. XXVII, 12). Абсолютно целый сосуд необычной формы. Очень невысокое, узкое горло, диаметром 5 см, с отогнутым наружу, скругленным венчиком. Тулово шаровидное, несколько асимметричное. Донце относительно небольшое, уплощенное. Высота сосуда — 18 см; диаметр тулова — 19,5 см; диаметр дна — 5,3 см. Сосуд красноглиняный, снаружи целиком покрыт плотным темно-коричневым ангобом, поверх которого — сплошное лощение.

Тарная керамика

Тагора (табл. XXX, 25, 26, 28). Представлены несколькими фрагментами сосудов одного типа, соответствующего второму типу в керамике поселения Ак-тепе II. Сосуды довольно массивные, толстостенные. Стенки резервуара плавно изогнуты, венчик вертикальный, с горизонтальной либо скошенной наружу верхней площадкой, профилированной желобками. Диаметр сосудов по венчику — от 26 до 44 см; толщина стенок — 0,9—1,2 см.

Сосуды красноглиняные, неангобированные.

Широкогорлые двуручные сосуды (табл. XXX, 23, 27). Имеются два фрагмента сосудов второго типа. Венчик вертикальный, подпрямоугольный в сечении, профилированный желобками (боковая поверхность и верхняя площадка). Горловина широкая, цилиндрическая, ее стенки слабовогнуты. Тулово слабо раздутое. Ручки крепились к нижней части горловины и на плечиках сосуда. Горловина и нижняя часть тулова украшены полосами волнистого орнамента.

Диаметр сосудов по венчику — 27—28 см; диаметр горла — 26,5—27 см.

Сосуды красноглиняные, снаружи в верхней части покрыты плотным красно-коричневым ангобом.

Двуручные амфоровидные кувшины. Представлены теми же двумя типами, что и в керамике поселения Ак-тепе II. Имеется много целых форм.

Первый тип — сосуды с узким, высоким горлом, вытянутым, яйцевидным туловом и массивными ручками (табл. XXVIII, 1, 6, 9). Венчик вертикальный либо незначительно отогнутый, подтреугольный или прямоугольный в сечении, с профилированным внешним краем и верхней площадкой. Горловина высокая, коническая, ее стенки незначительно вогнуты, плавно переходят в сильно раздутое яйцевидное тулово, резко сужающееся в нижней части. Поддон выделенный, сплошной, дисковидный. Две массивные, реберчатые ручки, сегментовидные в сечении, крепились к средней части горла и на плечиках сосуда.

Диаметр сосудов по венчику — 8—12 см; диаметр горла — 7—10 см; его высота — около 10 см; диаметр тулова — 30—32 см; диаметр поддона — 11 см; высота сосудов — около 50 см.

Сосуды красноглиняные, снаружи в верхней половине покрыты плотным красно-коричневым ангобом.

Второй тип — сосуды аналогичной профилировки, но с более широким и низким горлом (табл. XXVIII, 2—5, 7, 8, 10). Венчик обычно вертикальный либо слабо отогнутый наружу, подтреугольный в сечении или манжетовидный, профилированный желобком. Низкая и широкая горловина довольно резко переходит в сильно раздутое, яйцевидное (максимальное расширение — в верхней трети) тулово. Поддон выделенный, сплошной, дисковидный, либо у сосуда плоское дно. Две массивные, петлевидные, реберчатые ручки крепятся на плечиках либо в нижней части горла (верхнее основание) и над максимальным расширением тулова (нижнее основание, обычно имеющее «хвост»). Сосуды изредка украшены по плечикам полосой волнистого орнамента. У одного экземпляра в верхней части тулова — четыре ряда мелких листовидных штампов, в средней — полосы частых вертикальных насечек.

Размеры сосудов: высота — 42—46 см; диаметр по венчику — 16,5—21 см; диаметр горла — 15—20 см; его высота — 4—5 см; диаметр тулова — 32—34 см; диаметр поддона (дна) — 12—14 см.

Все сосуды красноглиняные, в верхней части снаружи покрыты плотным либо размазанным (редко) красно-коричневым или темно-коричневым ангобом.

Хумчи (табл. XXIX, 13, 14). Найдены два целых однотипных сосуда. Венчик слабо отогнутый, подпрямоугольный в сечении. Низкая, широкая горловина плавно переходит в раздутое, шаровидное или яйцевидное тулово. У одного из сосудов оно в верхней части украшено тремя желобками. Дно плоское, невыделенное.

Размеры сосудов: высота — 40, 44 см; диаметр по венчику — 21, 18,5 см; диаметр тулова — 27, 37 см; диаметр дна — 17,5, 18 см.

Сосуды красноглиняные, неангобированные, наружная поверхность заглажена.

Хумы (табл. XXIX, 1—12). Имеется несколько целых сосудов, а также многочисленные фрагменты венчиков. Это крупные, толстостенные сосуды, во многом сходные с хумчами, отличающиеся от них значительно большими размерами. Наиболее распространенный тип венчиков, хорошо известный по керамике поселения Ак-тепе II, — высокий (4—6 см), скругленный, отогнутый наружу с желобком в основании и острым ребром на шейке. В некоторых случаях ребро располагается выше, на венчике, имеет вид манжеты. Встречаются венчики и иной профилировки — Г-образные, подпрямоугольные, профилированные. Шейка низкая, слабовогнутая. Тулово довольно вытянутое, равномерно расширяющееся либо яйцевидное, с крутыми плечиками (максимальное расширение — в верхней части) и резко сужающимися у дна стенками. Дно плоское (редко) либо выпуклое.

В высоту сосуды достигают 100—120 см; диаметр по венчику — 32—40 см.

Сосуды красноглиняные, неангобированные, внешняя поверхность заглажена.

Кухонная керамика

Котлы (табл. XXX, 18, 20, 22, 24). Это грубые, толстостенные сосуды, как правило лепные, с подправкой верха на гончарном круге. Венчик скругленный либо с уплощенной верхней горизонтальной площадкой, обычно отогнутый наружу. Шейка невысокая, тулово слабо раздутое. Некоторые экземпляры имеют две пластинчатые ручки-«ушки», крепившиеся к средней или верхней части тулова. У одного из сосудов на плечиках — четыре небольших конусовидных налепа.

Диаметр сосудов по венчику — 14—19 см; диаметр тулова — 20—29 см; толщина стенок — 0,7—1,5 см.

Таблица 1

Столовая керамика из различных поселений Кобадиана

Поселение	Форма керамики																		
	одноховидные однорочные кувшины	чаши			кружки	широкогорлые сосуды	тагора		двуручные амфоровидные сосуды			миниатюрные кувшины					«курильницы»	светильники
		тип					тип		тип			тип						
		1	2	3			1	2	1	2	3	1	2	3	4	5		
Ак-тепе II																		
а) поселение	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
б) гончарные печи					+			+	+						+			
в) «погребальная яма» №1	+	+							+					+				+
Шодмон-кала		+	+	+			+		+	+	+	+		+			+	+
Безымянное	+	+		+							+							
Дарахша-тепе	+	+			+			+	+					+				
Клыч-Дувал	+								+			+	+					

Таблица 2

Тарная керамика из различных поселений Кобадиана

Поселение	Форма керамики										
	одноховидные однорочные кувшины	тагора		горшки	однорочные кувшины	широкогорлые двуручные кувшины		двуручные амфоровидные кувшины		хумы, хумчи	крышки
		тип				тип		тип			
		1	2			1	2	1	2		
Ак-тепе II											
а) поселение	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
б) гончарные печи	+	+	+			+				+	+
в) «погребальная яма» № 1						+			+	+	
Шодмон-кала			+				+	+	+	+	
Безымянное						+		+		+	
Дарахша-тепе		+	+	+		+	+	+	+	+	
Клыч-Дувал						+	+	+	+	+	+

Таблица 3

Кухонная керамика из различных поселений Кобадиана

Поселение	Форма керамики							
	котлы	горшки		«банкообразные»	сковородки	крышки		столики-подставки
		тип				тип		
		1	2			1	2	
Ак-тепе II								
а) поселение	+	+	+			+	+	+
б) гончарные печи	+	+	+	+	+		+	
в) «погребальная яма» № 1		+						
Шодмон-кала	+		+		+			
Безымянное		+	+					
Дарахша-тепе	+	+	+					
Клыч-Дувал		+	+					

Таблица 4

Сводная таблица столовой керамики из различных поселений и городищ Бактрии — Тохаристана

Памятник	Форма керамики																						
	ойнохоевидные; одноручные кувшины	чаши					кружки	широкогорлые сосуды	тагора		двуручные амфоровидные сосуды			миниатюрные кувшины					одноручные кувшины	курильницы	светильники
		типы							типы		типы			типы							
		1	2	3	4	5			1	2	1	2	3	1	2	3	4	5			
Ак-Тепе II	+	+	+				+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+		+	+
Шодмон-кала		+	+	+					+		+	+	+	+		+				+	+
Яванское городище	+	+	+	+	+		+		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Халкаджар	+	+	+				+		+		+	+			+	+					+
Дальверзин-тепе	+	+	+				?		+	+	+	+			+	+	+		+		+
Зар-тепе	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Ак-курган	+	+	+	+	+	+	?		+						+	+	+	+		+	
Дильберджин	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+
Джига-тепе	+	+		+					+	+	+	+	+		+	+	+				+
Чакалак-тепе	+	+	+	+			+?	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Дурман-тепе		+	+					+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+

Таблица 5

Сводная таблица тарной керамики из различных поселений и городищ Бактрии — Тохаристана

Памятник	Форма керамики										
	ойнохоевидные одноручные кувшины	тагора		горшки	одноручные кувшины	широкогорлые двуручные кувшины		двуручные амфоровидные кувшины		хумы, хумчи
		типы				типы		типы		
		1	2			1	2	1	2	
Ак-тепе II	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Шодмон-кала			+				+	+	+	+
Яванское городище				+		+	+	+	+	+
Халкаджар		+		+		+		+	+	+
Дальверзин-тепе		+	+	+		+	+	+	+	+
Зар-тепе		+				+	+	+	+	+
Ак-курган	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Дильберджин	+	+	+	+		+	+	+	+	+
Джига-тепе		+		+	+?	+	+	+	+	+
Чакалак-тепе	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Дурман-тепе		+		+		+	+	+	+	+

Сосуды красноглиняные, изготовлялись из плохо промешанного, слоистого теста с большим количеством крупного песка. Обжиг неравномерный. Снаружи нижняя часть сосудов обычно закопчена.

Горшки (табл. XXX, 1—17, 19, 21). Представлены только одним типом, соответствующим второму типу в керамике Ак-тепе II. Это довольно аккуратно изготовленные красноглиняные сосуды с шаровидным, слабо раздутым туловом. Венчик отогнутый, иногда довольно сильно, овальный в сечении, с приостренным верхним краем. Встречаются венчики и иной профилировки — подтреугольные, Г-образные и Т-образные в сечении, со скошенной наружу верхней площадкой. Шейка слабовогнутая, у некоторых экземпляров — выраженная широкая горловина, стенки которой незначительно вогнуты. На плечиках — два-три желобка. Дно, видимо, выпуклое либо уплощенное.

Диаметр сосудов по венчику — 12—15 см до 18—22 см, диаметр тулова — 18—25 см.

Отдельные экземпляры изредка покрывались в верхней части жидким красно-коричневым ангобом. Наружная поверхность заглажена.

Сковородки (табл. XXX, 29). Представлена одной археологически целой формой. Это довольно глубокий, плоскодонный, толстостенный сосуд с вертикальными, слабо наклонными, внутрь утончающимися стенками. Изготовлен из плохо промешанной глины со значительными добавками крупного песка. Днище и нижняя часть боковых стенок сильно закопчены.

Диаметр сосуда по венчику — 30 см; диаметр дна — 31 см; высота — 11 см; толщина стенок и днища — 1,5—2,1 см.

Единичные формы

Ножка «курильницы» (?) (табл. XXVII, 17). Среди коллекции керамики из шурфа имеется нижняя часть довольно массивной, красноглиняной, полой, цилиндрической ножки на дисковидном основании. В верхней, расширяющейся части она профилирована желобками и валиком. Наружная поверхность покрыта плотным красно-коричневым ангобом.

Диаметр диска основания — 8,1 см; диаметр стебля — 3,7 см; сохранившаяся высота — 12,5 см.

Светильник (табл. XXVII, 20). Имеется половина небольшого красноглиняного светильника в виде плошки с носиком (?), прямыми расходящимися стенками и скошенным наружу венчиком. Диаметр по венчику — 7 см; диаметр плоского дна — 3,5 см; высота — 3 см.

Частота встречаемости различных форм керамики на поселениях Кобадиана приведена в табл. 1—3.

Сводные таблицы керамики из различных поселений и городищ Бактрии — Тохаристана см. на табл. 4—5.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Е. В. ЗЕЙМАЛЬ

МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ПАМЯТНИКАХ КОБАДИАНА С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ КОМПЛЕКСАМИ КУШАНО-САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ. РЕЕСТР

№/пп	Год и место находки	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Публикация
		Поселение Ак-тепе II				
1	1972, подъем	Монета кушанского царя Васудевы	4,13	22,2	?	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 73; 1983б, XVI, 27]
2	То же	Монета кушанского царя Каниш-ки III	5,93	21,0	XII	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 70; 1983б, XVII, 21]
3	1977, «погребальная яма» № 1 (?)	То же	7,39	21,0	XII	[Зеймаль Е. В., 1983б, XVII, 30]
4	1977, подъем у гончарных печей	»	5,55	20,0	XII?	[Зеймаль Е. В., 1983б, XVII, 31]
5	1972, подъем	Подражание монетам Васудевы, V период	0,46	13,0	XII	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 71, 1983б, XIX, 114]
6	То же	То же	0,53	12,8	?	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 72, 1983б, XIX, 115]
7	1978, «погребальная яма» № 2	Подражание монетам Васудевы	2,24	16,5	XI	[Зеймаль Е. В., 1983б, XIX, 157]
8	То же	То же	1,11	15,2	I	Там же, 158
9	»	Сасанидо-кушанская монета кушан-шаха Пероза I	1,03	14,2	II	[Зеймаль Е. В., 1983б, XXI, 24]
10	»	Кушано-сасанидская монета кушан-шаха Хормизда I	1,25	13,6	?	Там же, 35а

11	То же	То же	1,03	14,2	?	Там же,	35б
12	»	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Варахрана I (e/7)	1,62	14,3	VII?	»	38
13	»	То же	1,45	15,1	II	»	39
14	»	»	0,85	11,9	VII?	»	40
15	»	»	0,89	12,7	II	»	41
16	»	»	0,87	14,8	III	»	42
17	»	»	0,75	13,1	II	»	43
18	»	»	0,56	14,6	VIII	»	44
19	»	»	0,76	12,4	?	»	45
20	»	»	0,53	12,8	II	»	46
21	»	»	0,72	12,1	XII	»	47
22	»	»	0,99	12,8	I	»	48
23	»	»	0,75	12,4	?	»	49
24	»	(e?)	0,81	15,2	III	»	50
25	»	»	1,10	12,0	IX?	»	51
26	»	То же	1.48	13,9	IV	»	52
27	»	»	0,77	13,4	III	»	53
28	»	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Варахрана II (f/7)	1,06	13,0	?	»	55
29	»	То же (7?)	0,89	14,8		»	56
30	»	»	0,61	13,0	XII	»	57
31	»	»	0,75	12,6	III?	»	58
32	»	»	1,23	13,9	II?	»	59
33	»	»	0,77	12,5	V	»	60
34	»	»	0,74	12,2	III	»	61
35	»	»	0,90	13,7	II?	»	62
36	»	»	0,85	11,9	VIII	»	63
37	»	»	1,05	13,8	VIII	»	64
38	»	»	0,88	13,1	IV	»	65
39	»	»	0,94	13,5	III?	»	66
40	»	»	0,86	12,6	IV?	»	67
41	»	»	1,21	13,0	?	»	68
42	»	»	1,22	13,8	IX	»	69
43	»	»	1,25	13,2	VI	»	70
44	»	»	1,05	12,1	—	»	71
45	1976, раскоп I, первый штык	»	0,49	13,0	III		
	1977, «погребальная яма» № 1	Сасанидо-кушанская, монета кушаншаха Хормизда II (g/7)	0,56	14,4	III	»	72
47	1978, «погребальная яма» № 2	То же	0,80	13,4	III	»	73

137

Продолжение

№/пп	Год и место находки	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Публикация	
48	То же	То же	0,65	14,1	III	»	74
49	»	»	0,75	13,9	II	»	75
50	»	»	1,10	12,8	XI	»	76
51	»	»	0,55	12,1	XII?	»	77
52	»	»	0,55	14,0	I?	»	78
53	»	»	1,07	13,8	X	»	79
54	»	»	0,77	13,5	I	»	80
55	»	»	1,14	14,1	XI	»	81
56	»	»	1,10	12,4	X	»	82
57	»	»	1,11	13,9	VI	»	83
58	»	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Пероза II (*h*/7)	0,92	14,2	X	»	84
59	»	То же	0,81	13,4	II	»	85
60	»	»	0,70	13,0	V	»	86
61	»	»	1,21	14,1	II	»	87
62	»	»	0,56	12,8	VII	»	88
63	»	»	1,14	13,0	III	»	89
64	»	»	(0,41)	12,9	?	»	90
65	1977, «погребальная яма» № 1	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха сасанидо-кушанская группа	0,85	13,2	–	»	107
66	То же	То же	1,10	13,3	–	»	108
67	1978, «погребальная яма» № 2	» (?/7)	1,01	13,5	I	»	109
68	То же	» (?/7)	1,31	13,2	–	»	110
69	»	» (?/7)	0,95	12,8	–	»	111
70	»	» (?/7)	0,49	13,0	–	»	112
71	»	»	(0,38)	13,9	–	»	113
72	»	»	0,70	14,1	–	»	114
73	»	»	0,75	13,8	–	»	115
74	»	»	0,83	14,1	–	»	116
75	»	»	1,08	14,2	–	»	117
76	»	»	1,09	13,4	–	»	118
77	»	»	0,84	12,9	–	»	119
78	»	»	(0,46)	12,6	–	»	120

79	То же	То же	1,05	12,7	–	Там же,	121
80	»	»	0,78	13,5	–	»	122
81	»	»	1,17	12,2	III	»	123
82	»	»	(0,54)	12,6	III	»	124
83	»	»	0,74	13,0	–	»	125
84	»	»	0,61	12,5	–	»	126
85	»	»	(0,62)	13,2	–	»	127
86	»	»	(0,57)	11,4	–	»	128
87	»	» (?/7)	(0,52)	11,6	–	»	129
88	»	»	0,96	12,5	–	»	130
89	»	»	0,55	12,5	–	»	131
90	»	»	(0,62)	13,9	–	»	132
91	»	»	(1,35)	14,1	–	»	133
92	»	»	0,92	12,9	–	»	134
93	»	»	0,93	13,8	–	»	135
94	»	»	1,04	11,9	–	»	136
95	1977, подъем	»	0,75	14,6	?		
96	То же	»	1,32	15,9	XII?		
96а	1978, Р-I, пом. 10А, первоначальный пол первого периода	»	–	–	–		
97	1978, «погребальная яма» № 2	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, сасанидо-кушанская группа (?)	0,64	13,2	?	»	139
98	То же	То же	0,69	15,8	–	»	140
99	»	»	0,54	13,9	–	»	141
100	»	»	0,47	11,9	–	»	142
101	»	»	(0,62)	14,0	–	»	143
102	»	»	0,50	11,2	–	[Зеймаль Е. В.,	1983б, XXI, 144]
103	»	»	(1,12)	12,5	–	Там же,	145
104	»	»	(0,56)	13,0	–	»	146
105	»	»	0,60	11,9	–	»	147
106	»	»	(0,37)	13,0	–	»	148
107	»	»	0,89	12,5	–	»	149
108	»	»	(0,55)	12,8	–	»	150
109	»	»	(0,48)	11,7	–	»	151
110	»	»	(0,39)	10,8	–	»	152
111	»	»	(0,90)	13,4	–	»	153
112	»	»	(0,93)	12,0	–	»	154
113	»	»	1,06	12,9	–	»	155
114	»	»	1,21	14,2	–	»	156

Продолжение

№/пп	Год и место находки	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Публикация
115	То же	То же	(0,86)	13,0	–	Там же, 157
116	1976, подъем	»	1,23	13,0	–	»
117	1976, раскоп IV, первый штык	»	1,49	13,8	–	»
118	1977, подъем	»	1,10	13,5	–	»
119	1977, «погребальная яма» № 1	»	0,81	13,4	–	
120	1978, «погребальная яма» № 2	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, «группа Кобада»	1,23	12,3	XI	[Зеймаль Е. В., 1983б, XXI, 174]
121	То же	То же	0,85	14,2	?	[Зеймаль Е. В., 1983б, XXI, 175]
122		Медная монета сасанидского шаханшаха Шапура II * ?	1,00	14,1	?	[Зеймаль Е. В., 1983б, XXI, 176]
123	1972, подъем	Не определена	0,92	13,2	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 74]
124	То же	То же	(фрагменты монеты)		–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 75]
125	1976, раскоп I пом. 6, пол у топура	»	(фрагменты монеты)		–	
126	1977, подъем	»	0,55	17,7	–	
		Поселение Клыч-Дувал				
127	Подъем	Монета кушанского царя Канишки III				[Зеймаль Е. В., 1983б, XVII, 3]
128	1967, подъем	Подражание монетам Васудевы	1,29	15,0	XII	
129	1967, раскоп I	То же	2,67	16,9	XII?	
130	То же		2,24	18,1	–	
131	1967, подъем	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Хормизда I	1,54	14,9	III	
132	То же	То же ?	1,22	14,0	III?	
133	»	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Варахрана I	1,31	13,5	III	
134	»	То же	1,58	15,5	III?	
135	»	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Варахрана II	1,18	14,5	XII	
136	1967, раскоп I	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, сасанидо-кушанская группа	1,45	14,2	XII?	

137	1967, раскоп I пом. 1, пол (?)	То же	0,96	14,2	XII?	
138	1967, раскоп I	»	0,85	12,6	XII?	
139	То же	»	1,45	14,0	–	
140	1967, подъем	»	2,36	15,6	–	
141	То же	»	1,03	14,0	–	
142	»	»	1,76	14,8	–	
143	»	»	0,98	14,0	–	
144	»	»	1,23	14,1	–	
145	»	»	0,94	13,1	III?	
146	»	»	1,51	14,1	–	
147	»	»	1,05	13,8	–	
148	»	»	1,55	15,5	–	
149	»	»	1,41	16,1	–	
150	1967, раскоп I пом. 3, пол (?)	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, сасанидо-кушанская группа?	1,18	12,2	–	
151	1967, раскоп I	То же	1,34	15,1	–	
152	1967, подъем	»	1,51	13,3	–	
153	То же	»	2,00	14,7	?	
154	»	»	1,21	13,5	–	
155	»	»	1,47	14,1	–	
156	»	»	1,26	15,0	–	
157	»	»	1,52	13,5	–	
158	»	»	1,65	15,9	–	
159	»		1,97	14,5	–	
160	1972, подъем	»	0,43	12,5	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 77; 1983б, XXI, 138]
161	1967, раскоп I	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, «группа Кобада»	1,86	15,2	–	
162	1967, подъем	То же	3,91	17,0	–	
163	То же	»	3,37	16,1	–	
164	»		1,52	14,3	–	
165	1972, подъем	Не определена	1,43	16,3	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 76]
		Окрестности поселения Клыч-Дувал (кишлак Сапгова)				
166	1967, подъем	Монета кушанского царя Васудевы	7,63	23,2	XII	[Зеймаль Е. В., 1983б, XVI, 25]
167	То же	Подражание монетам Васудевы, первый период	3,84	18,4	XII	[Зеймаль Е. В., 1983б, XIX, 5]

* Определение В. Г. Луконина.

Продолжение

№/пп	Год и место находки	Определение	Вес	Диаметр	Ось	Публикация
168	То же	То же	3,18	17,9	XII	[Зеймаль Е. В., 1983б, XIX, 6]
169	1967, подъем	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, сасанидо-кушанская группа?	1,63	15,4	–	
		Поселение Хан-Газа				
170	1981, подъем	Монета кушанского царя Васудевы	6,13	?	XII	
171	1959, южный раскоп, пятый период	Подражание монетам Васудевы, четвертый период	–	–	XI	[Мандельштам, 1966б, с. 121–123, рис. 1, 3; Зеймаль Е. В., 1983б, XIX, 105а]
172	1959, южный раскоп, второй период	Подражание монетам Канишки III	–	–	XII	[Мандельштам, 1966б, с. 121, рис. 1, 1; Зеймаль Е. В., 1983б, XX, 8]
173	1959, южный раскоп, третий период, в хуме	Кушано-сасанидская монета кушаншаха Пероза I	–	–	IX	[Мандельштам, 1966б, с. 121–123, рис. 1, 2; Зеймаль Е. В., 1983б, XXI, 4]
		Окрестности поселения Хан-газа, погребение с трупосожжением				
174	1959	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, сасанидо-кушанская группа (?/7)				[Мандельштам, 1966б, с. 122; Зеймаль Е. В., 1983б, XXI, 91]
		Поселение Безымянное				
175	1976, подъем	Тохаристанская анэпиграфная монета с обрамленным круглым отверстием	1,13	17,2	–	
176	То же	То же	1,19	16,8		
177	1976, под полом постройки X–XII вв.	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, кушано-сасанидская группа?	2,89	18,9	–	
178	То же	То же	1,86	16,3	–	
		Поселение Шур-тепе				
179	1967, верхний слой шурфа	Монета кушанского царя Васудевы	9,28	22,5	XII	

		Поселение у сел. Саят				
180	1967, подъем	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Варахрана I	0,86	13,6	IX	
		Поселение Новабад-кала				
181	1972, подъем	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Пероза I	0,77	13,2	XII	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 51; XXI, 23]
182	1976, центральное здание, закладка прохода в пом. 1	Кушано-сасанидская монета кушаншаха Хормизда I (?)	1,81	19,0	XII	
		Поселение Хишт-тепе				
183	1972, подъем	Подражание монетам Хувишки	2,61	20,0	I?	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 56; 1983б, XVIII, 17]
184	1972, шурф (низ IV яруса)	То же	2,14	20,0		[Зеймаль Е. В., 1983а, № 63; 1983б, XVIII, 18]
185	1972, подъем	Монета кушанского царя Канишки III	5,10	18,1	?	[Зеймаль Е. В., 1983а; № 52; 1983б, XVII, 20]
186	То же	Кушано-сасанидская монета кушаншаха Варахрана I	1,01	17,0	XII	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 55; 1983б, XXI, 37]
187	1972, шурф (I ярус)	Сасанидо-кушанская монета кушаншаха Варахрана II	0,72	13,0		[Зеймаль Е. В., 1983а, № 62; 1983б, XXI, 54]
188	1972, подъем	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, сасанидо-кушанская группа	0,90	13,2	?	[Зеймаль Е.В., 1983а, № 54; 1983б, XXI, 10]
189	То же	То же	0,89	13,4	?	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 57; 1983б, XXI, 102]
190	»	»	0,36	13,4	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 58; 1983б, XXI, 103]
191	»	»	1,31	13,5	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 59; 1983б, XXI, 104]
192	»	»	1,04	13,7	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 60; 1983б, XXI, 105]
193	»	»	0,43	13,0	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 61; 1983б, XXI, 106]
194		Не определена	0,48	14,1	–	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 53]
		Городище Тахти-Кувад				
195	1972, подъем	Неопределимая монета сасанидского кушаншаха, сасанидо-кушанская группа?	0,81	13,1	?	[Зеймаль Е. В., 1983а, № 65; 1983б, XXI, 137]

И. Г. РАВИЧ, М. С. ШЕМАХАНСКАЯ

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МЕДНЫХ СПЛАВОВ, НАЙДЕННЫХ НА ПОСЕЛЕНИИ АК-ТЕПЕ II

Изучение изделий из металла, обнаруженных на памятниках кушанского времени, интересно и важно тем, что на территории Северной Бактрии — Тохаристана, богатой медными и полиметаллическими месторождениями, в определенное время происходит резкая смена металлургических и металлообрабатывающих традиций. Новые традиции принципиально отличны от подхода к обработке металла в эпоху бронзы и раннего железа на этой же территории. Металлические изделия кушанского времени уже имеют все черты этих новых традиций.

Изучение сравнительно небольшой группы предметов из медных сплавов, найденных на поселении Ак-тепе II (всего найдено 27 предметов, из них 4 зеркала и 22 предмета, имеющих отношение к посуде), дает наибольшую информацию в том случае, когда изучается не только состав сплавов, но и технология изготовления изделий, а также особые приемы работы.

Состав металла определялся спектральным методом, технология изготовления — с помощью металлографии. Результаты спектрального анализа представлены в табл. 1. Особенностью изученной группы предметов является то, что ведущее место в ней (77% общего числа) занимают сплавы с чрезвычайно большим постоянным содержанием олова, порядка 20%, другие же компоненты отсутствуют. Пять предметов (№ 23—26, 28) состоят из многокомпонентных сплавов, содержащих цинк, и всего два изготовлены из меди (№ 1, 2). Остановимся более подробно на каждой группе изделий.

Медь. Черпак (№ 1) изготовлен ковкой из очень чистой меди с заметным содержанием золота и серебра. Наличие двух слоев обмазки на внешней поверхности (слой, прилегающий к металлу,— черный, внешний слой — землисто-серый) и, несмотря на это, полностью разрушенное коррозией дно сосуда при сохранившейся верхней части позволяет предположить, что этот предмет использовался в каком-то производственном процессе, а не имел бытового назначения. Металл ложки (№ 2) содержит значительное количество никеля. Как известно, повышенное содержание никеля отмечается в некоторых изделиях, принадлежащих данной культуре [Marshall, 1951, с. 568].

Многокомпонентные сплавы. Обращает на себя внимание сходная рецептура сплавов, которые содержат следующие элементы: медь, олово, цинк, свинец. Из такого сплава литьем изготовлены бутылочки, биконический сосуд и фрагмент горлышка сосуда. Бутылочки отливались без дна, донышко отковывалось из меди и припаивалось. В кушанское время такой четвертной сплав становится одним из самых распространенных сплавов на этой территории. Значительная часть предметов из могильников Бишкентской долины, на городище Зар-тепе, Тепан-шах сделаны из подобных латуней.

Ножка бокала (№ 28) сделана из тройной латуни — медь — свинец — цинк. В археологическую литературу этот сплав вошел как «бактрийская латунь» [Богданова-Березовская, 1966]. Бактрийская латунь — специфический сплав кочевников Бишкентской долины. На других памятниках встречаются лишь единичные изделия из такого сплава.

Высокооловянистая бронза. Отличительными признаками этого сплава являются, во-первых, устойчивое содержание олова и, во-вторых, отсутствие загрязнения сплава примесями (№ 3—22). Все предметы изготовлены по единой технологии. Металлографический анализ показал, что и зеркала и посуда изготовлены ковкой. Ковка проводилась при высокой температуре «красного каления» металла — 600—750° С, после чего изделие закаливалось в воду. Металлографическими доказательствами этой технологии являются следующие признаки структуры. Бронза двухфазная; на фоне игольчатой β-фазы (характерной для сплавов, закаленных в воду от температуры выше 590° С) располагается α-фаза, содержащая большое количество двойников отжига, свойственных деформированному и отожженному металлу [Бочвар, 1938, с. 233—236; Равич, 1983, с. 136—143]. На бортиках посуды и зеркал α-фаза сохранила расположение, характерное для литой структуры, что позволило сделать вывод о малом формоизменении в этих участках и наличии близкой по форме литой заготовки.

Таблица 1

Результаты спектрального анализа металла исследованных предметов

№/пп	Наименование изделий	Cu	Sn	Pb	Zn	Au	Ag	Sb	As	Bi	Co	Ni	Fe
1	Черпак (с обмазкой)	»	0,009	0,008	–	0,05	0,01	0,006	0,024	0,001	0,0002	0,014	
2	Ложка	»	0,016	0,008	–	0,0008	0,004	0,012	0,06	0,002	0,04	0,8	
3	Киаф	»	20	0,02	–	0,001	0,007	0,005	0,025	0,002	0,001	0,01	
4	То же	»	20	0,07	–	0,001	0,005	0,003	–	0,001	0,001	0,01	
5	»	»	20	0,02	–	0,001	0,006	0,005	0,024	0,002	0,001	0,013	
6	»	»	20	0,007	–	0,0005	0,002	0,005	0,01	0,001	0,003	0,005	
7	«Курильница»	»	20	0,025	–	0,0009	0,008	0,001	–	0,009	0,005	0,006	
8	То же	»	20	0,04	0,003	0,0008	0,006	0,006	0,45	0,003	0,004	0,03	
9	»	»	20	0,02	0,003	0,0009	0,008	0,005	0,03	0,004	0,006	0,02	
10	»	»	20	0,03	0,001	0,001	0,006	0,005	0,03	0,001	0,003	0,01	
11	Чаша с отпечатком ткани	»	20	0,02	0,005	0,001	0,007	0,005	0,016	0,001	0,001	0,001	
12	Чаша	»	20	0,03	–	0,003	0,007	0,004	0,03	0,003	0,001	0,01	
13	То же	»	20	0,016	0,004	0,001	0,002	0,006	0,015	0,001	0,001	0,01	
14	Тарелочка	»	20	0,076	0,008	–	0,004	0,05	0,02	0,001	0,003	0,01	0,2
15	Ложка (с грибовидным навершием)	»	20	0,03	0,03	–	0,03	0,11	0,11	0,008	0,04	0,05	0,45
16	Крышечка (?)	»	20	0,035	0,03	–	0,009	0,03	0,1	0,005	0,04	0,08	0,32
17	Ручка от сумочки	»	20	0,03	0,03	–	0,004	0,05	0,02	0,001	0,004	0,012	0,25
18	Фрагменты сосуда (подъем)	»	20	0,1	0,06	–	0,004	0,03	0,05	0,003	0,015	0,03	0,3
19	Зеркало	»	20	0,03	–	–	0,006	0,015	0,045	0,002	0,014	0,029	0,5
20	То же	»	20	0,025	0,003	0,0006	0,003	0,04	0,28	0,009	0,011	0,006	0,28
21	»	»	20	0,012	0,006	–	0,001	0,02	0,035	0,003	0,0008	0,011	0,16
22	»	»	20	0,03	0,03	0,01	0,005	0,025	0,02	0,0012	0,003	0,013	0,14
23	Биконический сосуд	»	5,0	7,3	5,0	–	0,022	0,07	0,22	0,08	0,11	0,18	1,3
24	Фрагменты горлышка сосуда	»	5,0	7,2	5,0	0,001	0,021	0,06	0,2	0,08	0,10	0,17	1,3
25	Бутылочка	»	12	10	5,0	0,01	0,045	0,24	0,11	0,024	0,012	0,12	1,3
26	То же	»	5,3	5,1	8,0	0,02	сл.	0,02	0,08	сл.	0,12	0,07	–
27	Дно бутылочки	»	–	0,05	–	–	–	–	следы	0,12	0,07	–	–
28	Ножка бокала	»	0,05	10	26	0,0006	0,007	0,022	0,17	0,014	0,02	0,1	–

В других областях (стенки чаш и киафов, плоскости зеркал) α-*фаза* располагается в виде вытянутых участков, свидетельствующих о том, что окончательную форму изделию придавали ковкой с высокой степенью обжатия. Необходимо отметить, что высокооловянистые бронзы плохо поддаются ковке и обладают пластичностью только в узком интервале температур «красного каления» металла. Отражением такой технологии являются внешние признаки разрушения. Продукты коррозии располагаются строго закономерным образом. Видно слоистое строение — чередование красно-коричневых слоев закиси меди со слоями зеленых медных солей. Особенно наглядно это видно в поперечном сечении ручки киафа, где слоистое разрушение напоминает ствол дерева (см. табл. XXXIV, 2, 3). На отдельных участках под поверхностным зеленым слоем продуктов коррозии наблюдается осажденная медь. Большинство предметов было найдено во фрагментированном состоянии, поэтому имелась возможность изучить строение металла и характер разрушения в поперечном сечении. Кроме того, некоторые особенности структуры исходного металла сохраняются и после полной его минерализации [Равич, Шемаханская, 1982, с. 129—134], что позволяет изучить минерализованные шлифы методами металлографии.

Несмотря на трудности при обработке ковкой высокооловянистой бронзы, мастера могли получить проработанную тонкостенную посуду. В связи с этим удивительным кажется факт, что зеркала, сделанные из такого же металла по такой же технологии, неоправданно массивны и грубо обработаны. Кроме того, отражающая поверхность явно не была выглажена полировальником, так как нам встречались зеркала с хорошо уплотненным поверхностным слоем, который дает совершенно иной вид разрушения. Это наводит на мысль об их изготовлении в качестве ритуального предмета. Аналогичные зеркала, сделанные по такой же технологии, обнаружены в сарматских захоронениях [Мошкова, Рындина, 1983, табл. I, тип VI, рис. 2].

В кушанское время полностью вышла из употребления оловянистая бронза — ее нет ни в могильниках, ни на городищах, ее заменили многокомпонентные медные сплавы. На таком фоне полиметаллических сплавов факт существования высокооловянистой бронзы, требующей к тому же от кузнеца навыков горячей ковки в узком интервале температур, должен иметь объяснение. Одним из возможных вариантов может быть использование для выплавки металла комплексной руды, из которой сразу получается сплав меди с оловом. Такой исходной рудой может быть станин. Принципиальная возможность использования комплексной руды для получения бронзы признается некоторыми исследователями древней металлургии [Desh, 1933—1934; Otto, Witter, 1952].

Станиновые рудники чрезвычайно редки. Известно, что станиновую руду вывозил Китай [Davies, 1919]. На территориях, прилегающих к древней Бактрии — Тохаристану, станиновая руда есть на месторождении Мушистон (Фанские горы). По геологическим данным, объем древних выработок исчисляется сотнями тысяч кубических метров, некоторые из них достигали глубины 30—60 м от поверхности. Станин вторично окислен, поэтому у поверхности руда ярко окрашена малахитом и лазуритом.

Из мушистонской руды в лабораторных условиях был выплавлен металл (табл. 2). Руду восстанавливали на древесном угле без предварительного обжига. В реальных условиях температура, достаточная для обжига, могла быть достигнута при плавке на древесном угле с искусственным дутьем.

Принадлежность металла рудному месторождению подтверждается соотношениями изотопов свинца в руде и металле [Yamasaki, Murozumi, 1978]. Изотопный состав свинца в руде и металле определялся методом термоионной эмиссии с использованием силикагеля в качестве эмиттера ионов на масс-спектрометре TSN-206 фирмы КАМЕКА в ГЕОХИ им. Вернадского. Результаты показали полную сходимость соотношений.

Другим признаком идентичности высокооловянистой бронзы из Ак-тепе II и бронзы, выплавленной из мушистонской руды, является присутствие на шлифах серо-голубых интерметаллических включений, состав которых был исследован микрорентгеноспектральным методом. Они состоят из меди, железа и серы. Подобных включений, происхождение которых, возможно, связано с природой сернистых руд, каковой является станин, в других бронзах не обнаружено.

Имеем ли мы дело с уникальным явлением изготовления посуды из «зеркальной» высокооловянистой бронзы способом горячей ковки, или это традиция? Иссле-

Таблица 2

Спектральный состав мушистонской руды и выплавленного металла

	Cu	Sn	Pb	Zn	Sb	As	Bi	Ag	Fe
Руда	10	10	1,0	3,0	0,02	0,4	0,3	0,06	10
Металл	Осн.	20–22	0,08	0,03	0,08	0,08	0,09	0,05	0,12

дование изделий из металла, найденных в других районах Средней Азии, показало, что бо́льшая часть посуды (как правило, она бывает во фрагментах) изготовлялась именно из такого сплава горячей ковкой. Самые ранние из обнаруженных предметов происходят из сакских могильников VI—IV вв. до н. э. (Тегерман-су II, Аличур II, Харгуш II, Чильхона). Фрагменты подобной посуды найдены на Зар-тепе, в Чильбурдже, на Аджина-тепе. Высокооловянистая бронза обнаружена в Таксиле, в слоях III в. до н. э.— I в. н. э. [Marshall, 1951, с. 567].

* * *

Небольшое число изделий из медных сплавов, найденных на городище Ак-тепе II, не позволяет сделать обобщающие выводы об их происхождении. Однако можно отметить следующее. Наличие группы предметов из сложных латуней свидетельствует об использовании полиметаллических руд, которыми богата территория Северной Бактрии—Тохаристана, а также о широком распространении новых приемов металлургии и металлообработки, отличных от технологий раннего железного века. Отметить временну́ю границу этого перехода пока не представляется возможным.

Корни традиции изготовления посуды из высокооловянистой бронзы горячей ковкой уходят в сакское время. Представляется возможным использование местной комплексной руды для выплавки такой бронзы. Зеркала по составу металла и технике изготовления имеют аналогии среди сарматских зеркал.

Говорить о сходстве или отличии металла изделий с поселения Ак-тепе II и изделий, обнаруженных в курганных могильниках Бишкентской долины, затруднительно. Можно лишь отметить, что зеркала сделаны по одинаковой технологии и имеют одинаковый сплав, кроме того, на поселении и в могильниках обнаружены изделия из сложных латуней.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как отмечено М. М. Дьяконовым (со ссылкой на Й. Маркварта и В. Томашека), название «Кобадиан» (для города и области) встречается начиная с VII в. (у Сюань Цзяна) [Дьяконов, 1950, с. 183; 1953, с. 253], хотя, очевидно, это название появилось значительно раньше, по крайней мере на столетие (см. [Литвинский, Соловьев, 1985, с. 143]).

[2] Исчерпывающий историографический обзор дореволюционных обследований территории бывшего Кобадианского бекства см. в работах М. М. Дьяконова [Дьяконов, 1950, с. 147; 1953, с. 254—256], Т. И. Зеймаль и Е. В. Зеймаля [Зеймаль, 1962, с. 40—45], Б. А. Литвинского [Литвинский, Седов, 1983, с. 3—4].

[3] Последнюю сводку данных о месте и обстоятельствах находки клада см. [Амударьинский клад, 1979, с. 11—15].

[4] Об этом см. [Дьяконов, 1953, с. 255, 264—265]. Историю изучения древностей Кобадиана в советское время (до начала 50-х годов) см. у Б. А. Литвинского [Литвинский, 1954].

[5] У М. М. Дьяконова имеются сведения о двух поездках в Кобадиан сотрудников отряда: в 1946 г. Л. В. Строевой и в 1948 г. Л. С. Бретаницкого. В результате первой из них были получены подробные описания городищ Калаи-мир и Кей-Кобад-шах, в результате второй — проведены обмеры мавзолея Ходжа-Машхад и получены сведения об Айваджском городище [Дьяконов, 1950, с. 183—184; 1953, с. 256].

[6] Результаты раскопок последних не нашли никакого отражения в печати, хотя было исследовано шесть курганов (см. [Дьяконов, 1953, с. 292—293]).

[7] Одна из первых подобных поездок была совершена в 1955 г. Б. А. Литвинским [Литвинский, 1956, с. 94—95].

[8] Предварительный отчет (см. [Литвинский, 1976, с. 61—84]). Полную публикацию см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 7—83].

[9] Имеются многочисленные предварительные публикации и издания отдельных находок. Из обзорных работ см. [Литвинский, Пичикян, 1980; Litvinsky, Pichikyan, 1983, с. 25—83].

[10] Предварительное описание памятника и результатов первого сезона работы на нем см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 75—79].

[11] О пересмотре даты курганных могильников см. [Литвинский, Седов, 1984, с. 120—134].

Глава I

[1] Предварительные сообщения о результатах раскопок см. [Седов, 1978, с. 564—584; 1979а, с. 584—585; 1979б, с. 68—70; 1982, с. 84—95; 1983, с. 110—111].

[2] За репер была взята самая высокая точка верхней площадки поселения в юго-западном углу Р-I.

[3] Верхняя часть заполнения «погребальной ямы» № 2 также повреждена, но уже современной ямой, заполненной золой, обгоревшими досками и пр.

[4] Нельзя исключить вероятность того, что эти предметы являются частью выброшенного инвентаря из «погребальной ямы» № 1.

[5] Выражаю признательность Е. В. Зеймалю за любезно предоставленную возможность воспользоваться его неопубликованными материалами. Упоминание о его работах см. [Литвинский, 1973, с. 19].

[6] Определение монеты из верхнего слоя будет дано ниже.

[7] Отмечается лишь возможность относительно более позднего появления первоначальных построек на северном холме [Мандельштам, 1966а, с. 152].

[8] По А. М. Мандельштаму, монета, найденная на суфе второго периода в южном помещении, относится «ко времени после Васудевы I», но возможна «и более ранняя ее датировка»; монета из хума, относящаяся к третьему периоду,— чекан Васудевы II; монета из пятого периода — «позднекушанская» [1966а, с. 151].

[9] Иную точку зрения см. [Ртвеладзе, 1985б, с. 187—188].

[10] В публикациях приведена только словесная характеристика керамического комплекса, который рассматривался в плане сопоставления с керамикой из близлежащих курганных могильников [Мандельштам, 1961, с. 71—72; 1966а, с. 152; 1975, с. 127—128]. Благодаря любезности А. М. Мандельштама автор имел возможность ознакомиться с частью рисунков керамики, происходящей, видимо, из нижних слоев поселения.

[11] В более поздних работах отмечалось, что обломки бокалов «весьма многочисленны» и найдены «во всех слоях, хотя и в неодинаковом количестве» [Мандельштам, 1966а, с. 152; 1975, с. 127—128].

[12] См. выше о находках раннесредневековых монет в подъеме на поселении.

[13] В 1981 г. при раскопках на верхней площадке южного холма в одном из помещений этого периода был найден клад серебряных газневидских монет (сообщение В. С. Соловьева).

[14] Ср. заключение А. М. Мандельштама о двух слоях на поселении Безымянное: саманидского и кушанского времени [Мандельштам, 1964, с. 24—25].

[15] Шурф, размерами 3×6 м, ориентированный длинной стороной по оси север — юг, был заложен в центре южного всхолмления (доведен до глубины XV яруса). I и II ярусы занимает слой X—XII вв., от которого сохранились остатки стены из сырцового кирпича (форматом 25×25×5—6 см) и пахсовой суфы (в этом же слое попадаются также фрагменты жженого кирпича, форматом 25×25×5 см). Среди керамики X—XII вв. встречаются (в I ярусе) и фрагменты керамики более позднего времени — XIV—XVI вв. В северной части в пределах шурфа оказалась обширная яма, спущенная с уровня верхнего периода, вследствие чего площадь шурфа была сокращена (до 3×3 м). В пределах III—VI ярусов залегала очень плотная забутовка из лёсса, обломков сырцовых кирпичей и пахсы. Для датировки этого слоя данных фактически не имеется (найдено лишь несколько фрагментов стенок хумов), однако размеры сырцового кирпича, зачищенного в обрезе (50×25×9—10 см), как будто бы могут свидетельствовать о времени раннего средневековья. Кушано-сасанидские слои начинались с VI яруса (их мощность — 2,5—3,0 м).

[16] Его описание см. [Дьяконов, 1953, с. 260—161].

[17] Ср. с аналогичными сосудами из погребений на Кара-тепе с кушано-сасанидскими монетами «второй половины IV в.» [Ставиский, Сергеева, 1975, с. 20—21, 28, ил. 23].

[18] Выражаем признательность Т. И. Зеймаль за разрешение использовать ее отчет о раскопках на Уштур-мулло в 1981—1982 гг. (хранится в Институте истории им. А. Дониша АН ТаджССР).

[19] Работы проводились Т. И. Зеймаль.

[20] Обследование автора. Кроме того, см. [Дьяконов, 1953, с. 264—265; Зеймаль, 1962, с. 40—45; Амударьинский клад, 1979, с. 11—15].

[21] Здесь и далее — номера находок на плане (см. рис. 21, 22).

[22] Интенсивным ирригационным строительством последних лет практически все остатки древней оросительной системы долины уничтожены. Попытку ее реконструкции см. ниже.

Глава II

[1] Подробнее о стилобатах в архитектуре Средней Азии см. [Литвинский, Соловьев, 1985, с. 57].

[2] К сходным выводам мы придем, если будем привлекать в качестве сравнительного материала комплексы керамики и с других территорий, например из долины р. Сурхандарьи (см., например, [Древнейшие государства, с. 256, табл. CX, CXI]).

[3] Так же как и в предыдущих работах [Литвинский, Седов, 1983; 1984], мы следуем положению, обоснованному А. М. Мандельштамом, о допустимости привлечения только территориально близких аналогий (об этом см. [Мандельштам, 1966а, с. 137]).

[4] Известны в керамике Калаи-Кафирнигана, крепости Нижний Урта-Боз II (раскопки ЮТАЭ).

[5] См. находки устьев ножен от однолезвийных мечей в храме на городище Тахти-Сангин [Пичикян, 1980, с. 202—212], в Ай-Ханум [Francfort, 1984, pl. III, № 8, 23].

[6] В Пенджикенте в слое VIII в. вместе с однолезвийным был найден двухлезвийный меч без металлического перекрестья и навершия (см. [Распопова, 1980, с. 78, рис. 49, 2]); еще один подобный меч найден на Афрасиабе, также в слое VIII в. (см. [Кабанов, 1963, с. 239—240]).

[7] Например, на Тахти-Сангин (раскопки ЮТАЭ). Кроме того см. [Древнейшие государства, табл. LXXVIII, А].

[8] На поверхности поселения были собраны лишь мелкие фрагменты этого сосуда. Восстановить его форму оказалось возможным благодаря высокому мастерству реставратора ВНИИР М. Нацкого.

[9] Указанием на литературу, освещающую этот круг вопросов, я обязан Б. А. Литвинскому.

[10] Сообщение Т. И. Зеймаль.

[11] Хранятся в фондах Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.

[12] См., например, наборы бус и подвесок из курганных могильников Северной Бактрии — Тохаристана [Мандельштам, 1966а, с. 128—135, табл. 61—64; 1975, с. 52—54, 121—125, табл. 19, 43—44], могильников Западной Ферганы [Литвинский, 1973б, с. 93—172, табл. 11—15, 19], наусов Тепаи-шах [Литвинский, Седов, 1983, табл. 33—34], Дальверзин-тепе [Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, рис. 79], могильника у Ялангтуш-тепе [Ртвеладзе, 1983, рис. 4, 6, 9, 10] и др.

[13] Сводку находок см. [Литвинский, 1973б, с. 139—140; Ртвеладзе, 1977].

[14] Подобные оттиски на буллах из Джига-тепе трактуются как отпечаток ушка подвески-«медальона» [Кругликова, Лившиц, 1981, с. 72, но ср.: Кругликова, 1984, с. 144]. Не исключая подобной возможности, мы все-таки склоняемся к мнению, что это отпечаток перстня с шипом.

[15] Подробнее см. [Литвинский, 1973б. с. 19 (сводку находок из других областей Средней и Центральной Азии см. на с. 21—29]).

[16] На некоторых из актепинских булл имеется отпечаток ткани (см. выше).

[17] Таково назначение булл из Пенджикента, Калаи-Муг и др. (см. [Беленицкий, 1964, с. 64—69]).

[18] Типология этих монет благодаря известным работам Э. Херцфельда, А. Д. Х. Бивара, В. Г. Луконина, Р. Гёбля разработана достаточно подробно, поэтому в дальнейшем мы на ней не останавливаемся, принимая систематизацию, предложенную В. Г. Лукониным, как наиболее распространенную в отечественной литературе [Луконин, 1967; 1969б, с. 132—144; кроме того, см.: Давидович, 1979, с. 47—52; Зеймаль Е. В., 1983б, с. 257—259]. О датах кушано-сасанидских правителей см. ниже, гл. III. Даты правления сасанидских шаханшахов даны по [Бикерман, 1979, с. 197—198].

[19] Клад у сел. Янгиабад в правобережье р. Кафирниган [Зеймаль Е. В., 1983б, 21, 1].

[20] Кроме совместной находки в слоях это засвидетельствовано составом монетных кладов из Южного Таджикистана (см. [Зеймаль Е. В., 1983б, с. 260—261]). В одном из кладов, сокрытие которого, видимо, можно синхронизировать с комплексами кушано-сасанидского времени, имелась медная монета кушанского царя Хувишки [там же, с. 293, клад № 11].

Глава III

[1] Выражаем признательность Т. И. Зеймаль за любезное разрешение подробно ознакомиться с неопубликованными материалами. Керамическая коллекция из раскопок Яванского городища хранится в фондах Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.

[2] Работы проводились в 1982 г. Халкаджарским отрядом ЮТАЭ под руководством автора. Об обследовании городища в предыдущие годы см. [Зеймаль Т. И., 1961, с. 159—166].

[3] Здесь и далее монеты определены Е. В. Зеймалем.

[4] На наш взгляд, в таблицы керамики периода Дальверзин-III (кушано-бактрийский комплекс) оказались включенными некоторые типы сосудов из более поздних, кушано-сасанидских слоев городища. Это чаши с «перехватом» [там же, рис. 103, 7], крупные двуручные амфоровидные сосуды [рис. 103, 22, 23], широкогорлые двуручные сосуды [рис. 104, 1а].

[5] В отчете А. Я. Щетенко приведены иные размеры помещений: соответственно 13×8,5 м и 17,8×9,2 м [Щетенко, 1974, с. 45].

[6] Ср. фрагмент скульптуры из коридора — рука, держащая цветочную гирлянду [Кругликова, 1974, рис. 28, 5],— с аналогичным фрагментом, найденным на городище Тепаи-шах [Литвинский, Седов, 1983, с. 22—23, табл. 19, 20, 1].

[7] См., например, роспись в помещении 12 [Кругликова, 1976а, с. 96—101, рис. 56—58].

[8] Удивляют значительные расхождения в характеристике нумизматического материала из раскопа V в двух не очень отстоящих друг от друга во времени изданиях. В публикации отчета о раскопках «Большого дома» и сардобы (раскоп V), вышедшей в 1977 г., сообщается о 12 монетах: трех монетах «сотера мегаса» на одном из полов в помещении 52 и одной монете, судя по тексту, хотя и не названной, тоже «сотера мегаса», но с иным типом об. ст.— из смазки пола в помещении 9; при раскопках сардобы в центральном помещении 1 найдены восемь монет, из них по одной «сотера мегаса», Канишки, Васудевы и пять «мелких и тонких монеток кушано-сасанидского типа с крайне нечеткими изображениями» (см. [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 25, 52]). В вышедшем же в 1976 г. каталоге монет из раскопок Дильберджина в раскопе V отмечены находки лишь восьми монет (№ 54—61), причем монета из смазки пола в помещении 9 определена как «один из бактрийских чеканов. Сападбиз (?)», на об. ст.— стоящий лев (№ 54). Из помещения 1 происходят лишь четыре монеты: «сотер мегас» (№ 56), Васудева (№ 55), Канишка III или подражание его чекану (№ 60) и сасанидо-кушанская монета (№ 61) (см. [Вайнберг, Кругликова, 1976, с. 179]). Расхождения, как можно видеть, довольно значительные. Это тем более удивительно, что в отчете о раскопах именно монетные находки фигурируют в качестве основного датировочного аргумента (см. [Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 11, 25, 44, 57]).

[9] Последующие исследования на городище дали материалы, заставляющие как будто бы кардинально пересмотреть датировку вскрытых построек: в одном из нижних слоев цитадели найдена монета Варахрана IV (388—399), что позволяет все постройки, вскрытые на Джига-тепе, относить к кушано-сасанидскому времени [Кругликова, 1984б, с. 51]. Вне укрепленной части городища исследован большой сельский дом кушано-сасанидского времени, состоявший из более чем 11 помещений [там же].

[10] Авторы публикации отмечают некоторую огрубленность изображения на л. ст., что объясняется ими как результат провинциального чекана [Chaqalaq Tepe, с. 22].

[11] См. карты № 67, 68 в [Ball, Gardin, 1982, II, с. 483—484].

[12] Видимо, в эту группу надо включить и захоронения вне городских укреплений Дильберджина, близ загородного буддийского храма [Кругликова, 1976б, с. 583].

[13] О нем, а также о других погребальных обрядах Бактрии—Тохаристана кушанского времени см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 84—116; 1984]. Захоронение предва-

рительно очищенных костей в виде беспорядочных куч на полу помещения известно примерно в это же время в Маргиане (см. [Древнейшие государства, с. 239]).

[14] Вместе с тем керамический материал позволяет и несколько удревнить датировку начала функционирования могильника. Так, одноручный кувшин и цилиндроконический кубок из науса IX, так же как и «кратерообразный» сосуд из науса II [там же, рис. 3, 2; 11, 1, 2], имеют прямое сходство с керамикой из курганных могильников Бишкентской долины. Данное обстоятельство, возможно, может свидетельствовать о I в. н. э. как начальной дате могильника у Ялангтуш-тепе.

[15] О топографии находок монет сасанидских кушаншахов к северу от Амударьи и, следовательно, о границах территории, оккупированной Сасанидами, см. [Зеймаль Е. В., 1983б, с. 260; Ртвеладзе, 1982, с. 47—48; Пилипко, 1985, с. 112—116].

[16] Фактически то же самое повторил В. М. Массон, но уже в качестве аргумента против гипотезы В. Г. Луконина [Массон В. М., 1981, с. 35]. Об этом эпизоде раннесасанидской истории см. [Луконин, 1969б, с. 108, 113—114; Frye, 1983, с. 128—129]. Р. Фрай отмечает, что восстание было поддержано саками, кушанами и жителями Гиляна, а Хормизд, возможно, провозгласил себя «великим царем Кушан» [1983, с. 128—129].

[17] О типе кулаха с рогами архара на кушано-сасанидских монетах см. [Луконин, 1969б, с. 133—134].

[18] Эта хронология принята в некоторых отечественных обобщающих и учебных изданиях (см. [История Ирана, с. 112; История древнего мира, с. 185]).

[19] В этой работе Р. Гёбль принимает в качестве «начальной даты Канишки» 232 г. н. э. и прямо сопоставляет время образования Сасанидской империи (224 г. н. э.) и наивысший расцвет Кушанского царства [Göbl, 1984, с. 91].

[20] У Я. Харматты эти аргументы имеют форму критики гипотезы Зеймаля—Луконина. Придерживаясь традиционной хронологии завоеваний Сасанидов на Востоке (во времена Арташира I и Шапура I), а также отстаивая «средний» вариант «начальной даты Канишки», он, по существу, не добавляет ничего нового к аргументации Э. Херцфельда [Harmatta, 1969, с. 426—430; см. также: Лившиц, 1969, с. 56; 1976, с. 166; 1979, с. 95; Массон В. М., 1981, с. 35; Пугаченкова, 1981, с. 53—55; Ртвеладзе, 1982, с. 47—54]. Необходимо указать, что в небольшой заметке Э. В. Ртвеладзе [1982, с. 47—54] произвольно смещены довольно существенные акценты. Согласно автору публикации, чуть ли не единственной причиной, побудившей Р. Гёбля и В. Г. Луконина пересмотреть «датировку начала выпуска кушано-сасанидских эмиссий», послужило принятие ими «позднего» варианта кушанской абсолютной хронологии (начала правления Канишки I): Р. Гёбль принимает 225 г., а В. Г. Луконин, судя по изложению Э. В. Ртвеладзе,— 278 г. [там же, с. 52]. Как мы пытались показать выше, все это не совсем соответствует действительности.

[21] Существует точка зрения, что к середине V в. весь Тохаристан оказался под властью эфталитов (см. [Enoki, 1969, с. 18; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 144; Ртвеладзе, 1983б, с. 74—76; 1985а, с. 110—112]).

[22] О возможности временных перерывов в чеканке кушано-сасанидских монет упоминает и М. Е. Массон [1971, с. 234]. По мнению В. Н. Пилипко, малообоснован «рецидив чеканки монет по сасанидо-кушанскому типу в 60-х (?! — *А. С.*) годах V в.» [Пилипко, 1985, с. 18]. А. Б. Никитин считает, что сасанидо-кушанские монеты последних четырех правителей (Варахрана I и II, Хормизда II и Пероза II) типологически представляют собой очень близкую по времени и компактную группу, штемпели для которой изготовляли одни и те же резчики. Это, по его мнению, не позволяет допускать временного перерыва между выпусками монет правителя в короне *f* (Варахрана II) и монет правителей в коронах *g* (Хормизд II) и *h* (Пероз II) (устное сообщение).

[23] Как считает Е. В. Зеймаль, погребения на Кара-тепе совершались в течение длительного промежутка времени: с конца IV по первую половину VI в. н. э. (устное сообщение). В последней публикации верхний слой на городище Зар-тепе датирован IV — *серединой V в. (см. [Абдуллаев, Завьялов, 1985, с. 120])*.

[24] Кроме того, см. материалы Р. Гёбля о выделении монетных выпусков ранее неизвестных «позднекушанских» царей [Göbl, 1984].

[25] В этой работе В. Н. Пилипко почему-то полемизирует не с Э. В. Ртвеладзе, категорически высказавшимся об одновременном выпуске и обращении монет сасанидских кушаншахов и подражаний монетам кушанских царей на одной, довольно ограниченной территории, а с Е. В. Зеймалем, придерживающимся несколько иных взглядов (см. ниже), сходных с мнением самого В. Н. Пилипко.

[26] Аналогичный вывод см. [Литвинский, Седов, 1983, с. 37, примеч. 55].

[27] Э. В. Ртвеладзе считает, что чеканка и обращение подражаний монетам Васудевы и Канишки III «продолжались в ряде районов Тохаристана вплоть до V в.» [Ртвеладзе, 1982, с. 53; ср.: Ртвеладзе, 1985а, с. 110—111].

[28] Вместе с тем К. Еноки является приверженцем ранней датировки начала завоеваний Сасанидов на Востоке (со времени Арташира I, см. [Enoki, 1970, с. 32]).

[29] Отметим, что пока ни на одном памятнике Бактрии—Тохаристана при археологических раскопках не найдено ни одной именной кидаритской монеты.

[30] «Все монеты, чеканенные от имени Кидары и его преемников, отличает... явное стремление приспособить свою чеканку к привычной для местного рынка монете» [Зеймаль Е. В., 1985, с. 35]. Это обусловлено тем, что на завоеванных Кидарой территориях уже давно существовало развитое денежное обращение и хорошо нала-

женное монетное дело (для Бактрии — Тохаристана свидетельство этому — чрезвычайное обилие находок мелкой медной разменной монеты). О «всеядности» денежного рынка правобережья Амударьи (и, видимо, всей территории Бактрии—Тохаристана) в посткушанское время см. [Зеймаль Е. В., 1983б, с. 226, 232—234].

[31] Об этих группах монет и их датировке см. [Литвинский, Соловьев, 1985, с. 136—138; кроме того, см: Вайнберг, 1972, с. 138—145; Ртвеладзе, 1983б; 1985а].

[32] Б. А. Литвинский предлагает датировать настенные росписи Дильберджина V в. [Литвинский, Соловьев, 1985, с. 139].

[33] О принадлежности Сасанидам Чиганиана при шаханшахе Перозе (459—484) см. [Ртвеладзе, 1983б, с. 75].

[34] По палеографическим данным, буллы условно датированы В. А. Лившицем III—IV вв. (см. [Кругликова, 1984, с. 148—149]).

[35] Ср. с изображением на центральном медальоне эфталитских чаш из Чилека [Маршак, Крикис, 1969, рис. 6—8].

[36] Эти сведения были приведены А. Б. Никитиным в докладе «Гёбеклы. Проблемы абсолютной хронологии кушаншахов», прочитанном 6 февраля 1986 г. в ГМИНВ.

[37] Подобная схема, как будто бы ставящая археологический комплекс (и в первую очередь комплекс керамики, на основе которого он и выделяется) в прямую зависимость от событий политической истории, кажется слишком схематичной, однако подобную связь можно проследить и в предшествующие периоды: «ахеменидское» время и соответствующий ей «ахеменидский» комплекс керамики; Греко-Бактрия и керамика айханумского типа, ничего общего не имеющая с предшествующей; кушанская эпоха и керамика этого времени, резко отличающаяся от керамики греко-бактрийского времени (даже на раннем, «юэчжийском» этапе). Чем это объяснить? Нечеткостью периодизации или какими-то иными явлениями, требующими объяснения «скорее историко-политическими причинами, чем социально-экономическими»?

[38] Отметим, что перерыва в правлении сасанидских наместников в Бактрии—Тохаристане по археологическим материалам как будто бы не прослеживается. Во всяком случае, на памятниках этого времени не отмечены слои пожаров, запустений и т. д. Нет также археологических слоев, где были бы в чистом виде представлены, например, комплексы с монетами «ранних» кушаншахов, затем залегающие выше комплексы с подражаниями монетам кушанских царей (т. е. кидаритскими монетами) и с монетами «ранних» кушаншахов и, наконец, комплексы, где обнаружены все эти монеты и еще монеты «поздних» кушаншахов.

[39] Новая датировка живописи Балалык-тепе [Беленицкий, Маршак, 1979, с. 35; см. также: Литвинский, Соловьев, 1985, с. 139] делает невозможным относить сооружение замка ко времени более раннему, чем самый конец V — начало VI в. н. э. Датировка керамики Куёвкургана V в. в свете предлагаемых нами дат также нуждается в уточнении, так как «нижняя хронологическая граница куёвкурганской керамики занимает последующее звено за позднекушанскими (кушано-сасанидскими.— *А.С.*) археологическими комплексами Северной Бактрии...» [Аннаев, 1984, с. 197]. Отметим, что все постройки на этих памятниках сооружены из прямоугольного сырцового кирпича.

[40] Монет кушано-сасанидской группы два последних сасанидских кушаншаха не выпускали (см. [Луконин, 1969б, с. 144]). В последнее время появились данные о находках монет новых, ранее неизвестных кушано-сасанидских правителей (см. [Зеймаль Е. В., 1983б, с. 262; Пилипко, 1985, с. 21]), однако их типологическое соотношение с известными выпусками пока не совсем ясно. Кроме того, существует и «группа Кобада», хронологически, видимо, параллельная двум другим группам монет (сасанидо-кушанским и кушано-сасанидским), но вопрос о ее территориальной «привязке» не решен (см. [Зеймаль Е. В., 1983б, с. 259—260]).

[41] В последние годы на основе изучения топографии кушанских поселений Южного Узбекистана в долинах крупных рек предложено выделять более мелкие хозяйственно-политические единицы («ирригационные районы», по В. М. Массону). По аналогии с помовой системой древней Месопотамии в каждом «ирригационном районе» выделяются отдельный магистральный канал, крупный городской центр и мелкие поселения. В долине р. Сурхандарьи и в Шерабадском оазисе выделено четыре такие единицы (см. [Массон В. М., 1974, с. 4—9; см. также: Ставиский, 1977, с. 42—83]). Следуя этой типологии, Кобадианский оазис можно считать отдельным «ирригационным районом».

[42] О новой датировке курганных могильников Северной Бактрии—Тохаристана см. [Литвинский, Седов, 1984, с. 120—143].

[43] О трудностях реконструкции древних оросительных систем районов непрерывного орошения и о подобной методике см. [Зеймаль Т. И., 1971, с. 37—38].

[44] Ср. также с расположением остатков поселений «ахеменидского» времени.

[45] Личное сообщение почвоведа П. П. Керзума.

[46] Об ирригационных сооружениях, подобных бишкентскому каризу, см. [Билалов, 1980, с. 94—95].

Заключение

[1] Необычайно плодотворным представляется, на наш взгляд, разрабатываемое в последнее время Б. А. Литвинским понятие о среднеазиатском ареальном этноконтинууме (САЭК), интегральной частью которого являлся Тохаристан (см. [Гафуров, Литвинский, 1976, с. 7—8; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 195—197]).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев, 1977.— *Абдуллаев А.* Работы Яванского отряда. АО—76, 1977.

Абдуллаев, Завьялов, 1985 — *Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (По материалам Зар-тепе).— ВДИ. 1984, № 4.

Алексеева, 1982а.— *Алексеева Е. М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии.— Горгиппия. II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982.

Алексеева, 1982б.— *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ. Вып. Г1—12. М., 1982.

Альбаум, 1960.— *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Таш., 1960.

Амброз, 1971.— *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II.— СА. 1971, № 3.

Амосова, 1977.— *Амосова А. Г.* Новый материал каменного века из Бешкентской долины.— Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душ., 1977.

Амосова, 1981.— *Амосова А. Г.* О конвергентных путях в технике изготовления нуклеусов.— Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душ., 1981.

Амосова, Додонов, 1984.— *Амосова А. Г., Додонов А. Е.* О работе по изучению каменного века в Бишкентской долине.— АРТ. Вып. 18 (1978). Душ., 1984.

Амударьинский клад, 1979.— Амударьинский клад. Каталог выставки. Автор вступительной статьи и составитель каталога Е. В. Зеймаль. Л., 1979.

Андреев, 1958 — *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Амударьи). Вып. II. Сталинабад, 1958.

Аннаев, 1984 — *Аннаев Т. Дж.* Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёвкурган в Северном Тохаристане.— СА. 1984, № 2.

Археологические исследования, 1962.— Археологические исследования на северных склонах Каратау.— Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 14. А.-А., 1962.

Атаханов, 1968.— *Атаханов Т. М.* Средневековое городище Туткаул (VII—XII вв.).— ИООН АН ТаджССР. Вып. 3 (53), 1968.

Атаханов, Хмельницкий, 1973.— *Атаханов Т. М., Хмельницкий С. Г.* О работе Шаартузского археологического отряда в 1968—1970 гг.— АРТ. Вып. 10 (1970). М., 1973.

Беленицкий, 1950а.— *Беленицкий А. М.* Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. М.— Л., 1950 (МИА, № 15).

Беленицкий, 1950б.— *Беленицкий А. М.* Мавзолей у селения Саят. М.— Л., 1950 (МИА, № 15).

Беленицкий, 1950в.— *Беленицкий А. М.* Железный ключ из Пянджикента. М.— Л., 1950 (МИА, № 15).

Беленицкий, 1953.— *Беленицкий А. М.* Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. М.— Л., 1953 (МИА, № 37).

Беленицкий, 1958.— *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.). М.— Л., 1958 (МИА, № 66).

Беленицкий, 1964.— *Беленицкий А. М.* Работы Пенджикентского отряда в 1961 г.— АРТ. Вып. 9. Душ., 1964.

Беленицкий, Маршак, 1979.— *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда.— УСА. Вып. 4, 1979.

Бентович, 1953.— *Бентович И. Б.* Керамика Пянджикента. М.— Л., 1953 (МИА, № 37).

Бентович, 1964.— *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента. М.— Л., 1964 (МИА, № 124).

Бикерман, 1975.— *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1985.

Билалов, 1980.— *Билалов А. И.* Из истории ирригации Уструшаны. Душ., 1980.

Богданова-Березовская, 1966.— *Богданова-Березовская И. В.* Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника.— *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.— Л., 1966 (МИА, № 136).

Бочвар, 1938.— *Бочвар А. А.* Основы термической обработки сплавов. Л., 1938.

Борисов, Луконин, 1963.— *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963.

Буряков, 1982.— *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Таш., 1982.

Вайнберг, 1972.— *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Кара-тепе).— Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.

Вайнберг, Кругликова, 1976.— *Вайнберг Б. И. Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. [Вып. 1]. М., 1976.
Вайнберг, Кругликова, 1984.— *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина [II].— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М., 1984.
Вайнберг, Раевская, 1982.— *Вайнберг Б. И., Раевская Т. А.* Нумизматические этюды.— Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982.
Воробьева, 1959.— *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода.— Труды ХАЭЭ. Т. IV. Керамика Хорезма. М., 1959.
Всесоюзное совещание, 1979.— Всесоюзное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Таш., 1979.
Гафуров, 1972.— *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
Гафуров, Литвинский, 1976.— *Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А.* Узловые проблемы этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана (теоретический аспект). Тезисы. М., 1976.
Горелик, 1982.— *Горелик М. В.* Кушанский доспех.— Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
Городище Топрак-кала.— Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.). М., 1981.
Грач, 1968.— *Грач А. Д.* Древнетюркские курганы на юге Тувы.— КСИА. Вып. 114, 1968.
Григорьев, 1940.— *Григорьев Г. В.* Городище Тали-Барзу. Краткий очерк.— ТОВ(Г)Э. Т. 2, 1940.
Давидович, 1979.— *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
Давидович, Зеймаль, 1980.— *Давидович Е. А., Зеймаль Е. В.* Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
Денисов, 1980.— *Денисов Е. П.* Раскопки на городище Калаи Мир в Кобадиане. АО—79, 1980.
Долгоруков, 1980.— *Долгоруков В. С.* Оборонительные сооружения Дильберджина.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М., 1984.
Древнейшие государства.— Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
Дьяконов, 1950.— *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда. М.— Л., 1950 (МИА, № 15).
Дьяконов, 1953.— *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.). М.— Л., 1953 (МИА, № 37).
Дьяконова, Сорокин, 1960.— *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Хотанские древности. Л., 1960.
Жуков, 1961.— *Жуков В. Д.* Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе.— ИМКУ. Вып. 2. Таш., 1961.
Забелина, 1953.— *Забелина Н. Н.* Раскопки на городище Калаи Мир. М.— Л., 1953 (МИА, № 37).
Завьялов, 1979.— *Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг.— СА. 1979, № 3.
Завьялов, 1981.— *Завьялов В. А.* Позднекушанская антропоморфная терракота Зар-тепе.— КСИА. Вып. 167, 1981.
Завьялов, Осипов, 1976.— *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г.— Бактрийские древности. Предварительные сообщения аб археологических работах па юге Узбекистана. М., 1976.
Засецкая, 1978.— *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (Постановка вопроса).— СА. 1978, № 1.
Зеймаль Е. В., 1961.— *Зеймаль Е. В.* Археологические разведки в Гиссарской долине.— АРТ. Вып. VI (1958). Сталинабад, 1961.
Зеймаль Е. В., 1968.— *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
Зеймаль Е. В., 1978.— *Зеймаль Е. В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным.— Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
Зеймаль Е. В., 1979.— *Зеймаль Е. В.* Разведочные работы Гиссаро-Пянджского отряда ЮТАЭ в 1974 г.— АРТ. Вып. 14 (1974). Душ., 1979.
Зеймаль Е. В., 1980.— *Зеймаль Е. В.* Работы в Гиссарской долине в 1975 г.— АРТ. Вып. 15 (1975). Душ., 1980.
Зеймаль Е. В., 1982.— *Зеймаль Е. В.* Раскопки на Шахринаусском городище.— АРТ. Вып. 16 (1976). Душ., 1982.
Зеймаль Е. В., 1983а.— *Зеймаль Е. В.* Монетные находки 1972 г. из Шаартузского района. Реестр.— *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983.
Зеймаль Е. В., 1983б.— *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душ., 1983.

Зеймаль Е. В., 1983в.— *Зеймаль Е. В.* Раскопки в окрестностях Шахринау.— АРТ. Вып. 17 (1977). Душ., 1983.
Зеймаль Е. В., 1983 г.— *Зеймаль Е. В.* Северный Тохаристан в кушанскую эпоху (опыт историко-стратиграфической периодизации).— Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1983.
Зеймаль Е. В., 1984.— *Зеймаль Е. В.* Подражания оболам Эвкратида.— *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.
Зеймаль Е. В., 1985.— *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана (монография). Автореф. докт. дис. Л., 1985.
Зеймаль Т. И., 1961.— *Зеймаль Т. И.* Античное поселение в урочище Халкаджар.— АРТ. Вып. 6 (1958). Сталинабад, 1961.
Зеймаль Т. И., 1969.— *Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье (археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины).— Автореф. канд. дис. Л., 1969.
Зеймаль Т. И., 1971.— *Зеймаль Т. И.* Древние и средневековые каналы Вахшской долины.— СНВ. Вып. 10. М., 1971.
Зеймаль Т. И., 1975.— *Зеймаль Т. И.* Позднекушанские слои в Южном Таджикистане.— ЦАКЭ. Т. 2. М., 1975.
Зеймаль Т. И., 1984.— *Зеймаль Т. И.* Раскопки крепости Нижний Уртабоз в 1978 г.— АРТ. Вып. 18 (1978). Душ., 1984.
Зеймаль Т. И., Седов А. В., 1979.— *Зеймаль Т. И., Седов А. В.* Комплексы кушано-сасанидского времени в Южном Таджикистане.— Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Таш., 1979.
Зеймаль Т. И., Соловьев, 1983.— *Зеймаль Т. И., Соловьев В. С.* Работы Уртабозского отряда.— АРТ. Вып. 17 (1977). Душ., 1983.
Зеймаль, 1962. —*Зеймаль Т. И.* и *Зеймаль Е. В.* Еще раз о месте находки Амударьинского клада.— ИООН АН ТаджССР. Вып. 1 (28). Душ., 1962.
Исамиддинов, Сулейманов, 1984.— *Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х.* Еркурган (стратиграфия и периодизация). Таш., 1984.
История древнего мира.— История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1982.
История Ирана.— История Ирана. М., 1977.
История Киргизской ССР.— История Киргизской ССР. Том первый. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984.
Кабанов, 1963.— *Кабанов С. К.* Погребение воина в долине р. Кашкадарьи.— СА. 1963, № 3.
Кабанов, 1972.— *Кабанов С. К.* Айтугды-тепе.— ИМКУ. Вып. 9, 1972.
Кабанов, 1978.— *Кабанов С. К.* Раскопки сельского поселения III—V вв. н. э. близ Карши.— СА. 1978, № 1.
Кабанов, 1981.— *Кабанов С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища. Таш., 1981.
Кара-тепе.— Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965—1971 гг. М., 1972.
Кацурис, Буряков. 1963.— *Кацурис К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы.— Труды ЮТАКЭ. Т. 12. Аш., 1963.
Керзум П. А., 1953.— *Керзум П. А.* Почвы долин Южного Таджикистана.— Труды АН ТаджССР. Т. 9. Сталинабад, 1953.
Керзум П. П., 1968.— *Керзум П. П.* Орошаемые почвы долины Нижнего Кафирнигана и элементы их эволюции.— ВЛУ. 1968. № 3. Биология. Вып. 1.
Керзум П. П., 1972.— *Керзум П. П.* К вопросу о генезисе солончаков Бишкентской долины в связи с перспективой их освоения.— ВЛУ. 1972, № 9.
Керзум П. П., 1973.— *Керзум П. П.* Особенности развития почвенного покрова долин Южного Таджикистана в антропогене.— ВЛУ. 1973, № 15.
Кисляков, 1973.— *Кисляков Н. А.* Аловхона — «дом огня» у таджиков (К вопросу о сельской общине).— Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. М., 1973.
Козловский, Некрасов, 1976.— *Козловский В. А., Некрасов Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза.— Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.
Кой-Крылган-кала.— Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967.
Коляков, 1979.— *Коляков С. М.* Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
Кругликова. 1974.— *Кругликова И. Т.* Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). Ч. 1. М., 1974.
Кругликова. 1976а.— *Кругликова И. Т.* Настенные росписи Дильберджина.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. (Вып. 1). М., 1976.
Кругликова, 1976б.— *Кругликова И. Т.* Афганская экспедиция.— АО—75. 1976.
Кругликова, 1979.— *Кругликова И. Т.* Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина.— Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской экспедиции. М., 1979.

Кругликова, 1982.— *Кругликова И. Т.* Дильберджин — кушанский город в Северном Афганистане.— Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
Кругликова, 1984а.— *Кругликова И. Т.* Буллы из Джига-тепе.— Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984.
Кругликова, 1984б.— *Кругликова И. Т.* Десять лет работы Советско-Афганской экспедиции.— КСИА. 1984, вып. 180.
Кругликова, Лившиц, 1981.— *Кругликова И. Т., Лившиц В. А.* Буллы из Джига-тепе (Северный Афганистан).— Конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». Тезисы докладов. М., 1981.
Кругликова, Пугаченкова, 1977.— *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин (раскопки 1970—1973 гг.). Ч. 2. М., 1977.
Культура древней Индии.— Культура древней Индии. М., 1975.
Кушева-Грозевская, 1929.— *Кушева-Грозевская А. Н.* Один из типов сарматского меча.— Известия Нижневолжского института краеведения. Т. 3. Саратов, 1929.
Лившиц, 1969.— *Лившиц В. А.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе.— Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963—1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. М., 1969.
Лившиц, 1976.— *Лившиц В. А.* Надписи из Дильберджина.— Древняя Бактрия. [Вып. 1]. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976.
Лившиц, 1979.— *Лившиц В. А.* Два острака из Дильберджина.— Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1979.
Литвинский, 1954.— *Литвинский Б. А.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк).— Труды АН ТаджССР. Т. 26. Сталинабад, 1954.
Литвинский, 1956.— *Литвинский Б. А.* Поездка в райцентр Микоянабад (АРТ. Вып. 3, 1955). Сталинабад, 1956.
Литвинский, 1969.— *Литвинский Б. А.* История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников). Автореф. докт. дис. М., 1969.
Литвинский, 1973а.— *Литвинский Б. А.* Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы).— АРТ. Вып. 10 (1970). М., 1973.
Литвинский, 1973б.— *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
Литвинский, 1976.— *Литвинский Б. А.* Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (Памятники Шаартузского района).— АРТ. Вып. 12 (1972). 1976.
Литвинский, 1978.— *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М., 1978.
Литвинский, 1979.— *Литвинский Б. А.* Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
Литвинский, Денисов, 1973.— *Литвинский Б. А., Денисов Е. П.* Буддийская часовня на Кафыр-кале.— АРТ. Вып. 10 (1970). М., 1973.
Литвинский, Зеймаль, 1964.— *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г.— АРТ. Вып. 9 (1961). Душ., 1964.
Литвинский, Зеймаль, 1971.— *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
Литвинский, Пичикян, 1980.— *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Новые открытия в Южном Таджикистане.— ВАН СССР. 1980, № 7.
Литвинский, Седов, 1983.— *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983.
Литвинский, Седов, 1984.— *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.
Литвинский, Соловьев, 1985.— *Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М., 1985.
Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977.— *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н.* Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г.— АРТ. Вып. 13 (1973). Душ., 1977.
Луконин, 1961.— *Луконин В. Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961.
Луконин, 1967.— *Луконин В. Г.* Кушано-сасанидские монеты.— ЭВ. Вып. 18. Л., 1967.
Луконин, 1969а.— *Луконин В .Г.* Завоевание Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— ВДИ. 1969, № 2.
Луконин, 1969б.— *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
Луконин, 1974.— *Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— ЦАКЭ. Т. 1. М., 1974.
Мандельштам, 1956.— *Мандельштам А. М.* О работах Кобадианского отряда в 1955 г.— АРТ. Вып. 4 (1955). Сталинабад, 1956.
Мандельштам, 1961.— *Мандельштам А. М.* Хан-Газа (Из результатов работ Кафирниганского отряда ТАЭ в 1958—1959 гг.).— АРТ. Вып. 7. (1959). Душ., 1961.
Мандельштам, 1963.— *Мандельштам А. М.* Послекушанские погребения в Северной Бактрии.— КСИА. Вып. 94. М.— Л., 1963.
Мандельштам, 1964.— *Мандельштам А. М.* К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения).— КСИА. Вып. 98. М.— Л., 1964.

Мандельштам, 1966а.— *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.— Л., 1966 (МИА, № 136).
Мандельштам, 1966б.— *Мандельштам А. М.* К хронологии медных кушанских монет.— ЭВ. Вып. 17. М.— Л., 1966.
Мандельштам, 1968.— *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА, № 145).
Мандельштам, 1975.— *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
Мандельштам, Певзнер, 1958.— *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. М.— Л., 1958 (МИА, № 66).
Маршак, 1971.— *Маршак Б. И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.— СНВ. Вып. X. М., 1971.
Маршак, 1983.— *Маршак Б. И.* Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье.— Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1983.
Маршак, Крикис, 1969.— *Маршак Б. И., Крикис Я. К.* Чилекские чаши.— Культура и искусство народов Востока.— ТГЭ. Т. 10. Л., 1969.
Массон В. М., 1968.— *Массон В. М.* К вопросу об общественном строе древней Средней Азии.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
Массон В. М., 1974.— *Массон В. М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (Перспективы исследования).— Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.
Массон В. М., 1976.— *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.).— Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.
Массон В. М., 1977.— *Массон В. М.* Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии.— История и культура античного мира. М., 1977.
Массон В. М., 1981.— *Массон В. М.* Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы периодизации и хронологии).— ОНУ. 1981, № 4.
Массон В. М., Кошеленко, 1981.— *Массон В. М., Кошеленко Г. А.* Исследование кушанского городища Зар-тепе.— АО—80. 1981.
Массон М. Е., 1971.— *Массон М. Е.* Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии.— История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства. М., 1971.
Массон М. Е., 1974.— *Массон М. Е.* Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224—651) на территории советских республик Средней Азии.— Труды ЮТАКЭ. Т. 15. Аш., 1974.
Материальная культура.— Материальная культура таджиков верховьев Заравшана. Душ., 1973.
Медведская, 1976.— *Медведская И. Н.* Новый кушанский могильник в Бешкентской долине.— АО—75. 1976.
Медведская, 1977.— *Медведская И. Н.* Работы Шаартузского отряда.— АО—76. 1977.
Медведская, 1979.— *Медведская И. Н.* Раскопки в Шаартузе в 1974 г.— АРТ. Вып. 14 (1974). Душ., 1979.
Медведская, 1980.— *Медведская И. Н.* Раскопки в Шаартузе в 1975 г.— АРТ. Вып. 15 (1975). Душ., 1980.
Медведская, 1983.— *Медведская И. Н.* Раскопки Шаартузского отряда в 1977 г.— АРТ. Вып. 17 (1977). Душ., 1983.
Мешкерис, 1962.— *Мешкерис В. А.* Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
Мошкова, Рындина, 1983.— *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья.— Очерки технологии древнейших производств. М., 1983.
Некрасова, 1976.— *Некрасова Е. Г.* Древняя керамика Шерабадского оазиса (По материалам шурфовок на мелких поселениях).— Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.
Немцева, 1969.— *Немцева Н. Б.* Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана.— СА. 1969, № 3.
Обельченко, 1978.— *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда.— СА. 1978, № 4.
Окладников, 1958.— *Окладников А. П.* Исследование памятников каменного века Таджикистана. Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг. М.— Л., 1958 (МИА, № 66).
Орбели, Тревер, 1935.— *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.— Л., 1935.
Пидаев, 1974.— *Пидаев Ш. Р.* Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии.— Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.
Пидаев, 1978.— *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Таш., 1978.
Пидаев, 1984.— *Пидаев Ш. Р.* Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.).— Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984.

Пилипко, 1975.— *Пилипко В. Н.* Археологические памятники кушанского времени на побережье среднего течения Амударьи (в пределах Туркменской ССР).— ЦАКЭ. Т. 2. М., 1975.
Пилипко, 1976.— *Пилипко В. Н.* Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе.— Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.
Пилипко, 1978.— *Пилипко В. Н.* Топография находок кушанских монет на побережье средней Амударьи. История и археология Средней Азии. Аш., 1978.
Пилипко, 1985.— *Пилипко В. Н.* Поселения Северо-Западной Бактрии. Аш., 1985.
Пичикян, 1980.— *Пичикян И. Р.* Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии.— СА. 1980. № 4.
Пугаченкова, 1966.— *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Таш., 1966.
Пугаченкова, 1968.— *Пугаченкова Г. А.* К изучению памятников Северной Бактрии.— ОНУ. 1968, № 8.
Пугаченкова, 1973.— *Пугаченкова Г. А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
Пугаченкова, 1976.— *Пугаченкова Г. А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. [Вып. 1]. М., 1976.
Пугаченкова, 1979.— *Пугаченкова Г. А.* Жига-тепе (раскопки 1974 г.).— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979.
Пугаченкова, 1981.— *Пугаченкова Г. А.* К датировке и интерпретации трех предметов «восточного серебра» из коллекции Эрмитажа.— Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
Пугаченкова, Ремпель, 1965.— *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965.
Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978.— *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Таш., 1978.
Пьянкова, 1981.— *Пьянкова Л.* Юго-западный Таджикистан в эпоху бронзы.— Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 1. М., 1981.
Равич, 1983.— *Равич И. Г.* Эталоны микроструктур оловянной бронзы.— Художественное наследие. 1983, № 8 (38).
Равич, Седов, Шемаханская, 1982.— *Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С.* Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана.— Естественные науки и археология в изучении древних производств (Материалы совещания 27 марта 1981 г.). М., 1982.
Равич, Седов, Шемаханская, 1985.— *Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С.* Опыт технологического исследования позднекушанских бронз.— Художественные памятники и проблемы истории культуры Востока. Л., 1985.
Равич, Шемаханская, 1982.— *Равич И. Г., Шемаханская М. С.* О возможности изучения минерализованного археологического металла.— Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982.
Раевская, 1971.— *Раевская Т. А.* К вопросу о методе датировки некоторых памятников сасанидской глиптики.— Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969 г.). Доклады. М., 1971.
Ранов, Амосова, 1975.— *Ранов В. А., Амосова А. Г.* Новая стоянка каменного века в Бишкентской долине.— АО—74. 1975.
Распопова, 1980.— *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
Ремпель, 1953.— *Ремпель Л. И.* Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении.— Труды ЮТАКЭ. Т. 2. Аш., 1953.
Ртвеладзе, 1977.— *Ртвеладзе Э. В.* Несколько древнеегипетских предметов из Северной Бактрии.— СА. 1977, № 2.
Ртвеладзе, 1982.— *Ртвеладзе Э. В.* Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии-Тохаристане (По данным нумизматики).— ОНУ. 1982, № 1.
Ртвеладзе, 1983а.— *Ртвеладзе Э. В.* Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе.— СА. 1983, № 2.
Ртвеладзе, 1983б.— *Ртвеладзе Э. В.* К истории Южного Узбекистана в эфталитское время.— Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1983.
Ртвеладзе, 1985а.— *Ртвеладзе Э. В.* К истории эфталитов-алхонов.— Конференция «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры, археологии». Тезисы докладов. Таш., 1985.
Ртвеладзе, 1985б.— *Ртвеладзе Э. В.* [Рец. на: *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаишах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983].— ВДИ. 1985, № 4.
Ртвеладзе, Маликов, 1977.— *Ртвеладзе Э. В., Маликов О. С.* Рекогносцировка в Чаганиане.— АО—76. 1977.
Ртвеладзе, Пидаев, 1981.— *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Таш., 1981.
Рутковская, 1962.— *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва.— Труды ЮТАКЭ. Т. 11. Аш., 1962.

Сабиров, 1976.— *Сабиров К. С.* Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе.— Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.
Сабиров, Пилипко, 1974.— *Сабиров К. С., Пилипко В. Н.* Раскопки оборонительных сооружений городища Зар-тепе.— Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.
Седов, 1977.— *Седов А. В.* Работы в Шаартузском районе.— АО—76. 1977.
Седов, 1978.— *Седов А. В.* Работы в Бешкентской долине.— АО—77. 1978.
Седов, 1979а.— *Седов А. В.* Раскопки курганов и поселений в Бешкентской долине.— АО—78. 1979.
Седов, 1979б.— *Седов А. В.* Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике.— Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
Седов, 1982.— *Седов А. В.* Работы Шаартузского отряда в 1976 г.— АРТ. Вып. 16 (1976). Душ., 1982.
Седов, 1983а.— *Седов А. В.* Разведки и раскопки в Бешкентской долине.— АРТ. Вып. 17 (1977). Душ., 1983.
Седов, 1983б.— *Седов А. В.* Археологические комплексы Бактрии-Тохаристана VII в. до н. э.— V в. н. э.— Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1985.
Седов, 1984.— *Седов А. В.* Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи.— СА. 1984, № 3.
Седов, Керзум, 1984.— *Седов А. В., Керзум А. П.* Раскопки в Бешкентской долине в 1978 г.— АРТ. Вып. 18 (1978). Душ., 1984.
Семенов, 1957.— *Семенов А. А.* Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого).— ИООН АН ТаджССР. Вып. 14. Сталинабад, 1957.
Соловьев, 1973.— *Соловьев В. С.* Керамика Кафыр-калы (раскопки 1969—1970 гг.).— АРТ. Вып. 10 (1970). М., 1973.
Ставиский, 1977.— *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
Ставиский, 1982.— *Ставиский Б. Я.* Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг.— Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974—1977 гг. М., 1982.
Ставиский, Сергеева, 1975.— *Ставиский Б. Я., Сергеева Л. К.* Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг. (предварительное сообщение).— Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972—1973 гг. М., 1975.
Степи Евразии.— Степи Евразии в эпоху средневековья.— Археология СССР. М., 1981.
Сычева, 1975.— *Сычева Н. С.* Керамика Кара-тепе.— Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972—1973 гг. М., 1975.
Таджики...— Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душ., 1970.
Тереножкин, 1950.— *Тереножкин А. И.* Раскопки в кухендизе Пянджикента. М.— Л., 1950 (МИА, № 15).
Толстов, 1948.— *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
Топрак-кала.— Топрак-кала. Дворец. М., 1984.
Трудновская, 1952.— *Трудновская С. А.* Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала.— Труды ХАЭЭ. Т. 1. М., 1952.
Тургунов, 1973.— *Тургунов Б. А.* К изучению Айртама.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973.
Усманова, 1969.— *Усманова З. И.* Новые данные к археологической стратиграфии Эркалы.— Труды ЮТАКЭ. Т. 14. Аш., 1969.
Филанович, 1974.— *Филанович М.* Гяур-кала.— Труды ЮТАКЭ. Т. 15. Аш., 1974.
Фрай, 1972.— *Фрай Р.* Наследие Ирана.— Культура народов Востока. Материалы и исследования. М., 1972.
Хазанов, 1971.— *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М. 1971.
Хмельницкий, 1965.— *Хмельницкий С. Г.* От конструкции к орнаменту (Эволюция развития кирпичной «елочной» кладки в среднеазиатской архитектуре).— Искусство таджикского народа. Вып. 3. Душ., 1965.
Ходжайов, 1980.— *Ходжайов Т. К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Таш., 1980.
Хроника, 1953.— Хроника работ ТАЭ с 1946 по 1951 г. М.— Л., 1953 (МИА, № 37).
Шишкина, 1961.— *Шишкина Г. В.* Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом.— ИМКУ. Вып. 2. Таш., 1961.
Щетенко, 1974.— *Щетенко А. Я.* Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе.— Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974.
Юркевич, 1965.— *Юркевич Э. Я.* Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.— СА. 1965, № 4.
Antonini, 1979.— *Antonini Ch. Silvi.* A Short Note on the Pottery from Tapa Sardar.— South Asian Archaeology, 1977. Papers from the IV International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, held in the Instituto Universitario Orientale, Naples. Ed. by M. Taddei. Vol. 2. Naples, 1979.

Ball, Gardin, 1982.— *Ball W., Gardin J.-Cl.* Archaeological Gazetteer of Afghanistan. T. 1—2. P., 1982.
Bivar, 1956.— *Bivar A. D. H.* The Kushano-Sassanian Coin Series.— JNSI. Vol. 17, pt 1, 1956.
Bivar, 1968.— *Bivar A. D. H.* Kushan and Kushano-Sasanian Seals and Kushano-Sasanian Coins: Sasanian Seals in the British Museum.— Corpus Inscriptionum Iranicarum, pt 3. Pahlavi Inscriptions. Vol. 6. Seals and Coins. L., 1968.
Bivar, 1979.— *Bivar A. D. H.* The Absolute Chronology of the Kushano-Sasanian Governors in Central Asia.— Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
Bivar, 1983.— *Bivar A. D. H.* The History of Eastern Iran. Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Ed. by E. Yarshater. Cambridge. 1983.
Boyce, 1977.— *Boyce M.* A Persian Stronghold of Zoroastrianism. Oxf., 1977.
Chaqalaq Tepe.— Chaqalaq Tepe. Fortified Village in North Afghanistan Excavated in 1964—1967. Ed. by E. S. Mizuno. Kyoto, 1970.
Cunningham. 1895.— *Cunningham A.* Later Indo-Scythians.— Numismatic Cronikle. T. 13. Ser. III. L., 1895.
Curiel, 1953.— *Curiel R.* Le Trésor du Tepé Maranjan.— MDAFA. T. 14, 1953.
Dalton, 1964.— *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metalwork. Ed. 3, L., 1964.
Davies, 1919.— *Davies G. M.* Tin Ores. Imperial Inst. 1919.
Desh, 1933—1934.— *Desh C. H.* The Origin of Bronze.— The Newcomen Society. Transaction. 1933—1934. Vol. 14.
Durman Tepe — Durman Tepe and Lalma. Buddhist Sites in Afghanistan Surveyed in 1963—1965. Ed. by prof. S. Mizuno. Kyoto University, 1968.
Enoki, 1969.— *Enoki K.* On the Date of the Kidarites (1).— MRDTB. № 27, 1969.
Enoki, 1970.— *Enoki K.* On the Date of the Kidarites (2).— MRDTB. № 28, 1970.
Francfort, 1984.— *Francfort H.-P.* Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles.— Fouilles d'Aï Khanoum, III.— MDAFA. T. 27. P., 1984.
Frye, 1983.— *Frye R. N.* The Political History of Iran under the Sasanians.— The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods. Ed. by E. Yarshater. Cambridge, 1983.
Ghirshman, 1946.— *Ghirshman R.* Bégram. Recherches archéologiques et historique sur les Kouchans.— MDAFA. T. 12. Caire, 1946.
Ghirshman. 1948.— *Ghirshman R.* Les Chionites-Hephtalites. MDAFA. T. 13. Caire, 1948.
Göbl, 1967.— *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 1—4. Wiesbaden. 1967.
Göbl, 1973.— *Göbl R.* Der Sāsānidische Siegelkanon. Braunschweig, 1973.
Göbl, 1984.— *Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des KuŠānreiches. Wien, 1984.
Gropp, 1969.— *Gropp G.* Die Funktion des Feuertempels der Zoroastrien.— AMI. N. F., Bd. 2. B., 1969.
Hackin, Carl, Meunié, 1959.— *Hackin J., Carl J., Meunié J.* Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933—1940).— MDAFA. T. 8. P., 1959.
Harmatta, 1969.— *Harmatta J.* Late Bactrian Inscriptions.— Acta Antiqua Hungarica. T. 17, 3—4. Budapest, 1969.
Herzfeld, 1930.— *Herzfeld E.* Kushano-Sasanian Coins.— Memoirs of the Archaeological Survey of India. Calcutta, 1930, № 38.
Kuwayama. 1974.— *Kuwayama Sh.* Kapisi Begram III: Renewing its Dating.— Orient. Vol. 10, 1974.
Litvinskij, 1981.— *Litvinskij B. A.* Kalai-Kafirnigan. Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan.— East and West. New Series. Vol. 31, № 1—4, 1981.
Litvinsky, Pichikyan, 1983.— *Litvinsky B. A., Pichikyan I. R.* Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bastria).— AA. T. 28. Fasc. 1—4. Budapest, 1983.
Marshall, 1951.— *Marshall J.* Taxila. Vol. 1—3. Cambridge, 1951.
Masson, 1984.— *Masson V. M.* The Forgotten Kushan Empire: New Discoveries at Zartepe.— Archaeology. Vol. 37, 1984.
Otto, Witter, 1952.— *Otto H., Witter W.* Handbuch der ältesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa. Lpz., 1952.
Rosenfield, 1967.— *Rosenfield J.* The Dinastic Arts of the Kushans. Berkeley — Los Angeles, 1967.
Strelkoff, 1967.— *Strelkoff A.* Irān and the Pre-Islamic Art of West Turkistan.— SPA. Vol. 1 (text), vol. 7 (plates). Tehran—London—New York—Tokyo, 1967.
Trousdale, 1975.— *Trousdale W.* The Long Sword and Scabbard Slide in Asia.— Smithsonian Contributions to Antropology. Number 17. Washington, 1975.
Yamasaki. Murozumi, 1978.— *Yamasaki K., Murozumi M.* Lead Isotope Ration in Some Japanese and Chinese Archaeological Bronzes.— Reports International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property. Tokyo, 1978.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. М.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад, Душ., М.
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВНИИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации.
ГМИНВ — Государственный Музей искусства народов Востока.
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Таш.
ИООН АН ТаджССР — Известия отделения общественных наук АН ТаджССР. Сталинабад, Душ.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Таш.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СНВ — Страны и народы Востока. М.
СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТОВ(Г)Э — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЦАКЭ — Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.
ЭВ — Эпиграфика Востока. Л.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комилексная экспедиция.
ЮТАЭ — Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция.
AA — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AMI — Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Neue Folge. B.
JNSI — Journal of the Numiasmatic Society of India. Varanasi — Delhi.
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. P. Le Caire.
MRDTB — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library). Tokyo.
SPA — A Survey of Persian Art. From Prehistoric Times to the Present. Vol. 1—14. Tehran — London — New York — Tokyo, 1967 (reprint).

1/26 Заказ № 123

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Азия 60
Аджина-тепе 147
Ай-Ханум 64, 66, 76, 149
Айвадж 110
Айваджские пещеры 6
Айваджское городище 148
Айртам 50
Ак-курган 3, 50, 63, 67, 87, 88, 99
Ак-тепе 6, 7, 108, 109, 110, 111
Ак-тепе II 7, 11, 23, 26, 27, 34, 36, 39, 44, 48, 49, 50—52, 54, 55, 58—60, 63, 64, 66—72, 74, 76, 77, 85, 87, 88, 92, 95, 96, 103, 104, 105, 106, 111, 112, 116, 117, 125, 127, 130—134, 144, 147
Актау, хр. 3
Аличур II, могильник 147
Амида 97
Амударья, р. 3, 5, 7, 11, 40, 41, 44, 62, 66, 67, 77, 90, 94, 99, 100, 101, 107, 108, 109, 115, 151, 152
Амударьинский клад 107
Аруктау, хр. 3, 4
Аруктауский могильник 6
Аул-тепа 52, 65
Афрасиаб 149
Аяз-кала 3, городище 49

Баба-ата 60
Бабатаг, хр. 112
Бабашовский могильник 59, 66, 74
Бактрия 97, 107
Бактрия — Тохаристан 3, 7, 9, 50, 59, 70, 75, 76, 78, 82—84, 93, 96, 97, 99, 100—102, 105, 106, 107, 109, 114, 115, 116, 146, 147, 150, 152
Балалык-тепе 49, 50, 52, 74, 89, 152
Балх 98, 101
Беграм 63, 66, 71
Безымянное, поселение 7, 11, 31, 48, 49, 51, 54, 56, 96, 102, 106, 110, 111, 112, 133, 134, 149
Берляш, сел. 6
Бишкентская долина 3, 4, 5, 6, 7, 11, 23, 28, 31, 44, 47, 48, 59, 65, 66, 71, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 147, 151
БМ-I, могильник 7
БМ-II, могильник 7
БМ-III, могильник 7
БМ-IV, могильник 7
БМ-V, могильник 7
БМ-VI, могильник 7
БМ-VII, могильник 7, 71
БМ-VIII, могильник 7
Болдай-тепе 80, 93, 99
Бош-кала 7, 110

Варахша 63
Вахш, р. 3
Вахшская долина 56, 93, 95, 114, 115
Восток 97, 98, 106, 151

Гандхара 97
Гёбеклы 105
Гилян 151
Гиндукуш, хр. 63, 99, 101, 115
Гиссарская долина 5, 56, 94
Горгиппия 67
Греко-Бактрия 152

Дальверзин-тепе 3, 67, 72, 74, 81, 85, 94—96, 144, 149
Дальверзинский наус 70, 74, 95
Дарахша-тепе 7, 11, 23, 48—51, 54, 58, 110, 111, 112, 133, 134
Джига-тепе 3, 75, 83, 90, 96, 101—105, 116, 149, 150
Джулсайский могильник 76, 103
Дильберджин 3, 50, 63, 67, 70, 83, 89, 90, 95, 96, 101, 102, 105, 106, 114, 116, 150, 152
Доккы-Юнус 7
Дурман-тепе 3, 52, 67, 70, 75, 92, 115

Евразия 63, 69
Евразийский континент 60
Европейский континент 60
Емши-тепе 3
Ер-Курган 115

Западная Азия 60
Западная Фергана 76, 149
Западный Берлин 64

Зар-тепе 3, 21, 50, 67, 70, 83, 86, 87, 95, 99, 104, 106, 147, 151
Земм 102

Индия 82
Иран 9, 60, 97, 106, 116
Ичкоран, хр. 3

«Кааба Зороастра» 98
Калаи-Бишкент 6
Калаи-Кафирниган 50, 67, 149
Калаи-мир 5, 7, 107, 148
Калаи-Муг 150
Каменное городище, см. Тахти-Сангин 5, 6, 7, 42, 59, 107, 108, 109, 149
Кара-тепе 75, 83, 95, 99, 149, 151
Караджарский могильник 6
Каршинский оазис 65, 72
Кафирниган, р. 3, 4, 5, 11, 34, 36, 40, 48, 54, 107, 110, 111, 150
Кафыр-кала 50, 66, 74, 103
Кафыр-кала под Самаркандом 66
Каш 98
Кей-Кобад-шах 5, 7, 11, 39, 49, 50, 54, 74, 96, 108, 110, 148
Керки 109
Киргизия 63
Китай 60, 146
Клыч-Дувал 7, 11, 26, 27, 48, 52, 54, 111, 133, 134
Кобадабад 102
Кобадиан 3, 5—9, 11, 39, 44, 47, 49, 50, 54, 56, 68, 74, 77, 78, 79, 85, 86, 87, 88, 91, 96, 100, 102, 106—110, 112, 114, 115, 134, 148
Кобадианский оазис 3, 5, 6, 34, 39, 41, 64, 90, 107, 108, 109, 112, 114, 152
Кобадианский район 3
Кобадианское бекство 148
Кой-Крылган-Кала 66
Коккумский могильник 6, 47
Колхозабад 50
Корея 60
Кош-тепе 2, 72
Краснореченское городище 63, 72
Куган-тепе 82
Куёвкурган 152
Кундуз, р. 41, 115
Курган-Тюбинская область 3
Курджала-кум 3
Кухна-кала 94, 95
Кушанское царство 9, 97, 98, 107, 108, 109, 151
Кушаншахр 98
Кызыл-су, р. 3
Кызылтепинский могильник 59

Маргиана 151
Матхура 82
Месопотамия 152
Мерв 97
Мервский оазис 105
Мунчак-тепе 5, 11, 21, 34, 50, 52, 54, 56, 87, 96, 102, 106, 110
Мушистон 146

Нахри-Калон, канал 41, 108, 110
Нижнекафирниганская долина 3, 7, 107, 108, 110, 111, 112
Нижний Урта-боз II 149
Новабад, сел. 7, 41, 110
Новабад-кала 11, 41, 110

Окс, р. 107, 108

Парфия 9, 115
Пашкибур 98
Пенджикент 56, 58, 59, 60, 63, 65, 66, 74, 76, 89, 149, 150
Персеполь 72
Пянджский район 76
Пянджская долина 94

Самарканд 104
Сасанидское государство 98
Сасанидская империя 9, 97, 151
Саят, сел. 5, 11, 41, 42, 110
Северная Бактрия — Тохаристан 5, 59, 69, 71, 73, 81, 82, 96, 112, 144, 149, 152
Северное Причерноморье 67, 74
Северный Афганистан 56, 94, 115
Северный Тохаристан 77, 100, 101, 114
Согд 9, 63, 98, 114, 115
Согдиана 97
Средняя Азия 3, 6, 7, 9, 49, 51, 59, 68, 70, 74, 99, 104, 105, 114, 147, 149
Среднеазиатское Междуречье 62
Средняя Амударья 63
Старый Термез 95
Сурхандарья, р. 4, 50, 56, 94, 109, 115, 149, 152
Сурхандарьинская долина 109

Таджикистан 3, 51
Таджикская депрессия 3
Таджикская ССР 3
Так-и Бостан 98
Таксила 63, 66, 71, 72, 147
Тали-Барзу 104
Тартки, сел. 34, 110
Тахти-Сангин, см. Каменное городище 5, 6, 7; 42, 59, 107, 108, 109, 149
Тахти-Кувад 11, 41, 107
Тегерман-су II 147
Тепаи-шах 6, 44, 47, 55, 67, 74, 76, 88, 95, 103, 109, 149, 150
Тепе Маранджан 105
Термез 6, 102

Топрак-кала 49, 50, 63, 73, 74
Тохаристан 99, 102, 103, 109, 151, 152
Трансоксиана 115
Тулхарский могильник 6, 47, 58, 69, 74
Туп-хона, могильник 5, 74
Туткаул 104
Тюнтау, хр. 4, 26, 31, 48, 110

Уштур-мулло 6, 7, 11, 40, 54, 58, 92, 108, 149

Фанские горы 146
Фаяз-тепе 95

Хайрабад-тепе 70, 93, 96, 102
Халкаджар 3, 80
Халчаян 82
Хан-Газа 6, 11, 28, 31, 47, 49, 54, 96, 106, 108, 110—112
Харгуш II, могильник 147
Хишт-тепе 8, 11, 40, 54, 77
Ходжа-Дурбад 6
Ходжа-Машхад 6, 148
Ходжаи-Газийон, хр. 3
Хорезм 9, 49, 70, 115
Хотан 104

Центральная Азия 9, 60, 70, 114, 115

Чаганиан 102, 152
Чакалак-тепе 3, 47, 52, 63, 66, 67, 70, 75, 76, 91, 92, 96, 102, 105, 106, 115
Чач 98
Чилек 152
Чильбурдж 147
Чильучорчашма 4, 5, 11, 21, 26, 48, 108, 110, 111
Чильхона 147
Чимгалыш-тепе 6
Чопли-депе 63

Шаартуз, сел. 5, 34, 36, 110
Шаартузский район 3
Шах, оазис 6, 107, 110
Шерабадский оазис 94, 152
Шодмон-кала 7, 11, 36, 49, 52, 54, 56, 58, 95, 106, 110, 112, 130, 133, 134
Шур-тепе 11, 23, 48, 111

Южный Казахстан 60
Южный Согд 115
Южный Таджикистан 3, 6, 78, 104, 115, 150
Южный Узбекистан 100, 115, 152

Яван, сел. 6
Яванская долина 109, 115
Яванское городище 3, 70, 72, 78—80, 83, 88, 93, 95, 96, 99, 104, 116, 150
Ялангтуш-тепе 62, 74, 76, 95, 149, 151
Янгиабад, сел. 150

ИЛЛЮСТРАЦИИ

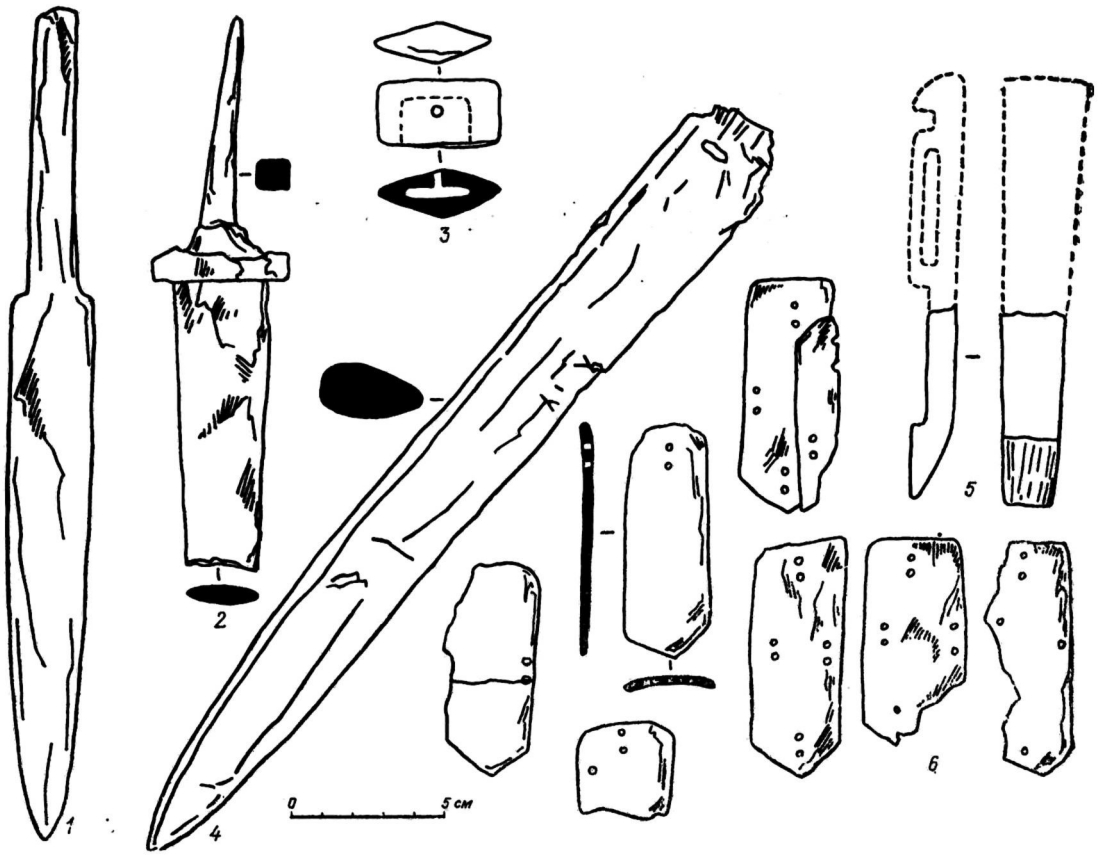


Табл. I. Предметы вооружения; кинжалы, панцирные пластины, скоба для подвешивания меча. Места находок:

1 — впускное погребение в кургане 1,48 Тулхарского могильника (по А. М. Мандельштаму); *2* — поселение Дарахша-тепе; *3, 6* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *4* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2; *5* — поселение Ак-тепе II, помещение 15 (*1, 2, 4, 6* — железо, *3, 5* — камень).

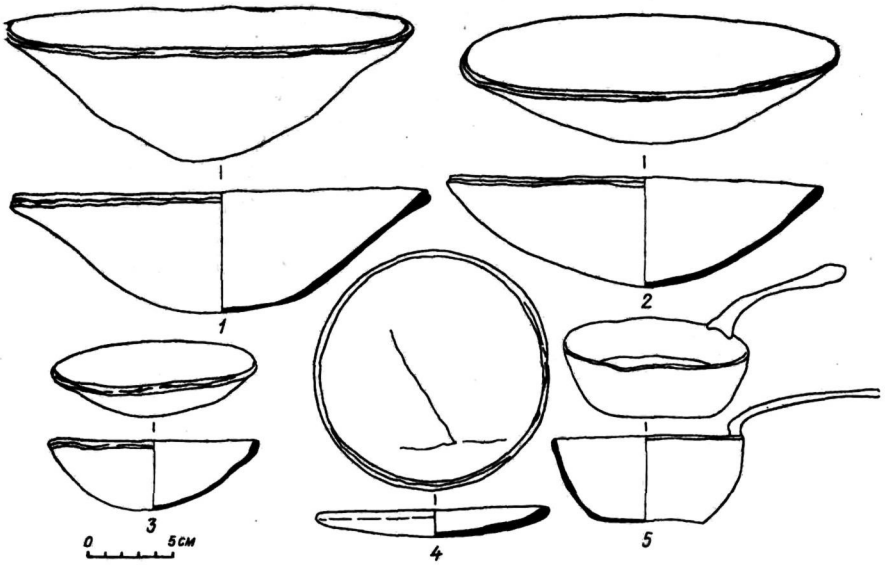


Табл. II. Бронзовая посуда: чаши, черпак. Места находок:
1—3, 5 — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *4* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2.

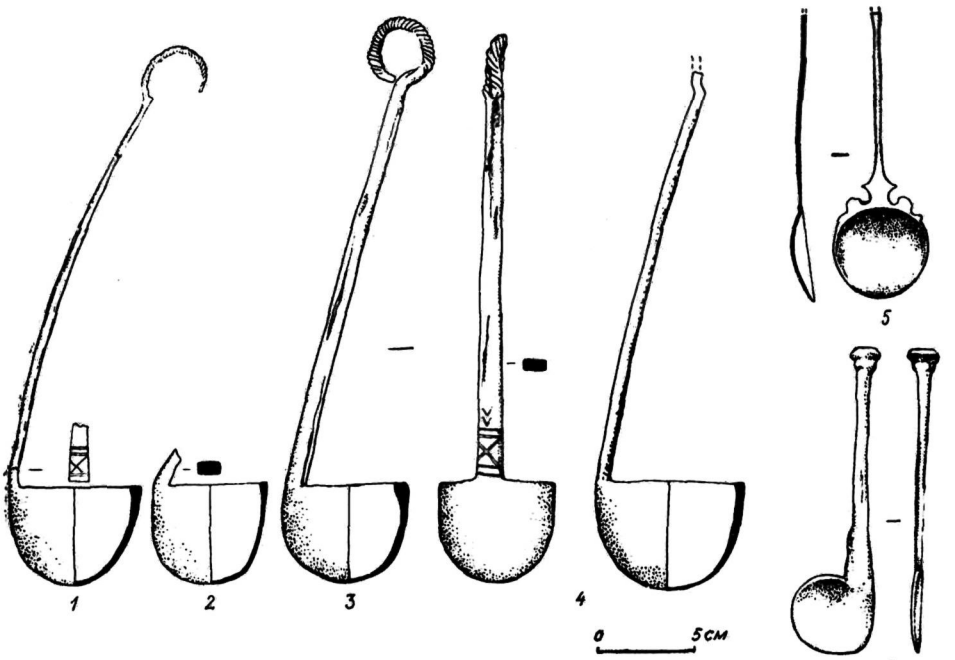


Табл. III. Бронзовая посуда: киафы, ложки. Места находок:
1—5 — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *6* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2.

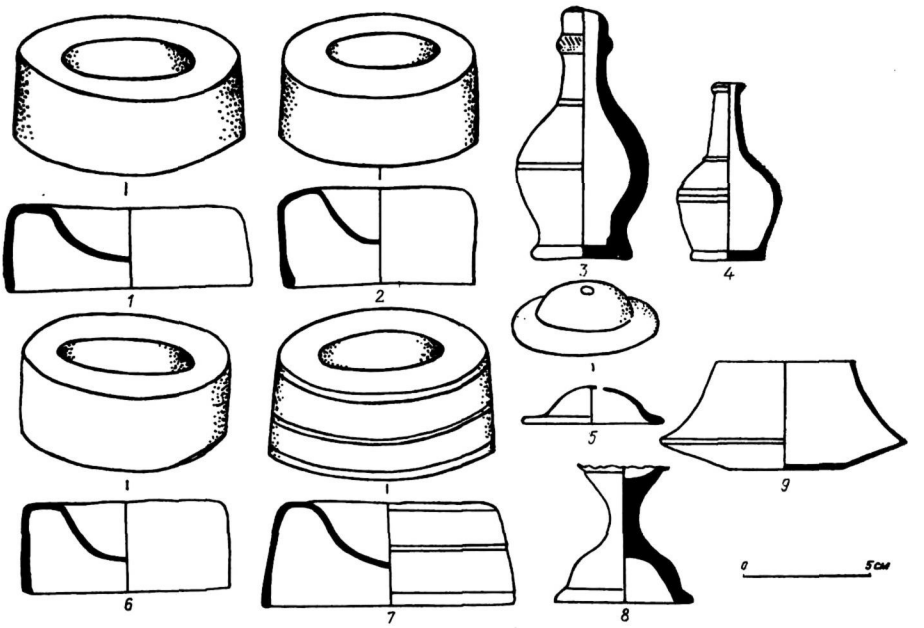


Табл. IV. Бронзовая посуда: «курильницы», бутылочки, биконический сосуд, крышечка, ножка бокала. Места находок:

1, 3, 6 — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *2, 4, 7* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2; *5* — поселение Ак-тепе II, помещение 10А; *8* — поселение Ак-тепе II, помещение 13; *9* — поселение Ак-тепе II, находка на поверхности.

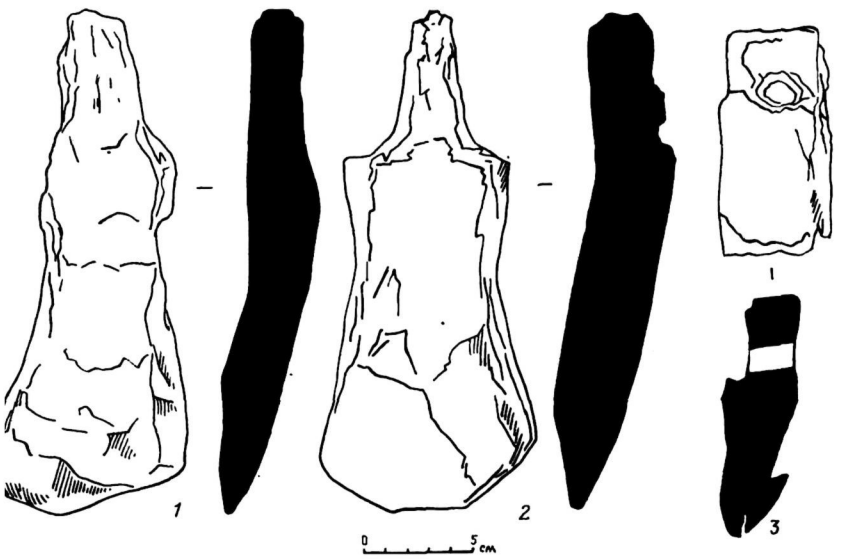


Табл. V. Орудия труда: мотыги, теша. Места находок:

1 — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *2* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2; *3* — поселение Ак-тепе II, яма третьего периода в помещении *16* (1—3 — железо).

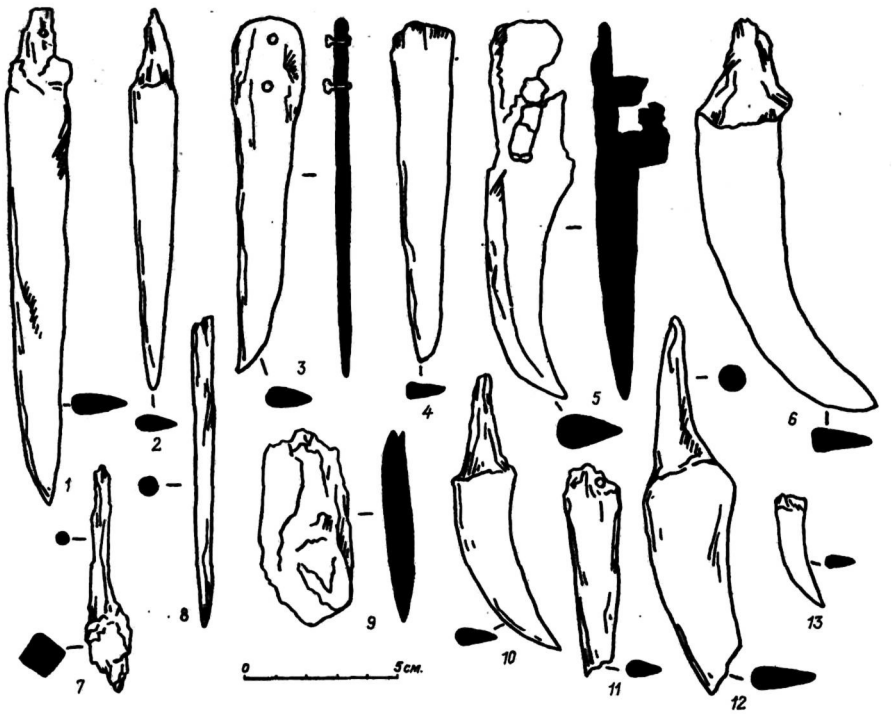


Табл. VI. Орудия труда: ножи, тесло, пробойник, шило. Места находок: *1, 2, 5, 7, 10, 12, 13* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма № 2; *3, 4, 6, 8, 9, 11* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1 (*1—13* — железо).

Табл. VII. Предметы хозяйственного обихода, предметы туалета, предметы, связанные с одеждой. Места находок:

1, 2 — поселение Ак-тепе II, раскоп IV, помещение 1; *3, 5, 6, 8, 16—18* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *4, 10* — поселение Ак-тепе II, раскоп I, помещение 5; *7, 11, 12* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2; *9* — поселение Ак-тепе II, раскоп I, помещение 11А; *13* — поселение Ак-тепе II, раскоп I, яма третьего периода в помещении 16; *14* — поселение Ак-тепе II, раскоп I, «улочка», второй период; *15* — поселение Ак-тепе II, раскоп IV, помещение 2 (*1—3* — кость; *4* — серебро, золото; *5, 6, 8, 13* — железо; *7* — рог; *9, 11, 16—18* — бронза; *10* — стекло; *12* — золото; *14* — камень; *15* — керамика).

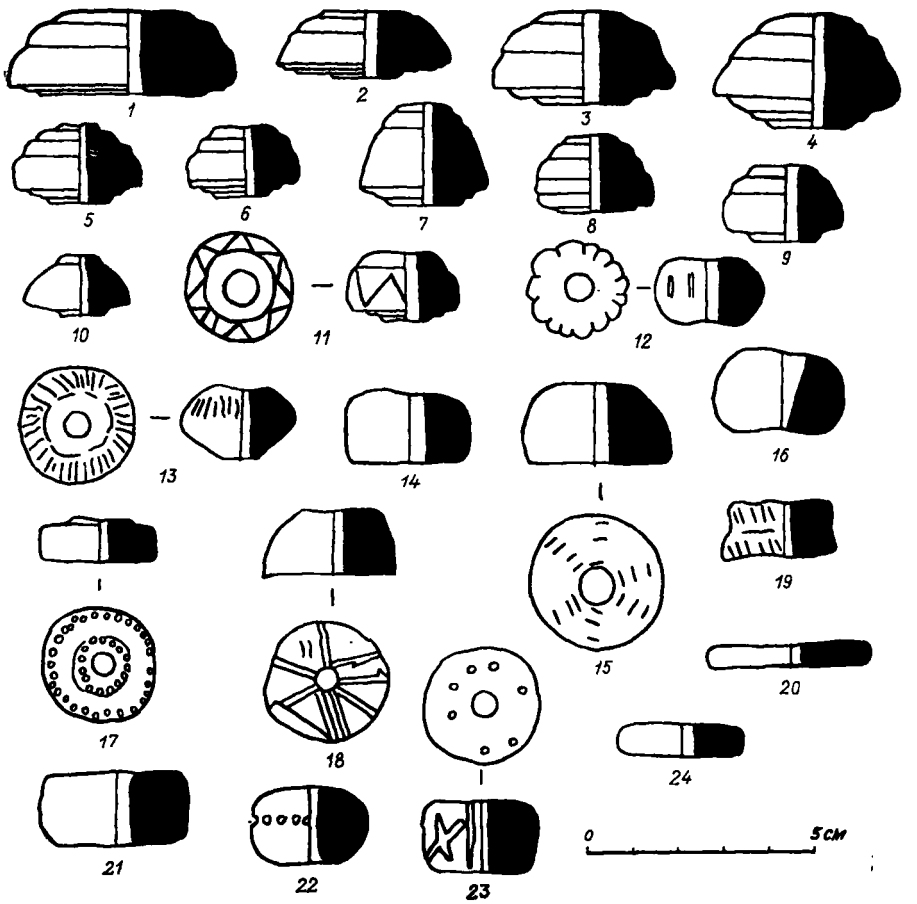


Табл. VIII. Пряслица. Места находок:

1—3, 8—12, 14, 15, 17, 18, 20 — поселение Ак-тепе II, находки на поверхности и в различных помещениях раскопов I и IV; *4, 6, 7, 13, 16, 19* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *5* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2; *21—24* — поселение Дарахша-тепе, шурф (*1—8, 10, 11* — камень; *9, 12—14, 16, 19—24* — керамика; *15, 17, 18* — глина).

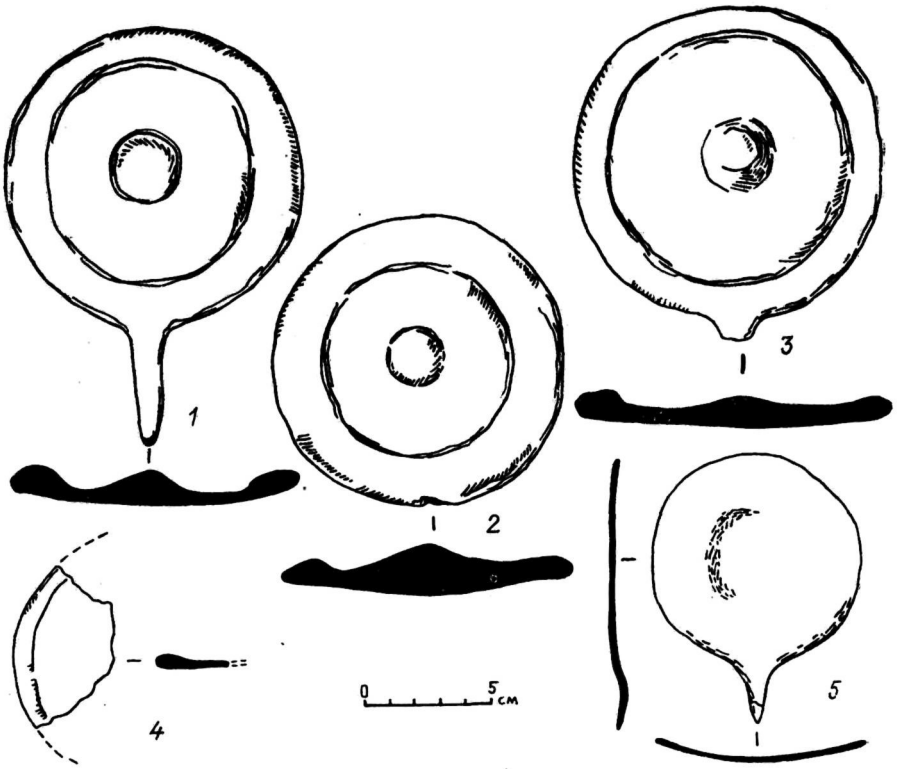


Табл. IX. Бронзовые зеркала. Места находок:
1—3 — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *4* — поселение Ак-тепе II, раскоп I, «улочка», второй период; *5* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2.

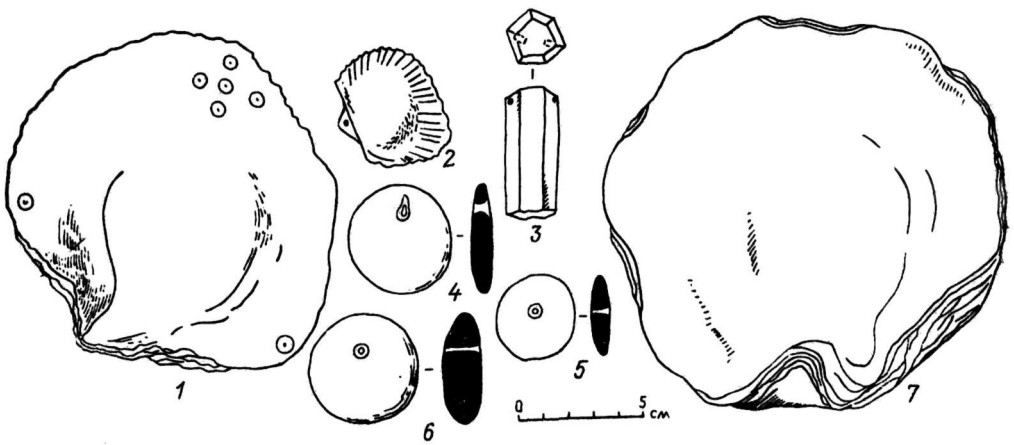


Табл. X. Раковины, подвески. Места находок:
1, 2 — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2; *3—7* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1 (*1, 2, 7* — раковины; *3—6* — камень).

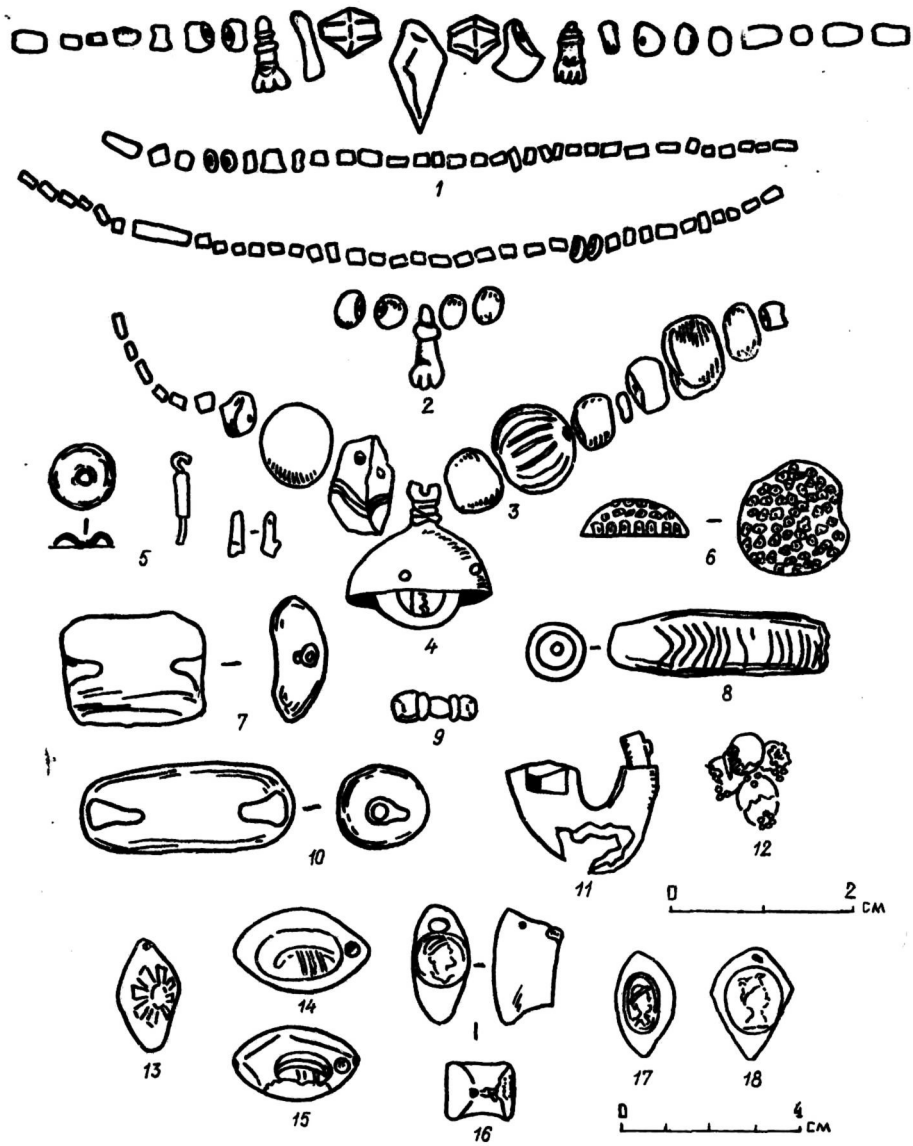


Табл. XI. Украшения, буллы. Места находок:

1, 2, 5, 7, 10, 13—18 — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 2; *3, 4, 8, 9, 11, 12* — поселение Ак-тепе II, «погребальная яма» № 1; *6* — поселение Ак-тепе II, раскоп IV, помещение 1 (*1* — коралл, камень, раковина, кость, стеклянная паста; *2* — камень, кость; *3* — камень, коралл; *4* — бронза, раковина; *5* — золото, серебро, бронза, камень; *6* — стеклянная паста; *7* — янтарь; *8, 10* — камень; *9* — раковина; *11, 12* — золото; *13—18* — глина).

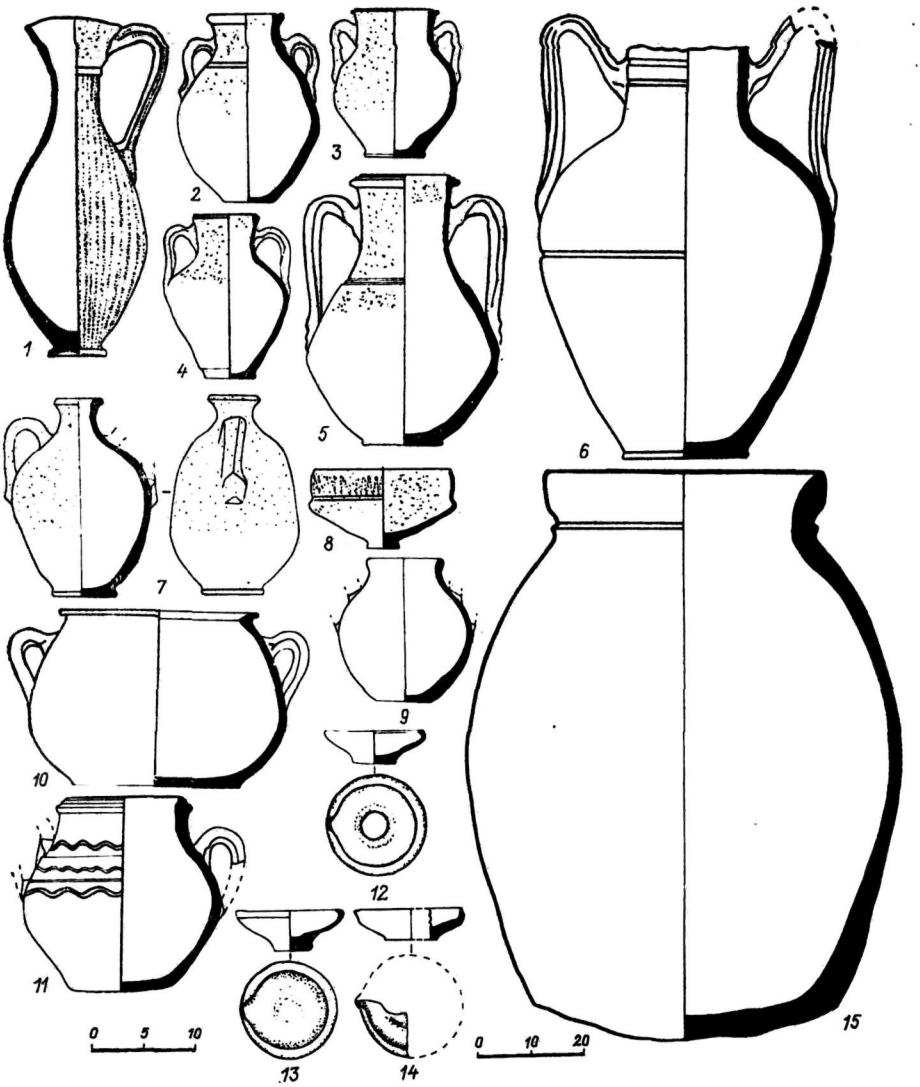


Табл. XII. Поселение Ак-тепе II. «Погребальная яма» № 1, керамика:

1 — ойнохоевидный одноручный кувшин; *2—4, 7, 9* — двуручные кувшинчики; *5, 6* — двуручные амфоровидные кувшины; *8* — чаша с «перехватом»; *10* — горшок; *11* — широкогорлый двуручный сосуд; *12—14* — светильники; *15* — хум.

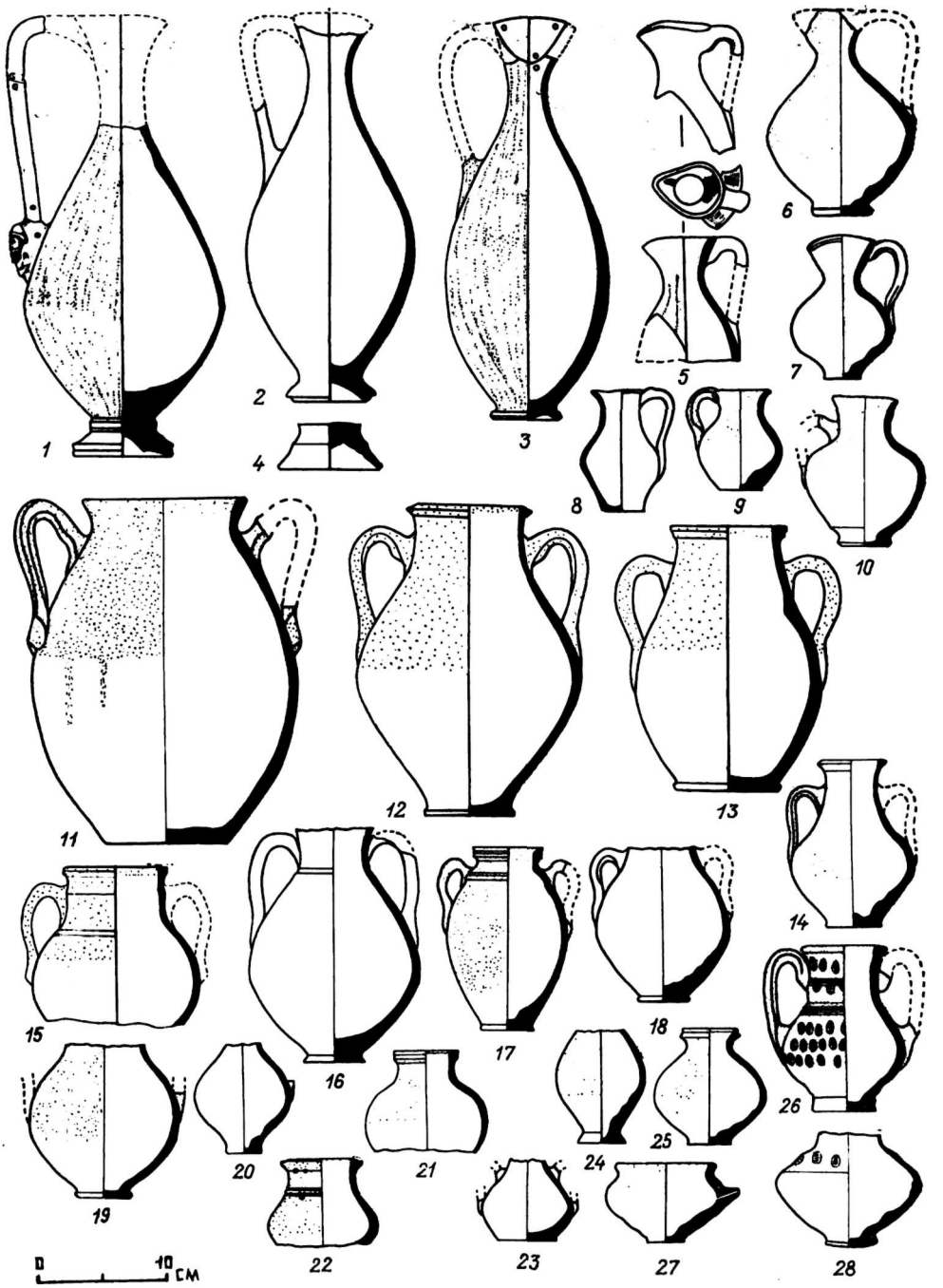


Табл. XIII. Поселение Ак-тепе II. Столовая керамика:

1—4 — ойнохоевидные одноручные кувшины; *5—10, 14, 17—28* — миниатюрные кувшины; *11—13, 15, 16* — двуручные амфоровидные кувшины.

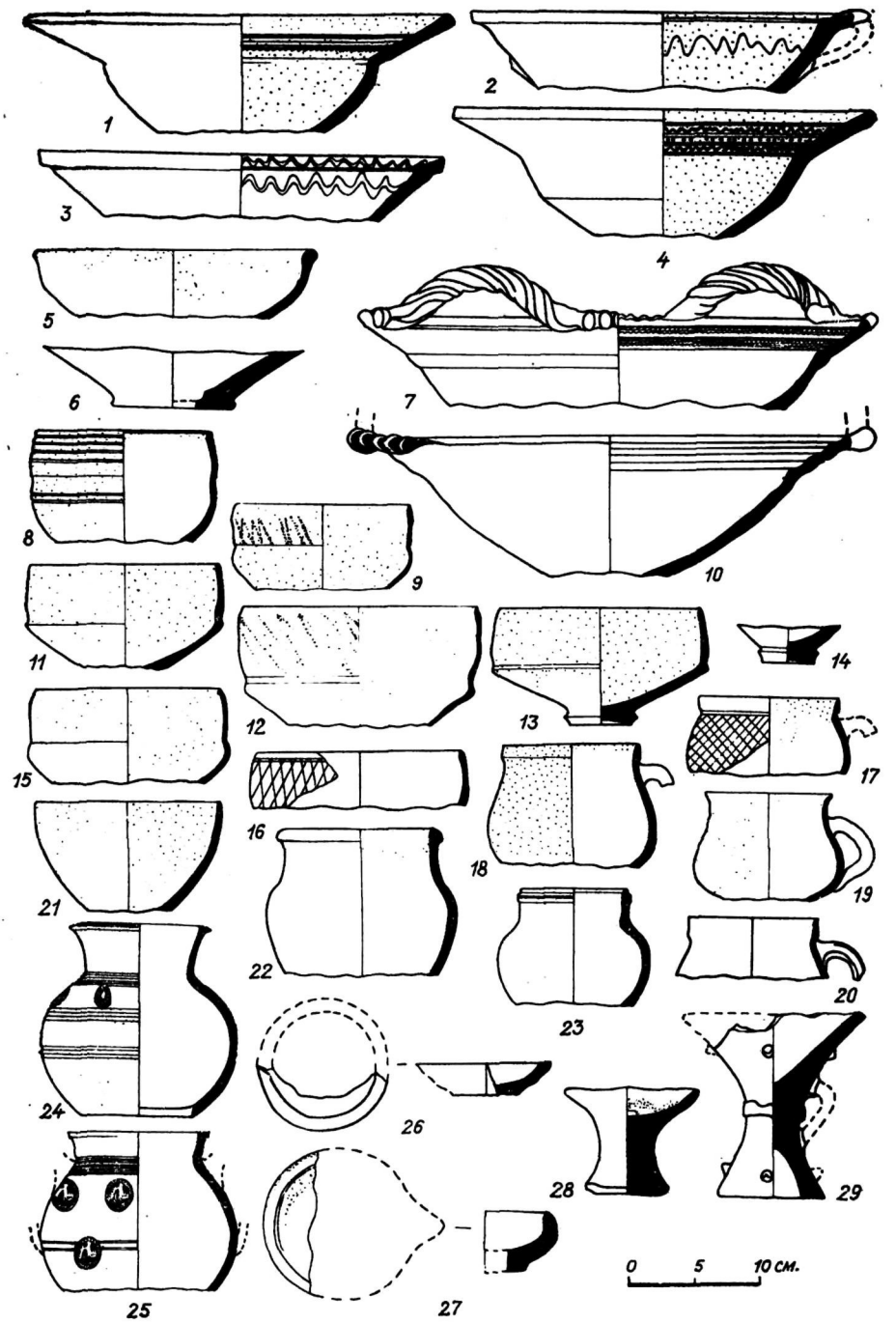


Табл. XIV. Поселение Ак-тепе II. Столовая керамика, единичные формы: *1—4, 6, 7, 10* — тагора; *5, 8, 9, 11—13, 15, 16, 21* — чаши; *14, 17—20* — кружки; *22—25* — широкогорлые сосуды; *26, 27* — светильники; *28, 29* — «курильницы».

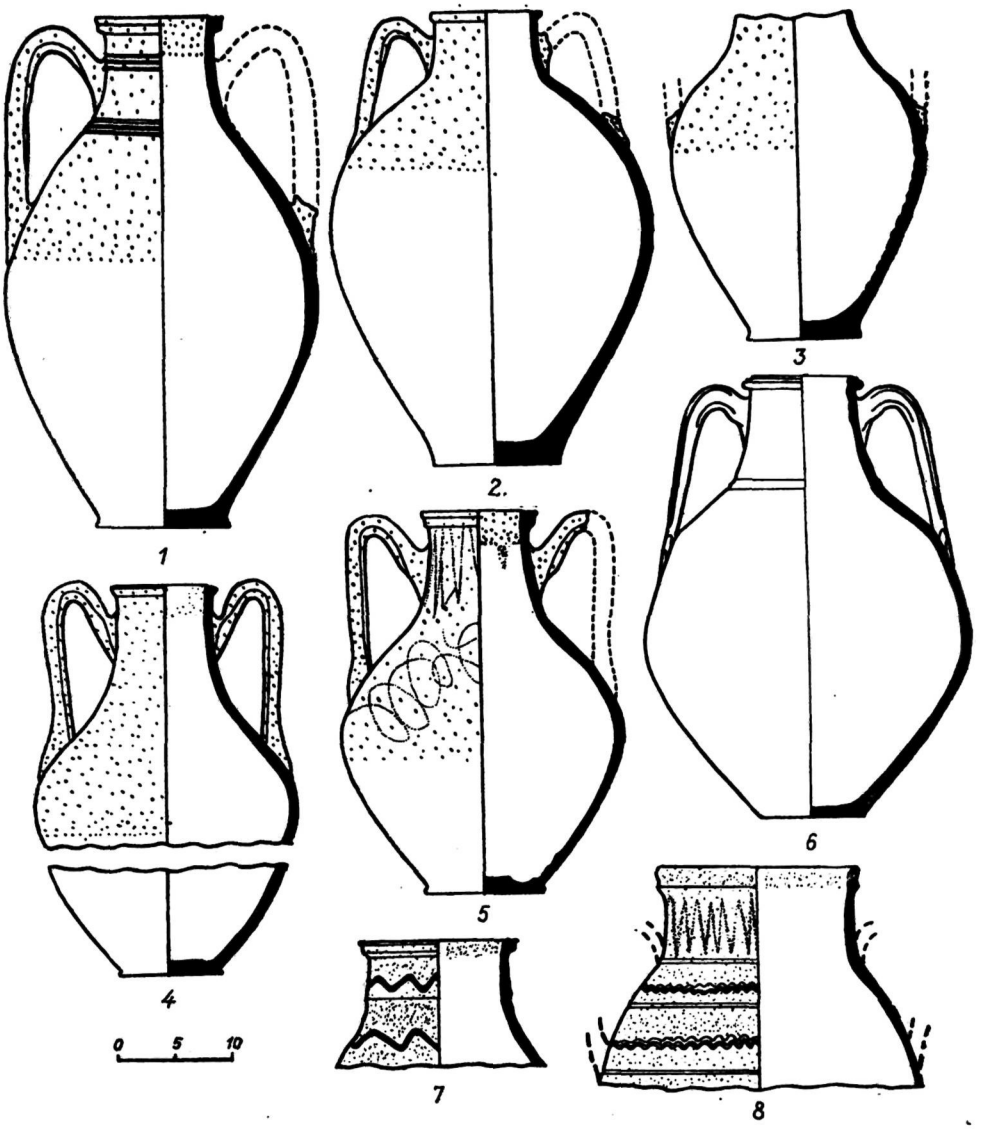


Табл. XV. Поселение Ак-тепе II. Столовая и тарная керамика:
1—3, 6—8 — тарные двуручные амфоровидные кувшины; *4, 5* — столовые двуручные амфоровидные кувшины.

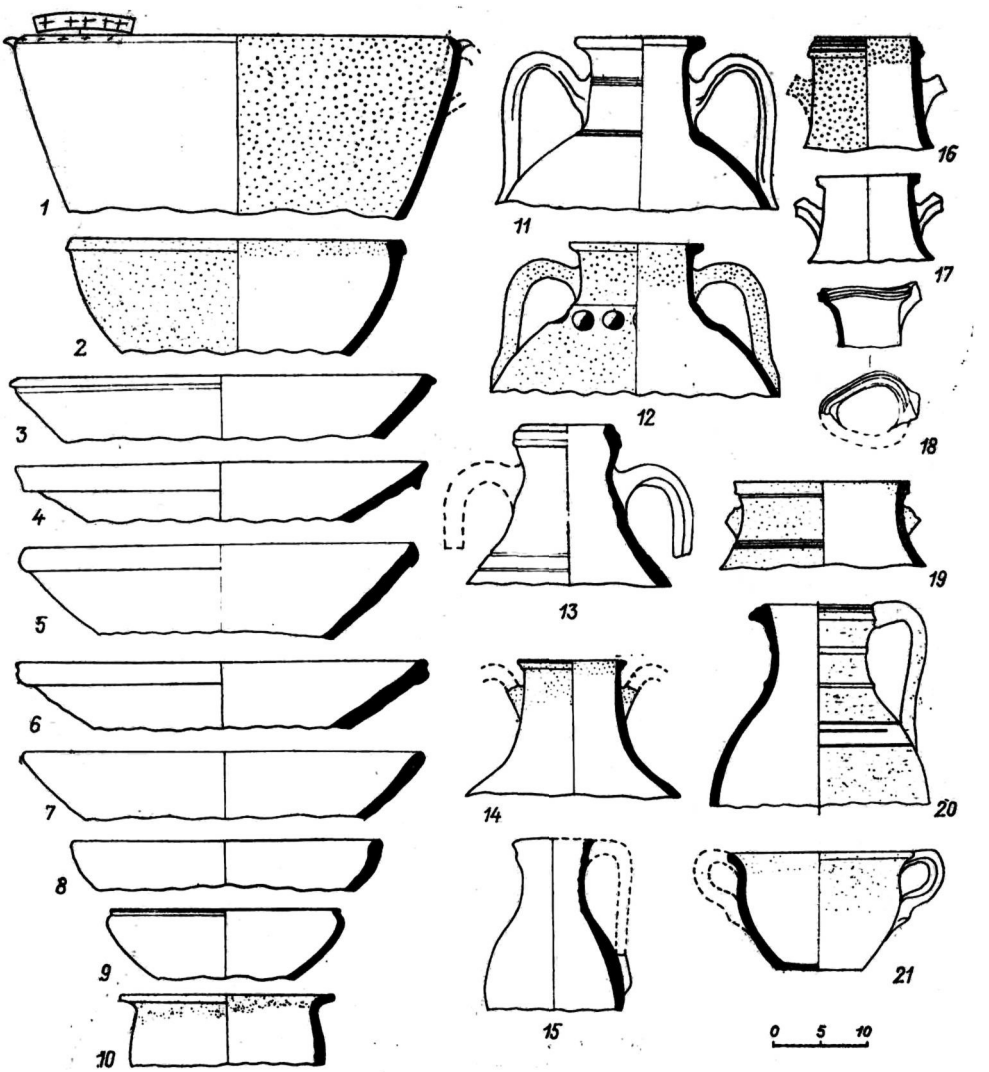


Табл. XVI. Поселение Ак-тепе II. Тарная керамика:

1—9 — тагора; *10*, *21* — горшки; *11—14*, *16*, *17*, *19* — двуручные амфоровидные кувшины; *15*, *18* — ойнохоевидные одноручные кувшины; *20* — одноручный кувшин.

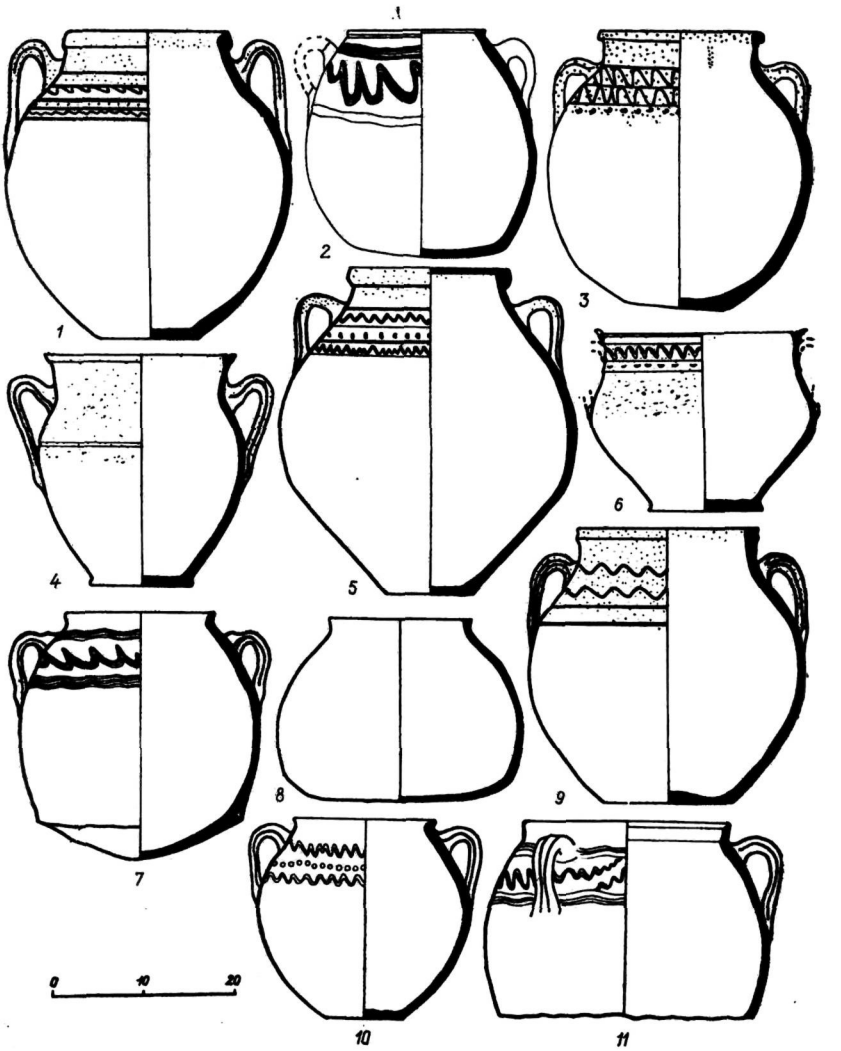


Табл. XVII. Поселение Ак-тепе II. Тарная и кухонная керамика:
1, 3—6, 9 — тарные широкогорлые двуручные сосуды; *2, 7, 10, 11* — кухонные горшки; *8* — котел.

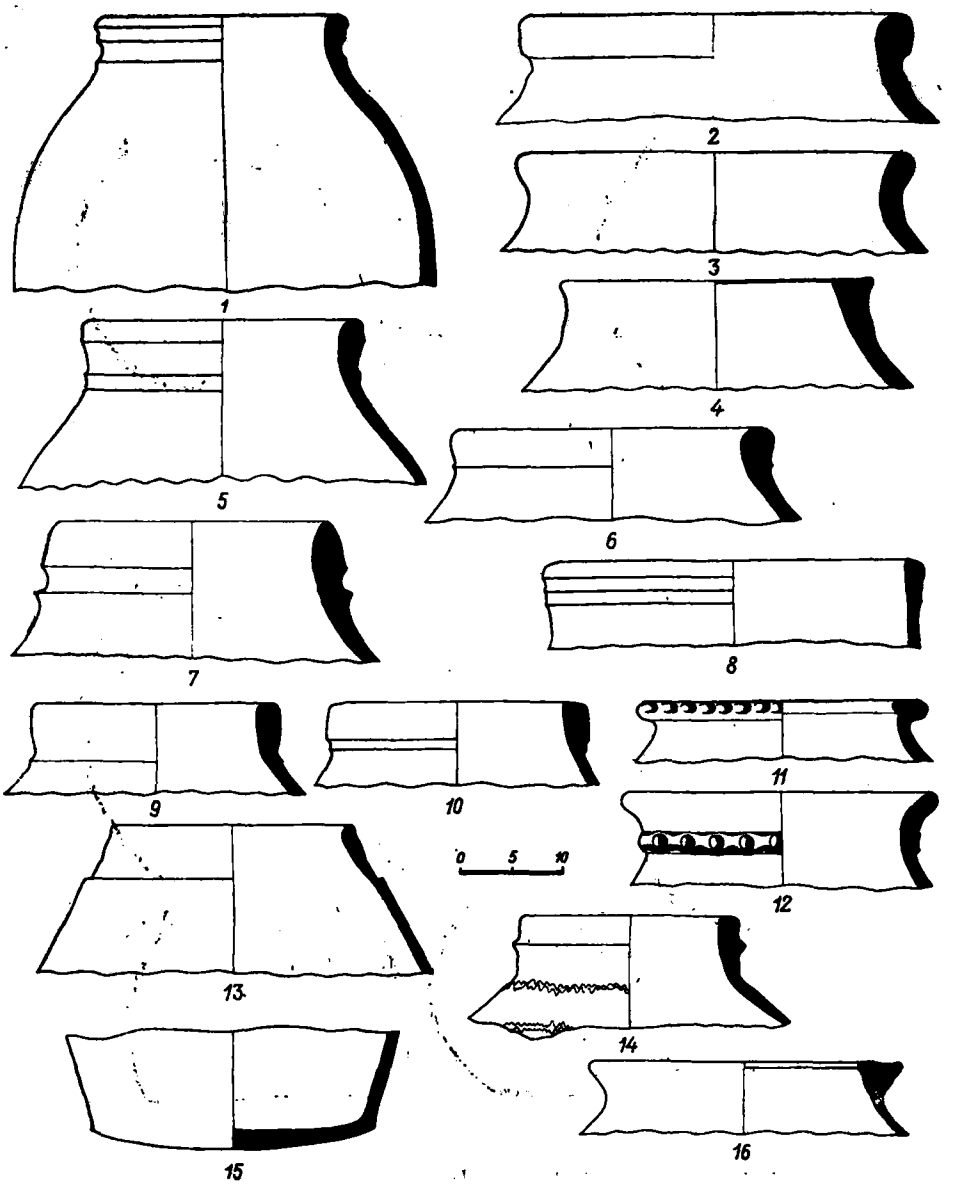


Табл. XVIII. Поселение Ак-тепе II. Тарная керамика:
1—16 — хумы и хумчи.

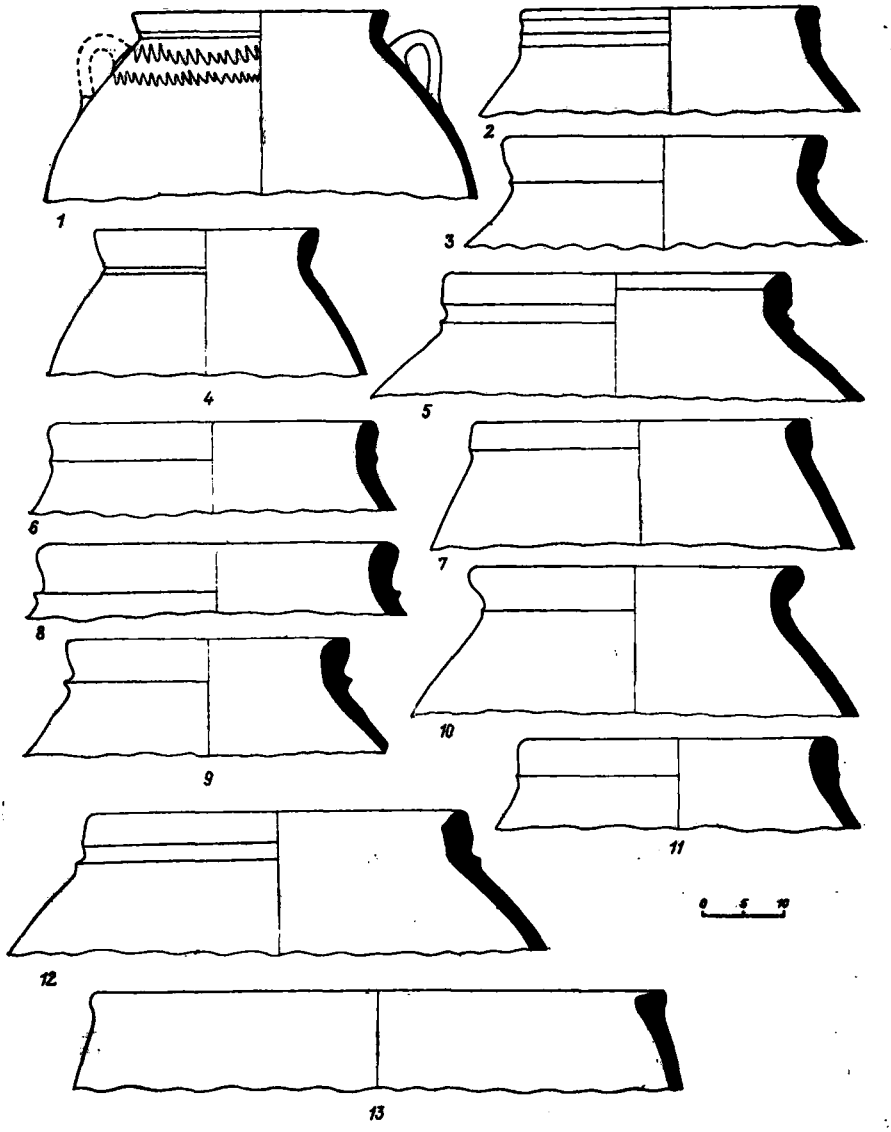


Табл. XIX. Поселение Ак-тепе II. Тарная керамика:
1—13 — **хумы и хумчи.**

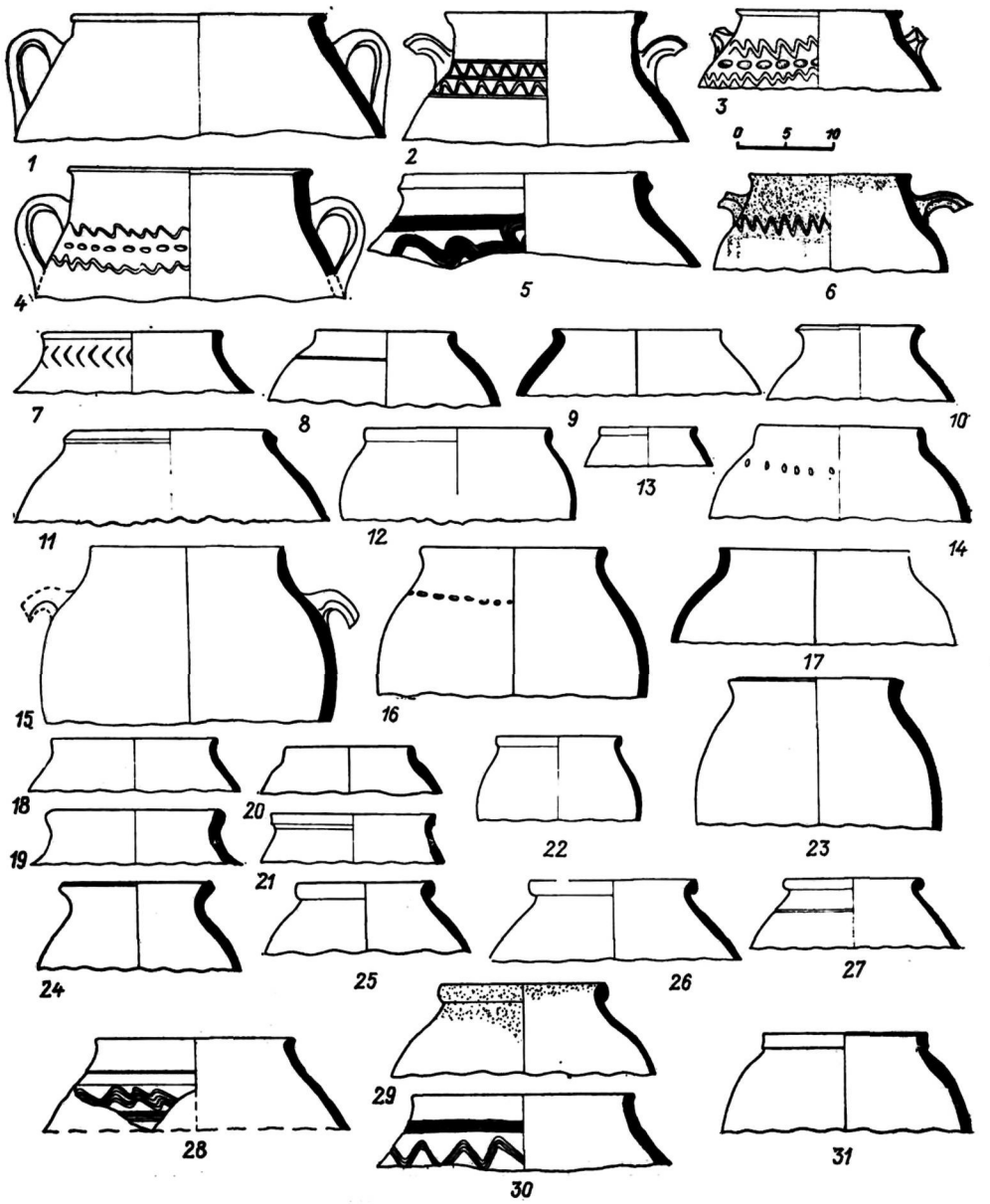


Табл. XX. Поселение Ак-тепе II. Тарная и кухонная керамика:

1—6 — тарные широкогорлые двуручные сосуды; *7, 10—13, 15, 21—31* — кухонные горшки; *8, 9, 14, 16—20* — котлы.

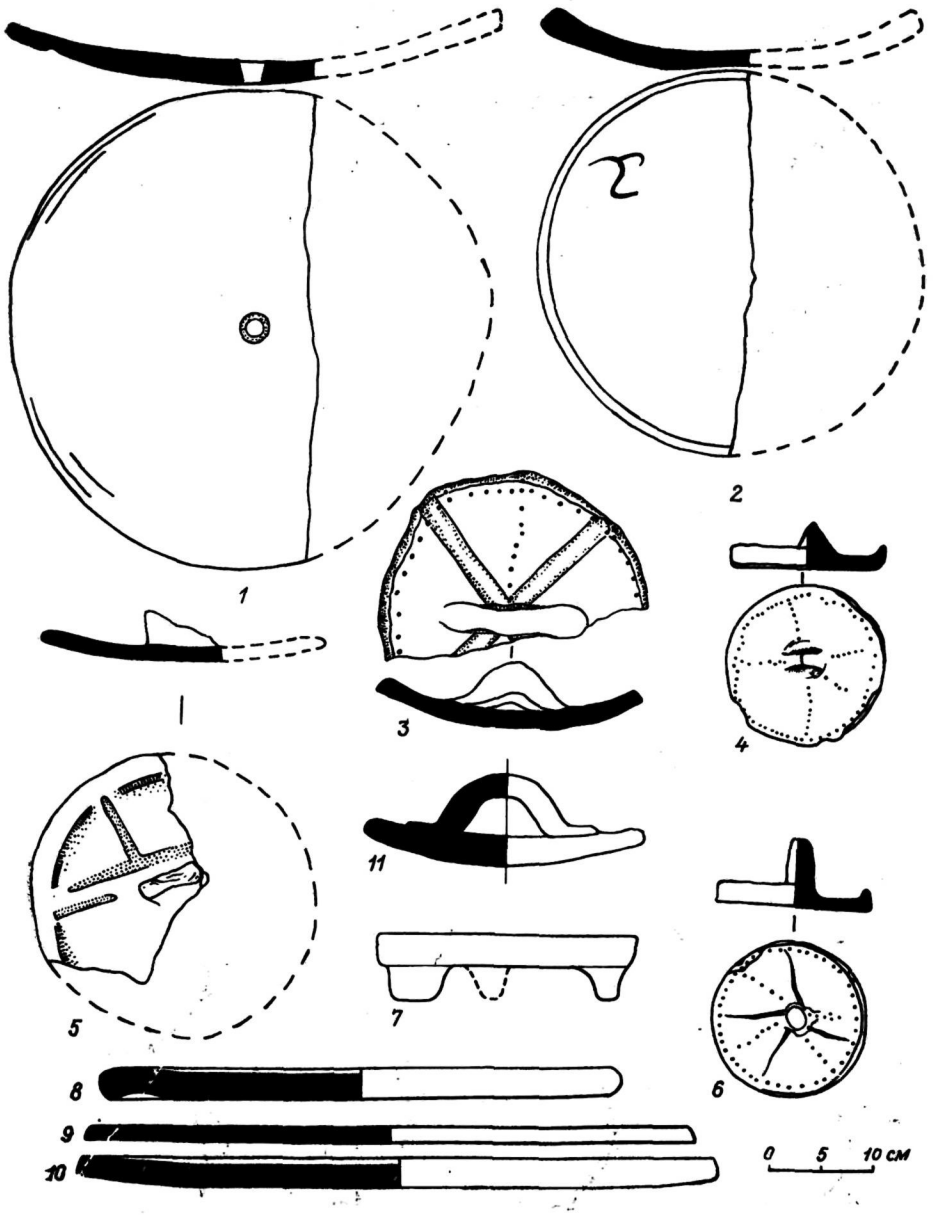


Табл. XXI. Поселение Ак-тепе II. Тарная и кухонная керамика:
1, 2, 8—10 — тарные крышки; *3—6, 11* — кухонные крышки; *7* — столик-подставка.

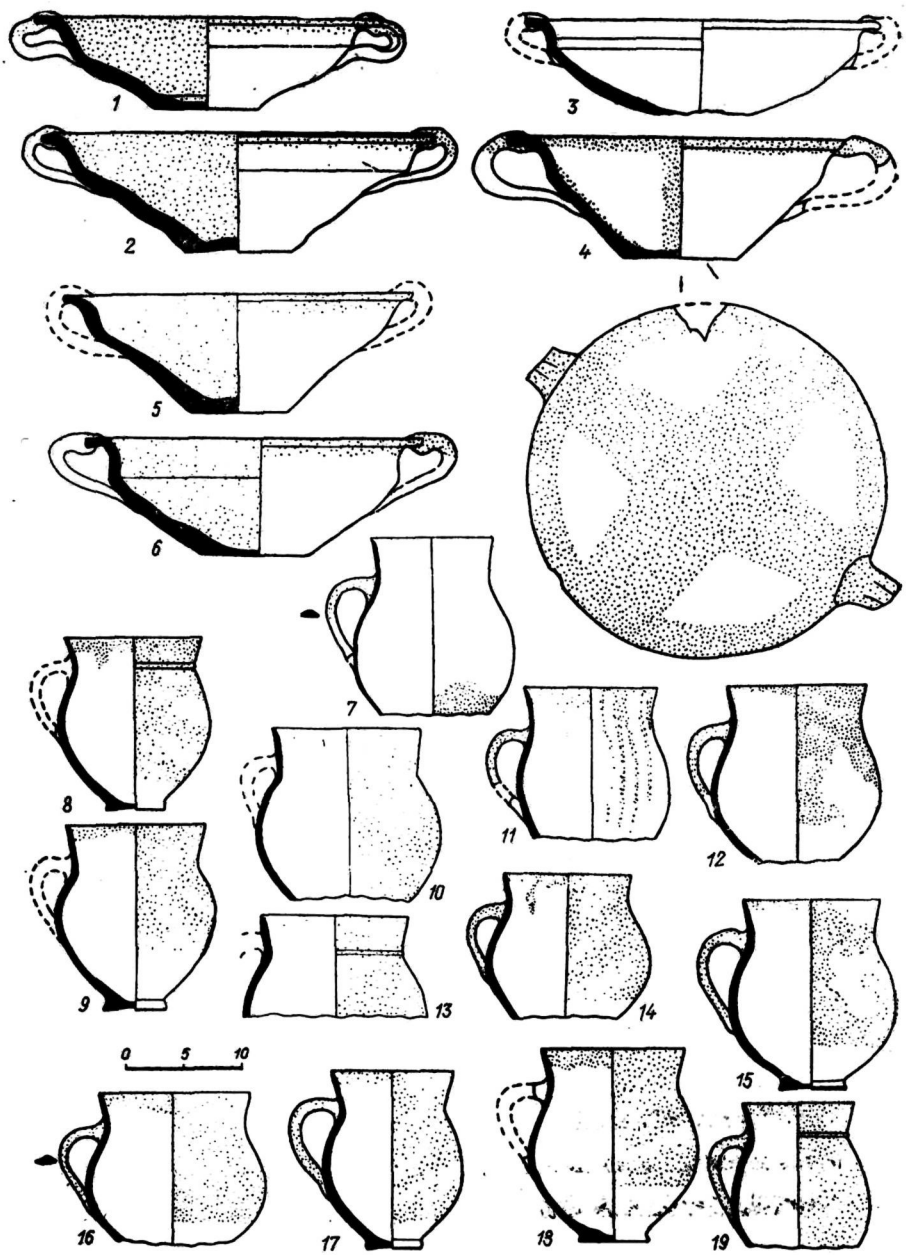


Табл. XXII. Поселение Ак-тепе II, гончарные печи. Столовая керамика:
1—6 — тагора; *7—19* — кружки.

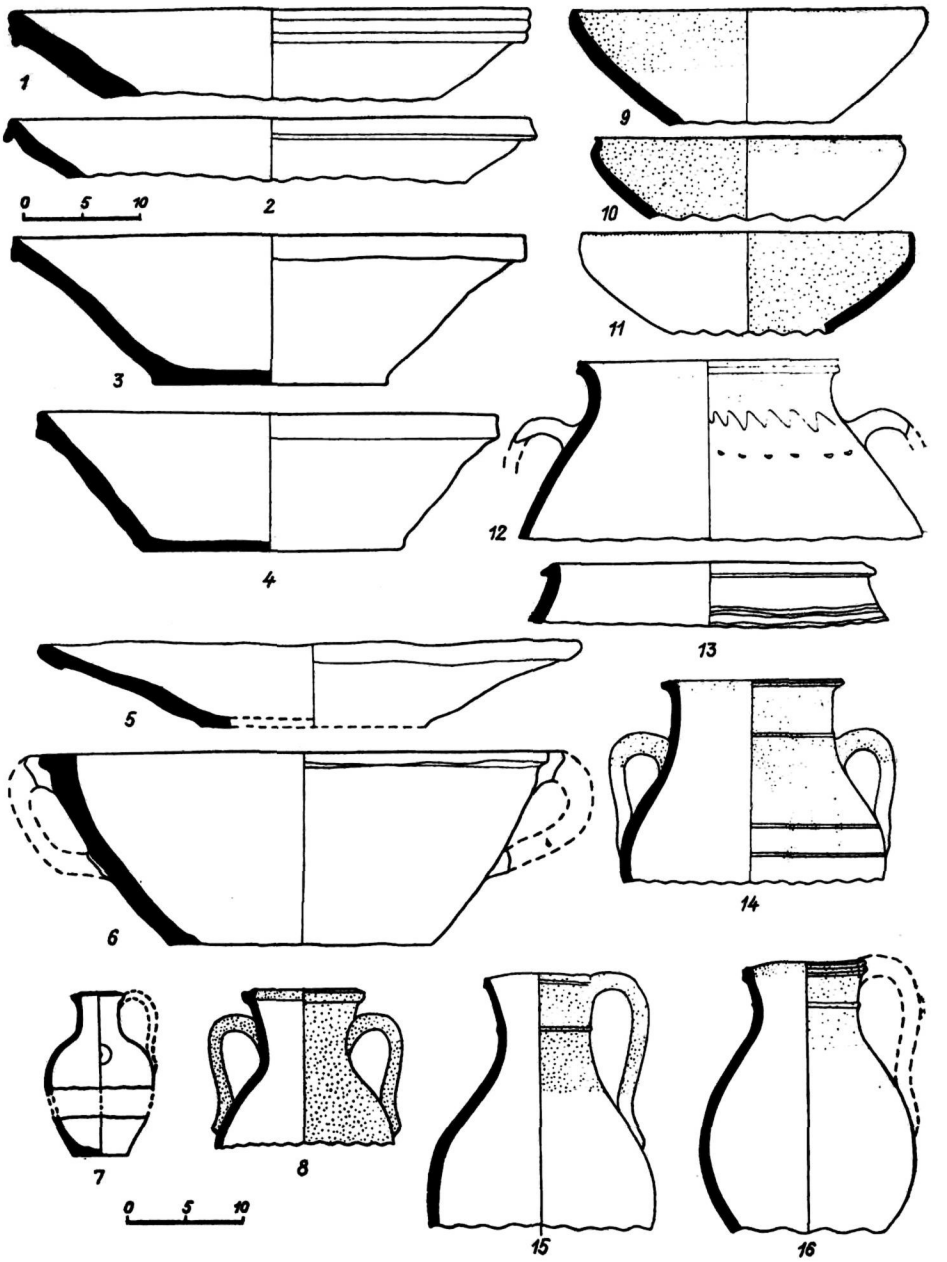


Табл. XXIII. Поселение Ак-тепе II, гончарные печи. Столовая и тарная керамика:

1—6, 9—11 — тарные тагора; *7* — миниатюрный кувшин-поильник; *8, 14* — столовые двуручные амфоровидные кувшины; *12, 13* — тарные широкогорлые двуручные сосуды; *15, 16* — ойнохоевидные одноручные кувшины.

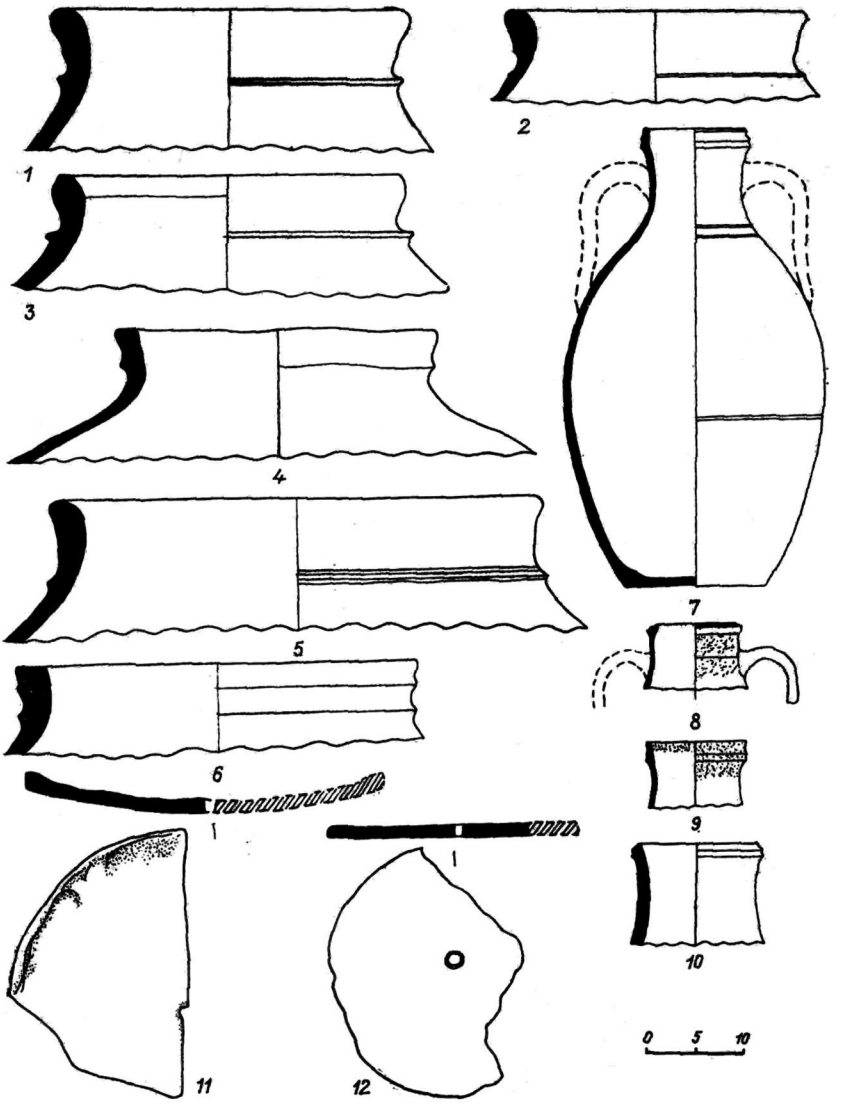


Табл. XXIV. Поселение Ак-тепе II, гончарные печи. Тарная керамика:
1—6 — **хумы;** *7—10* — **двуручные амфоровидные кувшины;** *11, 12* — **крышки.**

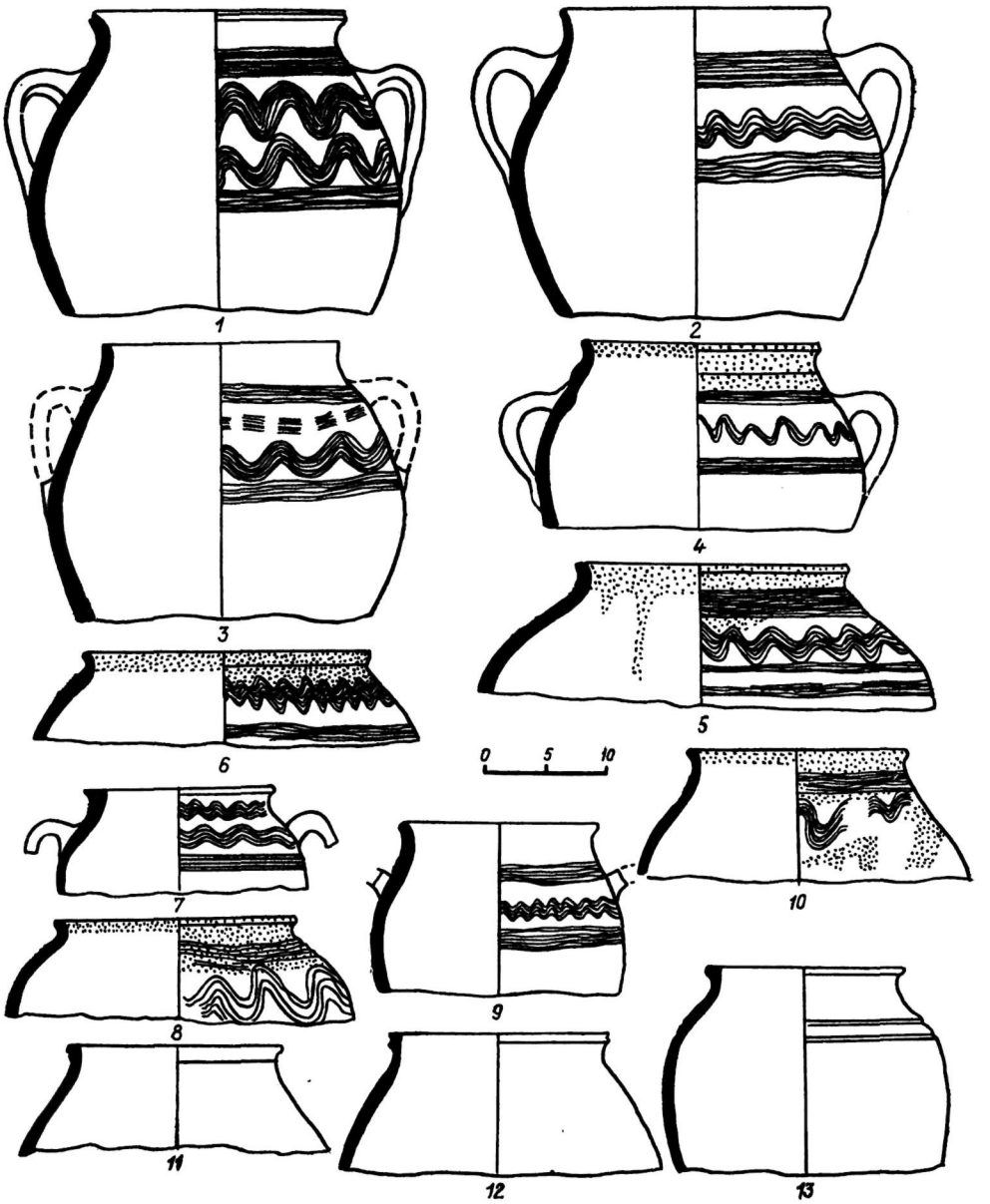


Табл. XXV. Поселение Ак-тепе II, гончарные печи. Кухонная керамика:
1—13 — горшки.

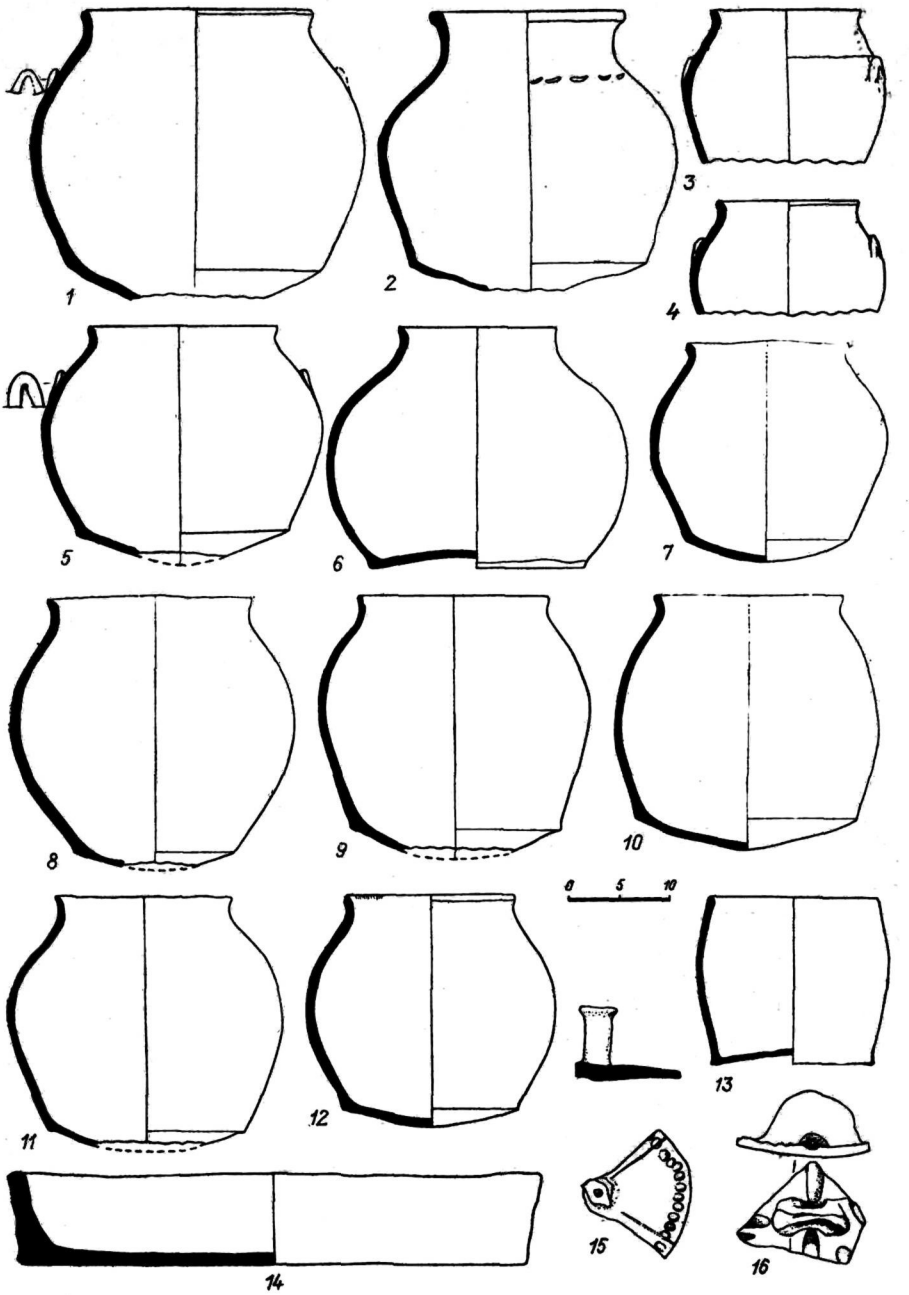


Табл. XXVI. Поселение Ак-тепе II, гончарные печи. Кухонная керамика:
1—12 — котлы; *13* — банкообразный сосуд; *14* — сковородка; *15, 16* — крышки.

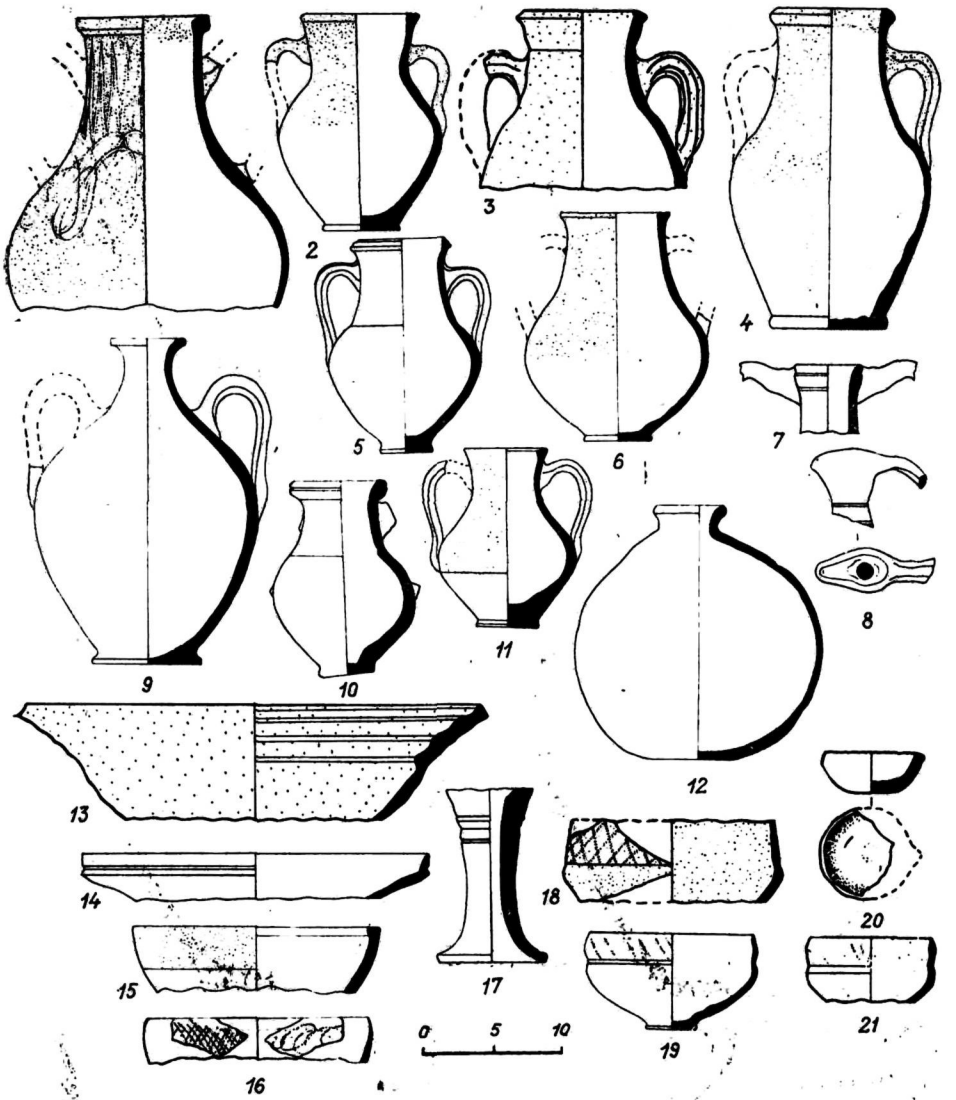


Табл. XXVII. Поселение Шодмон-кала. Столовая керамика, единичные формы:

1, 3, 4, 6, 7, 9 — двуручные амфоровидные кувшины; *2, 5, 8, 10, 11* — миниатюрные кувшины; *12* — шаровидный сосуд; *13* — тагора; *14—16, 18, 19, 21* — чаши; *17* — ножка «курильницы»; *20* — светильник.

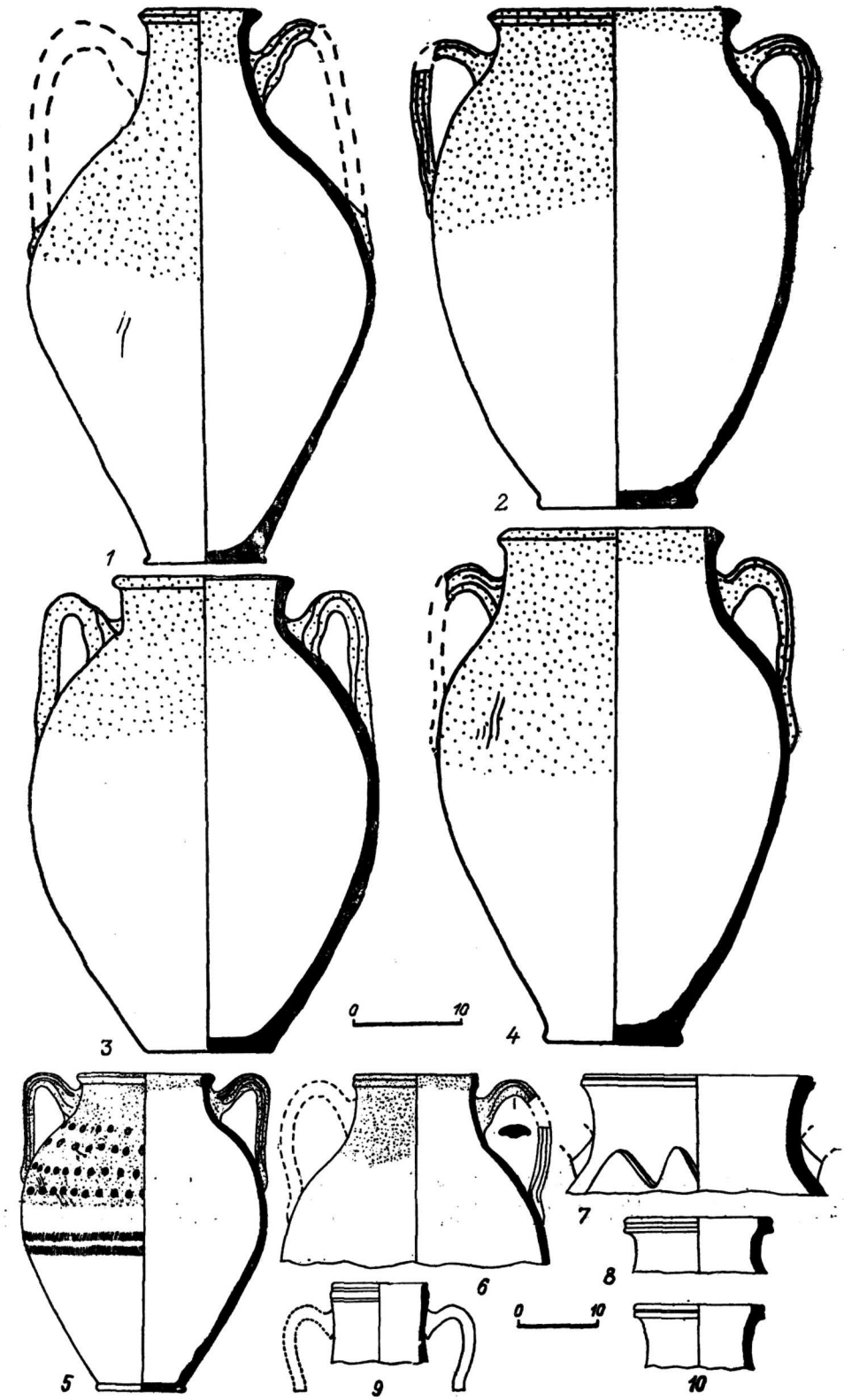


Табл. XXVIII. Поселение Шодмон-кала. Тарная керамика:
1—10 — двуручные амфоровидные кувшины.

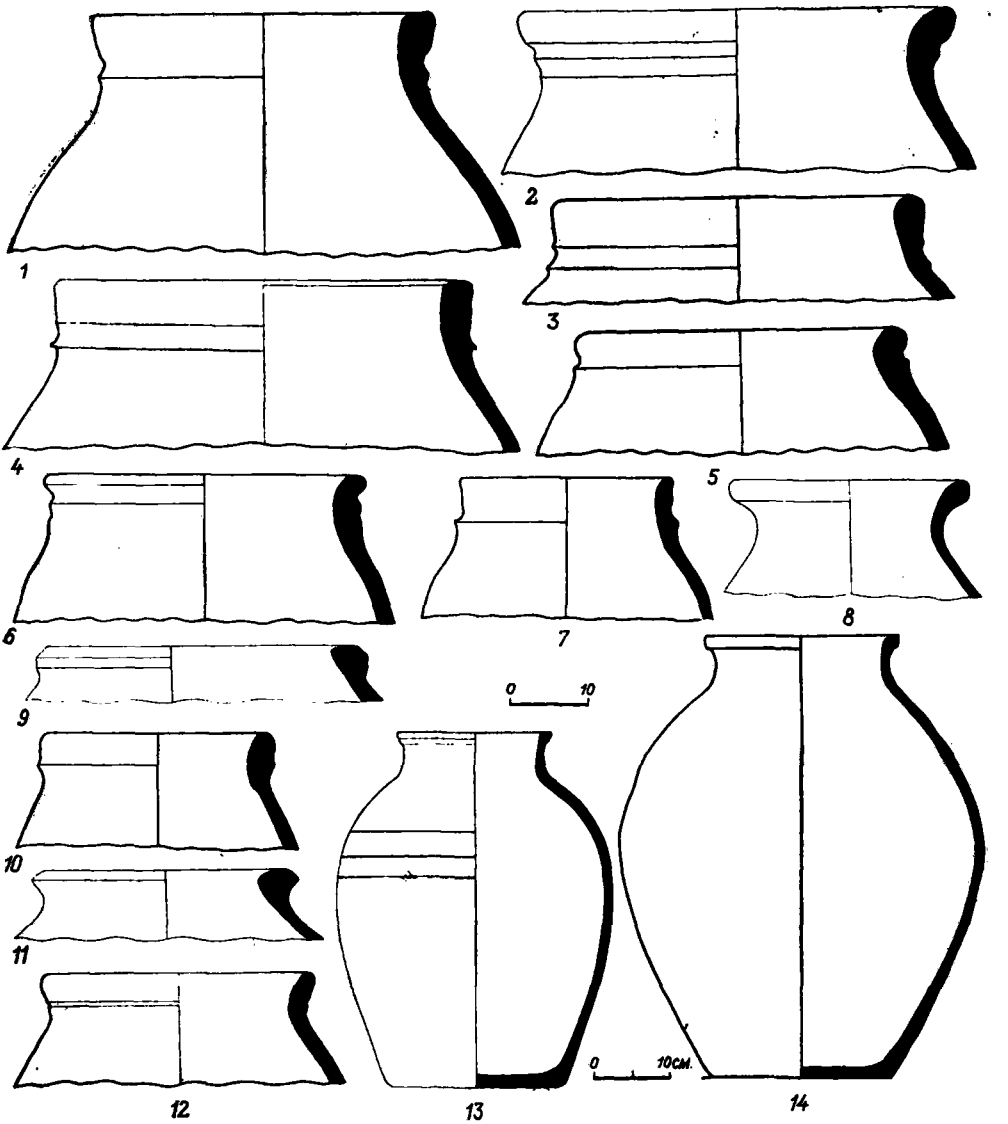


Табл. XXIX. Поселение Шодмон-кала. Тарная керамика:
1—13 — хумы; *13, 14* — хумчи.

Табл. XXX. Поселение Шодмон-кала. Тарная и кухонная керамика:

1—17, 19, 21 — кухонные горшки; *18, 20, 22, 24* — котлы; *23, 27* — тарные широкогорлые двуручные сосуды; *25, 26, 28* — тарные тагора; *29* — сковородка.

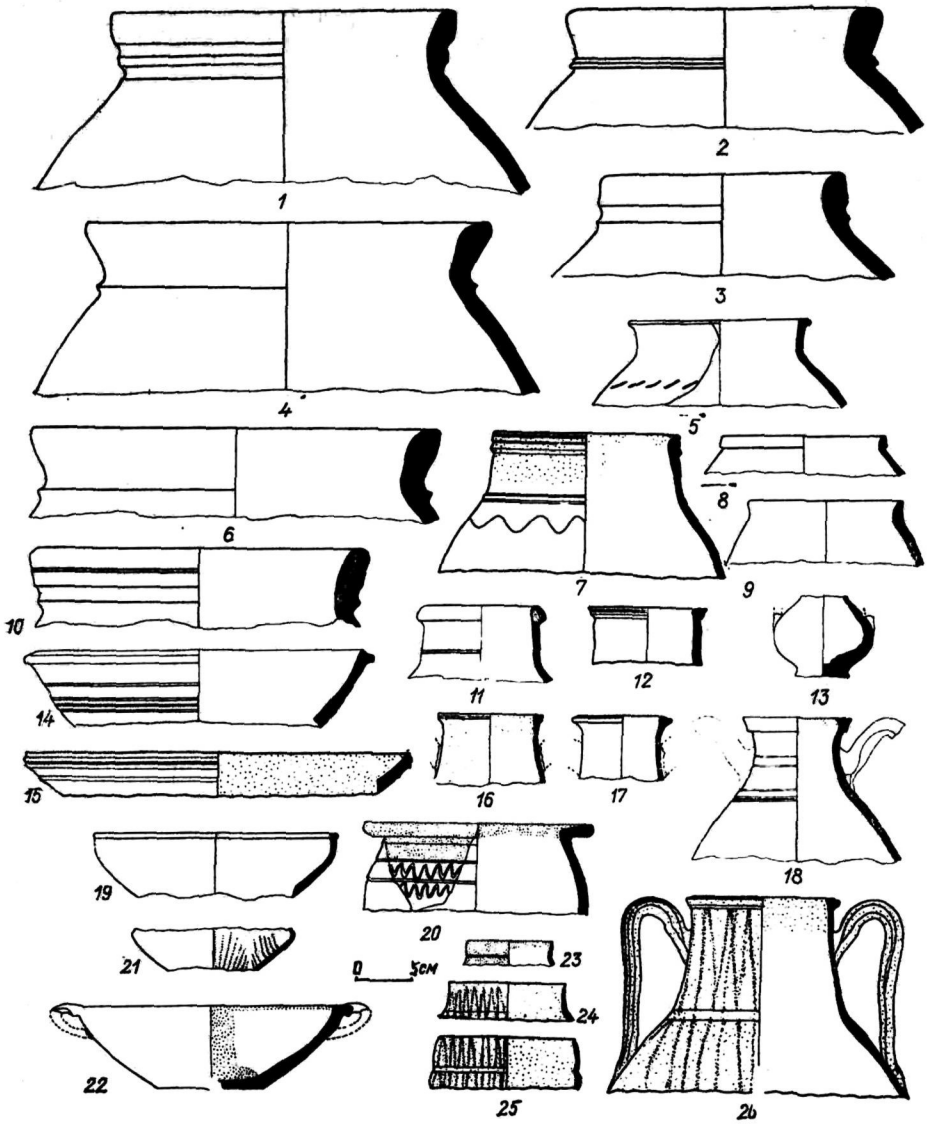


Табл. XXXI. Поселение Дарахша-тепе. Керамика:

1—6, 10 — хумы и хумчи; *7, 11, 12, 16—18* — тарные двуручные амфоровидные кувшины; *8, 9* — кухонная керамика; *13* — миниатюрный кувшинчик; *14, 15, 19* — тарные тагора; *20* — горшок; *21, 25* — чаши; *22* — столовая тагора; *23, 24* — кружки; *26* — столовый двуручный амфоровидный кувшин.

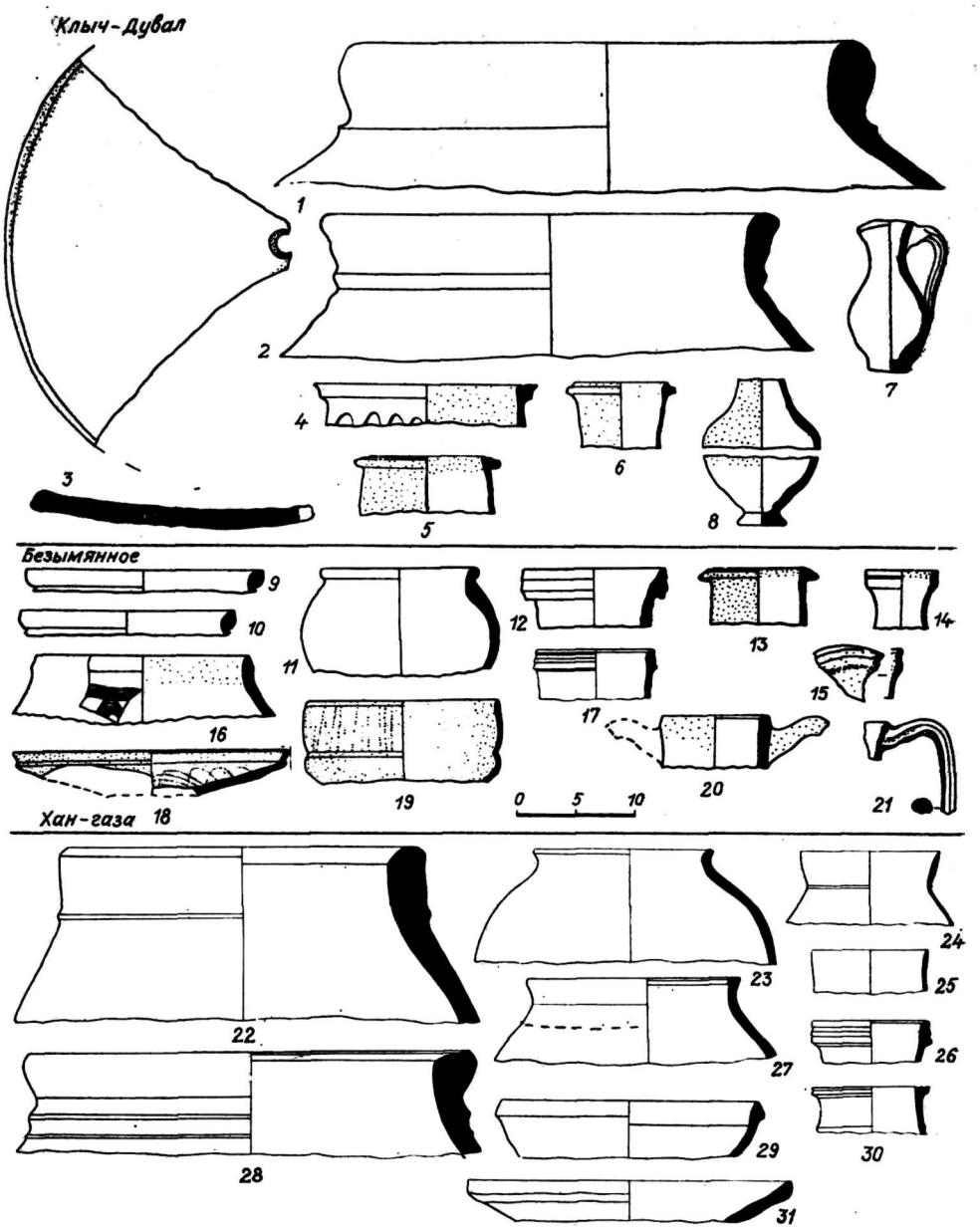


Табл. XXXII. Керамика, найденная на различных поселениях Бишкентской долины:

1—8 — поселение Клыч-Дувал; *9—21* — поселение Безымянное; *22—31* — поселение Хан-Газа.

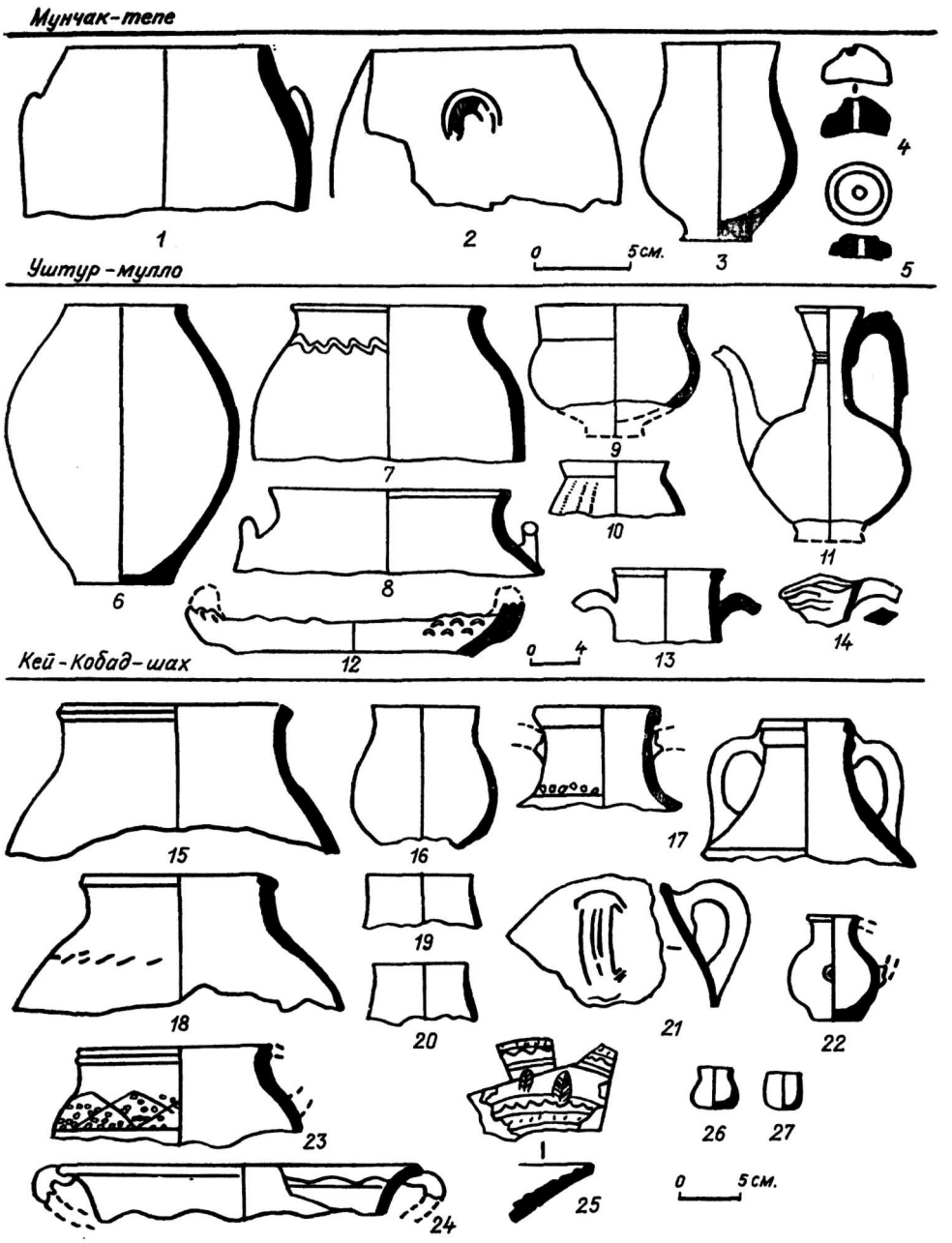


Табл. XXXIII. Керамика и находки с поселений и городищ Нижнекафирниганской долины:

1—5 — поселение Мунчак-тепе (*1—3* — керамика, *4*, *5* — пряслица) (по А. М. Мандельштаму и С. Б. Певзнеру); *6—14* — буддийский монастырь Уштур-мулло; *15—27* — городище Кей-Кобад-шах (по М. М. Дьяконову).

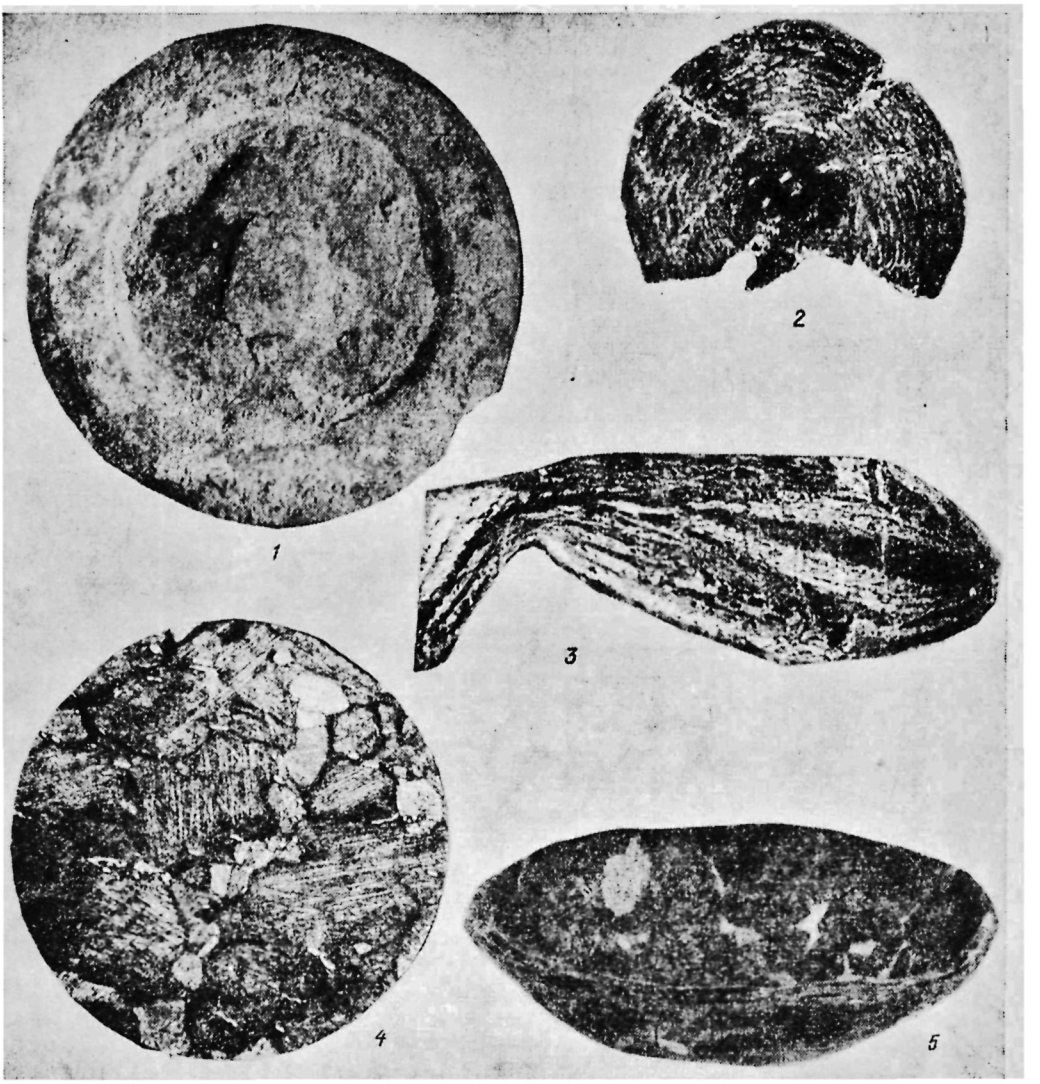


Табл. XXXIV. Изделия из высокооловянистой бронзы (внешний вид и микроструктуры):

1 — бронзовое зеркало; *2* — структура минерализованной ручки киафа (поперечное сечение, увеличено в 7 раз); *3* — структура минерализованной чаши (поперечное сечение, увеличено в 7 раз); *4* — микроструктура зеркала; *5* — бронзовая чаша.

SUMMARY

A. V. Sedov. *Kobadian: Facing the Dark Ages.* Recent archaeological studies of Central Asia give emphatic attention to selection, description and dating of archaeological complexes. Selected from monuments of different class these complexes are grouped according to actual time and space limits as steady combinations of specific types of artifacts.

Here belong, for instance, Bactria-Toharistan complexes of the Kushana-Sasanian epoch excavated both south and north of the Amudarya and in Kobadian, situated in what is now the lower Kafirnigan Valley in south-western Tajikistan.

The Introduction offers a geographic description of the oasis and a brief record of studies of its monuments. Kobadian monuments were first studied in the late 19th and early 20th centuries by Russian travellers N. A. Mayev, N. I. Pokotillo, V. I. Lipsky, A. A. Semyonov, etc. The famous Amudarya Treasure aroused strong interest towards Kobadian but, however, the coherent archaeological study of ancient Kobadian monuments began only in Soviet epoch when a special team of the Tajik (Sogdian-Tajik) archaeological expedition, headed by M. M. Dyakonov and then, by A. M. Mandelshtam, was set up. In 1973 studies of the region were given a new quality as the South-Tajik archaeological expedition headed by Academician B. A. Litvinsky began excavations, primarily of the Kobadian oasis, and studies of ancient settlements and sites, religious centres (e. g. the Oksa temple) and mounds.

Chapter 1. Kushana-Sasanian Complexes of Kobadian Archaeological Monuments. Layers of the Kushana-Sasanian complexes are registered in various parts of Kobadian, including settlements and sites (Key-Kobad-shah, Ak-tepe II, Darahsha-tepe, Klych-duval, Shodmon-kala, Munchak-tepe, etc.) cult structures (e. g. Ushtur-mullo, a Buddhist monastery), burials (part of burials in the nausas of Tepai-shah, corpse incinerated burials in the Bishkent Valley), remains of irrigation works. Their detailed description forms the basis of the book's publications body. The material is primarily collected during field studies conducted since 1976 by the South Tajic Archaeological Expedition team headed by this author.

Chapter 2. Description of Archaeological Finds from the Kushana-Sasanian Complexes. Finds from selected complexes have many common features, particularly ceramic items. The chapter details these finds, classify them typologically and gives numerous analogies. The description of major collections of ceramics excavated at Ak-tepe II and Shodmon-kala are given in Appendix I. The analysis of the mass of Kobadian coins draws extensively on data about the composition of local treasure troves..

Chapter 3. Issues of Chronology. Kobadian of the 4th-5th Centuries A. D. The Kushana-Sasanian archaeological complexes of Kobadian are compared with similar complexes from other regions of Bactria-Toharistan. The chapter describes the main complexes such as Yavan' site, Dalverzin-tepe, Zar-tepe, Ak-kurgan, Dilberdgin, Chaqalaq-tepe, Durman-tepe, etc. Specifically examined is the stratigraphy of the Kushana, Kushana-Sasanian and the Dark Age complexes of the multilayer monuments of Bactria-Toharistan.

A special section deals with absolute chronology. The selected archaeological complexes are basically and typically distinguished by numerous

finds of copper coins of Sasanian Kushanshahs. Hence, the absolute dating of complexes depends exclusively on which version of the Kushana-Sasanian absolute chronology is chosen, i. e. on the time when the Sasanians ultimately subdued the Kushana-ruled Oriental territories. The analysis of independent (from dating of Kushana-Sasanian coins) archaeological data (stratigraphy, typology of finds, iconographic parallels, ceramics) suggests that the most accurate and complying with most data is the Kushana-Sasanian absolute chronology offered by V. G. Lukonin and R. Hoebel. The formation of archaeological complexes with Sasanian kushanshahs' coins can directly be compared with written sources on the history of Sasanian Iran telling about territorial conquests on eastern borders of the empire. The respective archaeological complexes are dated to be mid-4th-5th centuries A. D.

In its final section the chapter offers a reconstructed economic system of the Kobadian oasis in Kushana epoch. As a major centre of settled, both urban and rural, and nomadic life, which emerged in the early centuries A. D., Kobadian lasted as such right into the second half of the 4th-5th centuries. Certain economic growth here can be attributed to political reasons (as Bactria-Toharistan became part of the Sasanian empire effecting the economic boost).

In Conclusion the author analyses materials from other historical and cultural regions of ancient Central Asia of the same epoch, including Sogd, Khorezm and Parthia. The analysis suggests that in the 4th-5th centuries A. D. Northern Toharistan became totally separated from the rest of Central Asian Transoxiana.

Appendix II, written by Ye. V. Zeimal, gives a complete list of Kushana-Sasanian coins found in Kobadian, and Appendix III, written by I. G. Ravich and M. S. Shemakhanskaya, deals with a technological analysis of bronze items from Ak-tepe II.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава первая

Археологические памятники Кобадиана с комплексами кушано-сасанидского времени 11

§ 1. Поселения и городища 11

§ 2. Погребальные сооружения 44

§ 3. Остатки ирригационных сооружений 48

Глава вторая

Характеристика вещественного материала археологических комплексов кушано-сасанидского времени Кобадиана 49

§ 1. Архитектура и строительные приемы 49

§ 2. Керамика 54

§ 3. Предметы вооружения 58

§ 4. Металлическая посуда и утварь 60

§ 5. Орудия труда и предметы хозяйственного обихода 64

§ 6. Предметы туалета и предметы, связанные с одеждой 68

§ 7. Украшения 72

§ 8. Монеты 77

Глава третья

Вопросы хронологии. Кобадиан в IV—V вв. н. э. 78

§ 1. Комплексы кушано-сасанидского времени в других районах Бактрии — Тохаристана 78

§ 2. Датировка археологических комплексов с монетами сасанидских кушаншахов 96

§ 3. Кобадиан в IV—V вв. н. э. 107

Заключение 114

Приложение I

Описание керамики из раскопок поселений Ак-тепе II и Шодмон-кала . . . 117

Приложение II

Е. В. Зеймаль. Монеты, найденные на памятниках Кобадиана с археологическими комплексами кушано-сасанидского времени. Реестр 136

Приложение III

И. Г. Равич, М. С. Шемаханская. Химико-технологическое исследование изделий из медных сплавов, найденных на поселении Ак-тепе II 144

Примечания 148

Список сокращений 161

Указатель географических названий и археологических памятников 162

Иллюстрации 165

Summary 197

Александр Всеволодович Седов

КОБАДИАН
НА ПОРОГЕ РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Т. М. Шевцова*
Младший редактор *Н. Л. Петрова*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. Н. Девтярева*

ИБ № 15809

Сдано в набор 02.02.87. Подписано к печати 03.08.87. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитуралитературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,85. Уч.-изд. л. 18,49. Тираж 1350 экз. Изд. № 6108. Зак. 123. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

2 р. 40 к.

КОБАДИАН НА ПОРОГЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В книге впервые вводится в научный оборот обширный материал, полученный в ходе археологических исследований в *Кобадианском оазисе, на юго-западе* Таджикистана. Дается всесторонняя характеристика материальной культуры Кобадиана IV—V вв. н. э., устанавливается относительная и абсолютная хронология бактрийско-тохаристанских археологических комплексов с монетами сасанидских кушаншахов. Реконструируется хозяйственная система Кобадианского оазиса в кушанское время, прослеживаются изменения характера этой системы в кушано-сасанидский период. Книга снабжена обширным иллюстративным материалом.